

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[235]

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(163)

Редакционный совет:

академик РАО, д.и.н., проф. Л.С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С.П. Карпов (сопредседатель);
член-корр. РАН, д.и.н., проф. Л.И. Бородкин;
д.и.н., проф. А.Г. Голиков; д.и.н., проф. С.В. Девятов;
д.и.н. О.Е. Казьмина; д.и.н. А.Р. Канторович;
д.и.н., проф. Н.В. Козлова; д.и.н. Л.В. Кошман;
Н.В. Литвина; д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев;
член-корр. РАН, д.и.н., проф. С.В. Мироненко; к.э.н. С.В. Орлов;
академик РАН, д.и.н., проф. Е.И. Пивовар;
д.и.н. А.В. Подосинов; д.фил.н., проф. О.В. Раевская;
к.и.н., доц. Ю.Н. Рогулев; д.и.н. С.Ю. Сапрыкин;
член-корр. РАН, д.иск., проф. В.В. Седов;
д.э.н., проф. В.В. Симонов; к.и.н. О.В. Солопова;
к.и.н. А.А. Талызина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Города и люди старой России

К юбилею профессора Н.В. Козловой

Сборник научных статей

Москва 2023

УДК 930
ББК 6.3.3
Г70

*Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова (протокол №2 от 22 марта 2023 года)*

Рецензенты:

доктор исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов **В.А. Аракчеев**

доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН
Ю.А. Петров

доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **Н.Б. Селунская**

Ответственный редактор: академик РАО, доктор исторических наук, профессор **Л.С. Белоусов**

Редакционная коллегия:

Л.П. Горюшкина, д.и.н. В.Н. Захаров, д.и.н. Л.В. Кошман,
к.и.н. И.П. Кулакова, к.и.н. А.В. Лаушкин, к.и.н. Т.А. Матасова,
к.и.н. А.Е. Тарасов, к.и.н. В.В. Ткаченко, к.и.н. Д.А. Хитров,
к.и.н. О.Д. Шемякина

Г70

Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой. Сборник научных статей. – М., 2023. – 372 с. – (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 235. Сер. II. Исторические исследования:163)

Научный сборник приурочен к юбилею выдающегося российского историка, Заслуженного профессора Московского университета Н.В. Козловой и включает в себя статьи, публикации источников и материалы к лекционным курсам, подготовленные ее коллегами и учениками.

Для ученых, специалистов гуманитарных дисциплин и широкого круга читателей, интересующихся историей России.

УДК 930
ББК 6.3.3

© исторический факультет
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, 2023
© коллектив авторов, 2023

ISBN 978–5–8311–1506–2

Tabula Gratulatoria

Вместе с авторами статей, ответственным редактором, членами редакционной коллегии и рецензентами сборника Н.В. Козлову поздравляют:

О.Г. Агеева, д.и.н., руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН

Д.А. Андреев, д.и.н., заместитель декана исторического факультета МГУ

Л.Л. Антонова, зав. канцелярией исторического факультета МГУ

О.В. Белоусова, к.и.н., доцент исторического факультета МГУ

Н.С. Борисов, д.и.н., Заслуженный профессор МГУ

Л.И. Бородин, чл.-корр. РАН, зав. кафедрой исторической информатики исторического факультета МГУ

Л.Н. Вдовина, к.и.н.

А.А. Горский, д.и.н., заместитель директора, руководитель Центра источниковедения истории России ИРИ РАН

С.В. Девятков, д.и.н., зав. кафедрой истории России XX – начала XXI вв. исторического факультета МГУ

В.Н. Истратов, д.и.н., заместитель декана исторического факультета МГУ

О.Е. Казьмина, д.и.н., зав. кафедрой этнологии исторического факультета МГУ

М.В. Калинин, к.и.н., м.н.с. исторического факультета МГУ

А.Б. Каменский, д.и.н., руководитель Школы исторических наук НИУ ВШЭ

А.Р. Канторович, д.и.н., зав. кафедрой археологии исторического факультета МГУ

С.П. Карпов, академик РАН, Президент исторического факультета МГУ

О.Е. Кошелева, д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН

Т.А. Круглова, к.и.н., доцент исторического факультета МГУ

Я.И. Ларина, к.и.н., н.с. НИУ ВШЭ

С.В. Мироненко, чл.-корр. РАН, зав. кафедрой истории России XIX – начала XX века исторического факультета МГУ

В.И. Моряков, д.и.н.

Е.Н. Наседкин, к.и.н., сотрудник РГАДА

А.В. Носов, спец. по УМР исторического факультета МГУ

А.Ю. Прокофьева, сотрудник РГАДА

Н.А. Сахаров, д.п.н., советник генерального директора РГБ

О.В. Солопова, к.и.н., заместитель декана, ученый секретарь исторического факультета МГУ

О.В. Томашевич, к.и.н., доцент исторического факультета МГУ

О.В. Тулупова, к.и.н.

А.С. Усачев, д.и.н., профессор РГГУ

Т.К. Шаипов, спец. по УМР исторического факультета МГУ

Ю.М. Эскин, заместитель директора РГАДА

Наталия Вадимовна Козлова – Заслуженный профессор Московского университета

Миссия университетского профессора требует сочетания ряда талантов. Профессор, в подлинном, «высоком» смысле слова – это прежде всего практикующий ученый, работы которого становятся эталоном для следующего поколения в науке; затем, это наставник, готовый открыть свою лабораторию для учеников и день за днем, тратя массу времени и сил, руководить их становлением как исследователей; наконец, это лектор и руководитель семинаров, обладающий глубиной и широтой знаний, а также личной увлеченностью, столь необходимыми для университетского преподавания. Одним словом, это тонкая деятельность на грани науки и просветительства, обращенная одной своей стороной к научному сообществу, а другой – к студенческой среде. Такие таланты редко соединяются в одном человеке, но только это редкое сочетание создает настоящего профессора – ключевую фигуру в развитии науки, посредника между поколениями ученых. К этой славной когорте ученых-просветителей принадлежит доктор исторических наук, Заслуженный профессор Московского университета, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Наталия Вадимовна Козлова.

Основные научные работы Н.В. Козловой – их более полутора сотен – посвящены истории русского общества раннего Нового времени, петровской и послепетровской эпохи.

Это, прежде всего, монографии «Побеги крестьян в России в первой трети XVIII в. (из истории социально-экономической жизни страны)» (М., 1983), «Российский абсолютизм и купечество в XVIII в» (М., 1999), «Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII веке» (М., 2010). Все они посвящены крупным проблемам, активно обсуждаемым в историографии, и каждая из них вносит значительный вклад в понимание масштабных процессов отечественной истории.

Первая монография, «Побеги крестьян...», принадлежала, формально говоря, к ряду работ о крестьянском антифеодальном протесте; по умолчанию следовало бы предполагать, что речь пойдет о людях, бегущих от растущего крепостнического гнета и разрывающих при этом все социальные связи. Автору удалось, однако, показать, что реальная картина побегов в Нижегородском Поволжье очень слабо укладывается в эту умозрительную схему. Перед читателем предстает картина медленного,

постепенного «сползания» населения к югу, на слабоосвоенные земли, которое породило сложное, весьма противоречивое взаимодействие крестьян с землевладельцами. Сам институт крепостничества выглядел здесь не просто как инструмент угнетения и эксплуатации, он включал в себя функции социализации и даже патронажа, а главное – землевладельцы были вынуждены мириться и сосуществовать с необратимым процессом крестьянской колонизации новых земель. Выводы монографии были новаторскими для своего времени. Они предвосхищали бурное обсуждение проблемы крестьянской колонизации в следующие десятилетия.

Вторая монография, «Российский абсолютизм и купечество», по постановке проблемы тоже была тесно связана с предшествующей историографией – с серией работ, в которых рассматривалась политика государства по отношению к различным сословиям и сословным группам в XVIII в¹. Детально изучив повседневную деятельность тех учреждений, посредством которых осуществлялась эта политика в отношении купечества (Коммерц-коллегии, Главного магистрата, Комиссии о коммерции), Н.В. Козлова показала, что власть постоянно взаимодействовала с представителями общества, а сами городские тяглецы, как выяснилось, хорошо представляли себе свои интересы и были достаточно решительны, чтобы их отстаивать. Представление о том, что в России XVIII в. воля монарха была совершенно ничем не ограничена, заключает ученый, «по меньшей мере являет собой упрощенный взгляд на характер абсолютистской власти в России» (с. 365).

В третьей монографии, «Люди дряхлые, больные, убогие...», Н.В. Козлова обратилась к практически неизученной ранее теме социального призрения в России XVIII в., сделав основным объектом исследования «самых требующих заботы жителей Первопрестольной» – обстоятельства, которые поставили их в это незавидное положение, и то, какая помощь оказывалась им обществом. Эта книга открыла перед читателями целый мир, ранее совершенно неизвестный – мир московских нищих, отставных солдат и других людей, которые поневоле становились предметом казенных забот и общественного призрения.

Особо следует сказать о многочисленных статьях и очерках Н.В. Козловой. Некоторые из них тематически связаны с монографиями, другие же посвящены совершенно особым сюжетам. Таковы, например, серия очерков о городах Подмосковья, написанных в начале 1980-х гг., когда автор работала в Лаборатории истории городов исторического факультета МГУ, которой руководил В.Л. Янин; очерки о торговле и мелкой промышленности в многотомном университетском издании «Очерки русской культуры XVIII века»; яркая, оказавшая большое влияние на литературу статья о распространении раскола в русском городе XVIII в., в которой показано,

¹ В частности: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974; *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962; *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)*. М., 1964.

сколь было далеко от истины распространенное представление о том, что раскол едва ли не доминировал в среде тогдашнего купечества²; серия статей о частной жизни известных деятелей XVIII в., таких как В.Н. Татищев и Б.И. Куракин, существенно дополняющая наши представления об этих незаурядных людях.

Важнейшей частью научного творчества Н.В. Козловой является научная публикация архивных источников. Таких публикаций в списке ее работ десятки, но особо следует сказать о двух больших сборниках документов: «Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы» (М., 2002) и «Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени» (М., 2015, в соавт. с А.Ю. Прокофьевой).

Исследователи русской истории XVII–XVIII вв. хорошо знают, что в повседневной работе в архиве редко приходится обращаться к общепринятой типологии источников. Дело в том, что и акты, и статистика, и картография, и даже законодательство, переписка и мемуары чаще всего погружены в огромные массивы делопроизводства, растворены в нем. В частности, это справедливо по отношению к частноправовым актам, ключевым источникам для изучения семейной и частной жизни. В XVIII в. завещания, сговорные, раздельные и прочие семейные документы стали значительно чаще, чем ранее, заверяться государственной властью, и в архивах стали чаще оставаться их копии. Однако весь этот комплекс документов оставался практически неизученным до того, как Н.В. Козлова открыла его для исследователей. Как по объему вложенного труда, так и по научному значению эти сборники, активно используемые специалистами, сопоставимы с монографиями. Они открывают перед нами совершенно новую сторону жизни русского общества петровского времени.

Главная, наиболее яркая черта авторского стиля Н.В. Козловой – опора на архивные источники. Все ее работы основаны на огромном архивном материале, причем реконструкция внутренней логики событий строится на систематическом анализе целых документальных комплексов: подстрочник наполнен сносками на сотни и тысячи документов, впервые вводимых в научный оборот, в списках источников ко всем монографиям – перечни архивохранилищ и многочисленных фондов.

Этот огромный материал определяет и вторую характерную черту авторского стиля. Опираясь на него, автор умеет так настроить «оптику» своего повествования, что помимо больших социальных процессов становятся видны судьбы конкретных людей, с их стремлениями, удачами и неудачами, бедами и неурядицами. Основой для понимания крупных процессов, происходящих в обществе, становится не умозрительная социологическая схема, а сама жизнь вовлеченных в эти процессы людей.

² Козлова Н. В. Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в XVIII в. (К истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 1999. № 4. С. 3–14.

Суровое и человеческое, наполненное противоречиями и способное объединиться в критический момент, погруженное в повседневные заботы и помнящее о вечном, русское общество XVIII в. предстает под пером Н.В. Козловой невероятно привлекательным.

Это год за годом привлекает в спецсеминар Н.В. Козловой студентов и аспирантов, желающих работать под ее научным руководством. Предложить молодому ученому тему, заслуживающую того, чтобы потратить на нее несколько лет жизни – значит в немалой степени определить его дальнейшую судьбу. Это требует не просто широких знаний, но и понимания тенденций и закономерностей развития науки. Темы, которые предлагает своим ученикам Н.В. Козлова, всегда основаны на архивном материале; однако она никогда не отправляет их в архив в расчете на удачу, на бесконечное богатство архивного материала: в основе темы всегда лежит комплекс документов, уже найденный и просмотренный руководителем, который уже прошел впереди ученика, сделав первые, самые тяжелые шаги в работе над исследованием. В то же время нет и никакой гиперопеки – молодой исследователь сам разбирается в непонятных документах, выявляет их логику, находит способы заполнить лакуны; наставник всегда готов помочь советом, но строго спросит за халтуру или безалаберность. Работая с учениками, Н.В. Козлова продолжает традиции своего учителя, профессора Московского университета Н.Б. Голиковой, воспитавшей целый ряд крупных ученых. Особо стоит отметить, как в спецсеминаре ведется работа с текстами – они редактируются, обсуждаются, перерабатываются и вновь обсуждаются с научным руководителем. Благодаря этому ученики Н.В. Козловой выходят на защиту практически сложившимися исследователями. Школа профессора Козловой, представители которой работают во многих научных и образовательных учреждениях, является значительным явлением в современной исторической науке.

Наконец, важнейшая часть жизни университетского профессора – преподавание. Без лекций и семинаров Н.В. Козловой невозможно себе представить работу кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ – прямой наследницы традиций университетского преподавания русской истории, восходящих к М.П. Погодину, С.М. Соловьеву и В.О. Ключевскому. Ее обзорный курс истории России слушают студенты в самом начале своего пути. Стоит особо сказать о классическом университетском семинаре, в котором первокурсники получают свой первый опыт написания самостоятельной научной работы – он неизменно оказывает серьезное влияние на тех, кому посчастливилось в него попасть. На старших курсах магистранты знакомятся с авторским курсом «Власть и общество в России XVII–XVIII вв.», слушают лекции по источниковедению русской истории XVIII в. К старшекурсникам же обращены многочисленные спецкурсы Н.В. Козловой. Наконец, исключительно велика ее роль в разработке общей «архитектуры» преподавания на факультете – в течение многих лет она руководит Методической комиссией исто-

рического факультета, активно участвует в разработке учебных программ, обсуждении учебных пособий.

Наталия Вадимовна Козлова встречает свой юбилей в расцвете творческих сил, окруженная подлинным уважением коллег, учеников и студентов.

Vivant, Vivant Professores!

*Л.С. Белоусов,
академик Российской академии образования,
доктор исторических наук, профессор,
исполняющий обязанности декана
исторического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова*

Исследования

Петр I и Екатерина I в отечественной исторической картинке

Екатерина I; Петр I; визуальный образ; государство; историческая картинка; история; культура; отечество; Россия; служба.

В статье впервые рассматривается складывание визуального образа Екатерины I в изобразительном искусстве (в 1710–1720-е гг.), его развитие и укоренение в культуре России (во второй трети XVIII – начале XXI вв.). Предметом исследования является отражение этой проблемы в памятниках, посвященных деятельности Петра I («исторической картинке»), которые включают свыше 100 графических, живописных, медальных и иных работ, где ближайшая преемница великого преобразователя фигурирует рядом с ним. Анализ екатерининской иконографии в ее основных сюжетных аспектах – взаимоотношений с Петром и собственной социальной роли – иллюстрируется рядом высокотиражных изображений, взятых из открытых источников.

Среди примерно 30 сюжетов, выделенных и отчасти проанализированных при обращении к феномену положительного облика Петра I в памятниках культуры, которые подпадают под категорию исторической картинки², сюжет «Петр и Екатерина» выглядит едва ли не самым однозначным. Действительно, возвеличивание супруги «по любви», заданное преобразователем в русле внедрения «в искусных изваяниях» взгляда на Россию как европейскую державу, могущественную победами всесветно прославившего ее монарха, после его смерти продолжилось. Этот сюжет составляет на сегодня довольно весомую – около 80 единиц – группу живописных, графических, медальных и иных композиций (за вычетом портретов в узком понимании) из примерно 1700 «петровских» картинок³, в которых преимущественно и складывается визуальный образ их ключевого персонажа – «чудотворца-исполина».

Более того, зрительный облик, словами А.С. Пушкина, его «чернобровой жены», в отличие от его собственного, не слишком расходится с научными, а также сугубо публицистическими и литературно-художественными суждениями, нередко рисующими первого российского импе-

¹ Бабич Марина Виленовна; доктор исторических наук.

² Введенный Д.А. Ровинским в его классическом четырехтомном «Подробном словаре русских гравированных портретов» (СПб., 1886–1889) для обозначения изображений, посвященных какому-либо сюжету, этот термин используется специалистами, хотя и не очень широко, до сих пор: Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс]. № 8322418, 8324572 и др. URL: <http://goskatalog.ru> (дата обращения 24.01.2023). (Далее – Госкаталог)

³ Постоянным пополнением этого комплекса, формируемого при опоре исключительно на эрудицию автора, и объясняется некоторое расхождение приведенной цифры с цифрами др. публикаций на тему изображений «с Петром». Внутрисюжетные подсчеты так же достаточно условны, ввиду чего численность «екатерининских» картинок с учетом тех, сюжеты которых обозначаются как «Петр и высочайшая фамилия», «Кончина Петра» и др., сейчас уже выше 100.

ратора «людоедом, разливающим кровь... как воду»⁴. Разумеется, и ей как ближайшей преемнице (1725–1727) вменяли и вменяют в вину неспособность к «правительству», малообразованность (если не неграмотность) и неумеренность «в удовольствиях», что якобы открыло путь всяким временщикам, а ее саму раньше положенного свело в могилу. Но в сравнении с тем, в чем общественная мысль обвиняла, с одной стороны, Петра (и отнюдь не за ее возведение из «прачек» и «кухарок» в императрицы), а с другой – последовавших за Екатериной «женщин на российском престоле», эти вины просто мелочи. Мелочи, легко прощаемые героине ярчайшего в нашей истории любовного романа из жизни сильных мира сего, который длился дольше 20 лет и, не закончившись свадьбой и не разрешившись кровавой драмой, идеально оборвался достижением супругом гробовой доски.

Сюжетная иконография Екатерины тоже вращается в первую очередь вокруг звездных часов этого романа – его завязки (не позднее конца 1703 г.)⁵, бракосочетания (19 февраля 1712 г.) и коронавания (7 мая 1724 г.) без существенного разрыва между письменной и изобразительной традициями. Тем не менее отсутствие конфликта между той и другой не лишает любопытства рассмотрение последней с точки зрения особенностей того образа, который она конструирует в разные хронологические периоды.

Начнем с общего наблюдения, что до второй половины XIX в. исторические лица в любой картинке очерчивались на уровне элементарного узнавания – не столько по некой похожести на все их портреты сразу, сколько по определенному набору признаков. Для Петра, которого многие современники помнили если не непосредственно, то по монетно-медальным профилям, таковыми, кроме преображенского мундира, были черные усы / кудри / брови. Для Екатерины соответствующими приметами стали декольте, высокая прическа и те же отмеченные А.С. Пушкиным брови, которые всегда акцентировали европейские мастера живописи и гравюры второй половины 1710-х гг. Отметим также то исключительное для эпохи обстоятельство: ее первым художником, был художник происхождения российского – А.Ф. Зубов, работы которого и были адресованы прежде всего россиянам.

Не возьмемся настаивать, что впервые Екатерина «явилась» подданным именно в «Изображении брака его царского величества... который отправлен в Санкт-Петербурхе февраля дня 1712 году», где обозначенная под номером два крупная гордо посаженная голова «ее величества» гораздо лучше видна в центре «дамского» стола на переднем плане, чем «его величество» под номером один за «мужским» столом напротив⁶. Но эта

⁴ [Петров П.Н.] Петр и его время // Всемирная иллюстрация. 1872. Т. 8 (№ 185). С. 34.

⁵ Курукин И. Екатерина I. М., 2016. С. 15.

⁶ Там же. Вкладка 1. С. 6–7. Ссылки на упоминаемые картинки здесь и далее даются не на полиграфически лучшие, а на гипотетически доступнейшие их воспроизведения – сначала на сравнительно недавние высокотиражные издания, затем на издания, прочно известные специалистам и имеющиеся в ведущих научных библи-

гравюра не только сохранилась в синхронных и позднейших оттисках, но и несомненно первенствует среди петровско-екатерининских воспроизведений в изданиях всех типов. По совокупному тиражу она может соперничать с лучшими изображениями столь знакового события петровского царствования, как Полтавская битва. А тиражность, при всей невозможности ее сколько-нибудь достоверного учета – единственный осязаемый показатель востребованности, распространенности и укорененности в социальной памяти.

Гравюра А.Ф. Зубова парадоксальным образом оказывается близкой к «полтавским» гравюрам разных авторов по оригиналам П.-Д. Мартена и в том смысле, что парадно-декоративное построение свадебного пира предлагалось воспринимать не как условность в пространстве огромного нарядного зала с высокими окнами, шпалерами и зеркалами, которого в данном убранстве, как считают, и не было, а как нечто вроде снимка с натуры. Смотрящий как бы приглашался насладиться зрелищем бесчисленного и одновременно – по приданному картинке «расписанию» – «регулярно» организованного в восемь пронумерованных разрядов общества: «фамилии их величеств», чужестранных и своих «министров», адмиралов, генералов и других «господ», «принципальных» дам, «музыки и прочего». И зрелище это не надоедало, в отличие от так же заранее исполненных к торжествам декораций для фейерверка с парой в рост в обрамлении венков, лент и вензелей и доставленной из-за границы уже при Елизавете Петровне пышной аллегории «Петр ведет Екатерину в храм Гименея»⁷.

Вовсе же бесследно исчез «куншт» с тайным венчанием царя, по преданию имевшим место 19 февраля 1707 г. в польской Жолкве. О том, что тот хранился в 1737 г. в Академии наук, в 1750 г. в Тайной канцелярии объявлял сочинитель ранних «историй» Петра П.Н. Крекшин. Он негодовал на мнимую «подложность» подписи под свадебным «кунштом» о лишь праздновании в 1712 г. брака родителей императрицы Елизаветы Петровны, совершенного до ее рождения (в 1709 г.), что «сумнительно» «для подлых» со всеми «худыми» вытекающими. Картинки с «подлинной» датой узаконивания августейшей семьи разысканы не были, и иницированное П.Н. Крекшиным «производство» карательного ведомства каких-либо последствий не повлекло. Впрочем, оно засвидетельствовало широкое обращение гравюры А.Ф. Зубова «в партикулярных руках» задолго до издательского бума второй половины XIX в.⁸ Тогда как отсылающий к тому же преданию рисунок Д. Янцена⁹, один из слабейших в количественно непревзойденной (более 180 только собственно «петровских»)

отеках, и только при отсутствии литературы – на Интернет-сайты.

⁷ Быкова Ю. Церемониалы обручения и бракосочетания представителей дома Романовых в первой четверти XVIII века // Петровское время в лицах – 2018. СПб., 2018. С. 76; Госкаталог. № 8317872, 8323798.

⁸ Гравюры венчания Петра I-го с Екатериной (Показание Крекшина в Тайной канцелярии в 1750 г.) / Сообщ. И.А. Чистович // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 399–400.

⁹ Ламбин Н.П. История Петра Великого. СПб., 1843. С. 385.

серии к хронике Н.П. Ламбина 1843 г., никакого резонанса не вызвал вообще.

В противоположность сразу нацеленным на «публикацию в народ» своего рода «свадебным фотографиям», тематически примыкающие к ним «фотографии» семейные предназначались для придворного круга. Но и на «приветственной» гравюре А.Ф. Зубова, в 1717 г. подаренной и Петру (на возвращение из заграничного путешествия), и Екатерине (на тезоименитство), и на общеизвестных ныне миниатюрах Г.С. Мусикийского 1715–1717 гг., то есть еще до отрешения от наследования царевича Алексея Петровича, царица занимает предпочтительную относительно предполагаемых наследников позицию¹⁰. Это подчеркнуто средневековым приемом увеличения ее лица и фигуры даже сравнительно с Петром, что подкрепляет аргументацию сторонников концепции, по которой он ранее «коронационного» 1724 г. рассчитывал на ее помощь в продолжении его начинаний. Да и на миниатюрном портрете Екатерины 1724 г. того же Г.С. Мусикийского, парном по отношению к датированному 1723 г. портрету Петра (и ориентированном уже не на А.Ф. Зубова, а на Ж.-М. Натье), ее лицо по-прежнему зримо больше лица самодержца¹¹.

Когда же А.Ф. Зубову нужно было прославить «восприявшую самодержавие» императрицу по программе Феофана Прокоповича, он обратился к им же запрограммированному «Петру в родословии» П. Пикарта (1717 г.). Из этой гравюры, кроме изливающихся сверху небесных лучей, были заимствованы (хотя и с существенным расширением) медальоны князей и царей, а из работ Г.С. Мусикийского – сама императрица, «дорощенная» до постамента и увенчанная короной (как и стандартный погрудный портрет Петра в овале прямо над ней), а также большая часть символического антуража. Так что картинку можно было вручить Екатерине уже в июне 1725 г.¹²

В промежутке же между своим первым и последним подношениями художник сумел запечатлеть тот факт, что Екатерина никогда не замыкалась в роли жены и матери, разделив с супругом все. И.В. Курукин, размышляя о том, в чем конкретно выразилась ее роль государыни «нового типа» – активной и самостоятельной хотя бы в дворцовом мире, боевой подруги и единомышленницы Петра, – скрупулезно перечислил появления на публике, участие в безудержных (и не всегда пристойных) «увеселениях», заступничество за подвернувшихся под горячую руку сподвижников, благотворительность, добровольное снесение военных тягостей, освоение представительских обязанностей в зарубежных вояжах и т. д. Эти «поступки», отраженные в коллежско-канцелярской документации, частной переписке и мемуаристике, до конца столетия не получили на-

¹⁰ Портрет петровского времени: Каталог выставки [в Эрмитаже]. Л., 1975. С. 208; Алексеева М. Гравюра петровского времени. Л., 1980. С. 178; Курукин И. Екатерина I. Вкладка 1. С. 11.

¹¹ Курукин И. Екатерина I. Вкладка 2. С. 2–3.

¹² Там же. С. 238–240.

глядного воплощения. Зато его получила гармонично вписанная в «Панораму Санкт-Петербурга» 1716 г. трогательная и изящная сцена катания по Неве на яхте (шняве) (Рис. 1). Она осталась и в искусстве, и в массовом сознании, через сто с лишним лет превратившись в трафарет для «картинной» вышивки на дворянские каминные экраны¹³.

Производители же лубочной продукции, украшавшей жилища «неблагородных» сословий, оснащали своих покупателей до неузнаваемости упрощенной гравюрой [Ф.-Ж. Жоллена] 1717 г., где так и не доехавшая до Парижа чета демонстрировала французское платье у балюстрады партерного сада¹⁴. Эти изображения приучали не бывавших «на берегах Невы» и даже из-за оград «новоманерных» усадеб не выдавших праздных гуляний к тому, что царица сопровождает царю не только на богомолье. Означенное фразой в Манифесте о коронации от 15 ноября 1723 г. всегдашнее «присутствование» Екатерины в «воинских действиях» (о котором было «ведомо всей нашей армии, а от них несумненно всему государству»)¹⁵, в современные картинки не попало. Однако в 1740-е гг. никто не возразил про-

Рис. 1. Зубов А.Ф. Панорама С.-Петербурга. 1716 г. Фрагмент.

тив ее вставки по обычаю того же всегдашнего «присутствования» при монархе в обновленную Ж.-К. Филиппсом «Свадьбу карликов в 1710 г.», хотя на данное официальное придворное мероприятие ее, за неимением еще законного статуса, не приглашали. Фрагмент же с совместным «восседанием» на троне спустя сто лет был перенесен оттуда в лубочный «Прием посланников», где она красовалась то в голубом средневековом платье и золотом венце, то в парике и белом туалете неопределенных лет¹⁶.

Вполне достаточно для приговора раскольниками и иллюстраторами их рукописей первой трети XVIII в. Екатерины к гибели вместе

¹³ Там же. Вкладка 2. С. 6; Музей А.Н. Толстого в Москве. Экспозиция.

¹⁴ Курукин И. Екатерина I. С. 64.

¹⁵ ПСЗ. Т. VII. № 4366.

¹⁶ Царская и императорская охота на Руси: Конец XVII и XVIII век: Исторический очерк Н. Кутепова. СПб., 1902. Т. 3. Прим. С. 71; Госкаталог. № 15381806, 16420639.

с мужем-Антихристом в геенне огненной¹⁷. Они жестко порицали поведение высочайших супругов и само супружество царя с низкорощенной иноземкой по заточении в монастырь «московской» жены, а историки разных поколений упорно пытаются приписать это порицание всему податному населению в подтверждение его недовольства реформами. Но даже предъявляемые последними в доказательство весьма своеобразные материалы политического сыска заключают в себе лишь обыденные похабные толки о носителях верховной власти и архетипические сказки об «изведении» кого-то из них.

Эти толки и сказки далеки от почтительности и здравого смысла¹⁸, но еще более далеки от глубокой религиозной ненависти или социально протестных настроений. Изученные же Д.А. Ровинским «забавные» («шутовские») «листы» с намеками, кого имели в виду переделки гравюр XVII в. о «немке» и «старике» и новодельные лубки о Бабе Яге в чухонском головном уборе и ее Крокодиле (Антихристе) (тех и других всего шесть плюс вдова-чухонка Маланья из знаменитого «Котова погребенья») совсем не выходили за рамки «народного балагурства» и «зубоскальства»¹⁹. А если эти намеки и считывались вне староверческой среды, в начале XVIII в. уже пребывавшей в меньшинстве, то безобразные пляски и драки «за склянку вина» вряд ли могли конкурировать с «модными силуэтами» великолепно одетой дамы, каковой Екатерина предстала на своей коронации.

Тщательная подготовка этого самовластного акта государственной важности предусматривала его увековечивание в медалях, контроль за чеканкой которых вверялся гр. Я.В. Брюсу. Данные об отпускаемых на это средствах зафиксированы в «бумагах» особой комиссии, отвечавшей за организацию церемонии, а в ее специальном печатном описании сообщается о намерении раздавать эти медали (не очень ясно, почетным гостям или допущенной в Кремль «публике») ²⁰. В то же время об их проектах или заказе гравюр в Голландии и в Москве пока не найдено ничего. Возможно, потому, что проблема симбиоза элементов православного венчания на царство с западными королевскими обрядами ставилась перед членами комиссии, а не перед граверами Б. Пикартом и И.Ф. Зубовым. Ведь об их умении придавать владетельным особам приличный случаю комплект абсолютистских добродетелей могли не беспокоиться ни Петр, ни его главный идеолог, новгородский архиепископ Феофан Прокопович, назначенный в Канцелярию убора коронации.

Окружение императрицы идентифицированными искусствоведами Амуром, Афиной, Геркулесом, Клио, Марсом и Нептуном с их атрибутами не изменило уже сложившихся способов ее репрезентации. В обеих

¹⁷ Книги старого Урала / Сост. и ред. Р.Г. Пихоя. Свердловск, 1989. С. 189.

¹⁸ Курукин И. Екатерина I. С. 12, 156–157.

¹⁹ Русские народные картинки / Собр. и описал Д.А. Ровинский [в 1888]; печ. под наблюд. Н. Собко. СПб., 1900. Т. 1. С. 88–89, 255–274.

²⁰ Курукин И. Екатерина I. С. 145–146; Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII в. Комиссии петровского времени. М., 2004. С. 334–336.

версиях²¹ – в профиль, с возлагаемой Петром в доспехах и лавровом венке короной (у Б. Пикарта, а также на трижды за XVIII в. усовершенствованных медалях²²), и в шествии к трону, где она, как и Петр, обращена лицом к зрителям (у И.Ф. Зубова), – Екатерина в своих высокой прическе и декольте. Не вошло подобное окружение в российскую привычку и в дальнейшем, хотя «настенная» «Конклюдия» И.Ф. Зубова, печатавшаяся под эгидой Славяно-греко-латинской академии, продавалась (по 15 к.) еще в 1730-е гг.

Рис. 2. Неизвестный художник. Казнь В. Монса. Конец XVIII в.

Источниками о том, помог ли международный язык аллегорий признанию Екатерины венценосной «семьей» Европы, мы не располагаем. Он, конечно, не остановил толков о темном происхождении, первом браке со шведским солдатом, «услугениях» петровским военачальникам, а затем и казни разоблаченного любовника. Вместе с тем краткосрочность правления избавила ее от нападков политических противников России, ввиду чего скандальные биографические подробности подавались в импортных картинках скорее как занимательные приключения красавицы, чаще щеголявшей текущими изделиями французских модисток, чем полушубками. Поэтому фантазии К.-П. Марилье, Д.-Н. Ходовецкого, Ш. Жефруа и неизвестных рисовальщиков о мариенбургской пленнице, свидании с братом-крестьянином, покорной печали у плахи В. Монса (Рис. 2) и скипетре

²¹ Русская светская гравюра первой четверти XVIII в.: Аннотированный сводный каталог [Сост. В.К. Макаров]. Л., 1973. С. 75–76, 162–163; Курукин И. Екатерина I. С. 153; Анисимов Е. Петр Первый: Благо или зло для России? СПб., 2017. С. 14; И мореплаватель, и плотник: Петр Великий в русской художественной культуре [Каталог выставки в Русском музее]. СПб., 2022. С. 168 (Далее – Каталог).

²² Их «сочинение» 1724 г. в 1970-е гг. приписывалось И.Ф. Зубову, а теперь – Ф. Мединцеву: Русская светская гравюра... С. 75–76, 162–163; Каталог. С. 168.

со смертного ложа²³ приобретались охотно. А когда С. Леруа (Le Ray) под очевидным влиянием «наполеоновского» полотна Ж.-Л. Давида в начале 1830-х гг. модернизировал Б. Пикарта, освободив его произведение от античных деталей, коронационный сюжет обрел новый импульс, несмотря на переодевание императора (но одного императора) в должествующее подчеркивать варварство его страны русское платье.

Сюжет этот не только стал предметом «народных» картинок, переносившихся на полотна (Рис. 3), гобелены и вышивки, которые популя-

**Рис. 3. Неизвестный художник. Петр I коронует Екатерину.
Вторая половина XIX в.**

ностью опережали масштабные академические живописания коронаций следующих преемников престола, но и в конце концов был включен в петровскую «хронологическую таблицу», удержавшись в ней до 1917 г.²⁴. В какой-то степени это случилось вопреки воззрениям авторитетнейших ученых, не уделявших майским торжествам 1724 г. серьезного внимания, а то и опускавших их, как В.О. Ключевский.

Почти то же произошло и с подвигом Екатерины в июле 1711 г. на реке Прут, интерпретации которого долго не получалось выстроить. Петр 24 ноября 1714 г. учредил (от ее имени) дамский Орден Св. Екатерины или Свободения в честь антитурецкого похода и «трудов» в нем будущей

²³ Каталог. С. 128–129; Госкаталог. № 8324076 и др.

²⁴ Госкаталог. № 15379049, 15658815; С.-Петербургская полиция и градоначальство, 1703–1903 / Сост. И.П. Высоцкий. СПб., 1903. С. 15; Электронный каталог Государственного исторического музея [Электронный ресурс]. № 80754/157, 45491/416. URL: <http://catalog.Shm.ru> (дата обращения: 10.04.2023); Ламбин Н.П. История Петра Великого. С. 699.

императрицы, которые Манифест 1723 г. провозгласит достойными награждения короной²⁵. Не вычеркивался Прут и при редактировании списков, образующих летопись важнейших деяний царствования, «баталлий и акций» или викториальных годовщин, хотя несчастное предприятие, стоившее вчерашнему полтавскому триумфатору азовских завоеваний и угрожавшее пленом или смертью, к победам не отнесешь.

С середины XIX в. до наших дней исследователи не доверяют сентенциям обоих Манифестов о благополучном заключении мира при самом «отчаянном» положении силой божеского благословения на спасение государя, которое осуществилось посредством необычайного мужества его «половины». Еще меньше склонны верить противоречивым устным рассказам о том, что она прекратила роковое противостояние то ли тем, что склонила потерявшего самообладание мужа к казавшимся безнадежными переговорам, то ли тем, что пожертвовала свои и собранные у офицерских жен драгоценности на подкуп верховного визиря и его чиновников, то ли личным убеждением Мехмет-паши, после чего царскую армию выпустили из окружения²⁶.

В XVIII в. были попытки воплотить в какой-либо картинке ясно высказанную волю Петра о закреплении памяти о роли Екатерины в этих событиях, но до нас от них дошло немногое. Это, во-первых, предложения М.В. Ломоносова для мозаики к мемориалу в Петропавловском соборе с «дымящимся ядром под ногами» Екатерины, «лагерем, турками и прочем» и надписью «Благословенна ты господом богом твоим...». И, во-вторых – эскиз Г.И. Козлова, который был принят Медальным комитетом 1772–1774 г., но увидел свет только в публикации XX в. Это было беспомощное повторение для медали на екатерининский орден ранней версии медали на коронацию, из которой был удален античный реквизит²⁷.

М.М. Иванов, А.В. Венецианов и некоторые другие художники первой трети XIX в. пробовали написать Петра при Пруте без Екатерины, но дальше шаблонных рядов палаток и так же выдернутых из топографии безликих конных групп не продвинулись²⁸. И «числом», и «умением» их честно победили и вытеснили из употребления иллюстрации конца XVIII в. – начала 1840-х гг. изложенного Вольтером «анекдота» о сокровищах – с Екатериной, приподнимающей полог в палатку Петра, беседующей с ним наедине или при приближенных, перебирающей украшения и т. п. Эти варианты, транслирующие, пусть и в облегченном виде, изначальное понимание ее вклада в «турецкую акцию», были удачно подытожены М.И. Бочаровым для юбилейной выставки 1872 г. на Марсовом поле

²⁵ ПСЗ. Т. V. № 2860.

²⁶ Курукин И. Екатерина I. С. 35–39.

²⁷ Донесение в Сенат о мозаичных украшениях монумента Петру I 7 апреля 1758 г. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 9. С. 129; Щукина Е.С. Медальерное искусство в России XVIII века. М., 1962. С. 79.

²⁸ Историк. 2019. № 7–8. С. 24–25; Три века: Россия от Смуты до нашего времени: Исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. М., 1913. Т. 3. С. 334 и др.

и стали доминирующими, несмотря на недавние рецидивы «проб» двухсотлетней давности²⁹.

Переосмысление содержания перечисленных картинок, которое в западном контексте воспринималось как фривольное, в позитивном духе еще заметнее, когда речь идет о начале взаимной любви Петра и Екатерины по С. Леруа. Последний на рубеже 1820–1830-х гг. осмелился вообразить, как Петр ее «берет от князя Меншикова»³⁰. Указующий жест царя в полушубке с горностаевой оторочкой, привставшего из-за стола с водочным штофом посередине, в сторону одной из прислуживающих женщин (чуть ли не в придворном костюме 1830-х гг.), сопровождается здесь рукопожатием с сидящим справа мужчиной в длинной шубе и, как правило, вольным переводом французского текста, разъясняющим происходящее.

К.Ф. Валишевский, цитируя обличение А.И. Герценом виденной им в гостинице картинки с подписью «Верный подданный уступает любимому им царю самое что у него ни на есть драгоценное», сомневался даже в правдивости сообщаемого³¹. Неприятие европейски образованным обществом XIX – начала XX вв. обыденной для «низов» «сделочной» и даже пьяной формы вступления в романтические отношения проявилось в том, что корифеи исторического жанра и редакторы толстых журналов, осваивавшие тогда петровское время, игнорировали сценку, которая тиражировалась в дешевых литографиях и на тагильских подносах. Неприятие это было преодолено лишь гением А.Н. Толстого, который в своем романе о Петре сумел, оттолкнувшись от «примитива», вдохнуть подлинные чувства во всех трех героев. От близкого к карикатурному рисунка Г. Салтыкова к предваряющему эпопею рассказу в периодике конца 1920-х гг., через кадры классического фильма В.М. Петрова 1937–1939 гг. с Н.К. Симоновым, талантливо обобщенные Д.А. Шмариновым в 1940-е гг. и опубликованные в его «изводе» в десятках тысяч экземпляров³², «знакомство» стало привычным историческим эпизодом, уже ни у кого не вызывающим отторжения.

Но не уничтожило протографа, который в начале 2020-х гг. вдохновил студентов Егорьевского факультета Станкина, знающих его по коллекции живописных работ так называемого провинциального письма в

²⁹ Ср.: 30 картин из жизни Петра Великого: Исторический выставочный проект, 9 июля – 9 августа 2022: СПб., Марсово поле: [Буклет. СПб., 2022. №] 18; *Каденко В.* Петр Великий / Ил. Н. Андреева. СПб., 2019. С. 63; *Епатко А.Ю.* Петровский сюжет на аукционе Сотбис // Петровское время в лицах – 2014. СПб., 2014. С. 173–180.

³⁰ *Курукин И.* Екатерина I. Вкладка 1. С. 4. Описанные Д.А. Ровинским гравюры-предшественницы в лейпцигских изданиях 1798–1824 гг. (Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1673) автору настоящей статьи недоступны.

³¹ *Валишевский К.* Царство женщин: Екатерина I – Анна – Елизавета: Их интимная жизнь / Пер. с франц. А. Гретман. [СПб., 1911]. Репринт. М., 1989. С. 22–23.

³² Женский журнал. 1929. № 6. [Б. с.]; *Толстой А.* Петр Первый / Ил. Д.А. Шмаринова. [М.; Л.], 1947. Вклейка между с. 440 и 441.

местном историко-художественном музее (Рис. 4), на театрализованную «живую картину». Разыгранный под марш Преображенского полка мини-спектакль заставляет Петра ополчиться на лихоимство А.Д. Меншикова, Екатерину – избавить его от казни возгласами «это не по-европейски», а царя от головной боли, за что он принимает ее к себе «лейб-медикусом», а «наутро» все садятся за пир.

В сказанной тут же в шутку речи, что «служба – дело хорошее» и теперь она будет служить у него, есть доля правды. Она схвачена в совокупности «екатерининских» картинок, среди которых где-то с середины XIX в. преобладают отечественные, точнее и полнее, чем в научных книгах и политических памфлетах. К этому времени снисходительно-благо-

Рис. 4. Неизвестный художник. Петр I берет у Меншикова Екатерину. Вторая половина XIX в.

желательный интерес к «невероятнейшей», по К.Ф. Валишевскому, из императриц стал угасать в Европе, но не в России. Рискнем предположить, потому, что ее история соединила в себе общечеловеческое представление о реализации женщины в любви и детях со служилой сущностью национального характера в целом и петровского общества-государства в частности.

Немецко-французская Екатерина-Золушка, которая на вершине своей чудесной «карьеры» обзавелась собственным фаворитом и не упала при его падении, могла будить восхищение, зависть, гнев, сочувствие и тому подобные эмоции. Русская походно-полевая жена и истинная хозяйка «палат», необходимая там в той же мере, в какой сама в них нуждалась, была живым примером правильности и устойчивости совершавшихся перемен образа жизни на началах, которые через 200 лет будут вкладывать

в понятия «дом культуры» и «парк культуры и отдыха», тоже не особенно твердо их артикулируя.

При Петре же эти начала только брезжили: в щедрых ассигнованиях на дворцовый обиход и экипировку царицы, в отведении ее покоев под первую картинную галерею, в выездах «в свет», в портретировании в красной «екатерининской» ленте параллельно собственному в голубой «андреевской». Появление «его величества» на верфях, стройках и «в коллегиях» в мундире, фасон которого в первой половине XVIII в. не был строго регламентирован, но само наличие которого безусловно указывало на принадлежность к государственной службе, принято трактовать как преподавание остальным долга служения отождествлявшемуся с государством отечеству. Но тогда и появление Екатерины на ассамблеях, яхтах и садовых дорожках в эквивалентном мундиру роскошном платье следует признавать за преподавание долга, перефразируя Екатерину II, «жить в обществе» (с обязательной в наши дни приставкой «гражданском»), которое и утверждалось на открытой всем взглядам сцене «залы», парка и столичной площади.

Едва намеченное в названных работах А.Ф. Зубова и Г.С. Мусикийского (очевидно намеренно сделавшего фоном миниатюры с императрицей Екатерингофский ансамбль), такая «служба» вместе с немислимой прежде обрисовкой самых смелых сторон державного романа актуализируется в XIX – первой половине XX в. Это происходит как на волне общей для правящего класса и демократической интеллигенции борьбы за продвижение в массы передового «западничества» и за права женщин (то и другое в самом широком значении), так и под влиянием внутреннего процесса эволюции искусства, где, согласно Н.А. Яковлевой, в конце

Рис. 5. Янцен Д. Прощание в Торне. 1843 г.

Рис. 6. Янцен Д. Встреча в Екатерингофе. 1843 г.

XIX в. место социоцентрической картины мира заступает культуроцентрическая³³.

Художники, начиная с полузабытого сейчас Д. Янца (1843 г. Рис. 5–8) через хрестоматийную «Ассамблею при Петре I» С. Хлебовского

³³ Яковлева Н. Русская историческая живопись. М., 2005. С. 9–10.

(1858 г.) и вплоть до В.Н. Кучумова (вторая половина 1910-х гг., Рис. 9) наперебой показывают Екатерину раскрывающей объятия и принимающей подарки, царящей на балах и пирах, гордящейся красотами петербургских пригородов и любующейся Венерой Таврической³⁴. Кстати, в 1830–1840-е гг. с энтузиазмом заменяя условно «мундирное» платье XVIII в. законодательно введенным 27 февраля 1834 г. придворным «мундиром» европей-

Рис. 7. Янцен Д. Окно на Царское село. 1843 г.

Рис. 8. Янцен Д. У разбитого зеркала. 1843 г.

ского кроя, но с «повойником или кокошником... с белым вуалем» у дам и «повязкой... также с вуалем» у девиц³⁵.

«Властители дум» не устают репродуцировать старое и новое ради, по мнению исследовавшей визуализацию «грозного царя» в дореволюционной журналистике Е.С. Сониной, его «очеловечивания»³⁶. А костяные плакетки XVIII в. с дарованием короны³⁷ в десятки раз перекрываются усилиями рынка изделий «для дома» и «для рукоделия», среди которых встречаются весьма примечательные. Например, более сдержанная, чем у С. Леруа, «Встреча Петра I с Екатериной» и Петр, то ли надевающий на голову сидящей перед зеркалом Екатерины в пышных рукавах 1830-х гг. золотую фероньерку, то ли собирающийся сорвать ее и разбить зеркало в знак способности обратить «в прах» виновницу супружеской измены³⁸.

Последнее даже вероятнее, так как в подцензурной печати неоднократно осторожно передавалось мемуарное повествование со словами императрицы, что разбив зеркало, император не сделал своего дворца лучше (тогда как сама драма, которую Н.В. Неврев в 1899 г. «поставил» в полном статуй парке³⁹, все же пока единственна). И в такой ситуации отстояв себя

³⁴ Ламбин Н.П. История Петра Великого... С. 466, 637, 639, 712; Каталог. С. 136–137; Царская и императорская охота... Т. 3. С. 22; Нива. 1918. № 7. С. 108.

³⁵ ПСЗ-II. Т. IX. № 6861.

³⁶ «Он весь, как божия гроза»: Образ Петра I в русской дореволюционной журналистике / Под ред. А.С. Кругликовой. СПб., 2022. С. 291.

³⁷ Госкаталог. № 21936292.

³⁸ Каталог. С. 133.

³⁹ Курукин И. Екатерина I. Вкладка 2. С. 8.

не как пассивную жертву судьбы, но как героиню действующую, Екатерина без потерь для своего сложившегося в XVIII–XIX вв. имиджа прошла через советский период, на довоенном его этапе прямо «поддержанная» А.Н. Толстым и косвенно – несколько раз упомянувшим ее А.С. Пушкиным, а затем – непрерывным ростом увлечения прошлым.

Беспрецедентное тиражирование всего, что могло претендовать на высокую художественность, ничего специфического в изобразительное прочтение давнего сюжета не привнесло. Позволяя разве наблюдать некоторое снижение его приключенческой составляющей при росте составляющей «служилой», которая трансформировалась в убежденность заказчиков, творцов, пропагандистов и потребителей исторической картинки в желательность фигурирования подле Петра его «нравящейся всем» спутницы.

Рис. 9. Кучумов В.Н. Петр I в Петергофе. 1916 г.

Столь же естественно Екатерина существует и в картинке постсоветских десятилетий, которые обнаруживают не столько обновление прослеженных в настоящей статье репрезентаций, сколько ритуализацию ее, так сказать, товарищеской ипостаси, оказавшейся удобной и для отвечающих запросам времени гламурно-декоративных изысков. Чуждые «археологическим» установкам второй половины XIX – первой половины XX вв. сегодняшние поклонники императрицы оживляют ее статью то палубу военного корабля, то Сенат, то собор или сошедший с рекламы евроремота интерьер, а если эта статья противоречит эталонам XXI в., с готовностью ее «подправляют». Но это не делает Екатерину, опять, как в первой трети XVIII в., менее узнаваемой и симпатичной, доказывая сохранение ее картинками творческого потенциала, дальнейшее раскрытие которого так или иначе нет оснований отрицать.

«Озорники» и «интересохищники»: мотивации купцов на службе в выборном городском управлении в России XVIII в.

Городское управление; магистраты; городская реформа; посадская община; стратегии поведения; городское управление.

Существуют весьма разноречивые свидетельства источников и позиции ученых относительно того, насколько посадские жители в городах России XVIII в. были заинтересованы в службе в выборном городском управлении, в частности, в магистратах. В данной статье предпринята попытка систематизировать и определить частотность разных моделей поведения посадских людей, выбранных в магистратские чины, а также соотношение этих моделей. В частности, были проанализированы такие типы поведения, как борьба за магистратские должности и попытки уклонения от службы. Также были рассмотрены случаи длительной беспорочной службы посадских жителей в магистратских должностях. В статье сделан вывод о том, что одними из самых очевидных мотивов в борьбе за магистратские места были экономические мотивы. При этом извлечение личной пользы из магистратской службы во всех рассмотренных случаях было сопряжено с нарушением закона. Однако весь комплекс мотиваций посадских жителей не исчерпывался только ими: играли роль и интересы семейной или иной группы, в которую был включен каждый отдельный посадский житель. Немалое значение играло и понимание неизбежности службы, которое заставляло купцов примиряться с новой ролью.

За первые три четверти XVIII в. выборное городское управление в России претерпело ряд существенных, хотя и не всегда последовательных изменений. Начало им положила петровская городская реформа 1699 г.: именно тогда посадские жители впервые получили сословный суд и централизованную систему администрирования. Впоследствии сами органы выборного городского управления неоднократно менялись, будучи представлены на протяжении XVIII в. земскими избами, городскими магистратами и ратушами. Менялось и их подчинение: в отдельные периоды времени центральная власть то вверяла их руководству местных властей, то вновь подчиняла их единому централизованному учреждению. Наиболее полно принципы сословного суда и централизованного управления выборными городскими учреждениями воплотились в магистратах.

Городские магистраты были созданы в начале 1720-х гг. под руководством Главного магистрата. Законодатель представлял их «яко начальство градское», которое должно «правление иметь, суд и доброй порядок содержать». В 1721 г. увидел свет Регламент Главного магистрата, определивший законодательные основания комплектования и функционирования городских магистратов.

Магистраты были ликвидированы в 1728 г. и вновь восстановлены лишь спустя 15 лет, в правление императрицы Елизаветы Петровны практически в том же виде, в каком они существовали при ее отце, Петре I. После этого магистратские учреждения продолжали функционировать практически без изменений вплоть до областной реформы Екатерины II.

¹ Гущина Дина Вадимовна; МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант.

Исследователи по-разному оценивают мотивации центральной власти при создании этих учреждений, однако большинство из них сходятся в мысли, что основной побуждающей силой здесь был фискальный интерес². Однако каковы были мотивы другой стороны этого процесса – купцов, избравшихся и избравших в магистратские служители? Были ли они заинтересованы в магистратской службе, или, напротив, стремились избежать ее? Чем был обусловлен их интерес?

Ученые, в том или ином ключе затрагивавшие эту тему в своих исследованиях, приводят противоречивые свидетельства о том, насколько купцы были заинтересованы в службе в городском управлении. Так, например, А.М. Муравьев³ и Н.В. Козлова⁴ указывают, что служба в магистратах воспринималась посадским людом прежде всего как тяжелая повинность.

Однако А.А. Кизеветтер в своем фундаментальном труде «Посадская община в России XVIII ст.»⁵ приводит и противоположные примеры. Ученый отмечает, что во время магистратских выборов нередко вспыхивала ожесточенная борьба «пожиточных» купцов за назначение их магистратскими служителями. Примеры острого интереса представителей богатой купеческой верхушки к магистратской службе приводит и Л.С. Рафиенко⁶. В частности, автор отмечает, что в Иркутске в указанный период магистратские должности занимали представители наиболее состоятельных купеческих семей. Однако и А.А. Кизеветтер⁷, и Л.С. Рафиенко⁸ приводят примеры иного развития событий во время магистратских выборов: подчас представители богатой купеческой верхушки предпочитали не замещать должности в городских магистратах самостоятельно, а проводить на них своих сторонников.

Итак, данные источников и позиции ученых весьма разноречивы. Какие же цели преследовали посадские жители, стремясь быть избранными в органы городского управления, или, наоборот, всеми силами уклоняясь от службы? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть широкий круг делопроизводственной документации, посвященной выборам в магистратские должности, хранящийся в фонде Главного маги-

² Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. I. СПб., 1875.; Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М., 1999. С. 232; Градовский А.Д. Собрание сочинений А. Д. Градовского. Т. 9: Начала русского государственного права. Ч. 3: Органы местного управления. СПб., 1908. С. 99.

³ Муравьев А.В. Образование московского магистрата // Вестник Московского университета. Серия История, 1963. № 3. С. 67.

⁴ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество... С. 118

⁵ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903.

⁶ Рафиенко Л.С. Социальный состав сибирских магистратов в 40–80-х годах XVIII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР, 1967. Серия общественных наук. Вып. 1. С. 97

⁷ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. С. 767.

⁸ Рафиенко Л.С. Социальный состав сибирских магистратов... С. 97.

страта Российского государственного архива древних актов⁹. Дела, посвященные выборам, содержат широкий круг документов: доношения, указы, челобитья членов магистратов и прочих посадских жителей, выборные реестры с рукоприкладствами купцов, проголосовавших за тех или иных кандидатов, и др. Из всех учреждений выборного городского управления за период 1700–1760-х гг. именно для магистратов объем делопроизводственной документации сохранился наиболее полно. В данном исследовании будут рассмотрены материалы выборов в 33 городах Европейской России.

В фокусе внимания данного исследования находятся сами посадские жители, которые избирались в магистратские чины, предметом изучения стали различные мотивы, которые определяли весь широкий спектр стратегий поведения выборных в магистраты: от яростной борьбы за должности до упорного уклонения от службы. Временные рамки исследования определяются тем, что с начала 1720-х гг. до 1728 г. и с 1743 г. до 1760-х гг. магистраты существовали на единых, практически неизменных основаниях; впоследствии выборные процедуры и само устройство этих учреждений претерпели существенные изменения¹⁰. Многие аспекты этой темы уже были затронуты в труде А.А. Кизеветтера¹¹, в котором ученый приводит многочисленные факты разнообразного отношения к выборной службе. В данном исследовании акцент будет сделан прежде всего на частотности применения тех или иных стратегий поведения среди выборных, а также на соотношении этих стратегий.

Как известно, на магистраты был возложен широкий спектр обязанностей, в числе которых, помимо финансово-административных и судебных, были благоустройство города, забота о школах, смиренных домах и богадельнях, устройство ярмарок и т.п. Впрочем, все эти функции едва ли могли быть осуществлены, так как у посадских обществ просто не было для этого финансовых возможностей¹². При этом судебные полномочия магистратов были весьма широки: в ведении магистратских судов оказывались как административные, так и уголовные правонарушения посадских жителей¹³. Единственное, что изымалось из их компетенции, это «великие государственные дела»¹⁴. Это отвечало интересам посадских жителей: будучи подсудны по большинству финансовых и даже уголовных дел магистратам, они получали хотя бы некоторую защиту от произвола местной администрации.

⁹ РГАДА. Ф. 291.

¹⁰ Куприянов А.И. Выборы в русской провинции (1775–1861 гг.). М., 2017. С. 68.

¹¹ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. С. 780.

¹² Козлова Н.В. Попытка городской реформы в России в 30-е годы XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1991. № 4. С. 37.

¹³ Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 218.

¹⁴ ПСЗ. Т. VI. № 3708.

На магистраты также была возложена ответственность за различных податей, в связи с чем они могли инициировать переверстку платежей между жителями посада, если в этом возникала необходимость¹⁵.

Власть магистратов распространялась лишь на тяглое посадское население, оно же и избирало служителей этих учреждений из своей среды. Однако не всякий посадский тяглец мог стать магистратским служителем: в этой роли законодатель видел лишь посадских жителей «из гостиной сотни и из гостиных детей и из граждан первостатейных»¹⁶, то есть наиболее состоятельных представителей купечества. Такое внимание центральной власти к финансовой состоятельности членов магистратов вполне объяснимо – на магистратских служащих лежала серьезная финансовая ответственность, и за любые свои ошибки, несущие убыток казне, они отвечали собственным имуществом.

Если в бывших прежде земских избах служители сменялись pogodно, то служба в городских магистратах предполагалась как бессрочная, то есть пожизненная. Служитель мог быть уволен от службы, но для того должны были быть существенные причины: болезнь, оскудение, одиночество. Да и сама отставка от дел происходила не в одночасье, и добиться ее удавалось далеко не всегда. Так, в затруднительной ситуации оказался в 1753 г. ратман Зарайского магистрата Аникий Зайцевский. Из пяти членов магистрата двое ратманов были уволены от дел, один бургомистр умер, второй же бургомистр с 1751 г. находился в Коломне для разрешения дела о ссорах и смертном убийстве среди коломенских купцов. Таким образом, ратман Аникий Зайцевский вынужден был в одиночку вести все магистратские дела Зарайска, при этом он доносил в Главный магистрат: «как в гортани так и во всей моей голове имеется болезнь нестерпимая и от таких болезней имею в глазу немало повреждение и мало видеше глазами и весьма изнемог», и «у исправления дел быть весьма неспособен»¹⁷. Информации о том, был ли Аникий Зайцевский уволен, в деле не содержится, однако известно, что он все еще продолжал оставаться в службе 3 августа 1753 г., спустя два месяца после подачи челобитья¹⁸.

Итак, минусы службы в магистрате очевидны: она отрывала купца от торгов и промыслов, не оплачивалась, несла с собой существенную финансовую ответственность для служителя. Что же заставляло купцов бороться за места в магистрате, и часто ли вспыхивала такая борьба?

Из рассмотренных нами эпизодов выборов лишь в 5 городах из 33 посадские жители боролись за то, чтобы быть назначенными в магистрат, что составляет 15 % от всего массива. Подобные случаи можно наблюдать

¹⁵ ПСЗ. Т. VII. № 4624.

¹⁶ ПСЗ. Т. VI. № 3708.

¹⁷ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 275. Л. 52.

¹⁸ Там же. Л. 66.

в Алатыре¹⁹, Белгороде²⁰, Брянске²¹, Ржеве²² и Старой Руссе²³. Во всех эпизодах такой борьбы неизбежно открывались нарушения тех, кто стремился заполучить и оставить за собой магистратские должности. Так, в 1744 г. бургомистр Алатырского магистрата Иван Герасимов попал под подозрение в пристрастном распределении подрядов²⁴. Алатырские посадские люди именовали его в многочисленных доношениях и челобитьях хлестким именем «интересохищника», вынесенным в заглавие данной статьи. Избранный в 1744 г. президент Белгородского магистрата Осип Морозов стремился, пользуясь должностью, скрыть собственные проступки, допущенные им в предыдущих службах, а также проступки своих товарищей²⁵. Бургомистра того же Белгородского магистрата Андрона Лашина обвиняли в том, что он «чинил немалые на купечество дивные поборы»²⁶. Сходные обвинения звучали в адрес боровшихся в 1722 г. за магистратские должности брянских посадских Мефодия Бокланова с товарищи. Самовольно вступив в должность без утверждения Главного магистрата, они сразу же объявили сбор «незнаемо на какие потребности», который собирали «без милосердия»²⁷. Причем накал выборной борьбы в Брянске достиг такого предела, что вылился в массовую драку возле ратуши, за что в доношениях и челобитьях представители одной партии окрестили своих противников «озорниками». Выбранный в 1744 г. в Старой Руссе ратман Никифор Быков был уличен в подлоге документов по векселям²⁸. Самый серьезный перечень проступков вменялся избранному в 1745 г. ратману Ржевского магистрата Василию Чюпятаву. Его обвиняли в неправильной раскладке податей²⁹, несправедливом распределении подрядов на поставку соли³⁰ а также укрывательстве собственных родственников от суда³¹. Но главным обвинением в его адрес стало то, что он «потаенный раскольник»³².

Итак, во всех приведенных нами случаях ожесточенной борьбы за магистратские места выборные не в последнюю очередь руководствовались собственным финансовым интересом. Однако в полной мере реали-

¹⁹ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1020.

²⁰ Там же. Д. 700.

²¹ Там же. Д. 37.

²² Там же. Д. 1498.

²³ Там же. Д. 477.

²⁴ Там же. Д. 1020. Л. 17.

²⁵ Там же. Д. 700. Л. 36 об.

²⁶ Там же. Л. 37.

²⁷ Там же. Д. 37. Л. 2 об., 28.

²⁸ Там же. Д. 477. Л. 68.

²⁹ Там же. Д. 1498. Л. 41 об.

³⁰ Там же. Л. 101 об.

³¹ Там же. Л. 107.

³² Там же. Л. 110 об.

зывать его на магистратской службе возможно было лишь незаконным путем.

Конфликт, развернувшийся вокруг выборов во Ржевский магистрат, выделяется на общем фоне по нескольким причинам. Интересным представляется то, что во время первых выборов во Ржевский магистрат не наблюдалось никакой борьбы за магистратские чины, напротив, на должности бургомистров и ратманов выбрали людей одиноких³³ или не первостатейных³⁴. Однако ситуация кардинально поменялась, когда на должность бургомистра был выбран сын записавшегося в 1745 г. в Ржевский посад записного раскольника Анисима Чюпятова Василий³⁵. Очевидно, избрание этого кандидата было выгодно не только его родственникам, но и другим ржевским старообрядцам. При этом немаловажно, что именно во Ржеве, как это явствует из подсчетов Н.В. Козловой, раскольники составляли весьма весомую долю посадского населения³⁶. Ржевские челобитчики утверждали, что бургомистр был выбран старообрядцами для «своей партикулярия пользы», а не для гражданского управления. Так, именно в пользу старообрядцев бургомистр производил нечестную, с точки зрения других посадских жителей, раскладку податей³⁷. Со стороны же архиепископа Тверского и Кашинского Митрофана звучали суровые обвинения в укрывательстве бургомистром «раскольнических лжеучителей» и в том, что его «защищением» во Ржеве «умножилось раскольническое злочестие»³⁸. В данном случае очевидно, что речь при избрании Василия Чюпятова шла не только о частных финансовых интересах одной из групп внутри посада. Контроль над органами городского самоуправления позволял старообрядцам преодолеть или хотя бы сгладить те ограничения, которые налагал на них закон, при Елизавете Петровне ставший еще более суровым в этом вопросе, чем при ее отце. Кроме того, старообрядцы нуждались в защите со стороны городского управления от злоупотреблений, которыми подчас сопровождалась поимка «лжеучителей раскольнического злочестия»³⁹.

Главный магистрат решал дела, связанные с подобного рода нарушениями, отнюдь не быстро. Тяжбы об отставке членов Старорусского магистрата продлились до 1752 г.⁴⁰ Для того, чтобы отставить от дел алатырского бургомистра Ивана Герасимова, потребовалось шесть лет (с 1744 по

³³ Там же. Л. 1.

³⁴ Там же. Л. 3 об.

³⁵ Напряженная борьба, развернувшаяся во Ржеве, во многом отражена в статье Н.В. Козловой: *Козлова Н.В.* Купцы-старообрядцы в городах европейской России в середине XVII века // Отечественная история. 1999. № 4. С. 3–14.

³⁶ *Козлова Н.В.* Купцы-старообрядцы в городах европейской России...

³⁷ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1498. Л. 41 об.

³⁸ Там же. Л. 337.

³⁹ См., напр., доношение Ржевского магистрата от 2 декабря 1751 г. – Там же. Л. 88.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 477. Л. 103.

1750 гг.) и вмешательство Сената⁴¹. С 1744 г. до 1747 г. тянулась борьба бывшего бурмистра ратуши Михайлы Андреева с президентом Осипом Морозовым⁴². Лишь в 1752 г. был удален от должности Василий Чюпатов, к отставке которого Главный магистрат понуждали архиепископ Митрофан и Соляная кантора⁴³. С 1722 по 1724 гг. длился ожесточенный выборный конфликт в Брянске⁴⁴. Таким образом, если члены магистратов допускали какие-то проступки, то у них всегда оставалась надежда ускользнуть от правосудия благодаря неповоротливости и медлительности центрального учреждения. Хотя такие конфликты вспыхивали сравнительно нечасто, эти примеры не единичны, и их существование указывает на возможные мотивы купцов, которые стремились быть избранными в магистратские чины: от незаконного личного обогащения до проведения в жизнь интересов родственной или иной группы, к которой принадлежал выборный.

В магистратской службе были и другие преимущества для выборных: чины городских магистратов исключались из подушного оклада и из очередных служб. Впрочем, плюсы эти касались только самих служителей, для остальных членов посада это оборачивалось тяжелой ношей, так как круг тех, кто должен был служить в многочисленных и весьма обременительных службах, еще больше сужался. Поэтому неудивительно, что из 33 рассмотренных нами городов 16 – то есть 48%, – стремились разными способами сократить штат магистрата.

С другой стороны, и сами купцы далеко не всегда стремились служить в магистратских чинах. Так, в 1744 г. в Балахне соляные промышленники, составлявшие наиболее состоятельный слой посадских жителей, не просто не стремились к избранию в магистратскую службу⁴⁵, но иприняли дополнительные меры, чтобы обезопасить себя от нее, самостоятельно выбрав в бургомистры и ратманы одиноких и не первостатейных людей «для свободы своей», о чем выборные не преминули упомянуть в поданном в Главный магистрат доношении⁴⁶.

Попытки выбрать из компанейщиков и купцов, формально переведенных в Санкт-Петербург, можно наблюдать и во время выборов в Московский магистрат в 1720-х гг.⁴⁷. По этим примерам видно, что группы состоятельных посадских, освобожденных законом от очередных служб, не стремились служить и в магистратских чинах, в то время как посадская община, напротив, была заинтересована в привлечении их к этой службе.

Впрочем, и остальные посадские жители также подчас не стремились к магистратской службе. В той же Москве из всего состава магистра-

⁴¹ Там же. Д. 1020. Л. 149.

⁴² Там же. Д. 700. Л. 202.

⁴³ Там же. Д. 1498. Л. 251.

⁴⁴ Там же. Д. 37. Л. 181.

⁴⁵ Там же. Д. 627. Л. 11–11 об.

⁴⁶ Там же. Л. 10–10 об.

⁴⁷ Там же. Д. 47. Л. 15.

та, избранного в 1723 г., и состоявшего из 10 человек, сразу после избрания упорно не являлись в присутствие магистрата трое ратманов: Семен Щученков, Григорий Бабкин и Иван Тархов. Главному магистрату потребовалось неоднократно высылать солдатские команды, арестовать дворовых людей некоторых из нерадивых ратманов, угрожать штрафом, чтобы ратманы все же приступили к службе. При этом Щученков и Бабкин оказываются вполне пожиточными посадскими жителями: у обоих есть дворовые люди, «у Щученкова палаты, а у Бабкина хоромы»⁴⁸. В 1744 г. ситуация в Москве повторилась: избранный московскими купцами в ратманы Иван Митрофанов не явился к присяге и просил отставить его от должности, указывая в качестве причины на то, что он болен⁴⁹.

Выбранный в 1745 г. в Вязниках ратман Яков Лукновский не являлся к присяге вплоть до 1748 г.⁵⁰. Также укрывался в Гжатской пристани и отнюдь не спешил вступить в должность во Ржеве выбранный в 1744 г. ратман Тимофей Томилин, причем Гжатская ратуша ему в этом потворствовала⁵¹. Больше полугода потребовалось, чтобы привести к присяге избранного в Туле в 1744 г. ратмана Ивана Переяславцева⁵².

Иногда выборные, стремясь избежать магистратской службы, прибегали к более «легальным» средствам, подавая челобитные с просьбами об отставке, едва их выбрали. Часто они апеллировали в челобитных к указу от 28 июня 1731 г.⁵³, в котором купечеству предлагалось «обходить» при выборе в службы «одиноких, которые свободный торг имеют отъезжий, или сами в лавках сидят, и промыслы содержат, от которых если отлучены будут, то могут себе повреждения принять». Несмотря на рекомендательный тон этого пункта указа, Главный магистрат нередко отвечал положительно на такие челобитья. Например, избранный в 1748 г. в президенты Орловского магистрата Михайла Кузнецов тут же поспешил подать челобитье, в котором объявлял о своем одиночестве и о том, что «за необыкновением в знании порядочно приказных дел» этой должности он отправлять никак не может⁵⁴. Главный магистрат пошел ему навстречу, и через два месяца после подачи челобитья Михайла Кузнецов был отставлен от должности⁵⁵. На одиночество ссылался и избранный в бургомистры Балахонского магистрата Петр Латухин⁵⁶, и опять Главный магистрат пошел ему навстречу, отставив от должности⁵⁷. Однако, были и другие причины опротестовать выбор купечества: например, в 1744 г. только что выбран-

⁴⁸ Там же. Л. 4 об.

⁴⁹ Там же. Д. 269 Л. 38.

⁵⁰ Там же. Д. 857. Л. 59–59 об.

⁵¹ Там же. Д. 1498. Л. 5 об.

⁵² Там же. Д. 291. Л. 58.

⁵³ ПСЗ. Т. VIII. № 5794.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Ч. 1. Д. 964. Л. 16.

⁵⁵ Там же. Д. 964. Л. 25.

⁵⁶ Там же. Д. 627. Л. 11.

⁵⁷ Там же. Л. 21.

ный в Крапивенский магистрат бургомистр Федор Сушкин был отставлен от должности по болезни⁵⁸. Всего таким образом пытались избежать службы 13 человек, многие из них получили желаемую отставку; решение Главного магистрата по некоторым из подобных дел, к сожалению, не отразилось в изученных нами документах. Особенно интересно, что среди таких челобитчиков оказался избранный брянским посадом в 1723 г. в должность бургомистра Григорий Чамов. Среди развернувшейся в это время в Брянске яростной борьбы за магистратские места бургомистр совершенно не стремился к магистратской службе и просил его уволить, ссылаясь на то, что он «небогатый и бит разбойниками, и головою скорбен, и к делам незаобычаен»⁵⁹, а вместо него назначить представителей противоборствующей партии.

Были и ситуации, когда Главный магистрат прямо отказывал челобитчикам. Так, неубедительными были сочтены доводы о нездоровье купца Ивана Митрофанова, избранного в 1744 г. ратманы Московского магистрата⁶⁰. Всего стремились уклониться от службы разными способами выборные в 10 городах, что составляет 30 % от общего числа. При этом некоторые из них не стремились к магистратским чинам по вполне очевидным причинам: одни были больны или стары, другие в силу своего одиночества не могли никому перепоручить на время службы свои торговые дела, что лишило бы их средств к существованию. Стремясь добиться результата от Главного магистрата, многие челобитчики указывали, что они люди не первостатейные. На примерах Брянска и Ржева можно обнаружить полное отсутствие интереса к службе и ожесточенную борьбу за магистратские чины у представителей одного и того же посада в одно и то же время. Это можно объяснить разными мотивами: от возможной личной неприязни между членами противоборствующих групп до степени включенности тех или иных посадских заинтересованных в контроле над магистратом группы. Кроме того, мы видим, что среди уклонявшихся была и определенная прослойка достаточно состоятельных купцов, которые также не желали служить в магистратах. Можно предположить, что выгоды, которые они могли извлечь, занимаясь своим основным родом деятельности, заметно превышали те возможности, которые дала бы им магистратская служба.

Однако, обращаясь к примерам ожесточенной борьбы за магистратские места или не менее отчаянных попыток уклониться от службы в этих учреждениях, не стоит забывать о тех, чьи свидетельства звучат не столь громко. Десятки посадских жителей, избранных в городовые магистраты, без всякого сопротивления вступали в должность и служили в магистратских чинах долгие годы. Многие члены магистратов отправляли свои обязанности вплоть до самой смерти. Так, например, в Вязниках в 1745–1752 гг. четверо из девяти выборных умерли, будучи в чине ратма-

⁵⁸ Там же. Д. 850. Л. 7.

⁵⁹ Там же. Д. 37. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Д. 269. Л. 39.

на⁶¹. Зарайский бургомистр Василий Белоусов, избранный в 1744 г., умер в 1753 г., прослужив в магистрате девять лет⁶². Также девять лет, до самой смерти, прослужил в Зубцовском магистрате бургомистр Егор Некрасов⁶³. Этот список можно продолжить: всего в рассмотренных нами документах отразилось 12 таких случаев.

Ряд магистратских служителей просили отставки после длительной беспорочной службы в виду разных причин. Так, в 1750 г. просил об отставке тверской избранный в 1744 г. бургомистр Василий Блохин, ссылаясь на свое одиночество⁶⁴. Похожее челобитье подал в тот же год другой член Тверского магистрата – бургомистр Василий Софронов, так как его отец одряхлел и уже не может заниматься торгами, а других родственников у него нет⁶⁵. В 1746 г. в Кашине был уволен от службы «за дряхлостью» бургомистр Иван Лапотников⁶⁶. Всего в изученных нами документах можно обнаружить 15 случаев, когда служители магистратов просили об отставке после долгих лет службы. Таким образом, мы имеем примеры многолетней беспорочной службы по крайней мере для 14 городов, что составляет 42 % от общего числа.

Таким образом, можно сделать вывод, что существенную роль в стремлении посадских жителей служить в магистратах или же, напротив, всеми силами избегать службы играли финансовые мотивы. В полной мере реализовать все выгоды службы в магистратском чине можно было лишь нарушая закон. Поэтому неудивительно, что тех, кто боролся за места в этих учреждениях, оказалось вдвое меньше, чем тех, кто, напротив, уклонялся от службы (15 % и 30 % соответственно). Причем если стремление уклониться от службы одиноких и непожиточных членов посадской общины вполне понятно – служба в магистрате, они лишались средств к существованию, – то мотивы уклонения более состоятельных посадских жителей можно трактовать по-разному. Очевидно, неудобства и трудности службы в магистрате перевешивали для них те выгоды, которые они могли извлечь из магистратской должности, а сам ее престиж был невелик. При этом сложные переплетения подчас противоположных стремлений внутри одной группы выборных, как это произошло в Брянске в 1720-е гг., свидетельствуют о том, что мотивы посадских людей на службе в городском управлении не исчерпывались одной лишь жаждой наживы. Об этом же свидетельствует и борьба, развернувшаяся за должности в Ржевском магистрате. Хотя в данном случае речь шла о нарушении закона, мотивы бургомистра Чюпятиова выходили за рамки одного лишь финансового интереса. Кроме того, выборные процессы во Ржеве демонстрируют, что борьба за магистратские места может вспыхнуть даже там, где до это-

⁶¹ Там же. Д. 857. Л. 19, 53, 62.

⁶² Там же. Д. 756. Л. 58 об.

⁶³ Там же. Д. 963. Л. 15.

⁶⁴ Там же. Д. 405. Л. 107.

⁶⁵ Там же. Л. 225

⁶⁶ Там же. Д. 640. Л. 65.

го посадские жители, напротив, стремились уклониться от службы. Наиболее «незаметную», и в то же время, наиболее многочисленную (42 %) группу составляют те посадские выборные, которые, не вступая в борьбу за должности и не уклоняясь от них, годами несли возложенные на них государством обязанности. В полной мере выяснить отношение этой наиболее значительной группы к службе, которую им приходилось отправлять, в рамках данного исследования не представляется возможным. Тем не менее, учитывая стремление посадских обществ привлечь в магистратские чины освобожденные от служб группы купечества, следует согласиться с выводом Н.В. Козловой⁶⁷ о том, что для большинства посадских жителей магистратская служба оставалась изнурительной повинностью, а не почетной обязанностью. Таким образом, можно предположить, что основной мотивацией этой группы было осознание необходимости и неизбежности службы.

⁶⁷ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество... С. 118.

Динамика товарооборота внешней торговли России середины и второй половины XVIII в.

Внешняя торговля России; конъюнктура внешней торговли; экспорт; импорт; колебания курса рубля; таможенный тариф; банковские кризисы; внешнеторговый баланс.

На основании ежегодных данных о товарообороте России, экспорте и импорте, с 1742 по 1797 гг. выявлены темпы роста внешней торговли страны в середине и второй половине XVIII в. При росте в абсолютных цифрах по стоимости вывозимых и ввозимых товаров в 10 раз в течение изучаемого периода установлено, что с учетом колебания курса рубля на зарубежных рынках, влияния обращения бумажных денег (ассигнаций) товарооборот российской внешней торговли с середины до конца XVIII в. в реальном измерении вырос в 4–5 раз. Определенное влияние, хотя не всегда очевидное и решающее, на конъюнктуру внешнего рынка оказывали военные события, банковские кризисы за рубежом, введение новых тарифов, неурожаи в России. При наличии определенных микроциклов, включающих кратковременный спад и подъем динамики товарооборота, наиболее благоприятными для развития внешней торговли России стали периоды в конце 1740-х – начале 1750-х гг., конца 1760-х – начала 1770-х гг. и середины 1780-х гг. Выявлено также, что практически в течение всего изучаемого периода сохранялся активный баланс внешней торговли России. Только в 1743 и 1791 гг. импорт по стоимости несколько превысил экспорт.

В XVIII в. произошел несомненный рост внешней торговли России по всем направлениям. Мощным толчком стали результаты деятельности Петра I, когда Россия получила непосредственный выход к Балтике, тогда же и впоследствии уделялось большое внимание торговле со странами Востока по Каспийскому морю, предпринимались усилия по развитию торговых связей с Китаем, освоению Северо-Западной Америки, наконец, в последние десятилетия XVIII в. началась непосредственная торговля России на Черном море.

История внешней торговли имеет немало аспектов: это и структура товарооборота, особенно экспорта и импорта в отдельности, что позволяет судить о развитии экономики страны, это и связи с теми или иными странами, это состав участников торговли, купцов русских и иностранных, это проблемы организации внешнеторговых операций, таможенная политика, торговое судоходство и многое другое. Но обычно история внешней торговли начинается с изучения собственно товарооборота, объем и динамика изменения которого дает первое представление об уровне и основных тенденциях развития этой сферы экономики.

Рамки этого краткого очерка позволяют сделать некоторые наблюдения о динамике товарооборота внешней торговли России в XVIII в., выявить наиболее существенные тенденции ее развития. Имеется в виду рассмотреть колебания внешнеторговой конъюнктуры, определив по воз-

¹ Захаров Виктор Николаевич; доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

возможности факторы, влиявшие на этот процесс, рассмотреть, как обстоит дело с торговым балансом, проследить, насколько связаны его изменения с таможенной политикой правительства. Основой для подобного исследования являются статистические данные, которые могут анализироваться посредством построения и изучения соответствующих таблиц и графиков.

Систематические сведения о внешней торговле год за годом существуют, начиная с 1742 г., когда после восшествия на трон императрицы Елизаветы Коммерц-коллегии было поручено собирать и обобщать информацию о внешней торговле и доводить ее до сведения высших органов власти. Они были обнаружены и опубликованы еще в конце XVIII в. известным российским экономистом, географом и статистиком Генрихом (Андреем) Шторхом в его обширном труде, посвященном описанию России, вышедшем в Риге и Лейпциге на немецком языке². Данные о статистике внешней торговли доведены до 1797 г. С тех пор они вошли в научный оборот, используются исследователями, публиковались повторно³. В Российском государственном архиве древних актов в фонде Воронцовых сохранилась копия ведомости Коммерц-коллегии о кораблях, приходящих к российским портам, о привозных и отвозных товарах, о сборе пошлин за 1742–1797 гг.⁴ Опубликованные Г. Шторхом данные, как и хронологические рамки, полностью совпадают с этой ведомостью.

Существуют и отдельные сведения о внешнеторговом обороте России за предыдущие годы. По предположению Б.Н. Миронова, уже с момента создания Коммерц-коллегии в 1718 г. в это учреждение стали поступать сведения о ввозе и вывозе товаров со всех пограничных таможен⁵. Но они сохранились фрагментарно. В силу разрозненности, разнообразия происхождения этих данных включать их в общий ряд для систематического анализа некорректно с точки зрения методики статистической науки.

Данные о товарообороте России с 1742 г. по 1797 г., включая данные об экспорте, импорте, торговом балансе в арифметическом и процентном измерении приводятся в таблице 1.

Необходимо иметь в виду, что здесь представлен суммарный товарооборот внешней торговли по всем направлениям, включая все морские

² *Storch H.* Supplementband zum fuenften, sechsten und siebenten Theil des Historisch-statistischen Gemaeldes des Russischen Reichs. Leipzig: Hartknoch, 1803. S. 1–19.

³ См., например: *Опарин Д.И.* Схематический анализ развития внешней торговли России за 175 лет (1742–1917 гг.) // Методологические вопросы в статистических исследованиях. М., 1968. С. 120–121. В данной статье автор основное внимание уделяет методике разработки диаграмм по статистике внешней торговли. Динамика внешнеторгового оборота за XVIII в. характеризуется им кратко и в самом общем плане.

⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 612. Л. 38–45.

⁵ *Миронов Б.Н.* Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII – начале XIX в. // Исторические записки. 1974. Т. 93. С. 192.

порты и сухопутные таможи. Тем не менее, в изучаемый период львиная доля всего внешнеторгового оборота приходилась на морскую торговлю, и главным образом на западном направлении, где доминировал Санкт-Петербургский порт⁶.

Таблица 1. Товарооборот внешней торговли России в середине и второй половине XVIII в. (тыс. рублей, без учета копеек)*

Год	Товарооборот	Импорт	Экспорт	Баланс	% баланс
1742	8 135	3 568	4 567	999	21,9
1743	8 741	4 500	4 240	- 260	-5,7
1744	9 620	3 703	5 916	2 213	37,4
1745	9 148	3 899	5 249	1 350	25,7
1746	9 461	4 193	5 267	1 074	20,3
1747	8 900	3 499	5 402	1 903	35,2
1748	8 929	4 304	4 624	319	6,9
1749	10 105	4 568	5 536	968	17,4
1750	13 166	6 013	7 153	1 139	15,9
1751	12 533	5 957	6 596	639	9,7
1752	14 934	7 003	7 932	929	13,3
1753	13 374	5 915	7 459	1 543	20,7
1754	14 400	7 160	7 240	80	1,1
1755	14 824	6 642	8 183	1 541	18,8
1756	14 676	6 671	8 005	1 334	17,8
1757	14 279	6 084	8 195	2 112	25,8
1758	15 016	6 353	8 663	2 309	26,7
1759	17 605	8 003	9 602	1 599	16,7
1760	17 233	7 358	9 875	2 517	25,4
1761	16 905	7 181	9 724	2 543	26,1
1762	20 925	8 162	12 762	4 600	36,0
1763	20 330	9 190	11 140	1 950	17,5
1764	21 164	9 671	11 494	1 823	15,8
1765	22 299	9 200	13 099	3 898	29,8
1766	20 783	9 175	11 608	2 433	20,6
1767	20 503	8 893	11 609	2 716	23,4
1768	23 828	10 856	12 972	2 116	16,3
1769	26 198	11 680	14 518	2 838	19,5
1770	26 363	11 374	14 989	3 615	24,1
1771	27 863	10 727	17 136	6 409	37,4
1772	31 233	15 563	15 670	107	0,7
1773	31 713	13 572	18 142	4 570	25,2

⁶ На этот счет существует разнообразная статистика. Так, по подсчетам на основании данных Г. Шторха, доля морской торговли в товарообороте России составила в 1793 г. составила 84,4 %, в том числе Санкт-Петербурга – 55,1 %. (*Storch H. Op. cit. S. 10–11*).

1774	31 200	13 596	17 604	4 008	22,8
1775	31 027	12 469	18 557	6 088	32,8
1776	30 976	13 007	17 968	4 961	27,6
1777	35 131	14 644	20 486	5 842	28,5
1778	31 878	12 704	19 174	6 469	33,7
1779	33 161	14 369	18 791	4 423	33,5
1780	35 134	15 477	19 657	4 180	27,0
1781	38 988	16 298	22 691	6 393	28,1
1782	40 351	19 292	21 059	1 767	8,3
1783	42 755	19 251	23 504	4 252	18,1
1784	44 961	18 396	26 295	7 899	30,0
1785	41 806	16 433	25 374	8 941	35,2
1786	39 976	17 071	22 904	5 834	25,5
1787	48 867	22 753	26 114	3 361	12,9
1788	47 642	18 921	28 721	9 800	34,1
1789	52 567	21 513	31 054	9 541	30,7
1790	63 887	31 133	32 755	1 622	5,0
1791	69 403	35 113	34 290	-823	-2,3
1792	78 218	37 521	40 697	3 176	7,8
1793	69 600	26 118	43 481	17 363	39,9
1794	80 004	34 529	45 474	10 945	24,1
1795	90 424	36 652	53 772	17 120	31,8
1796	109 549	41 879	67 671	25 792	38,1
1797	91 615	34 932	56 684	21 752	38,3

*Storch H. Op. cit. S. 1–2.

Проблема достоверности статистики внешней торговли отнюдь не исчерпывается тем, насколько опубликованные данные проверяются по архивным материалам и отвечают требованиям системности. В науке давно существует предубеждение в отношении достоверности статистики внешней торговли. Оно базируется, во-первых, на тезисе о контрабанде, которая никак не учитывается официальной статистикой. Во-вторых, скептики считают, что, имея в распоряжении сведения о стоимости товаров, мы не можем быть уверены, что имеем дело с реальной стоимостью товаров. Ведь купцы могли прописывать в документах цены по своему усмотрению, чтобы сэкономить на пошлинах, а реально товар стоил иначе. Конечно, эти соображения важны. Контрабанда всегда существовала, как и злоупотребления таможенных служителей, которые в сговоре с участниками торговли решались на фальсификацию данных о ценах и объемах поставки товаров. Но на этом основании не стоит полностью отвергать эти данные, хотя бы потому, что иных такого рода сведений просто не существует. И наконец, перед исследователем истории внешней торговли вовсе не стоит задача определить точно, сколько и на какую сумму определенных товаров было привезено в Россию или вывезено за рубеж. Достаточно определить основные тенденции и тренды. А суммарные данные

статистики внешней торговли вполне отражают колебания конъюнктуры, особенно если допустить, что уровень коррупции в течение всего изучаемого периода был, примерно, одинаковым.

Есть еще одна проблема, которая возникает при анализе статистики внешней торговли, если мы имеем дело с данными о стоимости ввезенных или вывезенных товаров. Изменения стоимости в рамках длительного периода отнюдь не означают, что таким же образом меняется и количество ввозимых или вывозимых товаров. Ведь в то же самое время меняется и цена, и суммарная стоимость, что зависит от процессов инфляции и других факторов. В рамках нашего исследования это просматривается весьма наглядно. В 1742 г. товарооборот России составил 8 млн. руб., а в 1792 г. – 78 млн. руб. (См. Табл. 1). Таким образом, в стоимостном выражении объем внешней торговли страны за пятьдесят лет вырос почти в 10 раз, что в реальном измерении немыслимо. Но насколько немыслимо? Есть ли возможность скорректировать эти сведения посредством некоторых реальных данных? Из числа наиболее простых имеется, по крайней мере, два приема.

Первый из них состоит в том, чтобы учесть изменение стоимости денег, если на сей счет имеются достаточные данные. Колебания стоимости рубля можно проследить по данным о его курсе по отношению к штиверу, расчетной денежной единицы Нидерландов, котировавшейся на Амстердамской бирже, которая являлась одним из главных центров обращения и обмена валют европейских стран. Двадцать штиверов составляли один гульден, в то время и многие годы спустя, вплоть до начала ХХI в., являвшийся основной денежной единицей Голландии. В XVIII в. гульден обращался в качестве серебряной монеты, с устойчивой пробой серебра. Разумеется, цена самого денежного металла в течение веков постепенно уменьшалась, но в данном случае этим фактором можно пренебречь. Что касается российского рубля, за рубежом он также рассматривался в качестве серебряной монеты, его курс колебался в зависимости от массы товаров, вращавшихся в российской внешней торговле, что влияло на их цену, следовательно, и на стоимость самой русской валюты, а также на то, насколько устойчив был платежный баланс России, что во многом зависело от превышения экспорта над импортом. Котировка рубля имела значение и потому, что в то время участники торговли рассчитывались друг с другом не звонкой монетой, а осуществляли перевод соответствующих сумм через банки, что отражалось в документах. Поэтому важно было знать, сколько реально стоит рубль в определенный момент времени.

Данные о курсе рубля по отношению к голландскому штиверу за XVIII в. приводятся Г. Шторхом в тех же хронологических рамках, что и ежегодные данные по товарообороту. По каждому году даются крайние пределы, внутри которых колебался курс. В 1742 г. российский рубль котировался от 49 до 46,5 штиверов. (Как видим, рубль стоил более двух гульденов). Для упрощения задачи можно взять среднюю величину за каждый год. Приняв данные 1742 г. за единицу, мы видим, что курс рубля

остаётся весьма устойчивым в течение почти тридцати лет, теряя за некоторые годы не более 10% стоимости и возвращаясь время от времени к уровню начала 1740-х гг. (См. табл. 2).

Таблица 2. Курс российского рубля по отношению к голландскому штиверу в 1742–1795 гг. (котировка в штиверах за 1 рубль. 1 штивер – 1/20 гульдена)*

Год	Курс	Колебания курса**	Год	Курс	Колебания курса	Год	Курс	Колебания курса
1742	47,75	1,000	1760	40,125	0,840	1778	42,275	0,885
1743	45,75	0,958	1761	43,375	0,908	1779	39,5	0,827
1744	46,25	0,968	1762	46,875	0,982	1780	38,75	0,811
1745	46,15	0,966	1763	47,75	1,000	1781	39,125	0,819
1746	48,25	1,010	1764	45,25	0,948	1782	39	0,817
1747	45,25	0,948	1765	47,0	0,984	1783	38,25	0,801
1748	45,525	0,953	1766	46,25	0,969	1784	37,5625	0,787
1749	44,75	0,937	1767	44,775	0,938	1785	39,19	0,820
1750	47,375	0,992	1768	43,5	0,911	1786	39,375	0,825
1751	46,875	0,961	1769	42,5	0,890	1787	38,75	0,812
1752	48,75	1,021	1770	40,75	0,853	1788	34,5	0,722
1753	51,125	1,071	1771	42,225	0,884	1789	30,0	0,628
1754	48,625	1,018	1772	43,25	0,905	1790	30,0	0,628
1755	50,0	1,047	1773	40,25	0,842	1791	27,275	0,571
1756	50,275	1,052	1774	40,375	0,846	1792	26,675	0,559
1757	46,875	0,981	1775	44	0,921	1793	24,5	0,513
1758	44,775	0,938	1776	43,875	0,919	1794	27	0,565
1759	42,5	0,890	1777	43,025	0,901	1795	27,875	0,604

* Storch H. Op. cit. S. 5–7. (На основании данных Г. Шторха приводится среднее значение за каждый год)

**Курс 1742 года принят равным единице.

На эту стабильность не повлияло даже официальное уменьшение содержания серебра в рубле в 1763 г. (с 471,5 долей чистого серебра до 405 долей)⁷. Это свидетельствует о стабильности внешней торговли и активном внешнеторговом балансе.

С начала 1770-х гг. в течение примерно 15 лет можно отметить некоторое падение в пределах 15–20 % стоимости. Вероятно, в этом сказались введение ассигнаций в России в 1769 г. Резкое падение происходит в конце 1780-х гг. и усиливается в первой половине 1790-х гг. В этом также нельзя не видеть влияния процесса обращения новых бумажных денег. В 1787 г. в связи с финансовыми потребностями начавшейся войны с Турцией был резко увеличен выпуск ассигнаций, и в 1787 г. процесс их размена на серебро практически прекратился⁸. В 1787 г. рубль серебром приравнивался к 3 рублям ассигнациями, а в 1793 г. – уже 36 рублей!⁹ На мировом рынке российский рубль также сильно подешевел. В 1792 г. он котируется против штивера почти в два раза дешевле, чем в 1742 г. (по нашим расчетам, упал до 0,559 стоимости). В результате можно предположить, что стоимость российского экспорта, считая рубль по курсу 1742 г., составила около 44 млн. руб. То есть реальный товарооборот вырос не в десять, а в пять раз. Что также свидетельствует о более чем успешном развитии российской внешней торговли в середине и второй половине XVIII в.

Другой прием, посредством которого можно поверить приведенные выше расчеты, состоит в привлечении данных не по стоимости, а по количеству вывезенных или ввезенных товаров. Товаров было множество, особенно в импорте, для подобной экспертизы можно использовать сведения по одному или нескольким особенно важным товарам, экспорт которых отличался наибольшей устойчивостью. В наибольшей степени этому соответствует, очевидно, такой товар как пенька, потребность в которой европейский рынок ощущал постоянно. Важные позиции в русском экспорте занимали также лен, железо, парусина, а с середины XVIII в. – зерно.

Таблица 3. Среднегодовой экспорт из России по данным Г. Шторха*

Период	Пенька (тыс. пудов)	Лен (тыс. пудов)	Парусина (тыс. аршин)	Зерно (тыс. четвертей)
1758–1762	2011	671	3 869	870
1791–1795	3 062	1261	12 549	3 121

*Storch H. Op. cit.

Что касается пеньки, железа, льна, парусины, также не существует статистики их экспорта за каждый год в течение всего XVIII в. Но имеются усредненные данные, полученные из разного рода источников, заслу-

⁷ Опарин Д.И. Указ. соч. С. 102.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Storch H. Op. cit. S. 9.

живающих доверия. Во-первых, это сведения того же Г. Шторха, который приводит данные об экспорте важнейших товаров в среднем за год, начиная с конца 1750-х гг., а также за период 1791–1795 гг. Они приводятся в Табл. 3.

В стоимостном выражении русский экспорт за этот период вырос почти в пять раз, с учетом падения стоимости рубля за этот период – почти в три раза¹⁰. А реальный экспорт пеньки вырос в 1,5 раза, льна – почти в 2 раза, парусного полотна более чем в три раза, зерна – в 3,5 раза. Таким образом, данные Г. Шторха о росте экспорта с начала 1760-х до начала 1790-х гг. в реальном измерении и стоимостном выражении (с учетом падения курса рубля) более-менее коррелируют. Особенно, если учесть расширение экспорта зерна и железа за этот период.

Что касается более раннего времени, вполне корректными можно считать цифры, содержащиеся в обобщающем труде А. Кагана, посвященном социально-экономической истории России XVIII в. Для нас в данном случае важны сведения за 1741–1745 гг., поскольку непрерывные данные о статистике товарооборота России в целом начинаются с 1742 г. А. Каган опирается на сведения из Национального архива в Лондоне, данные о регистрации судов и товаров в Зундском проливе и на фундаментальный труд М. Чулкова о российской коммерции в XVIII в. Сведения об экспорте ряда товаров по данным А. Кагана за интересующие нас периоды приводятся в табл. 4.

Таблица 4. Среднегодовой экспорт из России по данным А. Кагана (в тыс. шиффунтов)*

Период	Пенька	Лен	Железо
1741–1745	102,1	21,2	28,9
1758–1762	201,1	67,2	86,8
1791–1795	248,0	131,2	252,0

*Kahan A. The Plow, the Hammer, and the Knout. Chicago: The University of Chicago Press, 1985. P. 178, 179, 180, 188–189.

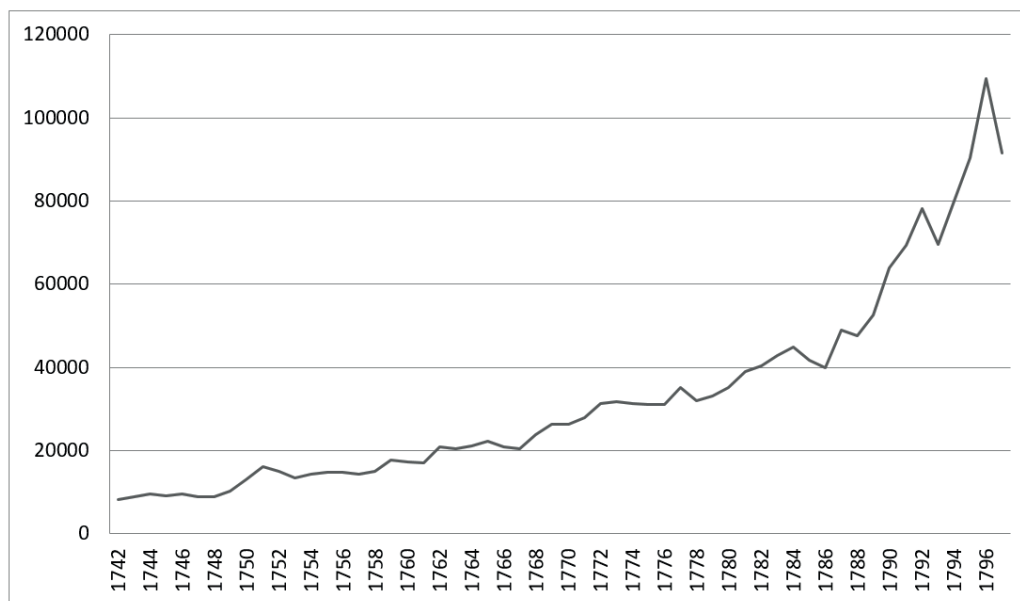
Можно констатировать очевидное совпадение этих данных за 1758–1762 гг. и за начало 1790-х гг. со сведениями Г. Шторха. Дело в том, что цифры А. Кагана приводятся в шиффунтах. Это распространенная в зарубежной Европе мера грузоподъемности торговых судов и мера веса нагружаемых в данном случае «валовых» товаров. В отдельных странах вес шиффунта несколько различался, примерно его можно считать равным российскому берковцу (10 пудов). Сведения Г. Шторха даются в пудах, и как видим, раз в десять превышают числа, приводимые А. Каганом. Что

¹⁰ По расчетам на основании данных Табл. 1, среднегодовой экспорт в 1758–1762 гг. составляет 9,8 млн руб., в 1791–1795 гг. – 43,5 млн руб. С учетом падения курса рубля в 1758–1762 на 0,912 в среднем за год по сравнению с уровнем 1742 г. (см. Табл. 2) и в 1791–1795 на 0,562, среднегодовая стоимость экспорта составит 8,9 млн руб. и 24,5 млн руб., соответственно.

касается данных о пеньке за начало 1790-х гг., то у А. Кагана даются сведения только о ее вывозе из России через Зунд, то есть за пределы Балтики. Видимо, недостающая по сравнению с Г. Шторхом масса пеньки была направлена в порты внутри Балтийского моря. Особенно важны данные А. Кагана за начало 1740-х гг. Мы видим, что к концу 1750-х гг. экспорт пеньки в реальном измерении вырос в два раза, а льна и железа – в три раза. Примерно в два раза вырос экспорт и товарооборот в стоимостном выражении, что соответствует реальной картине, поскольку тогда курс рубля держался примерно на уровне 1742 г. с незначительными отклонениями (см. Табл. 2).

Таким образом, суммируя все данные о росте товарооборота в стоимостном выражении, а также в стоимостном выражении, но с учетом падения курса рубля, и реальные данные об экспорте основных товаров, можно вполне уверенно предположить, что в период с начала 1740-х до начала 1760-х гг. товарооборот России реально вырос в два раза. Это как раз время правления императрицы Елизаветы Петровны. Еще в два раза (максимум, в два с половиной раза) товарооборот реально вырос с начала 1760-х до середины 1790-х гг. Это время правления Екатерины II. Всего с середины и до конца XVIII в. реальный товарооборот вырос в 4–5 раз. Это вполне соответствует и данным о стоимости, если пересчитать ее с учетом падения курса рубля за весь изучаемый период. Особенно стремительным было это падение в начале 1790-х гг., на что наложились еще инфляция, связанная с резким расширением выпуска бумажных ассигнаций. Это и обусловило не пяти-, а десятикратный рост товарооборота к концу XVIII в., в стоимостном выражении по зафиксированным тогда и дошедшим до нас данным.

График 1. Динамика внешнеторгового оборота России в 1742 – 1797 гг. (тыс. рублей)

Не менее важное значение для истории внешней торговли имеют колебания конъюнктуры и торговый баланс. И то и другое мы можем наблюдать на основе изучения существующей статистики импорта и экспорта. При этом следует сопоставлять данные за ряд ближайших лет, поэтому проблема падения стоимости рубля, которая дает о себе знать в течение длительного временного периода, в данном случае не имеет существенного значения.

Колебания конъюнктуры (то есть более-менее резкие подъемы и спады) мы можем проследить на прилагаемом графике 1, составленном по уже упомянутым данным статистики. Во-первых, на фоне общего роста конъюнктуры в рамках изучаемого периода и отдельных десятилетий мы можем выделить некоторые «микроциклы», то есть после одного-двух лет подъема следует спад в течение одного года, далее новый подъем в течение одного-двух лет, опять некоторый спад и т.д. Хотя, как правило, каждый следующий рост оказывается несколько более сильным, чем в предыдущем микроцикле, что и поднимает всю конъюнктуру в целом за изучаемый период. Эти двух-трехгодичные колебания конъюнктуры можно объяснить спецификой внешней торговли, особенно при преобладании доставки больших масс товаров морем. Обычно поступавший из-за моря товар не может быть полностью распродан за год, и на будущий год ввоз товара этого вида несколько сокращается, кроме того, капитал не может быстро обращаться и замещаться в течение года, что и ведет зачастую к некоторому спаду в следующем сезоне.

Вместе с тем в течение изучаемого периода можно заметить более существенные колебания конъюнктуры, иногда в течение ряда лет наблюдается особенно длительный и стремительный подъем, иногда видим более резкие, чем обычно, спады. Так, очевиден подъем, длящийся в конце 1740-х – начале 1750-х гг. (в 1748 г. товарооборот составил 8,9 млн руб., в 1752 г. – 14,9 млн руб.). При этом не приходится говорить о падении стоимости русского рубля, его курс по отношению к штиверу даже возрастает в начале 1750-х гг. (см. Табл. 2), что также свидетельствует о благоприятной конъюнктуре. Возможно, это объясняется общим оживлением международных экономических связей в Европе в целом в связи с окончанием длительной войны (или даже двух войн) за австрийское наследство (мир в Аахене 1748 г.) и прекращением экономического кризиса в Англии, возникшего из-за восстания якобитов 1745–1746 г.¹¹ В самой России ситуация была достаточно стабильной, отношения с Англией, главным торговым партнером, были на подъеме. Период в конце 1740-х гг. – начале 1750-х гг. был в целом спокойным и мирным, представляя собой некоторую паузу между войнами за австрийское наследство и Семилетней войной. Далее конъюнктура умеренно повышается, в том числе и в период Семилетней войны, при этом следует отметить и некоторое падение курса рубля, что в целом сглаживает наблюдаемый подъем.

¹¹ Митчелл У. Экономические циклы. М.; Л., 1930. С. 130.

Новый подъем происходит в первой половине 1760-х гг., и начинается буквально в год вступления на трон Екатерины II. (16,9 млн руб. в 1761 г. и 20,9 млн руб. – в 1762 г.). Причем в наибольшей степени он происходит за счет роста экспорта. Этот подъем обусловлен целым рядом факторов. Приход к власти Екатерины II стал началом не только довольно длительного периода политической стабильности в России, но и улучшения экономической конъюнктуры, прежде всего в связи с отменой монополий, начало чему было положено еще при Петре III. На международной арене в связи с окончанием Семилетней войны также активизируются экономические связи, исследователи экономических циклов и кризисов говорят об очевидном подъеме и даже периоде «бума»¹². Не случайно, именно в это время в Санкт-Петербург прямым рейсом регулярно приходят торговые корабли из Северной Америки¹³. Очередной подъем после некоторой стагнации середины 1760-х гг. происходит в конце 1760-х – начале 1770-х гг. Его можно связывать с вступлением в действие таможенного тарифа 1766 г., более умеренного, чем тариф 1757 г. Снижение тарифа на ввоз товаров и дозволение иностранным купцам платить до 50 % пошлин русскими деньгами способствовало активизации импорта, за счет чего в значительной степени и происходил рост товарооборота в этот период. Правда, в это же время в оборот в России вводятся ассигнации, курс рубля ощутимо падает, что должно несколько сглаживать рост товарооборота в реальном выражении. В это время происходила русско-турецкая война, которая началась в 1768 г. в условиях благоприятной конъюнктуры и только ее затягивание привело к определенной стагнации в 1772–1775 гг. На это повлиял и очередной кризис в Европе, сопровождавшийся крахом ряда крупнейших торговых фирм и банков в Лондоне, Амстердаме и Гамбурге¹⁴. Наконец, в том же 1773 г. Россию поразил неурожай¹⁵. Последствия этих событий были преодолены к середине 1770-х гг., что привело к резкому подъему, который мы констатируем в 1777 г. (35,1 млн руб. против 30,9 млн руб. в предыдущем году). Но последовавший спад в 1778 г. (вновь до 31,9 млн руб.), наверное, можно объяснить сильным наводнением в Петербурге, самым мощным в XVIII в. и третьим по силе во всей истории города¹⁶.

На протяжении большей части 1780-х гг. идет в целом довольно плавный подъем, который прерывается заметным падением в 1785–1786 гг. (с 44,9 млн руб. в 1774 г. до 39,9 млн руб. в 1786 г.). В этом можно видеть последствия мощного кризиса в системе банков и денежного обращения

¹² *Jevons W.S.* The periodicity of commercial crises and its physical explanation // *Investigations in currency and finance*. London, 1884. P. 284.

¹³ *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII в. М., 2005. С. 220.

¹⁴ *Митчелл У.* Указ. соч. С. 82.

¹⁵ *Мионов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. С. 122.

¹⁶ 321 см выше ординара (Очерки истории Ленинграда. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 375).

в Западной Европе, достигшего апогея в 1783 г.¹⁷ России волны этого кризиса достигают через год.

В конце 1780-х гг. происходит бурный рост товарооборота в стоимостном выражении, что объясняется прежде всего падением курса рубля, о чем говорилось выше. Но и определенные колебания конъюнктуры также имели место. До конца 1790-х гг. спад можно зафиксировать, по крайней мере, трижды: 1788-й, 1793-й и 1797-й гг. Возможно, это обычные падения конъюнктуры в рамках микроциклов, когда процесс затоваривания растягивается до 4-х лет (три года идет подъем, затем следует резкий спад). Но вместе с тем нельзя не видеть в данном случае и влияния ряда событий в России и в Европе. Падение 1788 г. произошло за счет сокращения импорта, экспорт увеличивался обычным для того времени темпом. Вероятно, это связано с началом сразу двух войн: русско-турецкой и русско-шведской. Наибольшее значение имела война со Швецией, в Финском заливе развернулись военные действия флотов, и возможно, торговые фирмы несколько попридержали отправку импортных товаров в Петербург.

В эти же годы набирали силу революционные события во Франции, и в 1793 г. российское правительство запретило ввоз в страну французских товаров. Этим можно объяснить существенный спад импорта в том же году. Но только отчасти, ведь в дальнейшем импорт вновь возрастает, хотя запрет на импорт товаров, происходивших из Франции, действовал вплоть до начала XIX в. Другой фактор, повлиявший на спад конъюнктуры, это очередной кризис, разразившийся в Европе, поразивший банковскую и внешнеторговую сферу Лондона и Гамбурга¹⁸. Уже в следующем году последствия кризиса во внешней торговле России были преодолены. Очередной спад произошел в 1797 г. Его можно объяснить усилением запрета на торговлю с Францией в связи с вступлением на трон императора Павла I, введением нового таможенного тарифа, по которому повышались пошлины на ряд важных импортных товаров.

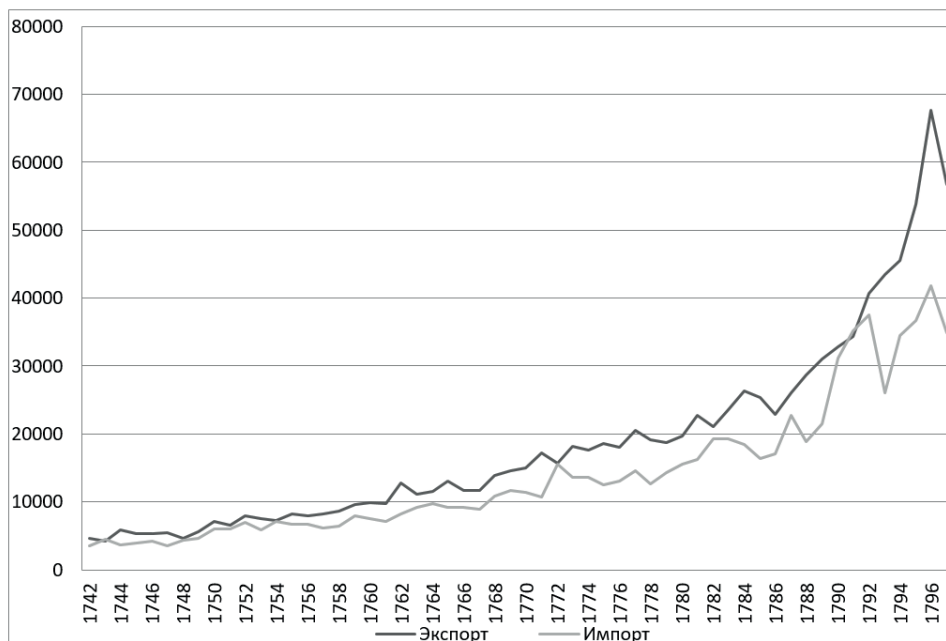
Таким образом, при общем росте товарооборота внешней торговли России в середине и второй половине XVIII в. наблюдались определенные колебания конъюнктуры под влиянием разного рода событий, внутри и вне России: введение новых тарифов, начало и завершение войн, кризисы в сфере банков и товарно-денежного обращения в крупнейших торгово-финансовых центрах Европы. Но однозначной связи внешнеторговой конъюнктуры и данных событий все же не прослеживается. Об их влиянии мы можем судить предположительно, тем более что аналогичные события в других случаях влияния не оказывают. Очевидно, на конъюнктуру рынка влияют сразу несколько факторов, многие из которых не поддаются наблюдению по недостатку данных, или трудно улавливаются в силу неизученности механизма подобного воздействия.

¹⁷ Бунатян М.А. Экономические кризисы. М., 1915. С. 11; Pohl M. Hamburger Bankengeschichte. Mainz, 1986. S. 32.

¹⁸ Jevons W.S. Op. cit., P. 230–231; Pohl M. Op. cit. S.32.

Имеющиеся данные позволяют более внимательно проследить соотношение экспорта и импорта. Они приводятся в Таблице 1 и отражены на Графике 2.

График 2. Динамика экспорта и импорта в товарообороте России в 1742–1797 гг. (тыс. рублей)

Практически в течение всего изучаемого периода во внешней торговле России сохранялся активный внешнеторговый баланс. Исключение составляют годы 1743-й и 1791-й, когда этот баланс был отрицательным. Причем и тогда превышение импорта над экспортом оказалось весьма незначительным. Кроме того, в 1754 и 1772 гг. перевес экспорта над импортом оказался настолько мизерным, что можно говорить об их практическом равенстве. Обращает на себя внимание синхронность колебаний динамики экспорта и импорта на протяжении большей части изучаемого периода. То есть, сложившаяся в российской и международной торговле конъюнктура, как правило, в равной мере оказывает влияние и на вывоз российских товаров и на ввоз иностранных. Так, колебания динамики экспорта и импорта в целом совпадают в 1748–1752 гг., 1758–1771 гг., 1778–1782 гг., 1787–1792 гг., 1794–1797 гг. В промежутках между этими периодами колебания в развитии и экспорта и импорта не совпадают, чему, очевидно, в каждом случае есть свои, не всегда уловимые, причины.

Важным в данном случае является вопрос о влиянии на торговый баланс таможенной политики. Российское правительство всегда стремилось к сохранению активного торгового баланса, как и в период доминирования принципов меркантилизма в экономической политике (в XVIII в. со времен Петра I и до вступления на трон Екатерины II), так и во второй половине столетия, когда на смену меркантилизму пришли идеи физиократов, фритредерства и прочие, свойственные духу Просвещения. Протекционизм в таможенной политике, то есть повышение пошлин на им-

портные товары, должен был обеспечить не только покровительство отечественной промышленности, но и рост активного торгового баланса.

В 1757 г. был принят третий в истории России таможенный тариф, который имел ярко выраженный протекционистский характер, устанавливал высокие, иногда заградительные пошлины на ввоз импортных товаров, что не только должно было защитить отечественную промышленность, но и компенсировать потери казны в результате отмены внутренних торговых пошлин в 1753 г. Но в 1757 г. отмечено незначительное падение импорта (до 6,1 млн руб. с 6,7 млн руб. в предыдущем году) после некоторой стагнации с 1755 г. В 1758 г. и далее происходит рост импорта, а дальше он колеблется в обычном режиме. На динамику экспорта этот тариф, по имеющимся данным, также не повлиял, с 1755 по 1758 гг. она не проявляла заметных колебаний. Более того, рост импорта в 1759 г. привел к значительному сокращению активного торгового баланса по сравнению с предыдущими двумя годами.

Следующий таможенный тариф был издан в 1766 г. По сравнению с Тарифом 1757 г. он был более умеренным, хотя избирательно протекционистским, сохраняя высокие пошлины на ряд импортных товаров. Введение тарифа застало конъюнктуру на некотором спаде, который продолжался до 1768 г., когда начался очередной подъем, причем как в отношении экспорта, так и импорта. Торговый баланс в этот период и до введения тарифа, и после держался на уровне 20 % экспорта. Следовательно, и этот тариф не оказал непосредственного очевидного воздействия на динамику товарооборота.

Одной из самых существенных акций таможенной политики Екатерины II стало издание тарифа 1782 г., который считается одним из самых либеральных в истории России. Примечательно, что в год введения тарифа произошел резкий подъем импорта и падение экспорта, активный торговый баланс упал до 8 %. Казалось, это было вполне ожидаемое следствие введения либерального тарифа. Но в следующие годы происходит существенное падение импорта и резкий рост экспорта, как будто только что был введен протекционистский тариф. Таким образом, приведенные выше подсчеты и наблюдения показывают, что введение протекционистских или, напротив, умеренных тарифов почти не влияет на торговый баланс, соотношение экспорта и импорта.

Введение новых тарифов может оказывать влияние на общее оживление конъюнктуры, что уже отмечалось выше, когда речь шла о динамике товарооборота в целом.

Но вопрос о более конкретном и целенаправленном влиянии таможенных тарифов на развитие внешней торговли, взаимоотношения экспорта и импорта тем не менее остается. Поскольку мы практически не видим заметной корреляции введения тарифов и изменений в динамике товарооборота и торгового баланса, то влияние таможенной политики должно проявиться несколько иначе. Таможенный тариф по определению представляет собой роспись товаров с указанием пошлины по каждому

из них. Это позволяет законодателю (а тариф — это закон), ограничивать вплоть до запрета ввоз и вывоз одних товаров и поощрять оборот других товаров. Поэтому тариф влияет прежде всего не на общую динамику оборота, экспорта и импорта, а на структуру, состав, ассортимент внешней торговли. Поэтому, изучая влияние таможенной политики на внешнюю торговлю, следует прежде всего исследовать структуру экспорта и импорта, соотношение разных групп товаров. Тогда и будет ясно, насколько тариф выполняет свою роль в поощрении торговли одними товарами и ограничении в обороте других. А это важно для понимания более общих тенденций в развитии производства и торговли, экономической политики. Проведение подобного исследования требует объема, как минимум, монографии или диссертации. И это уже основательно осуществлено Н.Н. Репиным в его докторской диссертации, которая в целом осталось неопубликованной, но она доведена до 60-х гг. XVIII в.¹⁹, а внешняя торговля последней трети XVIII в. остается монографически в подобном ракурсе пока неисследованной.

Что касается влияния тарифа на динамику товарооборота в целом, то далеко не всегда изменение пошлин в отношении отдельных товаров может оказать в данном случае существенное воздействие. Дело в том, что само по себе это мало влияет на оборот той массы капиталов, энергию и интересы множества предпринимателей, занятых в этой сфере, бизнес которых заключается прежде всего в обеспечении контактов между Россией и международным рынком. Запрет на ввоз определенных товаров всего-навсего побудит их вложить свои капиталы и энергию в закупку и продажу за рубежом других товаров, которые легче пройдут таможенный тариф, так что общий объем товарооборота, тем более, если мы считаем в стоимостном выражении, в целом сохранится. А снижение или расширение масштабов затрачиваемых капиталов, а следовательно, и динамика общего оборота зависят от более общей ситуации в стране и мире, общих экономических тенденций, войны и мира, природных катастроф, циклов и кризисов, становящихся тогда обычными в мировой экономической истории, под влияние которых начала попадать и Россия. Об этом отчасти сказано в настоящем очерке, насколько позволяет его объем и имеющиеся в нашем распоряжении данные.

¹⁹ *Репин Н.Н.* Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 — начале 60-х годов XVIII века: дисс. ... д.и.н. М, 1985.

Новая книга о престолонаследии в России раннего Нового времени²

Рец. на: **Bushkovich P. Succession to the Throne in Early Modern Russia: The Transfer of Power 1450–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.**

Монархия; престолонаследие; государев двор; Московское государство; Российская империя; Смутное время.

Монография Пола Бушковича «Наследование престола в России раннего Нового времени: Передача власти 1450–1725» предлагает новый взгляд на проблему престолонаследия в российской истории. В рецензии анализируются ключевые аргументы исследователя, а также рассматривается историографический контекст появления данной работы.

Исследования политической культуры – одно из наиболее активно развивающихся направлений зарубежной историографии российской истории раннего Нового времени. В самое недавнее время увидели свет сразу несколько книг известных историков-русистов, посвященных данной проблематике. Дэниел Роулэнд и Эндре Шашхалми обратились в своих работах к теме представлений о власти и государстве³, Расселл Мартин проанализировал церемониальный аспект великокняжеских и царских свадеб конца XV – первой половины XVIII в.⁴. На русском языке вышли три более ранние монографии: Расселла Мартина о смотрах невест российских монархов⁵, Нэнси Коллманн об управлении разнообрази-

¹ Кирпичников Иван Алексеевич; кандидат исторических наук, Институт истории СПбГУ.

² Статья написана при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22–18–00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)». Автор благодарит С.Д. Анисимову (University of St Andrews) за помощь с материалами при подготовке рецензии.

³ Rowland D.B. *God, Tsar, and People: The Political Culture of Early Modern Russia*. Ithaca; London: Northern Illinois University Press (an imprint of Cornell University Press), 2020 (рецензия: Попович А.И. На пути к истории политической культуры России раннего Нового времени // Новое литературное обозрение. 2023. № 1 (179). С. 347–354); Sashalmi E. *Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter's Reign*. Boston, MA: Academic Studies Press, 2022.

⁴ Martin R.E. *The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers, 1495–1745*. Ithaca, NY: Northern Illinois University Press (an imprint of Cornell University Press), 2021.

⁵ Мартин Р.Э. *Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI–XVII веков*. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

ем⁶ и Клаудио Ингерфлома о самозванчестве⁷. Важное место среди книжных новинок занимает изданное в 2021 г. исследование Пола Бушковича «Наследование престола в России раннего Нового времени: Передача власти 1450–1725».

Пол Бушкович (р. 1948 г.) – профессор Йельского университета, автор и редактор более чем сотни работ, которые охватывают чрезвычайно широкий круг проблем истории Московского государства и Российской империи⁸. Предыдущие книги П. Бушковича посвящены купечеству (1982)⁹, религии и обществу в допетровскую эпоху (1992)¹⁰; популярностью пользуется составленный им краткий курс истории России (2012)¹¹. Среди российских читателей наиболее известна, пожалуй, переведенная в 2008 г. монография «Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725)» (американское издание – 2001 г.), в которой были систематически проанализированы перипетии борьбы придворных группировок и предложен оригинальный взгляд на отношения внутри правящего слоя¹². Новая книга обнаруживает несомненную преемственность с идеями этого исследования. Однако теперь, помимо значительного расширения хронологических рамок, фокус внимания автора перемещается с элиты на династию.

Наследование престола редко становится предметом изучения в качестве самостоятельной научной проблемы. Характерно, что только в недавнее время были выполнены систематические исследования практик передачи власти в домонгольской Руси¹³. Применительно к истории России раннего Нового времени можно выделить несколько работ обзорно-

⁶ Коллман Н.Ш. Россия и ее империя. 1450–1801. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023.

⁷ Ингерфлом К. Аз есмь царь. История самозванства в России. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

⁸ Личная страница П. Бушковича на сайте Йельского университета: <https://history.yale.edu/people/paul-bushkovitch> (дата обращения: 15.01.2023).

⁹ *Bushkovitch P. The Merchants of Moscow, 1580–1650.* New York; London: Cambridge University Press, 1980.

¹⁰ *Idem. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries.* New York: Oxford University Press, 1992.

¹¹ *Idem. A Concise History of Russia.* Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2011.

¹² Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008 (с послесловием Д.Б. Буланина, в котором содержится обзор работ П. Бушковича); *Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725.* New York: Cambridge University Press, 2001.

¹³ Гвозденко К.С., Горский А.А. О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14–23; Назаренко А.В. Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М, 2009. С. 47–87. П. Бушкович не учитывает данные работы при обсуждении порядка престолонаследия в средневековый период.

го характера: монографию Петера Ниче¹⁴, статьи Гюнтера Штёкля¹⁵, Расселла Мартина¹⁶, Эндре Шашхалми¹⁷ и Лоренца Эррена¹⁸. Исследователи, которые обращаются к конкретным сюжетам политической истории, в основном оперируют представлениями о порядке престолонаследия, некритически заимствованными из историографической традиции. Такие общепринятые допущения могут быть сформулированы в виде трех положений: (1) в Московской Руси сформировалась наследственная монархия с примогенитурой (автоматически действовавшим принципом первородства); (2) пресечение династии Калитовичей повлекло за собой кризис сложившейся наследственной системы, которая была вновь восстановлена при первых Романовых; (3) Петр I разрушил традиционный порядок передачи власти, законодательно установив произвольный выбор наследника монархом. Главное значение монографии П. Бушковича заключается в выдвижении нового подхода к проблеме престолонаследия, который приводит к фундаментальному пересмотру каждого из приведенных тезисов.

Книга состоит из семи глав, первая из которых служит введением в историю престолонаследия в европейских монархиях, а также содержит экскурс в проблематику политической культуры России раннего Нового времени. Последующие шесть глав организованы в хронологической логике и охватывают все случаи переходов власти между серединой XV в. и концом первой четверти XVIII в. (впрочем, во второй главе П. Бушкович обращается к сюжетам из ранней истории Московского княжества, а в заключении – также и к послепетровской эпохе). Не следуя в рецензии авторскому порядку повествования, мы представим основные исследовательские ходы и полученные результаты, а также обозначим некоторые историографические контексты сделанных выводов.

Прежде всего, П. Бушкович предостерегает от обсуждения престолонаследия в Московской Руси в терминах правовых абстракций. Светский юридический язык аристотелевского толка оставался глубоко чуж-

¹⁴ *Nitsche P.* Großfürst und Thronfolger: Die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Rjurikidenhauses. Cologne; Vienna: Böhlau, 1972.

¹⁵ *Stökl G.* Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland // Kunisch J. (Hrsg.). Der dynastische Fürstenstaat. Berlin: Duncker und Humblot GmbH, 1982. S. 273–289.

¹⁶ *Martin R.E.* Anticipatory Association of the Heir in Early Modern Russia: Primogeniture and Succession in Russia's Ruling Dynasties // *The Routledge History of Monarchy*. Abingdon; New York: Routledge, 2019. P. 420–444; *Idem.* Familial Order, Dynasty, and Succession in Early Modern Russia: Towards a Gendered History of the Muscovite Dynasty // *The State in Early Modern Russia: New Directions*. Bloomington, Indiana: Slavica, 2019. P. 29–58.

¹⁷ *Sashalmi E.* La succession dans la Russie moscovite, 1425–1613 // *Making and Breaking the Rules: Succession in Medieval Europe c. 1000 – c. 1600*. Turnhout: Brepols, 2008. P. 145–161.

¹⁸ *Erren L.* Feofan Prokopovich's Pravda voli monarshei as Fundamental Law of the Russian Empire // *Kritika*. Vol. 17. № 2. P. 333–360. К большому сожалению, две последние работы, многие идеи которых созвучны тезисам П. Бушковича, остались ему неизвестны.

дым (по крайней мере, до 1660-х годов) для допетровской элиты, выражавшей политические идеи посредством религиозных и нравственных категорий. Порядок передачи власти не регулировался универсальными законодательными установлениями, а в литературных памятниках (переводах библейских и византийских текстов, а также русских летописей и историко-генеалогических трактатах) не обнаруживается образцов, которые служили бы однозначными ориентирами для московских правителей. Престолонаследие, как неоднократно напоминает исследователь, принадлежало к сфере гибкого неписаного обычая¹⁹. Не менее важно, что передача власти состояла из серии конкретных действий, предпринимавшихся в конкретных политических обстоятельствах, которые всегда имели большое значение. Престолонаследие предстает в книге изменчивым и адаптивным набором практик и норм, эволюция которых прослеживается в широком контексте политической культуры России раннего Нового времени.

С точки зрения П. Бушковича, распространенное представление о Московском государстве как о наследственной монархии, основанной на принципе примогенитуры, затемняет сложность реальных практик передачи власти и нуждается в существенных коррективах. Прежде всего, сложившийся порядок не предполагал автоматического наследования престола. В противном случае было бы трудно объяснить множество специальных усилий, которые из поколения в поколение прилагали великие князья и цари для обеспечения передачи трона. Главным источником легитимности П. Бушкович считает десигнацию²⁰ наследника, производимую действующим правителем. Десигнация реализовывалась в различных формах, которые не исключали друг друга, возникали в разное время и впоследствии могли деактуализироваться. Наиболее ранними из этих способов являлись устное отцовское благословение и письменное завещание; в дальнейшем на протяжении продолжительного периода наследник получал великокняжеский титул при жизни монарха. Во второй половине XVI – начале XVII в. ключевую роль играла публичная демонстрация участия наследника в государственном и военном управлении, а также посольских приемах. При Романовых особое значение имели придворные церемонии,

¹⁹ Внимательный читатель, как представляется, может справедливо упрекнуть автора в недостаточной теоретической проработке понятия «обычай» (custom), которое иногда появляется в тексте в роли *deus ex machina*. Точка зрения П. Бушковича на содержание и характер «обычая» остается не вполне ясной, а практика словопотребления отсылает скорее к языку документов петровской эпохи (где упоминания «обычая» часто носят негативный характер), чем к современным научным дискуссиям о природе подобных норм.

²⁰ Слово *designation*, которое использует П. Бушкович, можно перевести как *называние, провозглашение, указание, определение, назначение*, однако ни один из этих вариантов не позволяет избежать лишних коннотаций (например, «назначение на должность») и поэтому не дает возможности в полной мере отразить многообразие процедур, при помощи которых мог утверждаться приоритет одного из сыновей в качестве наследника. Вслед за некоторыми отечественными специалистами (прежде всего, А.В. Назаренко) мы оставляем термин *десигнация* без перевода.

и главной из них в контексте передачи власти стало празднование Нового года. 1 сентября 1667 г. впервые состоялся официальный ритуал объявления наследника – масштабный придворный спектакль в барочных тонах, аудиторией которого, как и прежде, являлись светская и церковная элиты Московского государства.

Итак, центральное значение для московской практики престолонаследия имело решение монарха. Безусловно, в нормальных обстоятельствах ожидалось, что государь провозгласит своим преемником старшего из сыновей. Такое положение дел, подчеркивает П. Бушкович, вовсе не должно привести к выводу об установлении примогенитуры. События конца правления Ивана III показывают, что великий князь имел возможность сделать наследником любого из прямых потомков. Необходимо также принять во внимание, что в досмутный период рассчитывать на занятие трона могли и представители боковых ветвей династии (без чего не произошла бы, в частности, кризисная ситуация 1553 г.). В условиях высокой детской смертности главная роль на всем протяжении истории Московской Руси принадлежала царской семье как единой группе, а не представлению о старшинстве одного из сыновей.

Однако более важно, что сама идея регулярного наследования престола, основанного на ближайшем родстве по мужской линии, не приобрела в московской политической культуре решающего веса. Именно поэтому пресечение династии Калитовичей сопровождалось не конкуренцией генеалогических аргументов (как это происходило в ряде западноевропейских монархий), но организацией процедуры царских выборов. Характерно, что передача престола Бориса Годунову обосновывалась, помимо самого факта избрания, якобы полученным от Федора Ивановича благословением²¹. Риторика наследственных прав и генеалогического старшинства, которой пользовались претенденты эпохи Смуты, оказалась не слишком востребованной в правление первых Романовых. При всей экстраординарности событий 1598–1613 гг., значение этого кризиса состоит для П. Бушковича в том, что он продемонстрировал широкие адаптационные возможности системы передачи власти. Представление о том, что в эпоху Смутного времени монархия «превратилась на ряд лет из наследственной в избирательную»²², глубоко анахронично: в Московской Руси сосуществовали династический, завещательный и выборный принципы.

Петровский Устав о престолонаследии 1722 г., по заключению П. Бушковича, не предполагал радикального разрыва с предшествующей практикой. Как ясно из вышесказанного, назначение наследника ожидалось от действующего правителя и раньше. В отношении порядка пре-

²¹ П. Бушкович оставляет здесь без внимания статью А.В. Лаврентьева, которая содержит важный анализ царских избраний эпохи Смутного времени: *Лаврентьев А.В. Выборы царя 1598, 1606, 1613 гг.: опыт Смутного времени (к постановке вопроса) // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. Рязань, 2011. С. 91–104.*

²² *Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 2015. С. 389.*

столонаследия куда более важной вехой являлся павловский акт 1797 г., впервые установивший автоматическую примогенитуру. Новизна же петровского Устава заключалась в том, что неписаный обычай стал писаным законом, который к тому же возник в контексте воспринятых из Западной Европы политических идей. Несомненно, они включали в себя представление о необходимости подчинения воле монарха – однако П. Бушкович последовательно критикует распространённое прочтение «Правды воли монаршей» Феофана Прокоповича в качестве апологии системы самодержавного всевластия²³.

Стремление проблематизировать традиционную оценку петровской эпохи в качестве радикального трансформационного «водораздела» российской истории, равно как и постановка под вопрос тезиса об абсолютистском характере власти московских государей – концептуальные решения, которые сближают подход П. Бушковича с идеями других представителей англо-американской русистики и позволяют говорить об общих теоретических основаниях. Обращаясь к первому аспекту, отметим, что все больше зарубежных исследователей откликаются на призыв «провести свои исследования через великий петровский разлом: вперед в XVIII век для историков Московской Руси и назад в XVII в. для историков императорской России», руководствуясь тем, что «период раннего Нового времени для России простирается примерно с 1600 по 1800 год»²⁴. В англоязычной историографии последних десятилетий неоднократно демонстрировалось, что восемнадцатое столетие унаследовало многие черты «старомосковской» социальной иерархии (Нэнси Коллманн, Джон ЛеДонн, Пол Бушкович)²⁵, правовых и управленческих практик (Нэнси Коллманн)²⁶, це-

²³ Взгляды П. Бушковича на сочинение Феофана Прокоповича были ранее представлены в работе: *Bushkovitch P. Political Ideology in the Reign of Peter I: Feofan Prokopovich, Succession to the Throne and the West* // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert. Moscow: DHI Moskau, 2012. P. 1–16. URL: https://perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00011443 (дата обращения: 15.01.2023). См. недавние отклики и критику: *Бугров К.Д.* Провидение и власть: политическая мысль Феофана Прокоповича // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 99–111; *Erren L.* Feofan Prokopovich's Pravda voli monarshei as Fundamental Law of the Russian Empire; *Sashalmi E.* Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter's Reign. P. 21, 22, 431–439.

²⁴ *Коллманн Н.Ш.* Соединенные чество. М.: Древлехранилище, 2001. С. 396. Обсуждение проблемы периодизации российской истории, в котором приняли участие некоторые ключевые представители англо-американской русистики, можно найти в одном из номеров *Slavic Review* 2010 г. (Volume 69, Issue 2; Forum: Divides and Ends Periodizing the Early Modern in Russian History).

²⁵ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725); *Коллманн Н.Ш.* Соединенные чество; *LeDonne J.* Ruling Families in the Russian Political Order: 1689–1825 // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1987. Vol. 28. № 3–4. P. 233–322.

²⁶ *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016; *Она же.* Россия и ее империя. 1450–1801.

ремониальной культуры (Расселл Мартин)²⁷, дипломатических традиций (Ян Хеннингс)²⁸. Следуя в русле этой логики, П. Бушкович рассматривает петровскую эпоху как динамичный переходный период, в котором сложным образом сочетались преемственность и изменения²⁹.

Второй несомненный тренд англо-американской историографии, который нашел отражение в рецензируемой монографии, связан с переосмыслением традиционных представлений о деспотическом самодержавии московских государей. В своей трактовке проблемы престолонаследия П. Бушкович примыкает к «ревизионистской» интерпретации российской монархии раннего Нового времени. Как отмечает Валери Кивельсон, одна из ключевых представительниц данного направления, характерные черты подхода «ревизионистов» – идея о преобладании компромисса над насилием, а также внимание к реальным практикам отправления власти, скрытым за идеологическим «фасадом»³⁰. Придавая большое значение воле монарха, П. Бушкович неоднократно подчеркивает важную роль консенсуса по династическим вопросам среди придворной элиты. В период между 1598 и 1613 гг., а также в 1682 г. в решение проблемы престолонаследия были вовлечены гораздо более широкие круги населения, и практику подобных консультаций также необходимо рассматривать как неотъемлемый элемент политической культуры Московской Руси. Исследователь напоминает, кроме того, что слово «самодержец», которое нередко фигурирует в историографии в связи с практиками передачи трона, подразумевало не неограниченную власть, а суверенитет³¹.

Монография П. Бушковича демонстрирует еще одну характерную особенность современной англо-американской историографии, а именно стремление к преодолению изоляционистского видения истории российской государственности. Исследователь обращается к другим европейским монархиям раннего Нового времени, чтобы контекстуализировать московский опыт организации престолонаследия. В работе, кроме того, специально рассматриваются представления жителей Московского государства о выборной монархии. П. Бушкович констатирует, что в Рос-

²⁷ *Martin R.E. The Tsar's Happy Occasion: Ritual and Dynasty in the Weddings of Russia's Rulers, 1495–1745.*

²⁸ *Hennings J. Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.* Данный аспект обсуждается в рецензии: *Курпичников И.А.* Рец. на кн.: Jan Hennings. *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. xii+297 p. (New Studies in European History)* // *Антропологический форум.* 2019. № 40. С. 210–216.

²⁹ Краткое изложение общего взгляда автора на эту проблему: *Bushkovitch P. Peter and the Seventeenth Century // Modernizing Muscovy. Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia. London, New York: RoutledgeCurzon, 2004. P. 447–461.*

³⁰ См., напр.: *Kivelson V.A. On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika. Vol. 3. P. 487–499.*

³¹ Последнее по времени обращение к этой проблеме: *Кром М.М.* Идея суверенитета в политическом дискурсе Московской Руси XV века // *Вестник ТвГУ. Серия «История».* 2020. № 1 (53). С. 23–36.

сии были хорошо знакомы с практикой избрания правителей в соседних государствах (Дании, Речи Посполитой и Швеции). Московские цари не высказывали сомнений в легитимности такой процедуры и, более того, допускали возможность своего участия в выборах. Наконец, одним из сквозных сюжетов работы являются матримониальные проекты, целью которых было установление связей между российским правящим родом и другими династиями. Хотя большинство таких планов в силу различных причин остались нереализованными, они ярко показывают, что московская династия была куда менее замкнутой, чем принято считать, а великие князья и цари видели себя полноправными членами сообщества европейских монархов.

Книга П. Бушковича содержит ряд ценных экскурсов, посвященных отдельным проблемам политической истории России раннего времени. Исследователь впервые систематически рассматривает сохранившиеся упоминания о деятельности сыновей Ивана IV и показывает их активную вовлеченность в придворную жизнь. Чрезвычайно примечателен авторский анализ церемоний объявления наследника в контексте придворной культуры эпохи правления Алексея Михайловича, а также всестороннее изучение состояния вопроса о престолонаследии после гибели царевича Алексея Петровича. Традиционным достоинством текстов П. Бушковича является глубокое знание разноязычных иностранных источников, причем некоторые из них впервые ввел в научный оборот сам автор. Так, редкое исследование эпохи Михаила Федоровича обходится без ссылки на опубликованные П. Бушковичем голландские донесения о расстановке сил при московском дворе³².

Исследовательский стиль П. Бушковича отличается вниманием к деталям, которые ранее не привлекали внимания исследователей. Большой интерес представляет изученная автором практика использования слова «наследник» в связи со случаями перехода власти. Получив некоторое распространение в середине – второй половине XVI в. (особое значение исследователь придает мотиву «наследования» при воцарении Федора Ивановича), это слово стало неотъемлемой частью московской политической культуры только спустя столетие. Некоторые из сделанных автором наблюдений, однако, нуждаются в коррективах. В частности, едва ли справедливо мнение о том, что традиция назначения «дядьки» (воспитателя) для великокняжеских и царских сыновей сложилась только в конце XVI в. Как убедительно показал В. А. Кучкин, данная практика была распространена в различных княжествах Средневековой Руси, а в Москве она известна как минимум с середины XIV в.³³. Поскольку данный статус указывается в сохранившихся документах несистематически, молчание источников не может считаться однозначным свидетельством отсутствия

³² Бушкович П. Шведские источники о России 1624–1626 гг. // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 359–381.

³³ Кучкин В.А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 149–158.

в великокняжеском (царском) окружении человека, который выполнял бы соответствующие функции.

Последовательно развивая центральный аргумент своей работы, П. Бушкович оставляет в стороне отдельные аспекты, которые, как представляется, в дальнейшем заслуживают более пристального рассмотрения. Отметим здесь только один из таких сюжетов – территориальное измерение династической политики. Речь идет, в частности, об уделах (или аналогичных по статусу владениях), упоминания о которых время от времени возникают в источниках и после пресечения династии Калитовичей (когда, согласно традиционной точке зрения, удельная система окончательно ушла в прошлое). Датскому королевичу Гансу в 1603 г. обещали передать «государство великое княжное Тверское»³⁴, королевичу Вальдемару в 1643 г. – Суздаль и Ярославль³⁵. Василию Шуйскому предлагали, согласно летописцу, чтобы он «государство оставил и взял себе в удел Нижний Новгород»³⁶. Возможность выделения уделов для царских сыновей (хотя при Романовых пока «такого образца не бывало») всерьез рассматривал и Григорий Котошихин³⁷. Какие представления стояли за этими рассуждениями, и как подобные идеи влияли на политическую практику – пока остается неизученным. В целом можно рассчитывать, что дискуссии по вопросам, поднятым в монографии П. Бушковича, дадут начало новому этапу исследований проблемы престолонаследия в России раннего Нового времени.

³⁴ *Щербачев Ю.Н.* Русские акты Копенгагенского государственного архива. СПб., 1897. Стб. 336–337.

³⁵ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. Т. 9–10. С. 234.

³⁶ *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 346.

³⁷ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 20–21. Комментарий к этому свидетельству: *Кирпичников И.А.* Россия XVI–XVII вв. как конгломерат «государств»: к постановке проблемы // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2018. С. 29–37.

Путешествия россиян по России XVIII века: «собрание» империи, нации, себя

Путешествие; Россия; Западная Европа; хождения; образовательное путешествие; дворянство; эготекст; травелог; дневник; культурные практики; ментальные карты; географические представления; рефлексия; самосознание; национальное самосознание.

Путешествие как особая европеизированная культурная практика появляется в России достаточно поздно, в XVIII веке, когда оно мыслилось в первую очередь как заграничное. Путевые впечатления от первых поездок в Европу сводились к описанию быта и нравов «высококультурных народов». И лишь постепенно появляются очерки передвижений по собственной стране – сначала фрагментарные, а затем уже полноценные описания поездок, авторы которых выходят на принципиально новые темы: переживание встречи с пространством, рефлексия собственных впечатлений, пейзажные и психологические зарисовки. В статье ставится задача рассмотреть путешествия именно россиян и именно по России, проследив, таким образом, историю «открывания» российской интеллектуальной элитой своей собственной страны. В центре внимания прежде всего – личность путешественника, который обращается к фиксации собственных впечатлений от путешествия (излагая их в разных формах, жанрах, с разными целями). По мере развития этой культурной практики меняются побуждения путешествующих, их поведение, выбор тех или иных объектов интереса, способы наблюдения природы, подробностей быта и нравов собственного народа, выявление определенных исторических «достопамятностей». Иной становится логика изложения узнанного, в которой проявляет себя личность. Можно утверждать, что фактически таким образом шло «открывание» собственного Отечества – природного и этнического разнообразия, специфики населяющих его народов, их культуры и образа жизни, особенностей хозяйственной жизни, особых производств и пр. Важным этапом стало складывание культурно-географических образов определенных территорий в их культурном контексте, появление особых историко-культурных ассоциаций, выводящих на размышления об историческом пути развития страны и проблемы культурной идентичности.

Изучение «человека в пути» как широкого явления задача весьма сложная, ибо культурные практики передвижения бесчисленны: они включают в себя и переезды купцов, и переходы паломников и странников, и путешествия открывателей новых земель и ученых, и военные походы, и поездки в гости к соседям, и проч. Мы же предполагаем рассмотреть лишь один из видов путешествий XVIII века – путешествие россиян по России как новую практику, нашедшую отражение в источниках. Нас интересует процесс осознанного выбора для путешествий какого-либо пространства России как особого вида путешествия, предпринимаемого (или осмысляемого) как полезная, интересная, занимательная деятельность, связанная с «эвристическими» смыслами. При рассмотрении (немногочисленных в целом) текстов нас будут интересовать не столько сами маршруты, сколько рефлексия человека, который так или иначе обратился к фикса-

¹ Кулакова Ирина Павловна; кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова.

ции собственных путевых впечатлений. При этом мы будем обращаться к опыту передвижений «праздного человека» (как правило дворянина), не преследующего какую-либо прикладную цель (торговую, научную, статистико-географического описания и пр.). Еще важнее понять, как осознается пересекаемое таким образом пространство, какие идеи порождает передвижение, с какими новыми для России культурными практиками оно связано. Характер информации, выбор тех или иных объектов внимания, на наш взгляд, являются показателями новых явлений в области эволюции культурных стереотипов поведения и способов самовыражения личности переходной эпохи – второй половины XVIII – начала XIX в.

Библиография литературы путешествий в целом весьма обширна, хотя долгое время исследования травелогов велись преимущественно филологами и литературоведами, сводящими проблему к истории жанра². Путешествия исследовались историками географических открытий (мы принципиально не будем говорить здесь об огромной историографии академических экспедиций рассматриваемого периода, порожденной многочисленными трудами историков науки). Историки культуры последних десятилетий внесли большой вклад в изучение путешествий как культурного явления³, и мы будем следовать в фарватере их курса. Сопредельно довольно новое направление изучение практик передвижения культурной географией, рассматривающее *географические представления как вид нематериального культурного наследия* с акцентом на интеллектуальной и духовной составляющих ландшафта⁴. Особенно важны для нас введенные понятия об ассоциативных ландшафтах (хранящих в себе память о выдающихся исторических событиях и исторических личностях) и ментальных катах как способах восприятия пространства.

Однако, прежде чем приступить к выявлению текстов о путешествиях по России XVIII века, коротко рассмотрим в этом отношении предшествующий период.

² Михельсон В.А. Русский путевой очерк XVIII – первой половины XIX века. Автореф. дисс. ... к.ф.н. Киев, 1972; Он же. «Путешествие» в русской литературе. Ростов, 1974.

³ См., напр.: Лотман Ю.М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997; Афиани В.Ю., Хорошилова Л.Б. Познание России (путешествие как факт культуры и исторический источник) // Русская провинция. Культура XVIII–XX вв.: сб.ст. М., 1992. С. 120–124; Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения: в 3 тт. СПб., 2003; Малетю Е.И. Антология хождений русских путешественников XII–XV века: исследования, тексты, комментарии. М., 2005; Стефко М.С. Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – 1 четверти XIX в. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2010 и др.

⁴ См. труды Ю.А. Веденина, А.Г. Дружинина, Д.Н. Замятина, В.Н. Калущкова, И.И. Митина, О.А. Лавреновой и др. (Гладкий Ю.Н., Петров А.Н. Гуманитарная география: понятийный статус и самоидентификация // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. № 3. С. 15–25).

Россия – страна пути

Особенности России как «страны пути» связаны и с ее обширными пространствами, редкостью поселений, ролью пограничья цивилизаций. Традиционный человек аграрного социума предпочитал короткие связи и оседлый образ жизни. Впрочем, и в европейской традиции, как писал Л. Февр, «человеческие группы так или иначе были достаточно замкнутыми и удаленными друг от друга; их разделяли довольно большие расстояния или естественные преграды, и они сообщались между собой лишь через посредство бродячих элементов, переносивших драгоценные новости, пришедшие издалека и ставшие от этого еще более захватывающими»⁵.

Русская сказка, почти всегда связана со странствиями молодого героя в темных лесах, неведомых землях; отлучившиеся из родного дома или покинутые в лесу дети, – заблудившиеся или «запроданные духам», оказываются в чуждом мире, населенном сказочными существами. Как утверждают исследователи (опирающиеся применительно к сказке на методологию В.Я. Проппа), при внимательном прочтении сказочный нарратив уходит корнями в обряды инициации, древнего общественного института. Покидание дома и уход в неведомое пространство были испытанием, где путеводительство и борьба приводили к благополучному возвращению⁶.

В традиционной культуре с ее мифопоэтической картиной мира очевидна связь дороги с «чужим» миром: дорога – разновидность границы между «своим» и «чужим» пространством; мифологически «опасное» место. На дорогах людей подстерегал страх в виде чужого (а значит враждебного) человека или животного (нечистая сила может ждать человека на дороге и в виде, пример, заблудившегося барашка). По поверьям болезни «проходят» так же, как по дороге проходят люди⁷. Именно имея в виду народное традиционное сознание, следует признать: богомолец, вступающий на путь странствия (традиционный человек, привыкший жить в рамках оседлости, под покровительством своей общины), преодолевая свою инерцию и страхи совершает свой подвиг, странствуя или следуя на богомолье.

Странник – особый тип личности, порожденный тоской души человеческой по утраченному раю. Практики «хожений», связанных с посещением святых места, где можно было посетить Гроб Господень, ведут свое начало с принятия христианства. Появляются и описания, принадлежащие древнерусским авторам (в качестве образцов и аналогов выступали византийские и латинские проскинитарии)⁸. Тем, кто не мог посетить Свя-

⁵ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 420.

⁶ Штемберг А.С. Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе? // Пространство и время. № 1 (7). 2012.

⁷ Левкиевская Е. Дорога в народной культуре // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 124–129.

⁸ Гардзанини М. У истоков паломнической литературы Древней Руси: «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю // «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Под ред. Г.М. Прохорова. СПб., 2007. С. 313.

тые места, на помощь приходило путешествие мысленное. Представить себе реалии помогали рассказы странников, редкие тексты – рукописные (содержавшие иногда книжные миниатюры), а позднее, в XVIII веке, и иллюстрированные гравюрами, печатные. Освоение же пространства своего государства паломниками воспроизводило схему движения в системе православных святынь, которая со временем усложнилась. Тип перемещений в виде странничества дополняет и продолжает бродяжничество, которое доживает до начала XX века (Н.А. Некрасов в 1877 г., незадолго до смерти, задумывает поэму из жизни бродяг).

Разумеется, перемещения россиян по своей территории имели и характер, определявшийся «прикладными» задачами. Динамика процессов определялась прочерчиванием и устройением все более пространной сети дорог, торговых маршрутов: на север, к Студеному морю, в восточные земли через волжские пути, затем и за Урал; на юг и запад, откуда приходили новшества. Деловые торговые поездки и военные походы заставляли сочинять «дорожники»: перед С. Герберштейном раскрылась сокровищница географических сведений XVI века (Югорский дорожник, который он воспроизвел в своем сочинении). Русская хорография (плохо нам известная) фиксировавшая своеобразные черты местностей, по которым двигались люди, в следующий этап сменяется картографией: по крайней мере с XVI века это «чертежи» территорий; замечательна «Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища, и на каком оных разстоянии» – памятник русской географической мысли XVII века, который издал Н.И.Новиков в 1773 г. Последний принадлежал уже веку Просвещения, принесшему точное знание и картографическую графику.

В первой четверти XVIII в. изучение природных условий и картографирование страны входили в число мероприятий, обеспечивавших успешное осуществление петровских реформ и решение внешнеполитических задач страны. Задачей Академией наук было проведение наблюдений и измерений для составления новых карт и, в первую очередь, Атласа Российской империи, который позволил бы дать достоверное отображение территории новой империи на карте мира и выразить т. о. официальную позицию правительства в отношении статуса той или иной территории. Однако и рядовое население страны постепенно получает доступ к географической информации: карты вырезались в том числе «для употребления читателями Санкт-Петербургских ведомостей», служа приложением к газете; небольшие копии карт в качестве «почтовых карт Российской империи» использовались в календарях и дорожниках, продавались в книжных лавках Академии наук и Московского университета⁹.

Интенции издателей выдавали стремление к энциклопедизму и всеохватности, однако цели, которые преследовало государство, перекрывались сложившимися уже потребностями части населения: любознатель-

⁹ Алексеева М.А. Михайло Махаев, мастер видового рисунка XVIII века. СПб., 2003. С. 30–32.

ностью, стремлением к познанию «устройства мира». Однако, приоритетом оставались «ментальные карты», связанные с устно передаваемой информацией, личным опытом передвигающихся по своим надобностям, информацией, обрастающей в сознании людей субъективными наслоениями – ассоциациями, воспоминаниями¹⁰.

Европейское образовательное путешествие

Период XVIII – первой трети XIX в. стал наиболее значимым периодом интеллектуальной предыстории современности. Европейское Просвещение стало одной из основ разворачивания практик нововременного путешествия. Среди аристократии европейских стран в XVIII в. входит в моду так называемая «большая поездка» (Grand Tour) – более или менее продолжительное путешествие по континентальной Европе, преимущественно по Франции и Италии, молодых дворян в сопровождении гувернера¹¹.

В России отход от допетровской традиции и ускоренная европеизация создали уникальную коллизию, привнеся в российский культурный быт множество новых практик, различных формы новой рационалистической культуры. Однако, этот опыт нуждался в укоренении и распространении, в создании преемственности следования новой традиции.

Уже современники и сотрудники Петра I уезжают в Европу с прагматичными целями – овладеть новыми знаниями, современными «технологиями». Как практика распространяются и так называемые образовательные путешествия молодых аристократов, а далее и «ученые» путешествия с ярко выраженной познавательной целью – приобретения нового знания. Вхождение в такую роль «просвещенного» путешественника демонстрировали и россияне, причем не только дворянские недоросли. Например, братья Демидовы, оставившие свои «отчеты», посылаемые родителям в Россию, о пребывании в европейских странах¹². Их тексты демонстрируют стремление авторов увидеть своими глазами достопримечательности, побывать в знаменитых замках и лучших галереях (и приобрести лучшее), ощутить вкус кушаний, – словом, изучить Европу в ее реалиях, своим опытом. (Вот вполне самостоятельное мнение братьев Демидовых о готической церкви Сен Шапель и ее знаменитых витражах: «стара и не красива... оконницы малеваны старым вкусом, но хорошо»¹³.) Складываются соответствующие «ментальные карты» и этих путешествий, ориентированные на главные достопримечательности европейских стран.

¹⁰ См. подр.: *Замятин Д.Н.* Образно-географическая карта (карта географических образов) (карта географических образов) [Материалы к словарю гуманитарной географии] // *Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах.* Вып. 4 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М., 2007. С. 322–325.

¹¹ См.: *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков. Дисс. ... к.и.н. М., 2010.

¹² Напр.: *Путешествие братьев Демидовых по Европе. Письма и подневные журналы 1750–1761 годы.* М., 2006.

¹³ Там же. С. 216.

Впрочем, английские писатели и публицисты XVIII века не склонны были слишком переоценивать образовательное, а тем более воспитательное значение таких поездок. В своем знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» Адам Смит утверждал, что, уезжая за границу в 17 или 18 лет и возвращаясь в 21 год, молодой человек обычно приобретал знания в одном или двух языках, на которых не мог как следует ни говорить, ни писать, во всем же остальном возвращался «более тщеславным, более безнравственным и более неспособным к какому-либо занятию». Ему вторил английский аристократ граф Честерфилд в своих известных «Письмах к сыну». По его мнению, самыми «драгоценными приобретениями путешествий становились развязность и верхоглядство»¹⁴.

Подобные опасности, кажется, подтверждает и казус сына Е.Р. Дашковой. После окончания им занятий в Эдинбургском университете Е.Р. Дашкова отправляет его в путешествие по Европе, составляя большое письмо с рекомендациями и советами молодому князю по организации путешествия. «Не забудь, — пишет Е.Р. Дашкова, — что ты едешь не для одного удовольствия, у тебя нет пустого времени, ты не избегаешь обязанностей общества, которое со временем потребует твоих услуг и к которым теперь я хочу приготовить тебя заграничным путешествием; нет, ты едешь искать и пользоваться наставлением его. Все, что ты вычитал о правах, характерах и образе правления других народов, теперь можешь поверить собственным опытом»¹⁵. Однако, выросший Павел, в которого было вложено столько труда, кажется, оказался достаточно легкомысленным и недалеким человеком, практически ничего не вынес из путешествий. Столь же неочевидны оказались результаты образовательных путешествий внебрачного сына Екатерины II Алексея Бобринского (1762–1813). Оставшись жить в Париже, сын огорчал Екатерину постоянной игрой в карты и долгами, — он не сумел реализовать свои способности. В начале 1788 г. А.Г. Бобринский получил распоряжение вернуться в Россию, служил в армии (и дослужился до генерала). Но после увольнения с военной службы в 1798 г., живя как «частный человек», он ничем особым себя не проявил.

Таким образом, можно видеть, что сами по себе путешествия по развитым странам Европы, «протокольное» посещение достопримечательных мест еще не гарантировало немедленного и безусловного *развития личности*, тем более, если они совершались «в обязательном порядке». Кажется, наоборот: наличие сформировавшейся уже личности гарантировало успех путешествия, его осознанное наполнение, приносящее его плоды.

Но, возвращаясь к заявленной теме, скажем: лишь с конца XVIII в. начала разворачиваться особая практика путешествий россиян *по собственной стране*, по России, как практика *познавательная*. Но происхо-

¹⁴ Абрамова И.И. Честерфилд о воспитании джентльмена // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 4 (41).

¹⁵ Материалы для биографии княгини Е.Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 102.

дило это исподволь: зачем путешествовать по своей (знакомой, казалось бы) стране? Притом что на пути развития этой практики было много препятствий (как ментальных, так и практического свойства).

Опасности пути

Если говорить о дворянах, то поездки по делам собственной надобности не осознавались как путешествия в полном смысле слова. Хотя переездов этих было достаточно, – не говоря уже о военной и статской службе, требовавшей переездов и переходов, были и рутинные поездки: усадьбы дворянского семейства могли быть разбросаны по разным уездам, их надо было контролировать; приходилось навещать родственников (практика *гощения* как раз была очень развита в России), присутствия требовали и придворные мероприятия, и губернские собрания и т. д.

Описание переездов в сотни верст (из разных усадеб, к родным, в гости) занимает большую часть «детских годов» в 1790-х гг. книги С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука»¹⁶, дни в дороге, проведенные семейством Аксаковых в Оренбургской губернии.

Одно из первых воспоминаний детства – как маленький Сережа выздоравливает после того, как ему становится особенно плохо в большом путешествии и родители, принужденные остановиться в лесу, постлали ему постель в высокой траве, где он и пролежал двенадцать часов, не в силах пошевелиться. В описаниях более поздних путешествий – живые путевые впечатления: «...Я был поражен широкою и быстрою рекою, отлогими песчаными ее берегами и зеленою уремой на противоположном берегу. Нашу карету и повозку стали грузить на паром... я был подавлен не столько страхом, сколько новостью предметов и величию картины, красоту которой я чувствовал». Запомнились переезд через реку Белую, собранная галька и окаменелости – «штуфы», ночевки в поле, огонь, добытый кремнем, родники и рыбная ловля на Деме, которая свела мальчика с ума, и т. п. То, что взрослые воспринимали, видимо, как рутинную дорогу, в памяти Сергея Аксакова запечатлелось именно как путешествие, открывание им нового пространства и всего, что пространство наполняло (во всяком случае именно в таком качестве сохранялось все это в памяти писателя). Новы оказались и впечатления от природы и встреченных в пути людей (например, родовых багровских крестьян, встретивших семью в проезжаемой ими деревне). Так, в путешествиях по срединной России и проходило детство Багрова-внука и начиналось его взросление.

Следует понимать, что передвижение по стране, пространства которой даже во второй половине XVIII века были еще (по европейским меркам) не освоены, представляло собой непростую задачу. (Добавим сюда дороги, тяжесть путешествий в распутицу, отсутствие постоянных дворов

¹⁶ Вторая часть автобиографической трилогии Сергея Тимофеевича Аксакова, в которой рассказывается о его детстве на Южном Урале с 1794 по 1801 годы. Они лишены элемента вымысла, «строга документированы, привязаны к реальной исторической обстановке» (Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука. Глава «Дорога до Парашина»). См. Аксаков С.Т. Собрание сочинений в 5 т. М., 1966. Т. 1.

и сменного транспорта). Редкие дошедшие до нас тексты фиксировали жизненные реалии путешествий по России.

Для того, чтобы ощутить, с какими проблемами сталкивались путешественники, приведем пространный текст воспоминаний военного инженера, генерал-майора Матвея Артамоновича Муравьева (отца дипломата и государственного деятеля Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола и деда декабристов). Они были написаны в 70-х годах XVIII века¹⁷. Матвей Муравьев вспоминает, как он в 12-летнем возрасте оказался в роли путешественника вместе со своим братом Федором 13 лет (ребятам пришлось ехать домой из Кронштадтского гарнизона, где они обучались математике). События происходят предположительно после 1715 года: «Мы, продолжав нашу науку до июня месяца, вздумали ехать в деревню к родительнице... Доколе мы ехали Ингермоландию, веселились для того, что были поля с хлебом посеянным, также и трава цветами украшена, дорога же широкая и сухая. Но когда въехали в границы Новгородского уезду, пришли леса. В то время нашол на нас ужас, особливо пришло в голову, медведь или другой какой зверь нападет на нас и всех переломает, и, когда в лесу што-нибудь хряснет, то все кричим со слезами». Спасение пришло от крестьян, сидящих у костра в лесу: «...Мужики наварили рыбы... показали нам путь, и мы поехали благополучно. Как же выехали из лесов, тогда нам весело стало. Забывая весь свой страх, доехали в деревню двоюродного брата...»¹⁸.

Собирание империи. Социальное

Передвижение по стране, пространства которой населяют и разные народности, и разные сословия, могло стать реальным переживанием лишь на определенном этапе, которое складывалось из отрывочных впечатлений при знакомстве с разными уголками страны.

Следует сказать об отражении в текстах путешествия степени осознания мемуаристами сущности явлений и процессов общественного развития, связи индивидуального и социального в общественной жизни. «Осваивая» новое пространство, дворянский путешественник проецирует на него свои культурные стереотипы. Порой, окунаясь в новую реальность, сталкиваясь с иными формами культуры, он часто испытывает «культурный шок», меняется сам и поневоле подвергает пересмотру свои нормы.

Академические экспедиции (которые мы рассматриваем как особый род путешествий) в XVIII веке зачастую отливались в тексты вполне литературного характера (если в них рождались впечатления, выливавшиеся в особый дискурс – осознание территории страны как пространства природного и человеческого. Таковы труды, в которых были изложены наблюдения экспедиция академика И.И. Лепехина. Однако мы обратим-

¹⁷ Записки М.А. Муравьева: «Журнал от начала рождения моего...» / Публ. Т.Г. Дмитриевой, М.М. Якушкиной и Г.Р. Якушкина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994.

¹⁸ Там же. С. 8–9.

ся к текстам его помощника, которой был прикомандирован к экспедиции («чучельником и стрелком») – Н.Я. Озерецковского (1750–1727). С весны 1773 г. экспедиция обследовала части Псковской и Могилевской губерний, а также побережье Балтийского моря. После смерти Лепехина последний 4-й том описаний был подготовлен к изданию уже Озерецковским, включившим собственные записки о путешествии по Белому морю, и в его текстах можно видеть не только материалы научных наблюдений, но и публицистические строки – гражданский пафос юноши, осознавшего свою принадлежность к огромному социуму империи. Н.Я. Озерецковский писал: «Я путешествовал много лет, чтобы чему-нибудь научиться... сделать очевидным и чувствительнейшим для всех глаз пространство по-собии и богатств в Р[оссии], ... сие будет действительнейшим способом, чтоб удержать в пределах неприятелей сего государства, и чтоб умерить немного в умах тех, кои призваны будуче к правлению онаго сии политические зависти бывшая источником толиких бедствий... Я даже осмелился чаять, что если движения души наполненной еще жаром могут заменить недостаток дарований, то мне удастся может быть утвердить наиболее должную доверенность сим правилам управления, стремящийся к блаженству народа и благополучию государства»¹⁹.

Позднее, в 1782 г. по личному распоряжению Екатерины II Озерецковский был пожалован в академики и ему были поручены функции наставника и руководителя внебрачного сына Алексея Григорьевича Бобринского (1762–1813)²¹ во время организуемого для него путешествия по России. «Дневниковые записки» Н.Я. Озерецковского хронологически охватывают период с мая 1782 г. по октябрь 1783 г. и носят систематический, ежедневный характер. Академик заносил в свой дневник самые разнообразные сведения, стремясь не пропустить ничего интересного, занимательного, необычного... «Вольность» пронизывает весь дневник, и по силе эмоциональности и резкости в оценках нередко приближается к «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева²⁰.

Разумеется, говоря о путешествиях россиян по России, нельзя обойти Радищева. А.Н. Радищев, анонимно издав в 1790 г. «Путешествие из Петербурга в Москву», дал образец сентиментального (формально) путешествия с его свободным смешением тем и типов повествования, как дал и образец «собирая социума» через критическое наблюдения над низовым населением, картины бытовой реальности. Не стоит вновь писать о тягостных впечатлениях народного быта, зафиксированных писателем, о прозвучавшей острой социальной критике. Важно и другое: «От Радищева ведет начало новое понимание фольклора, народной словесности; он... провозглашает высокое этическое и эстетическое совершенство народной поэзии», включая в «Путешествие» фрагменты плачей и песен, описывая

¹⁹ Козлов С. Предисловие // Озерецковский Н.Я. Путешествие по России. 1782–1783. СПб. 1996.

²⁰ Там же.

интонацию пения («скорбь душевную»)²¹. Здесь можно усмотреть осознание дворянином общей судьбы с народом - манифестирующим так свою идентичность.

С А.Н. Радищевым был очень близок и другой просвещенный дворянин – П.И. Челищев. В 1762 г. одновременно с Радищевым был направлен в Петербург для обучения в Пажеском корпусе, где находился до 1766 г. В 1766 г. вместе с Радищевым и другими пажами Челищев был отправлен в Лейпцигский университет для изучения юридических и иных наук. По возвращении в 1770 г. в Россию он поступил на военную службу, уволен в 1780 г. Исходя из идей Радищева, изучение природы и хозяйства страны он тесно связывал с изучением общественных условий крепостной России.

В 1791 г. он совершает (не на средства Академии наук, а на свои собственные деньги) путешествие по Северу Европейской России. Это путешествие было им описано в «подробном журнале»-дневнике, который он вел в пути. В нем обобщается большой конкретный материал по экономике Севера. В своем дневнике Челищев пишет: «Шатаючись часто в жизнь мою по местам, где производится торг моего государя и отечества...» (при этом в подробных очерках о населении Севера звучат строки о высоком мастерстве народа, о важности вовлечения женщин в хозяйственную деятельность и т. п.). Гражданским поступком Челищева можно назвать лично им сооруженный (первый!) памятник Ломоносову: так путешественник выразил свой пиетет к великому ученому, трудившемуся на благо страны. Неслучайно Екатерина II подозревала Челищева в том, что он был одним из авторов и издателей знаменитой книги Радищева.

Травелог

Путевые или дорожные записки, заметки развиваются как отдельный жанр, затем переходя в описания путешествий по различным местностям России. «Некоторые из них явились результатом служебных поездок по заданию правительственных органов, другие – следствием путешествий частного характера. Но и в первом, и во втором случаях эти материалы несут в себе отчетливые признаки мемуарного жанра: непосредственность впечатления от увиденного и личное отношение к нему, свободную манеру изложения»²².

Надо сказать, что и в европейской литературе эти нововременные формы рассказов с большой долей рефлексии складываются довольно поздно. Сильное и длительное влияние на становление «путевых очерков» оказало «Сентиментальное путешествие...» Лоренса Стерна (1768 г.), где внимание рассказчика впервые в истории жанра обращено не на внешние

²¹ Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. С. 100–101.

²² История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / Научное руководство, редакция и введение профессора П.А. Зайончковского. Т. 3. Ч. 4. М., 1982.

впечатления от поездки, а на анализ его собственного душевного состояния и мотивов своего поведения.

В российской традиции травелог не имел столь длинной предыстории (как и другие жанры эготекстов (изучение такого феномена, как специфика российских эготекстов, требует подробного рассмотрения социокультурных предпосылок их появления)). Ранние «самоописания» несут следы «жанровой расплывчатости»: это, например, ранние записки-отчеты о поездках служилого дворянина – с точки зрения «государева человека», исполняющего властные предначертания (типа «Карманного журнала Яковлева», «Журнала» путешествия Б.И. Куракина и «Дневника русского путешественника» И.Л. Нарышкина и т. п.). А.Т. Болотов начал «путешествовать» еще с 1727 г., когда подпоручиком принял участие в походе русской армии в Пруссию. Мемуарные описания «служебного» путешествия у Болотова – само по себе это «самоописание» является в российской практике исключением.

С другой стороны, записки большинства дворян отличало желание держаться в рамках рассказа о военной службе или семейной хронике. Для «пишущих» купцов конца XVIII в. жанр семейной хроники совмещался с ведением хозяйственных дневников.

Автобиографическое письмо, как считает большинство современных исследователей, появляется на стадии формирования самосознания личности и выступает как новая система хранения персонифицированного опыта. Исследователи приписывают феномену эготекстов экзистенциальные функции «включения» функций самоанализа, переориентации интереса человека с привычного изучения внешнего мира на исследование внутренних оснований собственной личности. Создание эго-текстов способствует самоопределению, соотносению себя с эпохой, демонстрирует осознание уникальности своей жизни, и т. п. Имея в виду большинство российских эго-текстов XVIII в., можно сказать: если коммуникативные функции они выполняли, то с автокоммуникацией дело обстояло значительно хуже.

Поездка дворянина – по делам ли службы или по хозяйственной необходимости, наблюдения, впечатления не рассматривалась как событие, требующее осмысления, фиксации или последующего рассказа.

Надо к тому же отдавать себе отчет в том, насколько вообще необычны были «ученые» занятия для массы людей традиционной культуры. (Для XVIII века вообще «школьник – это аскет, подвиг которого сопоставим с терпением христианских подвижников». Школа, университет и лаборатория были, таким образом, не только местом обучения, но и преобразования тела и духа»²³.) Очевидно то, что за словами о досуговом «марании бумаги» и «лени» пишущих дворян уже стояла большая внутренняя работа.

²³ Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999. С. 37.

Раньше, чем у кого-либо другого, рефлексия и новые поведенческие стратегии просвещенного дворянства выразились в творчестве Михаила Никитича Муравьева.

Собирание истории

М.Н. Муравьев (1757–1807) – видный общественный деятель (позже попечитель Московского университета, сенатор), сформировался как писатель и поэт-сентименталист (чье творчество по большей части не публиковалось при его жизни), был ярким выразителем практически всех просветительских тенденций своей эпохи. Еще в середине 1770-х годов, когда в России рождался писатель как культурно значимая категория, Муравьев стоял у истоков формирующейся оригинальной русской литературы, предвосхищая открытия Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина. Его поездки по России характеризует «полнота впечатлений, переживание пространства и его заполнения, обильного, разнообразного, делают многие письма, записи, наброски художественных текстов». В его прогулках и путешествиях «всегда присутствует некий «иррациональный остаток», не объясняемый никакими рассуждениями и не выводимый из понятия пользы»²⁴. Образованность просвещенного наблюдателя способствует выбору объектов интереса, выявлению важных исторических «достопамятностей». В.Н. Топоров, исследовавший тетради Муравьева, фиксирует особую логику изложения наблюдений в беглых (как бы бессистемных) записках, в которых отражаются культурные ассоциации, выводящие на раздумья об истории народов²⁵. Первые поездки с отцом, командированным в Архангельск, через Вологду и ее мрачные леса, а затем поездки туда же в конце 1770 г. Впечатления от Холмогор, Куроострова – мест, овеянных именем Ломоносова, значительно обогатили внутренний мир юноши, повлияв на осознание своего литературного призвания – поэзии. Позднее в письмах М.Н. Муравьев описывает свой путь в Оренбург («путевой журнал»). Цель его путешествия по Оренбургским степям, – и это не научная и не конкретно-историческая цель, скорее – философия истории: он ездил туда «посмотреть, где прежде кочевали и теперь кочуют странствующие народы»²⁶.

Еще позднее, уже сделавшись наставником великих князей Александра и Константина, организуя их путешествие, он ставил перед воспитанниками цель «ознакомиться с пространными пределами Отечества», увидеть «священный» исторический ландшафт, обладавший множеством почитаемых народом «смыслов», размеченный храмами, часовнями и историческими местами. Эта актуализация мест памяти Отечества, конструирование «общенациональной памяти» была составляющей национально-го самосознания, формирующий культурную идентичность общества.

²⁴ См.: Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. 2. Кн. 1. М., 2001. С. 617.

²⁵ Там же. С. 621.

²⁶ Там же. С. 623.

Аналогичные смыслы находим и в заметках о путешествиях М.Н. Карамзина, например, в текстах о поездке в Троицу 1802 г.: «В селе Братовщине я также остановился, не столько для отдыха, сколько для того, чтобы видеть там на досуге некоторые монументы старины. Они состоят в деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде царя Алексея Михайловича, и в ветхом здании, похожем на анбар и называемом Царскою вышкою»²⁷. Неслучайно Карамзину принадлежит высказывание: Кремль есть «место великих исторических воспоминаний».

Поиск исторических достопримечательностей, мест, памятных своим культурно-историческим прошлым, осмысление пространственно-временного смысла путешествия – особый сюжет. (Ведь по словам Ф. Броделя, «пространство – реальность не только сегодняшняя, но и – в очень большой степени – вчерашняя».) Места же, в которых, воплощается национальная память, – это прежде всего памятники (культуры и природы). Смена традиционалистского отношения к древностям отношением была составной частью общего движения к Новому времени. В России стремление связать прошлое с определенными «историческими местами» означало конструирование образа прошлого в процессе путешествий по стране.

В целом тенденция собирания и описания раритетов, воплощавших ту или иную культурную традицию, в Европе еще в позднем средневековье развивалась в виде «антикварианизма». Среди «просвещенных» россиян подобные устремления наблюдаются с петровского правления и начинают ярков проявляться в деятельности отдельных деятелей. Здесь и становление отечественной историографии, и проект А. Аргамакова по превращению Оружейной палаты в «достойное русской славы хранилище древних драгоценных и курioзных вещей» (1755 г.), и интерес Новикова к древностям (план описания отечественных древностей, вылившийся в издания Древней Российской Вивлиофики 1770–1780-х гг.), и публикации описаний городов, и опыт художественного осмысления истории в поэзии, прозе и драматургии и пр. И здесь можно усмотреть отличие исторической памяти Нового времени от памяти так называемых архаических обществ с их устной культурой и родовой памятью.

Но сфера осмысления путешествия как особой практики «выстраивания» империи с позиций осмысления ее истории как общей истории поколений россиян, практик, объединяющей время и пространство.

Наконец, внимание к путешествиям по русским провинциальным городам и собирание древностей развивали в начале XIX века труды П.П. Свиньина. Определенную роль в его увлечении путешествиями, отечественной историей, зарисовками и коллекционированием сыграл как опыт зарубежных путешествий, так и обучение его в стенах Благородного пансиона при Московском университете. В издаваемых им «Отечественных Записках» много материалов о городах южных российских губерний, археологических находках в Судакe и Керчи, античных поселениях в

²⁷ Карамзин Н.М. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице // Вестник Европы. 1802. Ч. IV. № 15. С. 218–219.

Одессе и пр. (поиски «русской античности»). Постепенно новая – романтическая философия истории овладевала умами корреспондентов Свиньина: просвещенной публики: обращенной к национальному прошлому страны. Большое место в журнале занимали очерки о «достопамятностях» русских городов. Часть очерков принадлежала самому Свиньину, который публиковал материалы дневника своих путешествий по России (печатались материалы о Новгороде Великом, Пскове, Смоленске, Киеве, Чернигове, Вышгороде, Ярославле, Нижнем Новгороде, Арзамасе, Новом Осколе, Чесме, Одессе и других городах, причем старым провинциальным городам была посвящена львиная доля материала, а люди провинциальных городов рассматривались как хранители русской традиции (процесс осознания горожанами себя субъектом и частью русской истории)²⁸.

Так путешествия подталкивали процесс продвижения к национальному самосознанию: ведь память всегда порождается той социальной группой, которую она спланирует (М. Хвальбакс о социальных аспектах исторической памяти²⁹).

Размышление в дороге. Собираение себя

XVIII век – это вообще время, когда одиночество пребывания «наедине с собой» осознается как ценность³⁰, о чем свидетельствуют умножающиеся в домах индивидуальные пространства кабинетов (традиционное российское жилое пространство оставалось слабо индивидуализировано, и это относилось ко всем этажам общества). Появление в доме кабинета всегда сопровождалось обращению его хозяина к какому-либо виду интеллектуальной деятельности (или ее имитации). Представители просвещенной дворянской элиты тягу к таким вещам, как раздумья и литературное творчество, вплоть до начала XIX в. осмысливают в выражениях «праздность», «ипохондрия», «рассеянный образ жизни». (Слово «рассеяние» приобретает в светско-литературном языке конца XVIII в. новое значение: развлечение, приятное препровождение времени.)

Обширные пространства, большие расстояния между поселениями заставляли русского путешественника долгое время находиться в дороге. Размышление в дороге (при долгих переездах), чтение³¹ и даже сочинение

²⁸ Подробнее см.: Кулакова И.П. Из истории дворянской интеллигенции начала XIX века: П.П.Свиньин // Литература и история. Сб. ст. СПб., 2002.

²⁹ Хвальбакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

³⁰ См. подробнее: Кулакова И.П. История интеллектуального быта и российская традиционная культура: Кабинет отца во впечатлениях детства (конец XVIII – начало XX в.) // Какорея: Из истории детства в России и других странах. Сб. статей и материалов. Серия: Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». М.; Тверь, 2008. С. 47–61.

³¹ В Европе XVII и XVIII веков считалось, что книги следует читать в помещении, за надежными стенами частной или публичной библиотеки. Постепенно книги приобретают небольшой формат – столь удобный, для того, чтобы брать книгу на прогулку, в дорогу. Первая светская российская мини-книга – «Искусство быть забавным в беседах» – относится к 1788 году.

в дороге постепенно становятся общим местом (поэтому, кажется, карета / бричка в России XIX в., при ее пространствах может рассматриваться как *кабинет* на колесах). Неслучайно к концу жизни, уже помещиком, в 1770-х годах, А.Т. Болотов сконструировал особый «возочек» («наиспокойнейший зимний экипаж») для зимних (по ровным дорогам) путешествий и поездок, позволявший в дороге заниматься чтением книг (чтобы не быть в дороге «совершенно праздным»³²).

А.С. Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» пишет так: «Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября в десять часов утра выехал из Тверской заставы... Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную...»

И еще: «В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар... Скажу более: в таких случаях чем книга скучнее, тем она предпочтительнее», – Пушкин³³. «Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня» (писал Пушкин жене 27 августа 1833 г.)³⁴.

Однако, качество российских дорог очень затрудняло чтение в пути. Удобнее же всего в карете или бричке, трясущихся на колдобинах российских дорог, прибегать к другой практике – «размышлению самого себя» – это выражение Муравьева стало основополагающей формулой³⁵. О человеке XVIII века в пути В.Н. Топоров заметил: «Ритм движения, преодолевающего пространства, ритм изменяющихся картин, сама эта вынужденная необходимость терять время... как бы освобождают пространство для мысли и задают ей ритм, и тогда мысль разворачивается естественно и органически, сама собой и о себе»³⁶.

Итак, самым важным компонентом *подлинного* путешествия, кажется, является прежде всего – личность путешественника и то, как он сам мыслит цели своей поездки. Забегая вперед, скажем, что по мере развития этой культурной практики меняются побуждения путешествующих, их поведение, выбор тех или иных объектов интереса, способы наблюдения природы (даже, казалось бы, не представляющей никакой экзотики),

³² Записки А.Т. Болотова. 1737–1796. Т. 1. Тула, 1988. С. 508.

³³ Пушкин А.С. <Путешествие из Москвы в Петербург>: <Черновая редакция> // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. С. 223–242.

³⁴ А вот «Сказку о Царе Салтане» Пушкин даже написал в дилижансе, проездом из Петербурга в Москву.

³⁵ Топоров В.Н. Проза М.Н. Муравьева // Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II. Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. I. М., 2001. С. 620.

³⁶ Там же.

подробностей быта и нравов народа, выявление определенных исторических «достопамятностей». Потребности человека, «внушенные» просветительской идеологией, заставляли расширять линию горизонта, узнавать все больше.

Иной становилась и логика изложения узнанного, в которой проявляет себя такая личность. Эвристичность подхода к путешествию, наличие культурных ассоциаций, выводящих на размышления – все это становится наполнением содержания путешествия, особенно при эмоциональной наполненности содержания впечатлений.

Между тем, даже слово «впечатление», появившееся в русском литературном языке с начала XVIII в., имело отношение скорее к смыслу запоминания («я, для лучшего впечатления этих предметов в памяти, вздумал перевести всю статью на русский язык»). И лишь во второй половине XVIII в. слово «впечатление» приобретает новое значение, развиваются в нем под влиянием французского *impression* – «воздействие, влияние, эффект ... отпечаток в сознании»³⁷. Да и осознанное любование природой лишь начинается в России в конце XVIII в., – начинает расцениваться как утонченное искусство, удел немногих просвещенных. (Таков, например, М.Н. Карамзин, для которого «„натура“ определяет физический и даже духовный склад человека». «Наиболее совершенные люди живут в окружении столь же совершенной природы»³⁸.)

Разумеется, эти немногие посвященные в России – прежде всего дворяне. Именно вольность дворянства в российской традиции стала тем истоком мыслительной деятельности, который позже вырос в феномен русской интеллигенции. «Русский барин – ничей не вассал – стал в конце XVIII – начале XIX столетия символом того „непоротого“ сословия, которое получило возможность на основе духовной независимости – ни от властей, ни от народа – приблизиться к состоянию человека мыслящего»³⁹. Именно дворянство первым начинает фиксировать свои путевые впечатления, описание дорожных происшествий, наблюдений. А дальше втягивается в создание историй вымышленного странствия, стилизованных под описание реального путешествия, подчиняя их другим задачам: приключенческой, утопической, философской.

Отличительная способность Муравьева – в его саморефлексии (и это само по себе – черта человека Нового времени). В.Н. Топоров, подробно изучивший творчество Муравьева, обращает внимание на описанное им развертывание самого процесса «сочинительства» («упражнение в сочинении» – как говорит он сам). В уста своего героя Муравьев вкладывает советы «сочинителю»: «Вы так часто рассказываете то, что видели или

³⁷ Виноградов В.В. Впечатление // Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 109–111.

³⁸ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. С. 213, 509 и др.

³⁹ Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 16–17.

читали. Возьмите перо и дайте ему ходить по бумаге с той же свободой, с которою говорите»⁴⁰.

(Аналогичный импульс возникает у Н.М. Карамзина. Во всяком случае так он хотел представить процесс своего спонтанного творчества – именно в процессе путешествия: «Я лег на траве под деревом, вынул из кармана записную книжку, чернильницу и перо, и записал то, что вы теперь читали». – «Письма русского путешественника», Курляндская корчма, 1 июня 1789 г.). Возможность словесного описания русского пространства становится особенно важной в конце XVIII века, когда совпадает (в России, как и в Европе) со стремлением к «национальному сознанию» и с развитием романтической эстетики.

Еще один опыт «собираания себя» в путешествии и освоения российского пространства принадлежит поэту Ивану Ивановичу Дмитриеву, тексты которого тщательно проанализированы С. Дискинсон⁴¹. Она замечает, что Дмитриев резко противопоставляет идею русского пространства идее пространства заграничного; в его путешествиях постепенно вызывает концепция русского пространства, побуждающего к творчеству. «...В начале воспоминаний он пишет: «Однажды, ехав из деревни в Симбирск, сидел в коляске с моим братом; он молчал, и я тоже, окидывая между тем глазами с обеих сторон поля, дубравы и селения; вдруг пришло мне на ум мысль: отчего я так долго молчу, и ни о чем не рассуждаю? Помню из книг, то молодой Маркиз дорогою рассуждал в коляске с своим наставником; барон Пельниц с своим сыном, и Дон Фигеоразо, или Уединенный Гишпанец, также с своими детьми: от чего же никакие предметы, никакой случай не возбуждает во мне размышлений? Конечно оттого, думал я, что они были умнее. При этом замечании мне стало грустно»⁴². Молодой Дмитриев смотрит на пространство вокруг себя, и оно само по себе волнует его заложенным в себе побуждением к творчеству, «рассуждениям» – по сути, не здесь ли мы видим (заданное в таком случае поволжской природой) зарождение писательской страсти будущего поэта?»⁴³. В 1794 г. Дмитриев предпринимает поездку «по величавой Волге» из Сызрани в Царицын, а потом еще одну – в Астрахань сухим путем. Эти путешествия, встреча с разнообразием народов и культуры империи имели важное значение для развития художественной индивидуальности поэта. Его стихотворение «Глас Патриота на взятие Варшавы» (1794 г.) стало важным явлением в развитии художественных представлений о России.

⁴⁰ Топоров В.Н. Указ.соч. С. 595–596.

⁴¹ Дискинсон С. Дмитриев и освоение русского пространства // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь, творчество, круг общения / Под ред. А.А. Костина, Н.Д. Кочетковой. СПб., 2010.

⁴² Цит. по: Дискинсон С. Указ.соч. С. 56.

⁴³ Там же.

Итак, на протяжении полутора столетий российская культурная элита в своих путешествиях по стране «открывала» для себя Россию. Открывала, не спеша. 1770-е годы стали переломной эпохой (кстати, не только в российской, но и в европейской культуре): А. Ассман вслед за немецким историком понятий Р. Козеллеком характеризует темпоральный режим Модерна, датируя начало Модерна не концом Средневековья, а примерно 1770 годом (Козеллек же сформулировал концепцию «седловинного времени» – исторической цезуры, временного разрыва, результатом которого стала глубокая трансформация человеческой жизнедеятельности)⁴⁴. Последняя четверть XVIII – начало XIX века – время окончательного перехода русской дворянской культуры от заимствований, копирования к самостоятельному культурному творчеству в поле европейских культурных традиций. И здесь, впрочем, не только для дворян, но и для образованных «разночинцев», – начинался процесс «открывания» своей страны через путешествие – открывания для себя (и других).

Однако еще и в произведении 1845 г. В.А. Соллогуба «Тарантас. Путевые впечатления. Повесть» действуют герои Иван Васильевич (предполагающий целью изучение России, берущий с собою основательную тетрадь, кою собирается заполнять путевыми впечатлениями) и его спутник, Василий Иванович, который уверен, что они *не путешествуют, а просто едут* из Москвы в Мордасы – через Казань. На одной из станций он при этом в привычном ожидании размышляет, где же следует искать Россию, «коли древностей нет, губернских обществ нет, а столичная жизнь заемная». Но уже во второй половине XIX века русское дворянство поедет по России уверенно, с ветерком паровоза, и с «высокой» целью – в поисках кода «национального пейзажа» (новооткрытый простор, дорога, леса, поля и снега), в поисках национальных образов – этническое разнообразие народов России, архитектурные памятники, национальные святыни. А весь процесс складывания культурной практики «путешествий россиян по России», процесс «открывания» своей страны (с самовыражением в текстах, – для себя и других) по сути можно рассматривать как процесс формирования российского национального самосознания.

⁴⁴ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017.

**«Людемъ всем отчаявшимсяъ своего житья»:
эсхатологические страхи на Руси в последние
предмонгольские десятилетия**

Древняя Русь; эсхатология; летописание.

Источники не позволяют думать, что ожидания конца света в домонгольской Руси носили напряженный характер. Тем не менее можно говорить о двух подъемах эсхатологической тревожности – в последнем десятилетии XI в. и в первые десятилетия XIII в. В обоих случаях причиной оживления страхов перед концом света стало, по-видимому, сочетание разнородных событий, входящих в библейский апокалипсический архетип: необычайных явлений природы, которые прочитывались как знамения Божии, массовых бедствий, внутренних и внешних конфликтов, пугающих слухов. В частности, эсхатологические настроения начала XIII в. могли подогреваться доходящими до Руси вестями о событиях в других странах – масштабных завоеваниях монголов в Азии и падении Византии в результате IV Крестового похода 1202–1204 гг. И то, и другое хорошо укладывалось в рамки апокрифических представлений о сценариях «последних времен». Автор обращает внимание, что в древнерусских текстах первой трети XIII в. появляются первые признаки того, что тема светопреставления стала интересовать не только книжников, знакомых с тайнами апокалипсической традиции, но и простых людей.

Под 6669 г. в Ипатьевской летописи читается подробное описание лунного затмения, произошедшего 12 февраля 1161 г., в день вокняжения киевского князя Изяслава Давыдовича: «...быс(ть) знамение в лунѣ страшно и дивно — идяше бо луна чєрезо все небо от вѣстока до запада, измѣняючи образы своя; быс(ть) первое [е]и оубывание помалу, дондоже вся погиге, и быс(ть) образъ ея яко скудно черно, и пакы быс(ть) яко кровава; и потом быс(ть) яко двѣ лица имущи, едино зелено, а другое желто, и посредѣ ея яко два ратьная сѣкущєся мечема, и одному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше»².

Д.О. Святский, комментируя это сообщение, указал на присутствие в нем возможной параллели со стихами 6-й главы Апокалипсиса, рассказывающими о начале крушения мира после снятия Агнцем шестой печати (Откр. 6: 12; ср: Ис. 13: 10, Иез. 32: 7; Иоил. 2: 31; Мф. 24: 29; Деян. 2: 20 и др.)³. В древнерусском толковом Апокалипсисе середины XIII в. искомое место звучит так: «...с(о)лнче *мрачно быс(ть) яко врѣтище влася-*

¹ Лаушкин Алексей Владимирович; кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова.

² ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 516.

³ Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М., 2007. С. 146–147. По мнению исследователя, правильное чтение слова «скудно» сохранилось в Воскресенской летописи – «сукно» (см.: ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 74), что еще больше сближает приведенные цитаты. Добавим, что в древнерусском языке существовало и слово «скуть» («скудь»), означавше, в частности, верхнюю одежду (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 395, 399).

но и м(е)с(я)ць быс(ть) яко кровь»⁴; в Чудовском Новом Завете середины XIV в., точнее отразившем оригинальный греческий текст: «...с(о)лнце черно быс(ть) як(о) мех власян и лоуна вся быс(ть) аки кров(ь)»⁵. Наблюдение Святского позволяет думать, что известие отразило некие эсхатологические переживания летописца (связанные, к примеру, с недавним наступлением 666-го года седьмой тысячи). Тем более что здесь мы видим не первую отсылку к мотивам Апокалипсиса в статье 6669 г. Несколько строками выше летописец описал кровавое сражение князей за Киев и нарочито заметил: «и тако страшно бѣ зрѣти [брань. – А.Л.], яко Второму пришествию быти»⁶. Однако, подведя вдумчивого читателя к границе пугающей темы светопреставления, он вдруг отвернул в сторону и согласился с мнением неких «старих людеи», что знамение «в лунѣ» несло сугубо конкретный (а значит никак не связанный с Концом света) смысл: оно «прообразовывало» «кн(я)жю см(е)рть». «Еже быс(ть)» (что и случилось), – завершил свой рассказ летописец, явно имея в виду смерть Изяслава Давыдовича от сабельного удара «по главѣ», описанную в следующей погодной статье⁷.

Перед нами – типичный для древнерусских книжников пример прикосновения к эсхатологической теме. С одной стороны, они знали, что со времен Иисуса мир стал неуклонно двигаться к концу и что однажды он вступит в финальную стадию своей истории, ознаменованную различными религиозными, социальными и природными катаклизмами, описанными в Библии и сочинениях на тему конца света, появлением на земле антихриста, Вторым пришествием Христа, Судным днем и возникновением «нового неба и новой земли» (2 Пет. 3: 13). Но с другой, – почти всегда проявляли благоразумную сдержанность перед лицом Божественной тайны, о которой Сам Христос говорил так: «о дни же оном и ч(а)сѣ никто ж(е) вес(ть), ни анг(е)ли же н(е)б(е)снии, токмо От(е)ць Мой един»⁸ (Мф. 24: 36). И хотя многое из того, чему они были свидетелями, вполне могло предвещать, согласно существовавшим представлениям, наступление последних дней, которые всегда «близ ес(ть), при дверех»⁹ (Мк. 13: 29), летописцы обычно или прямо дистанцировались от эсхатологического прочтения страшных событий (оставляя за ними лишь значение зловещего фона, не дающего забыть о грядущей мировой драме), или же трактовали их как сугубо предварительные стадии апокалипсической

⁴ НИОР БАН. Никол. 1. Апокалипсис с толкованиями свт. Андрея Кесарийского, сер. XIII в. Л. 33.

⁵ Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. М., 2001. С. 407. Ср.: «ὁ ἥλιος ἐγένετο μέλας ὡς σάκκος τρίχινος καὶ ἡ σελήνη ὅλη ἐγένετο ὡς αἷμα».

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 515.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 516, 518. См. также: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. С. 119–120; Святский Д.О. Очерк истории астрономии в Древней Руси. Часть II // Историко-астрономические исследования. М., 1962. Вып. 8. С. 29.

⁸ Чудовская рукопись... С. 59.

⁹ Там же. С. 86.

развязки бытия мира, которую изображали как угрозу отнюдь не завтрашнего дня.

Примеров, вписывающихся в эту модель восприятия, в летописании домонгольского времени сохранилось множество. Изображая страшные аномалии «на небеси и на земли», названные в Библии признаками приближения «дня Господня» (см.: Ис. 13: 9–10, 13; 24: 18–20; 34: 4; Иер. 4: 23–24; Иезек. 32: 7–8; 38: 19; Иоиль 2: 10, 30–31; 3: 15–16; Соф. 1: 15; Мф. 24: 3–9, 29–30; Мк. 13: 3–9, 24–26; Лк. 21: 11, 25; Деян. 2: 20; Откр. 6: 12–14; 8: 5, 7–8, 10–12, 19; 9: 1; 11: 13, 19; 12: 4; 13: 13; 15: 17–21; 16: 18–20; 20: 9; и др.)¹⁰, летописцы, как и в случае с лунным затмением 1161 г., неоднократно указывали (всегда *post factum*!) на конкретные политические или общественные события, «прообразованные» знаменами, либо рассуждали о их географической адресности¹¹. Последнее особенно показательно, ибо конец света не может угрожать отдельной земле или городу, но, по вере христиан, затронет весь мир и каждого человека.

Работает описанная модель и в текстах, проливающих свет на самый заметный из зафиксированных источниками всплеск эсхатологической тревожности на Руси XI–XII вв., пришедшийся на 1090-е гг.¹² Как можно думать, он явился следствием сочетания разнородных причин, сгруппировавшихся в узких рамках одного десятилетия: (1) наступления «юбилейного» 6600 (1092/93) года – как показал А.А. Гиппиус, такие годы обычно отличались на Руси подъемом деятельной религиозности, связанной с ожиданиями Конца света¹³; (2) активизации натиска «измаильтян»-половцев, которые после ряда серьезных военных успехов в 1096 г. едва не взяли Киев и именно в это время окончательно приобрели в среде русских

¹⁰ Все эти образы в той или иной степени были восприняты эсхатологической литературой и в том числе – известной в Древней Руси. См., напр.: *Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследования и тексты. М., 1897. С. 100; Слово о небесных силах // ИОРЯС. СПб., 1860. Т. 9. Вып. 3. Стб. 191–192; Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция. М., 1998. Стб. 1326–133а; и др.

¹¹ *Лаушкин А.В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998. С. 39–54.

¹² См.: *Якобсон Р.О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 108; *Гиппиус А.А.* 6700 год от Сотворения мира: Отмечались ли юбилеи в Древней Руси // Родина. 2002. № 11–12. С. 105; *Gippius A.* Millennialism and Jubilee Tradition in Early Rus' History and Historiography // *Ruthenica*. К., 2003. Т. 2. С. 163–164, 170; *Карнов А.Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 3–15; *Алексеев А.И.* Эсхатологические переживания в Западной Европе и на Руси IX–XV вв. (Синхронно протекавшие процессы или типологическое сходство?) // Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию И.Я. Фроянова. СПб., 2006. С. 254; *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. С. 142–145; и др.

¹³ *Гиппиус А.А.* 6700 год от Сотворения мира... С. 102–106.

книжников репутацию народа, находящегося под властью темных сил¹⁴; а также (3) докатившейся до Руси волны мессианских настроений среди византийских иудеев, которая, в свою очередь, была вызвана I Крестовым походом 1096–1099 гг.¹⁵ Как следствие в Начальном своде первой половины / середины 1090-х гг.¹⁶ (во введении к которому текущая эпоха определена как «послѣднѣе время»¹⁷) и далее в Повести временных лет (ПВЛ) под 6599–6600 и 6602–6604 гг. отложился целый пласт известий с недвусмысленными апокалипсическими коннотациями.

В небольшом тексте, включающем заключительные строки статьи 6599 г. и статью 6600 г., описаны события и явления, которые в эсхатологической литературе выступают в качестве знаков «последних времен». Летописец упоминает затмение солнца, падение метеорита – «превеликая змия отъ н(е)б(е)се» (которого позднейший миниатюрист изобразил в образе inferнального змея¹⁸), активизацию темных сил (проповедь волхва в Ростове, бесовской шабаш в Полоцке и других городах вплоть до Друцка), появление «превеликого» «круга» на небе и неописанных «многих знамений» в разных местах, разгул огня – «изгарание» лесов, болот и самой земли от сильной засухи, натиск нечестивых врагов (половцев, взявших три русских города в Переяславской области), и, наконец, эпидемию, от которой «мнози ч(е)л(о)в(е)ци оумираху» (только за Рождественский пост и, видимо, в только одном Киеве тогда было продано семь тысяч гробов). Страшные события, как подчеркнул летописец, охватили огромную территорию от Полоцка и Ростова до пригородов Киева и Переяславля, отчего созданная им картина приобрела необычную масштабность. Но, остановившись на самом пороге апокалипсического объяснения этой картины, он, как и его последователь в 1161 г., дальше не пошел. В комментarii, венчающем всю цепочку сообщений, он ограничился обычным замечанием, что все произошедшее явилось наказанием за грехи, призывом к покаянию и к избавлению «от зависти и от прочихъ злыхъ дѣлъ»¹⁹. Показательно, что летописец не использовал для рассуждений о близящемся Конце и такой «подходящий» повод, как двукратное появление на Руси саранчи, описанное под 6602 и 6603 гг.²⁰ Как известно, саранча («проузи») – один из ярких образов Апокалипсиса. Там, правда, это не насекомые, а похожие на коней чудовища, которые «изидоуть... на землю», чтобы мучить

¹⁴ Лаушкин А.В. Русь и соседи... С. 136–144, 195–203.

¹⁵ Карпов А.Ю. Об эсхатологических ожиданиях... С. 11–13.

¹⁶ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 5–11; Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 46–49.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 103–104.

¹⁸ Радзивилловская летопись: Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб., 1994. Т. 1. Л. 123 об.

¹⁹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 214–215.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226, 229.

людей: «не врѣдять травы земныя, ни всякого злака... нъ ч(е)л(о)в(ѣ)кы тѣмко»²¹ (Откр. 9: 3–11). Летописец, сообщив под первым из названных годов, что «проузи» «придоша... на Русьскую землю», тут же подчеркнул, что они «поѣдоша всяку траву и многа жита» (т.е. повели себя совсем не так, как должна вести себя апокалипсическая саранча), а известие в целом соотнес скорее не с отмеченным чтением из Апокалипсиса, а с ветхозаветным рассказом о восьмой «казни египетской» (ср.: Исх. 10: 4–6, 12–15).

В статье 6604 г. эсхатологические мотивы звучат уже не завуалировано. Автор опознает в усиливающих военное давление на Русь половцах один из тех «измаильтянских» народов, которые, согласно апокрифическому Откровению Псевдо-Мефодия Патарского, должны будут явиться из пустыни тогда, когда дни мира пойдут к своему завершению²². Видимо, один из позднейших летописцев (работавший по А.А. Гиппиусу в 1117 г.)²³ задним числом дополнил эту мрачную констатацию собственным подозрением, основанным на рассказах новгородца Гюряты Роговича о далекой югре о ее соседях. По его мнению, далеко на севере за высокими горами, заходящими «в луку моря», живет еще один «скверный» народ. Эти люди, некогда «заклепении» там Александром Македонским (и известные в других источниках как гог и магог²⁴), должны будут явиться

²¹ НИОР БАН. Никол. 1. Апокалипсис с толкованиями свт. Андрея Кесарийского, сер. XIII в. Л. 43–43 об.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234; Т. 2. Стб. 224. См.: Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 695–697; Карпов А.Ю. Об эсхатологических ожиданиях... С. 3–13; Гиппиус А.А. Гюрята Рогович и его роль в русской эсхатологии (к интерпретации летописной статьи 6604 г.) // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 251–254; Андрейчева М.Ю. Образы иноверцев в Повести временных лет. СПб., 2019. С. 133–152; и др.

²³ Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. // Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 582–584; Он же. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 103; Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 33–43; Он же. К проблеме редакций Повести временных лет. II // Славяноведение. 2008. № 2. С. 20–21; Он же. Гюрята Рогович и его роль... С. 251–264. В одной из своих новейших работ А.А. Гиппиус высказал догадку, что еще до пополнения вставкой 1117 г. статья могла уже претерпеть однажды серьезные изменения: первоначальный рассказ о нашествии половцев (до слов «безбожнии сынове Измаилеви пущени на казнь хрестьяномъ»), который принадлежал к анналистическому продолжению Начального свода, мог быть пополнен экскурсом о происхождении половцев, основанном на Откровении Псевдо-Мефодия, не сразу, а лишь при составлении ПВЛ, то есть между 1113 и 1116 гг. (Гиппиус А.А. Гюрята Рогович и его роль... С. 251, 262). Если эта догадка, еще требующая, без сомнения, дальнейшей проверки, окажется верна, то эсхатологизм статьи 6604 г. нарастал постепенно и приобрел эксплицитный характер лишь в 1110-е гг.

²⁴ О происхождении и значении этого образа см.: Карпов А.Ю. «Заклепанные чело-веки» в летописной статье 1096 г. // Очерки феодальной России. М., 1999. Вып. 3. С. 3–24.

вслед за «измаильтянами» «в послѣдняя д(ь)ни» и уже сейчас пытаются вырваться из своего векового заключения²⁵.

Однако несмотря на весь внешний алармизм этого многослойного текста следует отметить, что, согласно Псевдо-Мефодию, с «измаильтянами» будет связана лишь предварительная, неясная по продолжительности фаза заключительной мировой драмы²⁶. В свое время этим народам еще только предстоит потерпеть конечное поражение от христианского царя, после чего у христиан наступит эра благоденствия. Лишь тогда, в разгар этой «тишины», придет время, когда «людые заклепении» вырвутся из-за своих «гор полунощных» и начнут совершать страшные злодеяния, а потом будут «единомъ часѣ» уничтожены Богом. И только после этого на свет появится антихрист²⁷. В настоящее же время, как ясно сообщил информатор Гюряты, освобождение «заклѣпених ч(е)л(о)в(ѣ)ков» из плена не произошло и остается делом неопределенного будущего. Следует согласиться с мнением А.М. Ранчина, что ПВЛ под 6604 г. «отнюдь не утверждает, что уже приблизился конец света»²⁸ – речь в статье идет лишь о признаках его постепенного приближения, которое может длиться еще немалое время.

Новый подъем эсхатологической тревожности на Руси источники фиксируют в предмонгольские десятилетия²⁹ – еще до нашествия Батыя. В это время после сравнительно благополучного XII в. страну накрыла волна тяжелых испытаний и пугающих природных явлений: настойчивых знамений «на небеси и на земли» (в том числе таких необычайных для Востока Европы как потрясение земли)³⁰, частых неурожайных лет с приходящими вместе с ними дороговизной хлеба и массовой гибелью людей от голода и моровых поветрий³¹, разрушительных пожаров³², ожесточен-

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 234–236. Т. 2. Стб. 224–226.

²⁶ См.: *Гарькавый И.В.* «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 87–89.

²⁷ *Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского... С. 92–99.

²⁸ *Ранчин А.М.* Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме. Saarbrücken, 2011. С. 80. Справедливые сомнения в том, что создателю ПВЛ был присущ острый эсхатологизм см. также: *Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). СПб., 2008. С. 66–67.

²⁹ *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1 (Древняя Русь). С. 347–351; *Лаушкин А.В.* Русь и соседи... С. 158–162.

³⁰ *Лаушкин А.В.* Стихийные бедствия... С. 54–58.

³¹ См.: *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. С. 175–176; *Макаров Н.А.* Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 5, 7–9.

³² См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415, 435–436, 445, 449–450, 451; Новгородская первая летопись... С. 45, 52, 57 и др.

ных княжеских усобиц³³, все более тяжелых конфликтов с воинственными соседями – венграми, немцами, литвой и ятвягами, к которым прибавились еще и новые неведомые враги – монголы, разгромившие русских на Калке в 1223 г. и вскоре (правда, не без сомнений) отнесенные некоторыми русскими книжниками к той же «измаильтянской» семье народов, к какой причисляли половцев³⁴. Именно на эти десятилетия пришлась и проповедническая деятельность преп. Авраамия Смоленского³⁵, «духовное учение» которого о покаянии раскололо город Смоленск и подвигло сторонников юродствовавшего монаха-проповедника, собственноручно написавшего икону «Второго пришествия», почитать его пророком. Авраамий «не престааше» поминать Страшный суд в своих проповедях и постоянно говорил об «оном страшном дне» «къ всѣмъ приходящимъ»³⁶. Современник Авраамия галицкий книжник Тимофей также интересовался тайнами «последних времен» и, в частности, рассуждал об именах антихриста³⁷.

На таком зловещем фоне появляются пусть единичные и краткие, но все же различимые признаки отхода летописцев от привычной модели, в

³³ Самыми крупными из них были долгая смута на Юго-Западе Руси, начавшаяся в 1205 г. после смерти создателя Галицко-Волынской державы князя Романа Мстиславича и завершившаяся лишь во время Батыева нашествия, а также ожесточенная война за Киев 1231–1240 гг., в которую оказались втянуты черниговские, смоленские, волынские и (отчасти) суздальские князья (см.: *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 181–188).

³⁴ См.: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи... С. 160–161, 224–225.

³⁵ Время проповеднической активности святого примерно устанавливается по его Житию. В нем говорится, что Авраамий пять лет терпел поношения от своих недоброжелателей (негодовавших на его «учение»), а прекратились гонения незадолго до смерти смоленского владыки Игнатия (БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 36, 54, 56). Епископ Игнатий упоминается в летописи под 1205 г. (*Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 291), из чего следует, что гонения на Авраамия начались, по крайней мере, не ранее 1200 г. Предпринятые исследователями попытки уточнить хронологию деятельности святого носят гипотетический характер, но одинаково ведут к заключению, что эта деятельность проходила еще до нашествия монголов (*Назаренко А.В.* Авраамий Смоленский // *Православная энциклопедия*. М., 2000. Т. 1. С. 178; *Печников М.В.* Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000. М., 2003. С. 352–353; *Конявская Е.Л.* Смоленск в конце XII – первой трети XIII в. по летописным и агиографическим источникам // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва 9–10 ноября 2017 года. М., 2017. С. 35).

³⁶ БЛДР. Т. 5. С. 36–44. См. также: *Федотов Г.П.* Русская религиозность. М., 1988. [Т. 1] С. 188–190.

³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722. Сообщение об этом читается в Галицко-Волынской летописи под 6713/1205 г., однако описывает, скорее всего, события рубежа 1210–1211 гг. (*Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*. Львів, 1901. Т. 41. С. 10–11). См. также: *Василик В.В.* Эсхатологические представления в Галицко-Волынской летописи // *Русин*. 2013. № 1 (31). С. 136–137.

рамках которой конец света виделся лишь тревожащим будущим, но отнюдь не страшным настоящим. С одной стороны, они продолжали изредка знакомить читателя с собственными эсхатологическими интуициями, как и ранее ограничиваясь намеками и далее отступаясь от них, но с другой — несколько раз обмолвились о том, что можно было бы назвать вспышками коллективного страха их современников перед надвигающимся светопреобразованием. Эти обмолвки представляют собой самые ранние известные нам намеки на то, что эсхатологические переживания на Руси, возможно, уже вышли за пределы тонкого интеллектуального слоя и стали достоянием улицы. На то же, к слову, по-своему намекает и Житие прп. Авраамия Смоленского, констатируя, что «духовное учение» святого вызывало большой интерес в городе.

Обратимся к летописям.

2 января 1203 г. князь Рюрик Ростиславич с Ольговичами «и всею Половецкою землею» захватил Киев и устроил там ужасающий погром; разграблены были даже главные соборы города и «монастыри всѣ», степняки увели «в вежи к собѣ» большой «полон». Это событие произвело на киевлян гнетущее впечатление — летописец воскликнул, что такого великого «зла не было от кр(е)щенья надъ Кыевомъ»³⁸. Но еще за несколько месяцев до этого, когда жизнь спокойно текла по привычному руслу и ничто не предвещало трагедии, произошло нечто, вызвавшее у людей сильный страх³⁹. Ночью 18 октября 1202 г., сообщает летописец под 6711 г., «течение здѣздное быс(ть) на н(е)б(ѣ)си: оторгаху бо звѣзды на землю». Так он описал метеорный рой Леониды, встречающийся с атмосферой Земли трижды в столетие и часто порождающий «звездные дожди» высокой интенсивности. По словам летописца, наблюдатели решили, что наступает конец света: «мнѣти видшим ꙗко кончину». Правда, для описания озадачившего его явления и реакции на него людей, не мудрствуя лукаво, он обратился к подходящей цитате, обыскав ее в статье 6573 г. ПВЛ, где в хронографической выписке был упомянут звездопад при византийском императоре-иконоборце Константине V (741–775): «течение здѣздное быс(ть) на н(е)бѣ: отторваху бо с(я) на землю, ꙗко видящим мнѣти кончину». Однако такое буквальное заимствование не означает, что реакция русских наблюдателей аналогичного знамения в XIII в. была иной, нежели у греков в VIII в., и появилась под пером летописца лишь «по инерции» цитирования. Как известно, прибегая к топосам, книжники часто делали это вполне «зряче», находя в чужом тексте именно то, чему сами были свидетелями или что сами хотели сказать⁴⁰. Тем более, что в данном случае летописец привычно дистанцировался от острого эсхатологического прочтения происшествия — и мог, если бы захотел, цитату усечь. (По его

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 418; Новгородская первая летопись... С. 45.

³⁹ О хронологии событий в статье 6711 г. см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 87.

⁴⁰ См., напр.: *Творогов О.В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 36.

собственному мнению, такие знамения хотя и «на зло бывают», но все же не являются началом светопреставления: «или проявляют рати, или глад, или см(е)рти проявляют».)⁴¹.

Звездапад 1202 г. Миниатюра Радзивилловской летописи, XV в.

Если летописец поспешил несколько успокоить своих читателей, то художник, проиллюстрировавший данное известие, поступил противоположным образом. На миниатюре Радзивилловской летописи, восходящей, по-видимому, к оригиналу начала XIII в.⁴² (если это так, то миниатюрист был современником и, быть может, даже свидетелем звездопада!) апокалипсический мотив сообщения решительно подчеркнут. На рисунке изображены люди в молитвенных позах во главе со священником, красное светило (луна?), огромные падающие звезды, непонятные крупные предметы на земле и – самое примечательное – небеса в виде сворачивающегося свитка⁴³ (отметим, что другого такого изображения небес в памятнике нет). Без сомнения, перед нами прямая реплика на воспринятое эсхатологической литературой⁴⁴ пророчество из упоминавшейся выше 6-й главы Апокалипсиса: «...и м(е)с(я)ць быс(ть) яко кровь, и звѣзды неб(е)сныя падоша на землю яко смоковница, отмѣтаючи поупы своя, от вѣтра вѣлия подвижима, [и] н(е)бо отлоучиться яко свитькъ свиваемо»⁴⁵ (Откр. 6: 13–14;

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 165, 419; Л., 1989. Т. 38. С. 155; М., 1995. Т. 41. С. 125.

⁴² Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М., 2004. С. 39–47 и сл.; Лурье Я.С. Летопись Радзивилловская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 250.

⁴³ Радзивилловская летопись. Л. 238 об.

⁴⁴ См., напр.: Сахаров В.А. Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 149–150; Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского... С. 224; Слово о небесных силах. Стб. 191–192; Палей Толковая [по Коломенскому списку 1406 г.]. М., 2002. С. 33.

⁴⁵ НИОР БАН. Никол. 1. Апокалипсис с толкованиями свт. Андрея Кесарийского, сер. XIII в. Л. 33–34.

ср.: Ис. 34: 4). Возможно, неким апокалипсическим смыслом художник хотел наделить и три объемных предмета на земле, напоминающие неправильной формы параллелепипеды (и также, как небеса-свиток, не имеющие аналогов на других миниатюрах летописи). По предположению В.К. Кузакова, миниатюрист мог таким образом изобразить долетевшие до земли звезды⁴⁶. Трудно сказать, насколько данная догадка правомерна. Но если и далее следовать за образами Апокалипсиса, можно допустить, что миниатюриста вдохновила строчка из 16-й главы пророчества, где говорится, что во время Конца света великий город от сильного землетрясения распадется на три части (Откр. 16: 19). Не последовав за текстом известия буквально, но отозвавшись на апокалипсический импульс события, художник словно бы говорил читателю: пусть мир и не рухнул той осенью, однако Бог все же напомнил, что завеса, отделяющая бытие мира от его небытия, очень тонка, и забывать об этом не стоит.

Более выразительная эсхатологическая ремарка сохранилась в Лаврентьевской летописи под 6738 г. 3 мая 1230 г., на память прп. Феодосия Печерского (одного из немногих уже прославленных русских святых), во время литургии, в момент, когда в величественном соборе Святой Богородицы во Владимире начали читать Евангелие, произошло сильное землетрясение. Оно прокатилось едва ли не по всей стране, толчки, местами вызывая разрушения, ощущались в Новгороде, Владимире, Киеве, Переяславле Южном и других городах. Как записал владимирский летописец, в первые секунды, не поняв («не... раз(у)мѣвах»), что происходит, многие решили, что у них просто закружилась голова – «мняхутся так(о), яко голова обишла коего их»⁴⁷. Каким могло быть восприятие явления, когда люди разобрались в случившемся, помогает представить Серапион Владимирский, увидевший в одном из потрясений земли XIII в. (год его не установлен) эсхатологическое предвестие: «Слышасте, брат(ѣ)е, самого Г(о)с(под)а, гл(аго)л(я)ща въ Еуа(н)г(е)лии: “и въ послѣдняя лѣт(а) будет знаменья въ с(о)лнци и в лунѣ, и въ звѣздахъ, и труси по мѣстомъ, и гладѣ”. Тогда реченое Г(о)с(подо)мъ нашимъ ныня збысться – при послѣднихъ людехъ. Колико видехомъ с(о)лнца погибша и луну померькышу, и звѣздное премѣнение! Ныне же земли трясение своима очима видѣхомъ. З(емля), от зачала оутвержена и неподвижима, повелѣньемъ Б(ож)иимъ нынѣ движетьс(я), грехы нашими колѣблется, безаконья нашего носити не можетъ!»⁴⁸. Впрочем, летописцы и на этот раз не стали говорить о

⁴⁶ Кузаков В.К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X–XVII вв. М., 1976. С. 91.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454; Новгородская первая летопись... С. 69.

⁴⁸ Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. Прибавления. С. 1. Некий эсхатологический подтекст при желании можно увидеть и в расчете одного позднейшего летописца, труд которого отразился в Тверском сборнике: «отъ Калкатцкиа [Калкской. – А.Л.] рати до потрясения земли [1230 г. – А.Л.] 8 лѣтъ, тогда же и глад бысть, а отъ потрясения земли до Батыева прихождения 8 лѣтъ» (ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. С. 365 (второй пагинации)). Дело в том, что число «8» порой трактовалось как число «будущего века» – эпохи после светопре-

самом худшем: владимирский ограничился тем, что назвал трус дивным «чюдом», а его новгородский коллега однозначно расценил случившееся как знамение «на зло», как сугубый призыв к покаянию и связал с последовавшими за тем трагическими событиями в городе.

На 12-й день после труса Бог вновь грозно напомнил о Себе. 14 мая произошло солнечное затмение. Оно было неполным, но после недавнего потрясения земли вызвало сильный страх. В Суздальской земле некоторым наблюдателям почудилось, что следом за тем, как солнце стало «аки м(ѣ)с(я)ць 4 д(ь)ни и н(а)ча опять полнитис(я)», оно пошло по небу «въспят(ь)». Но всего «грознѣе», отметил владимирский летописец, затмение проявило себя в Киеве, где оно сопровождалось другими пугающими событиями в небе: «бывшу с(о)лнцу м(ѣ)с(я)цемъ, явишася столпове черлени, зелени, синии – оба полы с(о)лнца», и к этому еще «сниде огнь с н(е)б(е)си аки облак велик над ручаи Лыбед». Подчеркнув, что все это «сказаша нам самовидци, бывши там», летописец сообщил о реакции людей на происходящее: «люд(е)мъ всѣм отчаявшимс(я) своего житья, мняще оуж кончину сущю, цѣлующе друг друга, прощен(и)е имаху, плачюще горко, воспиша к Б(о)г(о)ви слезама»⁴⁹. Перед нами написанная со слов свидетелей картина панического страха людей, решивших, что уже началось светопреставление. Она удивительно перекликается с другой подобной зарисовкой, сделанной одним итальянским хронистом в г. Лукке во время затмения солнца 1239 г.: «все мужчины и женщины пребывали в великом страхе и ходили обезумевшие от большого горя и ужаса. И многие под влиянием большого страха пришли на исповедь и калялись в своих грехах. И мирились друг с другом, кто пребывал в раздоре»⁵⁰.

Как следует из летописного рассказа, сильнее всего киевлян напугал сходящий с неба огонь, и это неудивительно. Огненное испытание людей во время Страшного суда, уничтожение мира апокалипсическим пламенем, уготованные грешникам вечные муки в пекле ада – наиболее устойчивые и развитые образы христианской эсхатологии. Сам Христос говорит в Евангелии, что Он «огня приходх врещи на зем(лю)»⁵¹ (Лк. 12: 49). По свидетельству св. Иоанна Богослова, один из апокалипсических «зверей» сумеет «огнь творить сходити на землю прѣдъ ч(е)л(о)в(е)кы» (Откр. 13: 13). Перед окончательным же поражением «зверя» «снидетъ огнь с небесе и поясть» всех, прельщенных дьяволом (Откр. 20: 9)⁵². (Не именно ли эти слова процитировал летописец, сообщив, что «сниде огнь с н(е)б(е)си» над Лыбедью?) Апокрифические «Вопросы Иоанна Богослова на Фаворской горе» рассказывают об ангелах, которые в последние дни

ставления (см., напр.: *Василий Великий, св.* Творения. М., 1845. Ч. 1. С. 38–39).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 455.

⁵⁰ *Салимбене де Адам. Хроника.* М., 2004. С. 183.

⁵¹ Чудовская рукопись Нового Завета... С. 115.

⁵² НИОР БАН. Никол. 1. Апокалипсис с толкованиями свт. Андрея Кесарийского, сер. XIII в. Л. 61, 92 об.

снесут на землю огонь, и от него земля выгорит на сотни локтей вглубь⁵³. «Слово о небесных силах» описывает огненную реку, от которой будет пылать земля и в которой «вся суцаа вещи, разве человекъ, отъ ярости огненныя, яко воскъ, истают и изгорят»; люди же должны будут пройти через нее⁵⁴. Подобных примеров можно привести немало⁵⁵. Для киевлян, как отметил летописец, тогда все закончилось благополучно лишь милостию Божиею: «м(и)л(ос)тью Своею Б(ог)ъ прев(е)де страшный т[ъ] огонь черес вес[ъ] град бес пакости, и пад в Днѣпръ реке, ту и погибе»⁵⁶.

Новгородский летописец тоже не удержался от изображения реакции людей (от которых не отделил и себя) на затмение 14 мая 1230 г., указав, что когда оно завершилось, «ради быхомъ, небози»⁵⁷ (убогие, маловеры). Помимо естественного вздоха облегчения после пережитого страха в этой ремарке можно услышать и нечто большее – отзвук страхов, похожих на те, что поразили в тот день жителей Киева. Затмение солнца традиционно трактовалось на Руси как дурной знак, чаще всего предвещавший чью-то смерть⁵⁸, и потому его завершение не должно было вызывать у новгородцев особой радости: предупреждение могло быть чревато несчастьем. Показательно, что когда в 1207 г. солнечное затмение наблюдали жители Владимира, то они молили Бога, «дабы Б(ог)ъ обратилъ знаменье то на добро»⁵⁹, явно подозревая, что оно может предвосхищать некие беды (но, видимо, все же не «скончание времен»). Но если предположить, что новгородцы заподозрили в затмении начинающееся светопреставление, то в таком случае их радость становится понятна – раз солнце «паки наполнися», то конец еще не настал.

Несколько месяцев спустя после труса и затмения во многих землях Руси начался сильный голод, который мог вновь оживить апокалипсические страхи той смятенной поры. Новгородский летописец не забыл упомянуть, что урожай погиб из-за мороза на самый праздник Воздвижения Креста Господня, и, описывая разгул смерти в городе, в ужасе заметил: «предъ очима нашими гневъ Божии: мъртвѣци по уличамъ и по търгу, и по мосту по великому от пьсь изедаемы, оже не можаху погрѣбати», «а инии, мъртвая мяса и трупие обрѣзающе, ядаху». И тут же, отдавая неизбежную

⁵³ См.: Сахаров В.А. Эсхатологические сочинения... С. 132.

⁵⁴ Слово о небесных силах. Стб. 192.

⁵⁵ См.: 1 Пет. 4: 12; 2 Пет. 3: 10–12; 1 Кор. 3: 13; 2 Фес. 1: 7–8; Откр. 14: 10–11; Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского... С. 97, 223–224; Житие Андрея Юродивого. СПб., 2001. С. 106–107; Невоструев К.И. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в. М., 1868. С. 102, 104 (второй пагинации); БЛДР. Т. 5. С. 57 (Житие преп. Авраамия Смоленского), 390–392 (Послание Якова-черноризца к князю Дмитрию Борисовичу); и др.

⁵⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 455.

⁵⁷ Новгородская первая летопись... С. 69. См. аналогичные ремарки у новгородских летописцев по поводу затмений солнца, но без самоуничижения «небози»: Там же. С. 38, 89.

⁵⁸ Лаушкин А.В. Стихийные бедствия... С. 43–47.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 428.

дань вечному *o tempora, o mores*, добавил, что многие люди, не желая понять страшного Божьего вразумления, вместо исправления стали грешить «пущицы»⁶⁰.

Выше мы говорили о напластовании внутренних причин, которые могли подпитывать тревоги жителей Руси относительно близящейся кончины мира в первые десятилетия XIII в. – время, все же не отмеченное ни какими-то «эсхатологическими» датами (типа «юбилейных лет»), ни катастрофическими военными событиями, каким станет нашествие монголов 1237–1240 гг. (вызвавшее новую, но быстро сошедшую на нет волну апокалипсических настроений и на Руси, и в странах западнее ее⁶¹).

По всей видимости, у этих тревог и страхов могли быть и некие внешние причины, коренящиеся в событиях, которые Русь прямо не затрагивали, но вести о которых обращали мысли осведомленных людей в совершенно определенном направлении.

Одна из этих причин представляется очевидной. Это – стремительные монгольские завоевания в Азии, начавшиеся в 1207 г. Не исключено, что глухой рокот этих опустошительных походов, знаменовавших выход на историческую арену нового народа войны, стал доходить до Руси уже после первых громких побед «потрясателя Вселенной». После же трагического для русских дружин 1223 года на Руси, по наблюдениям В.А. Кучкина, уже явно «следили за приближением монголо-татарской грозы»⁶².

Другой причиной, в которой тоже трудно усомниться, стали события 1202–1204 гг. вокруг Константинополя, захваченного и ограбленного участниками IV Крестового похода. Почти на шесть десятилетий православная Византийская империя прекратила свое существование. Трон православных василевсов и престол православных патриархов оказались в руках католиков. Эти чрезвычайные происшествия также имели немалый «эсхатологический потенциал».

В Византии давно уже вызрело представление, ставшее своеобразным фокусом византийской эсхатологии, о неразрывной связи судеб мира и судьбы Империи ромеев, центром и палладиумом которой являлся великий царствующий град на Босфоре. Падение Константинополя и крушение империи в свете этой идеи понимались как самоочевидный пролог к гибели всего мира⁶³. К примеру, об этом свидетельствовали такие известные на Руси памятники как Откровение Псевдо-Мефодия и Житие св. Андрея Юродивого. Псевдо-Мефодий писал, что власть империи будет незыблема «до Соуднаго д(ь)не», а св. Андрей в своем пророчестве говорил

⁶⁰ Новгородская первая летопись... С. 69–71.

⁶¹ Лаушкин А.В. Русь и соседи... С. 160–162.

⁶² Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. Сборник научных трудов. М., 1990. [Ч. 1.] С. 15.

⁶³ Magdalino P. The End of Time in Byzantium // Endzeiten: Eschatologie in den monotheistischen Weltreligionen / Wolfram Brandes; Felicitas Schmieder (Hrsg.). Berlin; New York, 2008. P. 121–122, 126, 131–132.

ученику Епифанию, что «вплоть до кончины ни один народ не пленит и не возьмет» столицу империи, незадолго же до появления антихриста она будет поглощена морем. Однако если по Псевдо-Мефодию история Византии остановится на последнем праведном царе, который после появления антихриста сам «прѣдасть ц(а)р(с)тво хр(е)стияньско Б(ог)оу и О(т)цю», то у св. Андрея нарисована долгая, длящаяся десятилетия, агония царствующего города. На его престоле будут сменяться цари благочестивые и ненавидящие Бога, между последними закипят жестокие войны, потом на троне окажется «позорная женщина» и «дочь дьявола», она осквернит алтари и бросит вызов Богу, после чего Он уничтожит город и тогда явится антихрист⁶⁴. Этот сценарий, начало которого при желании можно было распознать в бурных политических и религиозных событиях 1202–1204 и последующих годов, когда на престоле Царьграда быстро менялись цари и в результате власть досталась иноверцам и осквернителям святынь⁶⁵, мог означать, что в ближайшие десятилетия следует ожидать и страшного продолжения начавшихся событий.

Вероятный эсхатологический подтекст падения Византии в 1204 г. осознавали и сами греки, во всяком случае – некоторые из них. Переживший захват столицы и подробно описавший его историк Никита Хониат создал, по словам М.В. Бибикова, «почти апокалиптическую картину происходящего»⁶⁶. Чувства, охватившие Хониата, трепещут между полюсами надежды и отчаяния. Он горячо уповает, что все случившееся — лишь временное наказание Божие, за которым последует прощение, восстановление попорченного царства и воскрешение великого города во всей его славе и великолепии. И в то же время его не оставляет мысль (хотя он и гонит ее от себя), что эта надежда может быть тщетной и что мир уже находится на краю последнего испытания. Бесчинствующие в городе латиняне видятся ему «истинными предтечами антихриста» или по меньшей мере «предшественниками и провозвестниками его нечестивых деяний», он видит в происходящем «бедствия, свойственные кончине мира», апокалиптическую «мерзость запустения, стоявшую на месте святе» (Мф. 24, 15) и прямо признается, что вместе с окружающими порой думает, «что наступают уже последние времена». Историк восклицает, что «безбожные злодеи, завистливые и безжалостные демоны разгулялись... своим диким разгулом» над поруганным городом. И явной параллелью к упоминавшемуся апокрифическому образу «дочери дьявола», которая однажды воцарится в Константинополе, выступает у него пришедшая с латинянами «бабенка», воссевшая на архиерейском месте в алтаре: «жрица нечестия,

⁶⁴ *Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского... С. 92, 99; Житие Андрея Юродивого. С. 105–110.

⁶⁵ О поведении крестоносцев в греческих храмах см.: *Никита Хониат.* История. СПб., 1862. Т. 2. С. 321–325 и др.

⁶⁶ *Бибиков М.В.* Латинское завоевание Константинополя в свете пророческих текстов // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византистов. М., 2004. С. 21 и сл.

дьявольская слуга... хулительница Христова, уселась на сопрестолнии, распевая свою визгливую мелодию, и потом бросилась в пляску, быстро кружась и потрясая ногою»⁶⁷.

Появление в лаконичной Новгородской I летописи под 6712 г. пространной Повести о взятии Царьграда фрягами (включенной в текст памятника всего через несколько лет после описываемых событий⁶⁸) указывает на то, что на Руси были люди, пристально следившие за событиями далеко на юге. Лишенная эксплицитных эсхатологических мотивов (подобных тем, что мы слышали в эмоциональной речи Хониата), Повесть тем не менее использует для определения случившегося выразительное понятие «погибель», которое в глазах книжного человека, возможно, не было лишено помимо буквального смысла и мрачных библейских коннотаций⁶⁹: «погыбе царство богохранимаго Костянтиняграда и земли Грьчской въ свадѣ цесаревъ»⁷⁰.

Конечно, эсхатологические страхи едва ли были лейтмотивом общественных настроений на Руси первой трети XIII в. И тем не менее, токи этих страхов, как можно видеть, периодически тревожили людей того времени, делая последние домонгольские десятилетия еще более напряженными.

⁶⁷ *Никита Хониат*. История. С. 321–324, 326–327, 381.

⁶⁸ По А.А. Гиппиусу, Повесть была вставлена летописцем архиепископа Антония, причем скорее всего это случилось в первые годы пребывания владыки на кафедре – вскоре после 1209 г. (*Гиппиус А.А.* Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни... Памяти А.С. Хорошева. СПб., 2010. С. 187, 197).

⁶⁹ См.: *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли» (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 21–23; *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. С. 352.

⁷⁰ Новгородская первая летопись... С. 49..

Церковь Рождества Богородицы Большого Кремлевского дворца: древнейший храм Москвы в контексте отношения к историческому наследию

Культурное наследие; реставрация; архитектура; дворцовый комплекс; исторический памятник; традиция.

В статье рассматривается история строительства, бытования и реставрации древнейшего храма кремлевского ансамбля – церкви Рождества Богородицы – в контексте формирования отношения к историко-культурному наследию в нашей стране. Понимание ценности исторического артефакта складывалось постепенно, под влиянием особенностей развития исторического самосознания нации, с одной стороны, и западноевропейских традиций сохранения культурного наследия, которые проникали в Россию с Петровского времени, с другой. История наиболее знаковых памятников архитектуры является наглядным воплощением процесса формирования отношения общества к своей исторической памяти. Особенно интересна судьба древнего храма, о котором идет речь в данной статье, учитывая его закрытость для широкого круга посетителей и затрудненность доступа специалистов для работы с ним.

Проблема отношения к культурному наследию, преемственности всегда была одной из важнейших в жизни социума. Реставрация памятников архитектуры давно является не просто самостоятельной областью архитектурной деятельности, но и важным направлением в развитии культуры. Задачи, которые решает современная реставрация, далеко выходят за рамки узко-специальных вопросов, поскольку поднимают важные вопросы философского осмысления современного реставрационного процесса: на какой период исторического бытования памятника необходимо ориентироваться в каждом конкретном случае реставрации, какие научные вопросы должны быть освящены в ее ходе, как наилучшим образом приспособить памятник к актуальным условиям его существования и т.д. Все эти вопросы стояли перед специалистами, занимавшимися вопросами реставрации церкви Рождества Богородицы Большого Кремлевского дворца на разных этапах осуществления этих работ.

Древний храм Рождества Пресвятой Богородицы занимает особое место в истории древнерусского зодчества: это единственный сохранившийся памятник раннемосковской архитектуры, о строительстве и времени освящения которого существуют летописные данные. Тем не менее, о его существовании и местоположении в ансамбле Большого Кремлевского дворца известно лишь специалистам, – самый древний храм Москвы «спрятан» на уровне подклета современного дворцового комплекса.

Церковь Рождества Богородицы была первым каменным храмом московского государева двора. Она была возведена в 1394 г. княгиней Евдокией Дмитриевной на месте деревянного храма Воскрешения Лазаря:

¹ Масленникова Ирина Александровна; кандидат исторических наук, Музеи Московского Кремля.

«Княгиня великая Овдотья Дмитриевна постиви на Москве церковь камени зело чудну и украси ю съсуды златыми и серебряными... и створила паче всех княгинь великих»². Освящена была церковь 1 февраля 1394 г. в присутствии вдовствующей княгини, великого князя Василия и других членов княжеской семьи митрополитом Киприаном. Возможно, до постройки женского Вознесенского монастыря в Кремле, эта церковь служила, в

Рис. 1. Древний храм Рождества Богородицы.

том числе, усыпальницей, что зафиксировано в летописном источнике: «В лето 6907 мая 15 преставися Мария Семеновна Лугвениева в Литве, во Мстиславле, сестра великого князя, и привезеше положиша на Москве, в Рождестве святыя Богородицы в каменном»³. Вероятно, именно ее останки были обнаружены за престолом при ремонте храма в XIX веке⁴. Несмотря на то, что других летописных свидетельств о захоронениях в этом храме нет, а целенаправленные натурные работы, направленные на подтверждение или опровержение этой версии, не проводились, сам факт захоронения в храме дочери Дмитрия Донского говорит о его важном значении в княжеской семье. Многочисленные пожары XV века не оставили никаких следов

от первоначального убранства церкви, а сама она «ушла в подклет» нового дворца, построенного по приказу великого князя Ивана III итальянским архитектором Алоизио да Каркано на рубеже XV–XVI вв. Из летописных сообщений и результатов натурных работ современные исследователи делают следующие выводы: в 1514–1516 гг. церковь Рождества Богородицы XIV столетия была разобрана до уровня верхних порталов, оставшаяся же часть здания превращена в подклет новой церкви, поднятой на уровень второго этажа, где располагались палаты главного корпуса великокняжеского дворца. Новый «верхний» храм Рождества Богородицы был связан с палатами великой княгини обходной галереей для удобства сообщения, поскольку оставался ее домовою церковью, а древняя «нижняя» церковь, по имени освященного в ней придела святого Лазаря, стала именоваться Лазаревской, или древней церковью Рождества. До настоящего времени

² Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 443–444.

³ ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1851. С. 130.

⁴ Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003.

от древнего храма сохранились западная и северная стена до сводов хор и частично – южная стена с апсидой и приделом святого Лазаря⁵.

Вероятнее всего, ко времени правления Ивана Грозного относится появление приделов (по крайней мере, двух из них) в верхней церкви Рождества Богородицы: великомученицы Екатерины, преподобного Сергия Радонежского, преподобного Никиты Переяславского и святой равноапостольной Марии Магдалины⁶, – на чертеже «Кремленаград» у храма показаны два симметрично расположенных придела. Один из них (Никиты Переяславского) известен по источникам с 1613 г., другой (Марии Магдалины) – с 1629 г.⁷ По замечанию С.С. Подъяпольского, оба эти посвящения весьма знаменательны⁸. Особое почитание преподобного Никиты Переяславского отмечено именно во времена правления Ивана Грозного, что выразилось в поездке государя на богомолье в Никитский монастырь и строительстве там соборного храма на царское пожертвование. Вторая жена Ивана IV, Мария Темрюковна, была крещена 20 июля 1561 г. во имя святой Марии Магдалины. Таким образом, оба придела, по мнению исследователя, имеют достаточно точную хронологическую привязку и могут быть датированы первой половиной – серединой 1560-х гг.

Несмотря на то, что в период правления первых Романовых, у восточного основания оси «алевизовского крыла» дворцового комплекса будут последовательно возведены несколько церквей, значение первого домового храма русских правительниц в жизни женской половины государева двора остается ключевым. Источники 1620-х годов фиксируют наличие у церкви Рождества уже упоминавшихся четырех приделов, – таким образом, ни один из них в начальный период правления новой династии не был переосвящен. Этот факт свидетельствует о том, что после восстановления храмового комплекса от последствий Смуты, почитание «семейных святых» представителей династии Рюриковичей было воспринято, осмыслено и включено в богослужебную практику и традиции семейного благочестия дома Романовых. В нижней, как ее часто называли, «Лазаревской» церкви также регулярно совершались богослужения.

Значительные работы были проведены в церкви Рождества после пожара 1626 года, – в это время была полностью перестроена западная паперть храма. Столбы западной галереи были разобраны, а в створе с юго-западной белокаменной пристройкой начала XVI века возведена новая кирпичная стена. В 1681 г. храм Рождества Богородицы был перестро-

⁵ Евдокимов Г.С., Яковлев Д.Е. Новые исследования церкви Рождества Богородицы в Московском Кремле // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники: памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2009. С. 65–87.

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. С. 329.

⁸ Подъяпольский С.С., Евдокимов Г.С., Рузаева Е.И., Яганов А.В., Яковлев Д.Е. Новые данные о Кремлевском дворце рубежа XV–XVI вв. // Русское искусство позднего средневековья. СПб., 2003. С. 51–98.

ен по указу царя Федора Алексеевича. Последние натурные исследования⁹ позволили уверенно соотнести многие обнаруженные кладки с работами, предусмотренными царским указом. Большинство проведенных в 1680-е годы работ связаны с усилением нижней части храма перед застройкой новой верхней церкви. Вновь возведенный в это время храм, в отличие от постройки «алевизовского» времени, был развернут к северу, параллельно корпусу дворца. Таким образом, его план заметно отличается от плана древнего подклета. Руководил строительными работами мастер Федор Тихонов¹⁰. Освещение церкви состоялось 6 сентября 1684 г.: «Царь Иоанн Алексеевич изволил быть на освещении церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, что построена каменная церковь вновь на прежнем месте»¹¹. Таким образом, на протяжении всего XVII столетия храм оставался ведущей архитектурной доминантой северо-западной части дворцового ансамбля и важнейшим пространством в сакральной топографии храмов женской половины государева двора XVII столетия.

Службы в этом храме (как в нижнем, так и в верхнем), отслеживаемые по документальным источникам, были значимой частью богослужебной жизни царской семьи на протяжении всего XVII века. Анализируя «динамику» церковных служб на женской половине государева двора, мы можем сделать вывод, что церковь Рождества Богородицы оставалась одним из центральных храмов дворцового комплекса¹². Годовой богослужебный круг начинался службой в этой церкви на новолетие 1 сентября. Как правило, совершались литургия и водосвятный молебен, затем освященная вода переносилась после службы «вверх», в хоромы государыни. Значимые богородичные праздники – Благовещение, Успение – также отмечались здесь. Самой важной ежегодной службой в году в ряду этих праздников был храмовый день, Рождество Пресвятой Богородицы, на этой службе всегда присутствовал государь и все члены царской семьи. Учитывая посвящение храма празднику, связанному с темой Рождества, здесь отмечались дни Зачатия Иоанна Предтечи и пресвятой Богородицы. Следует также отметить факт установления традиции служб, посвященных чтимым иконам и избранным святым. В нижнем «Лазаревском» приделе также совершались службы в Лазареву субботу и на пасхальной неделе.

Тем не менее, статус церкви Рождества Богородицы, как одного из древнейших храмов кремлевского ансамбля и ее значение в богослужебной жизни царской семьи не помешали, как показывает приведенный нами выше обзор истории ее строительства, ряду существенных перестроек,

⁹ Евдокимов Г.С., Яковлев Д.Е. Указ. соч.

¹⁰ Козлитина Э.М. Церковь Рождества Богородицы / Моспроект-3. Реставрация и реконструкция зданий и сооружений Московского Кремля. М., 1975. С. 5.

¹¹ Дворцовые разряды. Т. IV. СПб., 1855. С. 303.

¹² Подробнее об этом см. Масленникова И.А. Женская половина московского государева двора в официальном церемониале и частной жизни царской семьи XVII столетия. Дисс. ... к.и.н. М., 2020.

повлекших за собой значительные изменения ее архитектурного облика. Как отмечают А.Л. Баталов и А.С. Щенков, высокий авторитет «старины» в контексте средневекового мировоззрения не означал охраны конкретных образцов-памятников, если они не обретали вневременной ценности – святости. Самый значительный храм мог быть полностью перестроен и заменен более просторным и величественным. Так, например, многократно перестраивался Успенский собор Московского Кремля, несмотря на то, что первый собор на этом месте был заложен высокочтимым святым – митрополитом Петром¹³.

В Петровскую эпоху, ускорившую наметившееся уже в XVII веке вхождение России в Новое время, сам царь, следуя европейской традиции, предпринимает попытки собирания памятников старины. Показателен тот факт, что именно Петр стоял в основании устройства в сердце древней резиденции будущей национальной сокровищницы – Оружейной палаты – издав указ собирать исторические артефакты царской казны в одном месте и хранить их специальным образом. У него, несомненно, созрело понимание ценности семейных реликвий царской семьи, как знаковых памятников истории страны.

Со второй половины XVIII столетия постепенно приходит понимание «древности» как особого рода исторического феномена, имевшего ценность вне утилитарного значения той или иной постройки. Причем под «древностью», заслуживающей какого-то специального сбережения, подразумевалось не просто любое старое сооружение, а только то, с которым были связаны важные события в истории Отечества. Так произошло с такими знаковыми постройками, как, например, Золотые ворота Владимира, палата царевича Дмитрия в Угличе или паперть Благовещенского собора Московского Кремля, когда переустройство этого памятника (предполагалось разобрать стенку, примыкавшую к задней паперти собора, чтобы устроить в этом месте лестницу) было отменено решением Сентатской конторы, мотивированным именно ценностью сооружения, как исторического объекта¹⁴. Однако нельзя не признать, что для того времени подобные решения были скорее исключениями, чем обычной практикой. Тем не менее, понемногу проявляющийся интерес к русскому архитектурному наследию приводил к стремлению описывать и изучать его, - описания городов появляются в издаваемой Н.И. Новиковым «Древней Российской вивлиофике».

В первой трети XIX века начали возникать государственные археографические, историко-археологические и историко-географические общества, изучавшие отечественные древности, а также публиковавшие памятники письменности – летописи, государственные грамоты и договоры, а также другие материалы по истории страны. Одной из первых таких организаций было Общество истории и древностей Российских, образо-

¹³ Баталов А.Л., Щенков А.С. Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 28.

вавшееся в 1804 году при Московском университете. В 1806 году императором Александром I был официально учреждена Государева Оружейная палата, как первый русский музей, хранилище национальных реликвий, для которого архитектором И.В. Егоровым было возведено специальное здание, расположенное вблизи Троицкой башни Кремля. Однако и в этот период «культурная политика» была далеко не однозначной: управляющий Кремлевской экспедицией П.С. Валуев, наряду со строительством здания музея курировал также снос некоторых древних построек на территории Кремля, в частности, комплекса Сытного двора.

Знаковым событием в истории сохранения и реконструкции исторических памятников в первой половине XIX века послужил проект возобновления Теремного дворца, осуществленный в 1836 году под руководством художника Ф.Г. Солнцева и архитектора Ф.Ф. Рихтера. Авторы этого реставрационного проекта воссоздавали «старину» в том виде, как они ее понимали, руководствуясь своими эстетическими представлениями об эпохе XVII столетия. Император Николай I во время визита в Москву лично осмотрел результат этой работы и чрезвычайно высоко его оценил, а современное общество воспринимало интерьер Теремов и его обстановочный комплекс как аутентичный. Более того, последующие поколения посетителей составляют представление об эстетике XVII столетия по результатам этой исторической реконструкции.

Реставрация Теремного дворца стала как бы преддверием масштабного проекта создания ансамбля Большого Кремлевского дворца, осуществленного в 1838–1849 гг. под руководством архитектора К.А. Тона. Это был грандиозный для своего времени проект исторической реконструкции, идею которой сформулировал сам император, пожелавший, чтобы комплекс новой парадной резиденции в древней столице Российской империи объединил в себе исторические постройки разных эпох. В период строительства нового дворца была «вновь открыта» древняя церковь Рождества Богородицы, которая в течение XVIII столетия практически ушла в небытие¹⁵, будучи частью подклетного этажа Теремного дворца. Во время подготовительных к строительству работ, на этапе исследования фундаментов и подклетных помещений древних зданий «...была отвалена одна стена и за нею нашли древние мрачные своды, поддерживаемые двумя толстыми столпами, и отделение алтаря с тремя узкими окнами в полукружии горняго места, с престолом и жертвенником, сделанным из тяжеловесного кирпича. На стене на уцелевшей в одном месте штукатурке было найдено изображение ангела господня с надписью: «ангел господен труби на землю, а в западной стене и в одном из столпов были найдены углубления седалищами, а в северо-западном углу – складенный ма-

¹⁵ Перенесение столицы в Санкт-Петербург и переезд туда царского двора положили начало процессу запустения ансамбля дворцовых построек. На состояние дворцовых храмов влияют пожары и недостаток средств на ремонт. Расположенная в подклете церковь Лазаря в XVIII столетии предается забвению.

лый затвор, где с трудом мог поместиться один молящийся»¹⁶. В 1838 г. нижняя церковь Рождества была возобновлена: остатки древней росписи были уничтожены, на стенах появилась новая живопись. Что касается верхней церкви Рождества Богородицы, то ее в период строительства дворца 1838–1849 гг. также реконструировали: в трапезе пробили свод и устроили фонарь, были переделаны в псевдорусском стиле окна и двери церкви. В той же стилистике была оформлена лестница между верхней и нижней церквями, названная «боярской». Эта эстетика также стала следствием знаковых процессов в осмыслении обществом исторического процесса.

К середине XIX века «авторитет» античности как эпохи, выразившей эталонные представления о красоте и гармонии, наследующие лучшие образцы античности, был поставлен под сомнение. Эпоха тотального господства классики ушла в прошлое, уступив место равенству стилей разных эпох и культур. Господствовавшая в то время в России концепция «историзма», идеологической основой которой была доминировавшая в период правления Николая I «теория официальной народности», оказала, безусловно, решающее влияние на эстетическое оформление архитектурно-художественного облика новой императорской резиденции в Москве. Таким образом, древние памятники Кремлевского дворца дошли до наших дней, во многом, в интерпретации архитекторов и реставраторов, руководствовавшихся именно этой идеологической концепцией. Это видение, несомненно, сыграло весьма печальную роль в реконструкции интерьера древней церкви Рождества Богородицы. Решение удалить остатки древней стенописи и расписать храм заново, было принято несмотря на то, что летописные источники прямо указывали на участие в первоначальной росписи храма в конце XIV столетия самого Феофана Грека. Более сложный и во всех отношениях «затратный» путь консервации древних росписей был отвергнут в пользу создания эстетически вполне «трафаретных» росписей, которые вписывались в доминировавшую «псевдорусскую» или «византийскую» стилистику оформления нового Кремлевского дворца. Отметим, что это произошло в ту эпоху, когда в России уже складывалось представление о научной реставрации.

Именно такое понимание реставрации, как науке о сохранении, прежде всего, аутентичного авторского видения памятника, было взято за основу в период реставрации древней церкви Рождества Богородицы в тяжелейших условиях первых лет советской власти. После революции 1917 года перед музейным сообществом остро стояла задача создания структуры, которая могла бы нести ответственность за сохранность древних памятников Соборной площади. На заседании Президиума Коллегии по делам музеев 22 ноября 1918 года был утвержден состав Комиссии по приемке церковного имущества Московского Кремля. В качестве экспер-

¹⁶ *Извеков Н.Д.* Московские Кремлевские домовые церкви. Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской области. Т. II. М., 1906. С. 40.

тов в состав Комиссии вошли Н.Н. Померанцев, Ф.Я. Мишуков, Г.О. Чириков, Е.И. Брягин¹⁷. В июне 1923 года выдающийся реставратор и искусствовед Н.Н. Померанцев был назначен заведующим музеями кремлевских соборов. Он и объединившиеся вокруг него специалисты образовали «костяк» отдела, который в течение почти десяти лет боролся за сохранение и реставрацию памятников Московского Кремля. В состав отдела входил архитектор-реставратор Д.П. Сухов, под руководством которого в начале 1920-х гг. была осуществлена чрезвычайно значимая реставрация древней Лазаревской церкви. В ее ходе были выполнены исследовательские и натурные работы по архитектурной конструкции нижней и верхней церквей, а также освобождены от поздних наслоений живописи XIX века стены нижнего храма, благодаря чему появилась возможность наиболее адекватного восприятия сохранившегося древнего архитектурного объема памятника. Таким образом, во главу угла на этом этапе работ был поставлен именно принцип научной реставрации, главной задачей которой является наибольшее приближение памятника к его аутентичному облику (насколько это возможно с учетом его настоящего состояния). Сухов и его помощники сделали все, чтобы максимально полно осуществить исследовательские работы по архитектурной конструкции церкви и убрать все «лишние» поздние наслоения живописи. Открывшийся после удаления поздних росписей архитектурный облик храма, в котором «прочитываются» разные периоды его перестроек, позволил наглядно представить все этапы его бытования на протяжении столетий. Таким образом, можно сказать, что эта реставрация, во многом, предвосхитила споры, которые велись в научном сообществе на протяжении XX века (до 1970-х гг.) о реставрации «на оптимальную дату или оптимальный облик» памятников архитектуры, в ходе которых отношение к поздним наслоениям постепенно становилось более дифференцированным, их начинали рассматривать как часть истории памятника, а сам архитектурный облик памятника – как достоверный «документ» об истории его бытования.

Следующим этапом реставрационных работ всего комплекса Теремных храмов и церкви Рождества Богородицы, в частности, стала так называемая «олимпийская» реставрация 1975–1984 гг., в процессе которой мастерами объединения «Союзреставрация» были отреставрированы иконы верхней церкви и поновлена ее стенопись¹⁸. Этот этап реставрации носил консервационный характер. И, наконец, уже в постсоветскую эпоху, в 1996–2000-х гг., группой архитекторов-реставраторов под руководством Б.Л. Альтшуллера (Г.С. Евдокимов, С.С. Подьяпольский, Е.И. Рузаева и др.) проведены масштабные натурные работы по объектам древней части Кремлевского дворца¹⁹, в том числе, по архитектурной конструкции церкви Рождества Богородицы. Были уточнены, а, в некоторых случаях, опро-

¹⁷ Качалова И.Я. История Отдела памятников Московского Кремля // ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. XIV. С. 178–195.

¹⁸ Козлитина Э.М. Указ. соч.

¹⁹ Подьяпольский С.С., Евдокимов Г.С. и др. Указ. соч.

вергнуты заключения относительно времени строительства тех или иных частей нижнего храма, сделанные специалистами первой научной реставрации церкви в 1920-е гг. В целом, в результате этого этапа реставрационных работ, были получены ценнейшие данные о строительной истории древних построек Кремлевского дворца, неотъемлемой частью которого является церковь Рождества Богородицы.

В заключение, можно резюмировать, что в истории строительства и реставрации древнейшей церкви Москвы отражены важнейшие этапы

Рис. 2. Верхняя часть церкви Рождества Богородицы в современном ансамбле Большого Кремлевского дворца.

процесса осмысления значения памятников культурного наследия в нашей стране, – от достаточно необдуманного отношения к переустройству древних построек в соответствии с актуальными нуждам его использования до понимания того, что любое внедрение в памятник должно отвечать цели сохранения его в максимально благоприятных условиях. Безусловно, далеко не всегда реставраторы могут и должны при

определении задач реставрации ориентироваться на начальный период его существования, но вносить в процесс работ «усовершенствования», противоречащие сохранению исторической памяти, стало абсолютно неприемлемым в понимании современных задач реставрации. При этом оптимальный облик памятника архитектуры является не единственной задачей современного реставрационного процесса: в результате проведения натурных работ происходит обретение нового знания об объекте реставрации как носителе сведений о культурной традиции своего времени. Таким образом, современная научная реставрация не только выполняет задачу сохранения культурного наследия, но и важную просветительскую миссию.

Иоанн Экзарх, Петр Великий и М.В. Ломоносов: таинственная встреча на берегу Белого моря

М.В. Ломоносов; Петр Великий; Иоанн Экзарх; экзегетика; наука; вера.

В статье представлен развернутый комментарий на фрагмент героической поэмы М.В. Ломоносова «Петр Великий», где описан шторм, в который попал государь по пути на Соловки. В статье показано, что на мировоззрение Ломоносова оказала существенное влияние поморская культура, а также произведения ближневосточных богословов, образы из их произведений переполняли сознание ученого и поэта.

Для России XVIII столетие – время новаций, во многом обусловленных тесным взаимодействием с западным миром. И пусть петровская европеизация почти не затронула крестьянский мир, она все же оказала колоссальное влияние на характер русской культуры в целом, изменив вектор ее развития и некоторые базовые ориентиры². К середине XVIII в. многие западные ценности и идеи, а также секулярные традиции стали неотъемлемой частью политической и интеллектуальной культуры России.

Давно и справедливо замечено, что М.В. Ломоносов, сын моряка-помора, выучившийся сначала в Славяно-греко-латинской академии, а потом и в Марбургском университете, с трепетом и восхищением относился к Петру Великому. Ломоносов писал: «Дела Петра Великого по всей подсолнечной устами рода человеческого проповедуются, и по целой Российской самодержавства обширности в государственных советах важность и в дружеских разговорах святость повествованием их рождается»³. Справедливыми кажутся слова о том, что «все творчество Ломоносова в его совокупности, проникнутое восторгом перед Петром, вся деятельность Ломоносова, сознательно проецируемая на петровский идеал личности, деятеля и слуги Отечества, а возможно и сама жизнь Ломоносова, его необычайная судьба – есть памятник Петру Великому»⁴. Очарование Ломоносова масштабом личности и итогами деятельности Петра стоит связывать не столько с европейским опытом ученого-энциклопедиста, сколько

¹ Матасова Татьяна Александровна; кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова.

² Этим увлечение Западом Петра I принципиально отличалось от сильнейшего западного влияния, которое испытала русская культура при Иване III и Василии III. См. подробно: Матасова Т.А. Русско-итальянские отношения в политике и культуре Московской Руси середины XV – первой трети XVI в. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2012. С. 21.

³ Ломоносов М.В. Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих / Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в 10 томах (Далее – ПСС в 10 томах). Т. 3. Труды по физике, 1753–1765 / Отв. ред. Ж.И. Алферов. М.: СПб., 2011. С. 12.

⁴ Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии / Отв. ред. С.И. Николаев. СПб., 2006. С. 349.

с тем, как относились к императору на родине Ломоносова – Русском Севере. Будучи первым из российских монархов, посетивших побережье Белого моря, Петр произвел на поморов неизгладимое впечатление: в селах и деревнях уже в первые десятилетия XVIII в. сложилось и до середины XX столетия сохранялось живое предание о смелом, энергичном, «жадном до моря»⁵ государе⁶. Петр трижды бывал в Холмогорах, и потому «нет сомнения, что в годы детства и юности Ломоносов общался со многими очевидцами этих посещений»⁷.

Среди произведений Ломоносова, посвященных первому российскому императору, выделяется героическая поэма «Петр Великий», над которой поэт и ученый работал в 1756–1761 гг. по заказу графа И.И. Шувалова. Этот памятник пережил несколько переизданий, в том числе комментированных, как в советское⁸, так и в новейшее⁹ время. Исследователями была проделана колоссальная работа по изучению наследия Ломоносова, но все же представляется, что некоторые важные для автора идеи и аллюзии, присутствующие в тексте поэмы, пока раскрыты далеко не полностью. Это касается и той части произведения, где описан путь Петра из Архангельска до Соловков в 1702 г. В данной статье будет представлен развернутый комментарий к некоторым деталям этого фрагмента поэмы, что позволит глубже понять и авторский замысел, и главные черты мировосприятия Ломоносова.

Высказывалось мнение, что в рассматриваемом фрагменте Ломоносов прибегнул к «поэтической вольности», поскольку описал шторм, в который государь попал не в 1702 г., а в ходе первой поездки на Соловки восьмью годами ранее, в начале июня 1694 г.¹⁰ На самом же деле это объединение в один рассказ свидетельств о двух событиях не является авторским художественным решением Ломоносова, а основано на сложившихся к середине XVIII в. поморских преданиях, в которых эти события объединены¹¹.

⁵ Гемп К.П. Сказ о Беломорье. М., 2021. С. 281.

⁶ См. очень подробно: Урванцева Н.Г. Петр Великий как фольклорный герой Русского Севера: библиографический указатель. СПб., 2021.

⁷ Ломоносов М.В. ПСС в 10 томах. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи. 1738–1764 / Ред. В.М. Живова, Н.Ю. Алексеевой. С. 1024.

⁸ См. в первую очередь: Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732–1764 / Сост. В.В. Виноградов, А.И. Андреев, Г.П. Блок. С. 696–734; Ломоносов М.В. Избранные произведения / Вступ. ст., сост. и прим. А.А. Морозова. Л., 1986. С. 280–311; Ломоносов М.В. ПСС в 10 томах. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи, 1738–1764 / Отв. ред. В.М. Живов. С. 631–666.

⁹ Петр I в русской культуре XVIII века. С. 157–184 (Подготовка текста героической поэмы и комментарии Н.Ю. Алексеевой).

¹⁰ Ломоносов М.В. ПСС в 10 томах. Т. 8. С. 1022, прим. 5; С. 1024–1025, прим. 21, 22, 29.

¹¹ См. очень подробно: Пашков А.М. Помор Антип Панов в исторической памяти российского общества // Вестник Северного Арктического федерального универ-

Паломничество Петра в Соловецкий монастырь в 1694 г. – большая и яркая страница не только биографии царя, но и всего поморского мира, на становление и развитие которого обитель оказала огромное влияние. По пути на Соловки государева яхта «Святой Петр» попала в страшную бурю и нашла спасение в Унской губе Белого моря. Этот залив – «единственный на Летнем берегу [Белого моря. – Т.М.] – ковшеобразного типа», что делает его исключительно удобным для того, чтобы укрываться от морской непогоды. Она была известна «как одно из пристанищ поморов-первооткрывателей» с XIV в.¹² Об этом эпизоде сообщает в своем программном произведении С.В. Максимов с присущей его повествованию образностью: «Губа эта памятна русской истории тем, что судьба указала ей завидную долю принять на свои тихие воды, защищенные узким проходом (*рогами*) от морского ветра ту лодью, которая в 1694 г. едва не разбилась в страшную бурю 2-го июня о подводные мели и не поглотила вместе с собой надежду России – Великого Петра»¹³.

Размышляя об этом эпизоде жизни государя вне контекста поэмы, исследователи справедливо обращают внимание на обстоятельства преодоления бури: в критический момент, когда все бывшие на судне уже были готовы проститься с жизнью, командование взял на себя опытный лоцман Антип Тимофеевич Панов («Антип Тимофеев»), решительно отстранивший Петра от управления кораблем. Когда опасность миновала, он уже на суше бросился царю в ноги, прося прощения за свою дерзость, однако Петр с присущими ему простотой и добродушием щедро отблагодарил помора¹⁴.

В поэме же Ломоносова обстоятельства шторма представлены иначе. Во время бури у Петра нет помощников-людей: все оказываются бессильны перед грозной стихией. Буря заканчивается по велению Божьему: «Но Промысл в глубину десницу простирает; // Оковы тяжкие вдруг буря ощущает...»¹⁵ Здесь нашло отражение издревле господствовавшее в Поморье традиционное христианское представление о том, что способностью укрощать многомязежные морские волны обладал только Господь, о чем неоднократно сказано в Священном Писании. Так, царь Давид возглашал: «Силен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебе. Ты владычествуеши державою морскою, возмущение же волн его Ты укрочаеши» (Пс. 88: 9–10). В Евангелии также не раз повествуется о том, как Христос своей Божественной силой прекращал бурю на Галилейском озере: «И восстав запре-

ситета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 3. С. 20; Пашков А.М. Петр Великий и его эпоха в фольклоре Русского Севера: взгляд историка // Урванцева Н.Г. Указ. соч. С. 20.

¹² Гемп К.П. Сказ о Беломорье. С. 28.

¹³ Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 63.

¹⁴ См. подробно: Гостев И.М. Петр I в Архангельске: События, реликвии и историческая память. Архангельск, 2022. С. 41–43; Пашков А.М. Помор Антип Панов... С. 15–26.

¹⁵ Ломоносов М.В. Избранные произведения. С. 285.

ти ветру и рече морю: молчи, престани. И оулеже ветръ, и бысть тишина велия» (Мк. 4: 41). В другой раз во время страшного шторма («корабль же бе посреде моря влаяся волнами: бе бо противен ветр» (Мф. 14: 24)) Христос шел по бушующим водам и призвал к Себе апостола Петра. Начав было идти, Петр испугался и начал тонуть, взывая о помощи. Господь протянул Петру руку, и они вместе вошли в лодку, и тогда «преста ветръ» (Мф. 14: 32). Способность обуздать разбушевавшуюся стихию по воле Божьей отличала и северных святых, прославившихся многими морскими чудесами: прпп. Зосиму и Савватия Соловецких, прп. Иринарха Соловецкого, прп. Феодорита Кольского, прп. Трифона Печенгского и некоторых других. Морские чудотворения оказывались важными маркерами их *преподобия*, то есть сугубого уподобления Христу.

При входе в Унскую губу находился Пертоминский монастырь¹⁶, основанный на месте обретения мощей утонувших в море соловецких монахов – прпп. Вассиана и Ионы Пертоминских († 1561), тела которых были обретены нетленными местными жителями¹⁷. Широко известен факт, что Петр, следуя древней поморской традиции¹⁸, в благодарность о спасении вытесал и поставил на берегу сосновый крест¹⁹. Собственноручное изготовление царем креста произвело на поморов колоссальное впечатление, жившее в сознании поморов до новейшего времени. К.П. Гемп записала в 1959 г. в Пертоминске со слов местного жителя следующую историю: «Старики рассказывали, как Петр Великий крест рубил в Унской на Красном мысу. Все сбежались смотреть, как царь топором тешет. Да что из Луды, из Яреньги бежали»²⁰. Менее известно то, что общецерковное прославление прпп. Вассиана и Ионы – не слишком известных «в большой

¹⁶ Пертоминский монастырь был основан в 1617 г. рядом с часовней, поставленной в конце XVI в. над чтимой окрестными жителями могилой прпп. Вассиана и Ионы и просуществовал до 1920 г. Все церкви и часовни обители были уничтожены в 1929 г. Сегодня в Пертоминске сохранилась старая монастырская башня, переоборудованная в церковь.

¹⁷ См. о них подробно: Соловецкий патерик. М., 1991. (Первое издание – 1873.) С. 70–73. Стоит отметить, что в Соловецком патерике в эпизоде о Петре допущена фактическая ошибка: сказано, что царь попал в шторм на обратном пути с Соловков в Архангельск. Думается, в этом искажении отразилось не намеренное сообщение ложных сведений, а стремление выразить идею, которая соловецким отцам казалась главной: Петра спасло по пути из святой обители, где он напился благодатью, заступничество прпп. Вассиана и Ионы.

¹⁸ Тем не менее, поморы ставили обетные и поклонные кресты в благодарность о чудесном спасении в море на возвышенностях, чтобы эти кресты выполняли и функции навигационных знаков, которые нередко заносили в лоции, тогда как Петр поставил крест у самой воды...

¹⁹ Этот крест сохранился и представлен в экспозиции Архангельского краеведческого музея. См. очень подробно: *Гостев И.М.* Петр I в Архангельске. С. 172–183.

²⁰ *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. С. 282. От Луды до Пертоминска расстояние составляет около 24 км, от Яреньги до Пертоминска – около 26 км, однако Яреньга находится на другой стороне Унской губы, и потому реально располагается гораздо дальше.

России» чудотворцев – связано именно с прибытием Петра в Унскую губу и стало одной из немногих канонизаций первой четверти XVIII в., инициированных светской властью²¹. Петр питал к этим святым особые и сильные чувства.

Тем не менее, никаких подробностей ни о кресте, ни о петроминских праведниках в поэме Ломоносова нет. Но поэт, выросший на просторах Нижнего Подвинья, несомненно, знал об этих святах, довольно широко почитавшихся на Летнем берегу Белого моря²² с XVII в. Эта «фигура умолчания» показательна: по мысли М.В. Ломоносова, в героической поэме ничто не должно отвлекать внимания от могучего образа царя, хранимого Господом и побеждающего с Его помощью непокорные волны. Свершения Петра столь велики, что «ключи, источники, долины и цветы // Не могут дел его умножить красоты»²³. Упомянутые «ключи, источники, долины и цветы» стоит рассматривать здесь как краткое и даже схематичное описание Райской природы, точнее, намек на образ Рая, где Господь «украсил» (по словам свт. Василия Великого) землю травами и цветами и напоил ее изобильными водами (Быт. 1: 9–12)²⁴. Петр же оказывается в известном смысле в роли Творца, подлинное величие деяний которого невозможно в полной мере постичь даже через лучшие его дела. Так секулярной культурой Нового времени была выражена мысль об особых отношениях государя с Творцом «всея твари» и даже о богоподобии первого российского императора.

Интересно, что в некоторых северных преданиях о Петре сохранились сюжеты, наделяющие царя возможностью самостоятельно укрощать водную («морскую») стихию. Одно из таких преданий гласит, что Петр, отправившись в 1694 г. «из Питера» (!) на Соловки, поехал через Ладожское озеро, на котором было сильное волнение: «вдруг поднялась буря-падара²⁵, погода непомерная... Вышел царь на берег; кружит его – укачало сине море... Того часу приказал подать кнут и порешил наказать сердитое море... После того Ладожское стало смиреннее и тишину имеет...»²⁶

²¹ Канонизации некоторых других святых (Прокопия Устьянского, Симеона Верхотурского, Василия Мангазейского, Максима Тотемского и некот. др.) происходили преимущественно по воле правящих архиереев. См. очень подробно новейшее исследование А.Н. Симонова: *Симонов А.Н. История канонизации русских святых в конце XVII – первой четверти XVIII в. Дисс. ... к.и.н. СПб., 2011.*

²² Летний берег – часть беломорского побережья в западной части Двинской губы.

²³ *Ломоносов М.В. Избранные произведения. С. 284.*

²⁴ Иоанн Экзарх Болгарский в своем «Шестодневе» развил мысль свт. Василия Великого, живописуя красоты Райского сада: ««Ты же егда видеши или кроткыи, или саженыи сад, или дивии, или же при водах, или польскыи, или цветоносивыи, или и сам тои цветъ, то от того малого великаго познавъ, прилагаи присно къ чудеси и възрасти ми любовь къ Творцу своему...» (Цит. по: РНБ. Сол. 318/338. Л. 97).

²⁵ Падара – буря, сопровождающаяся выпадением мокрого снега, выюга и всякая плохая погода с сильным ветром.

²⁶ Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подг. Н.А. Криничная. Л., 1978. С. 124.

Появление и распространение подобных рассказов свидетельствует о становлении апологетических настроений в отношении российского абсолютизма в народной среде. Это обстоятельство обнаруживает символическое согласие культуры в целом с идеей «правды воли монаршей», сформулированной Феофаном Прокоповичем.

Возвращаясь к тексту поэмы, отметим еще один важный момент. Описывая бурю, в которую попал Петр, Ломоносов черпал вдохновение из нескольких источников. Разумеется, он опирался на собственный опыт преодоления штормов, полученный в ходе промыслов, в которых он участвовал в юности. А.А. Морозов писал об этом: «Ломоносов глубоко понимал жизнь на море. Переживания помора, возвращающегося из долгого и тревожного плавания, много лет спустя нашли поэтическое отражение в одной из его од: „Когда по глубине неверной // К неведомым брегам плывец...“ [Далее следует пространная и широко известная цитата из «Оды великому государю императору Петру Феодоровичу», то есть Петру III. – Т.М.]»²⁷. На самом деле, опыт Ломоносова, связанный со столкновением с бурными волнами, отражен во многих произведениях, в том числе и в поэме «Петр Великий», где – в лучших традициях поморской книжности (в т. ч. соловецкой агиографии²⁸) – ярко и красочно представлен «грозный стон стихий»²⁹.

Еще одним – не менее важным! – источником вдохновения для Ломоносова являлась и экзегетика. В рассматриваемой части поэмы присутствует отсылка к «Шестодневу» Иоанна Экзарха Болгарского – одному из главных средневековых текстов, посвященных богословскому осмыслению тайн мироздания (в советское время этот памятник несправедливо причисляли к «естественнонаучным трактатам»). «Шестоднев» Иоанна Экзарха представляет собой комментарий на библейский рассказ о шести днях Сотворения мира. При составлении своего трактата экзегет как опирался на предшествующие шестодневы (в т.ч. на «Шестоднев» свт. Василия Великого), так и представил собственные толкования. «Шестоднев» Иоанна Экзарха был исключительно широко распространен в русской культуре, в том числе на Русском Севере. Показательно, что «Шестоднев» Иоанна Экзарха был в числе первых книг, привезенных игуменом Досифеем на Соловки в конце XV в.³⁰ Эти рукописи положили начало соловецкой библиотеке, довольно скоро ставшей одной из крупнейших на Севе-

²⁷ Морозов А.А. Ломоносов. М., 1950. С. 74.

²⁸ См. очень подробно: Матасова Т.А., Матонин В.Н., Бедина Н.Н. Образ моря в литературной традиции Соловецкого монастыря // Соловецкий монастырь и морское наследие Русского Севера / Под ред. А.В. Лаушкина. М.; Архангельск, 2023. В печати.

²⁹ Ломоносов М.В. Избранные произведения. С. 284.

³⁰ Розов Н.Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. М.: Л., 1962. Т. 18. С. 297–298. Привезенный Досифеем экземпляр «Шестоднева» Иоанна Экзарха сохранился. См.: РНБ. Сол. 318/338. Электронная копия в открытом доступе: <https://kp.rusneb.ru/item/material/shestodnev-2> (Дата обращения: 24.01.2023).

ре. Известно, что многие идеи и образы, сформулированные или осознанные как основополагающие в Соловецком монастыре, органично вошли в ткань поморской культуры в целом. На протяжении веков «Шестоднев» Иоанна Экзарха был в обители в числе главных четких книг.

В рассказе о третьем дне творения Иоанн Экзарх повествует о создании Господом моря и представляет богатый образ буйной, опасной, неподвластной никому кроме Творца, но одновременно «доброй Богу»³¹ и потому прекрасной стихии. В своем произведении Иоанн Экзарх не раз дивится тому, что своенравное море – по непостижимому и мудрому замыслу Божьему – никогда не выходит из своих пределов, хотя порой оно ограничено лишь пологим песчаным берегом: «Море бо боурями мутимо и надымающися на сусѣду землю и проливаемо пѣска ся стыдитъ, и нарочитых предѣлъ не рачитъ преступати, но *яко конь текии и воздержается уздою, сице ти море неписанныи законъ видя пѣском написанъ, и възвращается* [Здесь и далее выделено мной. – Т.М.]»³².

У Ломоносова об обстоятельствах окончания бури сказано:

Как в равных разбежась свирепый конь полях,
Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах;
Однако доскавав до высоты крутыя,
Вздохнув, кончает бег, льет токи потовыя,
Так север, укротясь, в последни восстенал...

Уподобление обуздания морских волн укрощению коня, несомненно, является аллюзией Ломоносова на образ из Иоанна Экзарха.

Исследователи и дореволюционного, и новейшего времени обращали внимание на цитаты из Библии и литургической поэзии, в избытке присутствующие в произведениях Ломоносова, на многочисленные отсылки к ним³³. Аллюзия на «Шестоднев» обнаружена автором этих строк, как

³¹ РНБ. Сол. 318/338. Л. 86 об. – 87 об. См. подробно: Матасова Т.А., Матонин В.Н., Бедина Н.Н. Образ моря. В печати.

³² Цит. по: РНБ. Сол. 318/338. Л. 3. («Море, взволнованное бурями и набрасывающееся на соседнюю землю, набегая, стыдится песка и не хочет преступать определенные пределы, но как несущийся конь сдерживается уздою, так и море, видя неписанный закон Божий, песком написанный, возвращается обратно».)

³³ См. подробно: Дороватовская В. О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. Сборник статей. СПб., 1911. С. 33–65; Демин А.С. Стилистические опыты молодого Ломоносова // Демин А.С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М., 2003. С. 463–486; Матвеев Е.М. К вопросу о библейских и богослужебных заимствованиях у М.В. Ломоносова // Slovene. 2017. № 1. С. 393–412. Сегодня не вызывает никаких сомнений ошибочность прижившегося в советской традиции тезиса о том, что Ломоносов заложил основы материалистической традиции в России (Материализм М.В. Ломоносова // Краткий очерк истории философии / Под ред. М.Т. Иовчука, Т.И. Ойзермана, И.Я. Щепанова. М., 1971. С. 222. Главный сталинский биограф Ломоносова – А.А. Морозов писал: «Ломоносов убедился, что „сокровенные книги“ не таят в себе ничего, что могло бы действительно ответить

кажется, впервые. Стоит отметить, впрочем, что Ломоносов не раз дает в своих произведениях прямые отсылки к трудам свт. Василия Великого, Иоанна Дамаскина и других Отцов Церкви. Например, в заключении своего труда «Явление Венеры на Солнце», он пишет: «Больше не остается, как только коротко сказать и повторить, что знание натуры какое бы оно имя не имело, христианскому закону не противно; и кто натуру исследовать тщится, Бога знает и почитает, тот с Василием Великим согласится...»³⁴.

Насколько осознанно Ломоносов опирается на уподобление бури коню, представленное у Иоанна Экзарха, сказать сложно. Но думается, что его мог подсказать Ломоносову как «Шестоднев», лежавший (или не лежавший?) на столе в момент написания поэмы, так и само сознание поэта, в котором образы из древнего текста прочно укоренились с детства и потому воспринимались Ломоносовым как совершенно естественные. Свою роль в знакомстве Ломоносова с шестодневами как таковыми, равно как и с другими экзегетическими памятниками, сыграли и годы обучения в Славяно-греко-латинской академии. И все же почти несомненно, что – принимая во внимание роль «Шестоднева» в культуре Русского Севера – Ломоносов познакомился с образами и идеями, заключенными в подобных памятниках, намного раньше своего обучения в Москве.

Отмеченная деталь является не единственным свидетельством скрытых экзегетических аллюзий в наследии Ломоносова. Так, широко известно высказывание ученого: «Природа есть в некотором смысле Евангелие, благовествующее громко творческую силу, премудрость и величие Бога. *И не только небеса, но и недра земли* проповедуют славу Божию». Как кажется, здесь Ломоносов развивает еще одну мысль Иоанна Экзарха, который неоднократно отмечал, что через чудеса видимого мира можно постичь мир невидимый. Иоанн Экзарх утверждал, что, наблюдая тварный мир, человек приближается к постижению Творца. Так, экзегет пишет о небесных телах: «Егда бо от сих кождо видѣмъ ти *солнце* овогда по сѣвѣрнымъ странамъ, овогда по южнымъ, овогда же по среду небесе ходящу и *лоуну* растущоу и хоудѣющоу, и *звѣзды* в годы своя въсходяща и заходяща и жатвенныя годы и сѣтвенныя назнаменующе, и по водамъ плавающимъ и боурю и оутишь възвѣщающа. То все видяще мы... хвалимъ Творца, иже такы доброты сътворилъ есть и сими видимыми к невидѣмому грядемъ»³⁵. Во времена Ломоносова опыты разработки земных недр, мечты о

на волновавшие его вопросы...» (Морозов А. Ломоносов. С. 87.)). Несомненно, что Ломоносов был «убежденным сторонником православной веры» (Карпеев Э.П., Тропп Э.А. Физика и химия М.В. Ломоносова. // Ломоносов М.В. ПСС в 10 томах. Т. 1. Труды по физике, химии и технике, 1738–1746 / Отв. ред. Ж.И. Алферов. М.: СПб., 2011. С. 9).

³⁴ Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце // Ломоносов М.В. ПСС в 10 томах. Т. 4. Труды по физике, астрономии, теории корабля и приборостроению, 1744–1765 / Отв. ред. Ж.И. Алферов. М.: СПб., 2011. С. 229. Другие отсылки к произведениям свт. Василия Великого и Иоанна Дамаскина см. на С. 227–228.

³⁵ РНБ. Сол. 318/338. Л. 4 об. («Когда мы из этих вещей видим каждую в отдельно-

сокрытых под землей чудесах и богатствах были не менее важны, чем размышления о чудесах и богатствах небесных, стремление к которым характерно для христианского мировоззрения. Ломоносов и сам внес немалый вклад в развитие металлургии. С присущей ему (и его эпохе) патетикой он писал: «Рачения и трудов для сыскания металлов требует пространная и изобильная Россия. Мне кажется, я слышу, что она к сынам своим вещает: Простирайте надежду и руки ваши в мое недра и не мыслите, что искание ваше будет тщетно. Воздают нивы мои многократно земледельцев, и тучные поля мои размножают стада ваши... Того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои драгоценными сокровищами поту лица вашего не наградили?...»³⁶ В этой цитате также чувствуется влияние описаний Рая христианскими богословами (свт. Василием Великим, прп. Ефремом Сирийским, Иоанном Экзархом и др.), в которых неизменно присутствует образ цветущей, прекрасной, изобильной, щедрой земли.

Во многих произведениях Ломоносов развивает близкую средневековым экзегетам мысль о том, что постижение природы является формой богопознания. Так, в «Слове о происхождении света» он утверждает: «Испытание натуры трудно... однако приятно, полезно и свято... Чем глубже до самых причин толь чудных дел проникает рассуждение, тем яснее показывается непостижимый всего бытия Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей мир есть первый, общий, неложный и неумолчный проповедник. Небеса поведают славу Божию...»³⁷. Ломоносову принадлежат и такие слова: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал Свое величество, в другой – Свою волю. Первая – видимый этот мир, Им созданный, чтобы человек, видя огромность, красоту и стройность его созданий, признал Божественное всемогущество... Вторая книга – Священное Писание. В ней показано Создательное благословение к нашему спасению»³⁸. Сходные идеи выражены и с необычайной полнотой раскрыты в «Шестоднев» Иоанна Экзарха и свт. Василия Великого, где экзегеты живописали чудеса тварного мира и восхваляли их, обнаруживая безграничное могущество и непостижимую мудрость Творца.

сти: солнце, ходящее то по северным странам, то по южным, то движущееся посреди неба, и луну, растущую и уменьшающуюся в размерах, и звезды, в определенное время восходящие и заходящие и определяющие время жатвы и сева, а также возвещающие плавающим по водам бурю и тихую погоду, то видя все это, мы <...> хвалим Творца, который создал такие красоты. И с помощью этих видимых вещей продвигаемся к невидимому».)

³⁶ Ломоносов М.В. Слово о пользе химии // Ломоносов М.В. ПСС в 10 томах. Т. 2. Труды по физике и химии, 1747–1752 / Отв. ред. Ж.И. Алферов. М.: СПб., 2011. С. 152.

³⁷ Ломоносов М.В. Слово о происхождении света // Ломоносов М.В. ПСС в 10 томах. Т. 3. Труды по физике, 1753–1765 / Отв. ред. Ж.И. Алферов. М.: СПб., 2011. С. 142.

³⁸ Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце. С. 228.

В своих трудах Ломоносов нередко использует и образы, широко распространенные в христианской литературе. Образ благоуханного Райского сада в распространенных на Руси переводах византийских хроник, а также в житиях святых, в т. ч. русских, традиционно уподоблен «благоуханному шипку», то есть розе, а образ жизни в согласии с заповедями Господними нередко сопоставлен с необычайной сладостью, превосходящей сладость меда³⁹. Зловоние же традиционно ассоциируется с грехом – символическим пространством смерти. В «Слове о пользе химии» Ломоносов подчеркивает: «Химия натуре точно подражать тщится: коль часто сильные вкусы умягчает и изоцряет слабые; из противного на языке свинцу и из острого уксусу производит *мед превосходящую сладость* и чрез мешение минералов *испускает тонкое благоухание приятных розы*; напротив того, из селитры, которая духу никакого и вкусу сильного не имеет, рождает пронизательную и твердые металлы разъедающую кислоту и смрад, отъемлющий дыхание...»⁴⁰

Как видим, Ломоносов, будучи ярким представителем интеллектуальной традиции XVIII столетия, черпал образы из открытого им еще в детстве источника мудрости – Священного Писания, творений Отцов Церкви и других экзегетических памятников. Эту мысль емко выразил в своем «Слове о Ломоносове» выдающийся северный писатель Б.В. Шергин: «Михайло перечитал все церковные книги, что были под рукой. Много выучил наизусть...»⁴¹ Став взрослым, он соединил эти знания и впечатления как с актуальными вопросами естественных наук, так и с размышлениями о прошлом.

Рассмотренные особенности описания пути Петра из Архангельска на Соловки в поэме Ломоносова «Петр Великий» позволяют полнее и ярче охарактеризовать восхищение автора Петром. По мысли Ломоносова, образ Петра порой даже затмевает славу святых, но меркнет перед величием силы Божией. Выявленная аллюзия из «Шестоднева» Иоанна Экзарха отражает достаточно глубокое знакомство автора с произведением болгарского экзегета, а не только со Священным Писанием и литургической поэзией, на что обращали внимание ранее. Изучение аллюзий из памятников экзегетики в наследии Ломоносова может стать интересной перспективой для дальнейших исследований. Подобные работы будут способствовать раскрытию одной из определяющих черт мировоззрения Ломоносова, утверждавшего, что «физические рассуждения о строении мира служат к прославлению Божию и вере не вредны»⁴².

³⁹ В Хронике Константина Манассии, составленной с опорой в т. ч. на «Шестоднев» свт. Василия Великого, созданная Творцом земля уподоблена «благоуханному шипку». БЛДР. СПб., 2000. Т. 9. С. 116. См., также, напр., в Житии Сергия Радонежского: БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 402.

⁴⁰ Ломоносов М.В. Слово о пользе химии. С. 148.

⁴¹ Шергин Б.В. Повести и рассказы. Л., 1984. С. 296–297.

⁴² Ломоносов М.В. Явление Венеры на Солнце. С. 227.

**Резного дела мастера по кости Оружейной палаты
«польского выезда» 1660 года**

Резчики по кости; вторая половина XVII века; «поляки»; служба в Оружейной палате.

В статье на базе архивных документов рассматривается выезд в середине XVII в. из восточных земель Великого княжества Литовского в Россию «иноземных» токарей (или резчиков) по кости и история их пребывания в качестве жалованных мастеров на службе в Оружейной палате в 1660-е гг.

Служебная деятельность и события повседневной жизни «иноземцев», которые приехали в Россию из временно отвоеванных земель Речи Посполитой и обосновались в середине 1650-х – начале 1660-х гг. в Москве, не раз попадали в поле зрения дореволюционных², советских³ и современных⁴ исследователей, наиболее подробно тема «польского выезда» разработана в статьях и монографии С.П. Орленко⁵.

¹ Николаева Мария Валентиновна; кандидат исторических наук, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств.

² Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. Сост. архим. Леонид [Кавелин]. М., 1876; *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005.

³ *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. М., 2000 (печатается по изданию: Академия, 1934 г.); *Абецедарский Л.С.* Белорусы в Москве XVII в. Минск, 1957; *Он же* Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII в. Минск, 1978.

⁴ *Бусева-Давыдова И.Л., Николаева М.В.* Белорусская резь: «Высочайшая степень совершенства» // Русско-белорусские связи. Энциклопедия. Минск, 2013. С. 238–251; *Николаева М.В.* Мастера резного и столярного дела: выезд в Россию в 1650–1660-е гг. // Россия-Польша. Два аспекта европейской культуры. Сборник научных статей XVIII Царскосельской конференции. СПб., 2012. С. 420–432; *Герасимова И.В.* Под властью русского царя. Социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб., 2015.

⁵ *Ларченко М.Н.* К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1984. Вып. 4. С. 185–192; *Орленко С.П.* Произведения белорусских мастеров «наводного дела» в Оружейной палате второй половины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. М., 2014. Вып. 24. С. 88–107; *Он же.* Оружейная палата в условиях финансового кризиса начала 1660-х годов // Вестник ВГУ. Серия: История. Социология. Политология. 2016. № 2. С. 94–96; *Он же.* К истории повседневной жизни Бронной слободы второй половины XVII века, или о том, как Дракула со своей женой подрался // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 33–38; *Он же.* О кадровом составе Оружейной палаты XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2021. № 1(83). С. 95–107; *Он же.* Оружейной палаты «первый мастер» Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615–1688). М.; СПб., 2022.

Однако основное внимание в указанном круге работ уделялось мастерам по дереву и оружейникам, исследование же просопографического характера «московского» периода жизни токарей по кости-«поляков» не проводилось.

Выстроить основные факты биографии в более или менее объемную картину, обратив внимание на перипетии по службе и явления бытового житейского характера позволяют новые архивные документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, преимущественно столбцы и приходо-расходные книги фонда «Архив Оружейной палаты», в комплексе с архивными материалами по теме, опубликованными А. Викторовым (в извлечениях)⁶, Л.С. Абецедарским⁷; в последние годы целый ряд источников ввел в научный оборот С.П. Орленко.

Выезд мастеров в Россию

Необходимость и возможность призыва в русскую службу ремесленников из присоединенных в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. восточных земель Великого княжества Литовского в научной литературе связывают с несколькими факторами. Интенсивный набор в Оружейную палату мастеров оружейного дела был обусловлен тем, что в процессе создания в России регулярной (массовой) армии возникла необходимость расширения производства оружия⁸; не менее актуальна во второй половине XVII в. была проблема восполнения состава мастеров Палаты, претерпевшей катастрофическое сокращение в эпидемию чумы. В 1656–1657 гг. в дворцовых оружейных мастерских числилось порядка 30–35 мастеров (для сравнения, в 1645 г. – 69⁹).

Усилия московских властей по подбору и «сыску» ремесленников разных профессий (в документах этого времени упоминаются мастера золотого и серебряного дела, специалисты по изготовлению оружия) были направлены на отвоеванные у Речи Посполитой города, расположенные у западных границ русского государства – Смоленск, Витебск, Полоцк, Вильну и др.

Схема призыва в русскую службу «польских мастеров» прослеживается по нескольким архивным документам второй половины 1650-х – 1660-х гг.

О присыле в Москву в числе других ремесленников мастеров «художественных профессий» – токарного и резного деревянного дела – впервые речь зашла в грамоте из Оружейного приказа в Витебск от 21 апреля 1660 г., в которой поименно перечислены те специалисты, которых ви-

⁶ Описание книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 гг. / Сост. А. Викторов. М., 1883. Выпуск 2.

⁷ *Абецедарский Л.С.* Русско-белорусские связи. Сборник документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963.

⁸ *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 187.

⁹ *Ларченко М.Н.* К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров. С. 185; *Орленко С.П.* О кадровом составе Оружейной палаты XVII в. С. 96, 98.

тебскому воеводе Никите Боборыкину с «товарищами» велено было «сыскать» и отправить в Москву, а именно: токарей Кирилла (по прозвищу Толкачев), Ивана Никитина, Данилу Григорьева (по прозвищу Кокотка), Ивана Григорьева (по прозвищу Дракула), «сницарей», которые «токарно-му делу умеют», Давыда Павлова и Якова Погорельского, а также иконописца Федьку и бронников сабельного и замочного дела, четырех человек.

4 мая 1660 г. Боборыкин в отписке в Москву сообщал, что токарей и «сницарей» они сыскали, выдали им денежное (на подъем) жалованье – по 5 рублей из «казны», которая ранее была прислана из Москвы с дьяком Никитой Левашовым, а также шубу, и «отпустил» их водным путем вверх по реке [Западной] Двине «до Белой» (крепости?), «обеспечив «вместо подвод воденого ходу судном»¹⁰. О продолжении путешествия в отписке ничего не сказано. Мастерам на подъем могли давать «смотря по их мастерству» от 5 до 30 рублей, а также кормовые – по одному или по два алтына или по гривне человеку на день¹¹; например, слесарям, отправленным в Москву до этого – в марте 1660 г. – выдали по 6 рублей, их ученикам – по 2 рубля, а также шубу, шапку и рукавицы.

Не всех ремесленников, упомянутых в грамоте, воевода Боборыкин смог по тем или иным веским причинам отправить из Витебска в Москву; в частности, токарь Петр по прозвищу Скобелька еще до указной грамоты нанялся к торговым людям и отбыл в Ригу, о единственном в городе иконописце Фетьке ходатайствовали наместник Троицкого Маркова монастыря с братией и священники приходских церквей, указывая на то, что только он, единственный, пишет и «починивает» иконы для храмов, и т. д.¹²

Хотя первое краткое упоминание о «розных дел мастеровых людях», которых отправляли в Москву из городов, расположенных у западных границ русского государства, так называемых «польских городов», относится к 164 (1655/56) г., но каких-либо подробностей об этом событии в документе не приведено¹³. Можно предположить, что речь шла о тех ремесленниках, золотого и оружейного дела мастерах, за которыми в города Шклов и Могилев Оружейная палата направила чищельника Савву Борисова и подельщика Дмитрия Федорова, выдав им 20 февраля 1656 г. на подъем в дорогу по 3 рубля¹⁴.

Миссия «суздальца» Петра Болотникова, отправленного в следующем, 1657 г., для призыва «розных дел мастеров» (без расшифровки профиля работ) по городам Смоленск, Шклов, Могилев, Борисов, Менеск,

¹⁰ РГАДА. Ф. 141. 1659 г. Д. 119. Л. 39–46; *Абеледарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 398.

¹¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6685. Л. 1.

¹² РГАДА. Ф. 141. 1659 г. Д. 119. Л. 52–57; *Абеледарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 400.

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11456. Л. 1.

¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 946. Л. 8–8 об., *Абеледарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 347.

Вильна, в документах также освещается предельно кратко. Известно лишь, что 2 февраля 1657 г. он получил на подъем в дорогу 20 рублей и, помимо этого – 300 рублей мелких серебряных денег для выдачи мастеровым людям на проезд до Москвы (часть из общей суммы предназначалась на «пищальную покупку», т. е. закупку оружия)¹⁵.

Условия, на которых по указу царя Алексея Михайловича призывали ремесленников из «польских городов» в русскую службу, изложены в грамоте от 11 декабря 1659 г. смоленскому воеводе князю Борису Александровичу Репнину. Мастеров золотого, серебряного и оружейного дела приглашали приехать для государевых дел с женами и детьми «на время и на вечное житье»; им также было обещано «большое» денежное и хлебное жалованье, а по завершении работ, на которые они были призваны («как они наши великого государя дело отделают») – разрешение уехать «безо всякого мотчанья и задержьки»¹⁶. По мнению С.К. Богоявленского, притоку в Москву в середине XVII в. бывших подданных Речи Посполитой во многом способствовал личный призыв царя Алексея Михайловича «идти на его, великого государя, имя»¹⁷.

Дополнительные сведения об условиях призыва мастеров содержатся в переписке Приказа Новой четверти и уже упоминавшегося витебского воеводы Н.М. Боборыкина: в грамоте от 22 февраля 1660 г. ему было указано, чтобы мастеров, которых он сможет собрать для отправки в Россию, «обнадеживать» великого государя жалованьем – деньгами и на платье, однако тех из них, которые «к Москве на житье идти не похотят и учнут отговариваться», все же прислать с женами и детьми, но сказать, что в случае, если они впредь не захотят жить в Москве, то будут отпущены по челобитным с жалованьем. 7 марта 1660 г. 17 «злотников» и слесарей, а также 13 их учеников, были отправлены на этих условиях на подводах, которые велено было давать «нескудные, смотря по семьям» (спешным порядком «для последнево нынешнево зимнево пути, что путь зимней рушитца»), до Белой крепости (?)¹⁸.

Вопрос о том, каким в действительности – насильственным или добровольным – были выезды и пребывание мастеров из «польских» городов в Москве, какие были в их распоряжении возможности вернуться на родину в середине и начале 1660-х гг., не раз поднимался в научной литературе.

Упоминания о добровольно пришедших в эти годы в Москву резчиках по дереву содержатся в публикации Леонида Кавелина¹⁹. Исследова-

¹⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 947. Л. 40–40 об., 66–67; Описание книг и бумаг старинных дворцовых приказов... С. 423, 429; *Абецедарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 358.

¹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6685. Л. 1–3; *Ларченко М.Н.* К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров. С. 188.

¹⁷ *Богоявленский С.К.* Московская Мещанская слобода в XVII веке // *Богоявленский С.К.* Научное наследие. М., 1980. С. 15.

¹⁸ РГАДА. Ф. 141. 1659 г. Д. 119. Л. 39–46; *Абецедарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 398.

¹⁹ Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим

ние русско-белорусских связей в XVII в. позволило Л.С. Абецедарскому заключить, что подавляющее большинство белорусских переселенцев «сами вышли» на русскую территорию и оставались жить в России добровольно²⁰. И. Герасимова, рассматривая акты о работавших в Москве виленских мастерах, установила, что среди них были как ремесленники, взятые в плен, так и свободно вышедшие «на государево имя»²¹. Однако Т.А. Опарина, исследуя биографии выходцев из Западной Европы в Московском царстве, сделала вывод, что русские власти проводили жесткую политику в отношении выходцев из Речи Посполитой, которые не имели права возвращаться домой²².

В этой связи интерес представляет эпизод, связанный с неким «поляком» Степаном «мунтянином», который выполнял в Оружейной палате «многие» резные деревянные дела, но 2 мая 1662 г., «испортя те дела и многих товарищей своих остоновя, с Москвы побежал», предположительно в черкасские города.

За ним вдогонку отправились подъячий Оружейной палаты Иван Иванов и самопальные мастера Иван Алексеев и Леонтий Степанов. Указом царя для поимки беглеца боярам, воеводам и приказным людям в городах было велено давать подъячему Иванову стрельцов и пушкарей, а приказчикам, старостам и вольным крестьянам в селах и деревнях – волостных крестьян. По поимке «поляка» Степана было предписано доставить, взяв на месте подводу, в Оружейную палату²³.

Забегая вперед, отметим, что ситуация с отпуском мастеров на родину изменилась после 1667 г. Как известно, по Андрусовскому договору о перемирии между Россией и Речью Посполитой, положившему конец военным действиям в войне 1654–1667 гг., все выходцы из соседних земель получили право беспрепятственно возвратиться на родину, однако количество «поляков» в Москве не уменьшилось²⁴.

Об этом, отметим, свидетельствует ревизия жителей Бронной слободы, произведенная по указу в 1670 г. в целях выявления тех иноземцев, «поляков и литовцев», которые были ведомы в Оружейной палате и после Андрусовского договора были отпущены из Москвы в Польшу, но в Польшу не пошли или не дошли и вернулись, и живут в московских слободах и сотнях. По сведениям, представленным старостой Агеем Карповым 11 января 1670 г., «иноземцев отъезжих и приезжих» в Польшу и из Польши, ни среди тех, что живут своими дворами, ни среди тех, что поселились во дворах «у сродников и у знакомцов своих», в Бронной слободе нет²⁵. Из числа рассматриваемых здесь мастеров по кости по сведениям из

именуемого, монастыря. С. 760–763.

²⁰ Абецедарский Л.С. Белоруссия и Россия. Очерки... С. 213.

²¹ Герасимова И.В. Под властью русского царя. С. 238.

²² Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Книга первая. М., 2007. С. 342.

²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8009. Л. 1.

²⁴ Абецедарский Л.С. Белорусы в Москве XVII в. С. 17.

²⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43734. Л. 1–6.

документов, датированных 1680 г., были «отпущены с Москвы в сторону Королевского величества», т. е. Речи Посполитой, костяного дела токари Кирилл Толкачев и Данила Кокотка.

О поверстании жалованьем в Оружейной палате

Итак, известные к настоящему времени документы, сопровождавшие поездки в середине XVII в. «эmissаров» в приграничные с Россией «польские» города в целях поиска и призыва ремесленников в русскую службу, позволили выявить 5 имен мастеров, специализировавшихся на изготовлении предметов прикладного искусства из кости (еще два мастера – Давыд Павлов и Якуб Погорельский – выполняли художественную резьбу по дереву). Это немного, учитывая, что по подсчетам М.Н. Ларченко, в 1656–1661 гг. в Москву из западных городов прибыло около 90 мастеров оружейного дела и смежных специальностей²⁶.

По приезду в Москву в мае 1660 г. вступившие в службу в Оружейной палате витебские токари Кирилл Степанов Толкачев, Самуил Богданов, Данила Григорьев Кокотка, Иван Григорьев Дракула, Иван Никитин были поверстаны (в числе других приезжих мастеров – бронного, станочного, деревянного дела и др., всего 53 человека) годовым денежным жалованьем и кормовыми. С.П. Орленко установил, что в 1660 г. в Оружейной палате числились 31 иноземный мастер и 10 учеников; в 1663 г. получили жалованье 52 приезжих мастера²⁷.

В 170 (1661/62) г., т. е. с 1 сентября 1661 г., токари имели годовой оклад по 12 рублей и так называемые «кормовые» деньги, которые выдавали на работные дни вместо хлебного жалованья в размере 2 алтына 2 деньги человеку на день; вопреки обещаниям, годовой хлебный оклад в те годы им назначен не был²⁸.

Для сравнения размеров жалованья токарей с окладами других мастеров обратимся к приходу-расходным книгам Оружейного приказа 165 (1656/57) (самая ранняя из сохранившихся в делах Оружейной палаты в РГАДА), 166 (1657/58) и 167 (1658/59) гг., из которых следует, что присланным из «польских городов» станочным мастерам²⁹ был дан годовой оклад в 8 рублей и такие же, как токарям, кормовые – по 2 алтына 2 деньги на день. Например, станочник Михаил Черноруцкий, который был взят в Оружейный приказ с Печатного двора, в челобитной 1 марта 1659 г., просил определить ему за «беспрестанную» работу годовое жалованье и месячный корм «против его братьи иноземцов, розных дел мастеров... разсмотря по его работишке», и 2 апреля того же года глава Приказа Б.М. Хитрово приказал «учинить» ему оклад в 7 рублей и кормовые по 10 денег

²⁶ Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров. С. 185.

²⁷ Орленко С.П. Произведения белорусских мастеров «наводного дела» в Оружейной палате второй половины XVII века. С. 88.

²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7764. Л. 1, 5–6, 9; Д. 7596. Л. 1–2, 10.

²⁹ Вытесывали станки для пищалей и украшали деревянные части огнестрельного оружия.

(1 алтын 4 деньги) на день³⁰. Впоследствии Черноруцкий участвовал в изготовлении предметов для царского обихода.

Диапазон окладного жалованья был весьма значительным. Самое большое получали ремесленники наиболее востребованных в тот период времени профессий – например, ствольный мастер Бартар Кинеман на 167 (1658/59) г. по данным прихода-расходных книг Оружейной палаты получил 20 рублей, зеркальный мастер Никита Давыдов в 1661 г. имел 30 рублей в год³¹; были и другие цифры: ствольного, наводного, замочного, сабельного мастера могли получать в год по 7, 8 и 12 рублей, ножевник Федор Гаврилов имел годовое жалованье в 5 рублей и т. д.³² Размер годового оклада вновь прибывших в середине XVII в. в Москву «иноземных» мастеров напрямую зависел от их квалификации и специализации, художественных способностей и количества производимых изделий³³.

В первые же месяцы на службе в Оружейной палате полоцкие, витебские и виленские серебряного, бронного, ствольного, замочного винтованных пищалей и к светлицам, загормистренного, каретного, а также токарного и столярного дела мастера, были пожалованы по указу царя Алексея Михайловича и по «розметке» окольникового и оружейничего Б.М. Хитрово «за приезд» деньгами. По 10 рублей, как свидетельствует именная роспись от 11 июня 1660 г., получили 35 мастеров и учеников, в том числе и токари по кости.

В росписи содержатся сведения о составе семей тех мастеров, которые последовали рекомендациям царских указов и прибыли в Россию в сопровождении жен и детей (41 человек), в частности мастера по кости: Самуил Богданов выехал с женой и дочерью, Кирилл Толкачев – с женой и двумя дочерьми, Иван Никитин – с женой и четырьмя дочерьми³⁴. Иван Дракула и Данила Кокотка, очевидно, прибыли по одиночке, но, забегаая вперед, скажем, что к августу 1666 г. Дракула был женат и писал в челобитной: Бог дал ему младенца, а окрестить нечем – «человеченко [он] бедной», и просил дать, чем великому государю «на крестины Бог по сердцу положит»; 13 октября Дракуле выдали в Оружейной палате полтину «в приказ»³⁵.

Приведение к вере

Хотя приезжие из «польских» городов мастера были в подавляющем большинстве православными, они обязаны были принести церковную

³⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6511. Л. 34–37; Оп. 2. Кн. 948. Л. 185–185–об.; *Абеледарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 386.

³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7596. Л. 1–2.

³² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 948. Л. 110–117 об.; *Абеледарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 381.

³³ *Ларченко М.Н.* К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров. С. 188.

³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4630. Л. 1–1 об., 7–8; Д. 6965. Л. 1, 3–4; *Абеледарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 401.

³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10575. Л. 1; *Абеледарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 460.

присягу³⁶. Выходцы из Речи Посполитой подразделялись по религиозным убеждениям на западных и восточных христиан. В России «поляками» называли не столько этнических поляков, сколько последователей западного христианства, в том числе перешедших украинцев и белорусов, и восточных христиан³⁷.

9 октября 1660 г. протопопу Успенского собора Михаилу велено было «привести к вере ко истинному обещанию» 25 упомянутых иноземных мастеров Оружейной палаты, в том числе пятерых резчиков по кости, «а приведчи, прислать» их обратно в Палату³⁸.

О расселении в Бронной слободе

Большая группа выходцев в Москву из-за литовского рубежа в 164 (1655/56), 166 (1657/58) гг. и в последующие несколько лет была «поставлена» во дворах тяглецов Бронной слободы³⁹, в которой традиционно обитали русские оружейники и которые после «морового поветрия» 1654 и его рецидива в 1656 г. во множестве пустовали. По приблизительным подсчетам, произведенным М.Ю. Романовым, чума унесла около 80 % населения слободы⁴⁰.

По переписной книге Бронной слободы, составленной 30 ноября 1663 г., в ней проживало порядка 30 мастеров-иноземцев, преимущественно оружейники, однако, наряду с ними обитали и «представители художественных ремесел» – мастера серебряного дела, полоцкий живописец Кондратий Иевлев, а также резчики по кости⁴¹.

Кирилл Толкачев с «товарищами», пять человек, по указу царя из Оружейной палаты были размещены на бывшем дворе Корнилки Тимофеева по прозвищу Томилка в Пестенковой улице; Корнила и его малолетний сын умерли еще до морового поветрия, а внук, сын дочери, продал двор иноземцу Федору Алмазнику, который за участие в медном бунте в августе 1662 г. был сослан в Казань. На момент составления переписной книги двор пустовал⁴².

Позднее – с 1675–1676 гг. – Кирилл Толкачев владел в той же Пестенковой улице двором размерами 17,5 сажений в длину и 4 сажени с третьей по воротам (по данным на 10 августа 1678 г. «жил в том дворе года с три»). После смерти в 1678 г. Кирилла на дворе оставалась его вдова Ирина Иванова дочь, но по причине отсутствия документов на владения – крепости

³⁶ *Абцедаарский Л.С.* Белорусы в Москве XVII в. С. 13.

³⁷ *Опарина Т.А.* Иноземцы в России XVI–XVII вв. С. 13.

³⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7232. Л. 1–2; *Абцедаарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 401; *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. С. 74.

³⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11456. Л. 1; *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. С. 74–75.

⁴⁰ *Романов М.Ю.* Московская Бронная слобода в XVII веке. М., 2010. С. 47.

⁴¹ Там же. С. 55–56.

⁴² Там же. С. 55, 144.

и подписных челобитных – двор был у нее отобран в пользу живописца Антона Павлова⁴³.

В росписи от 11 января 1670 г. мастеровых людей, иноземцев, состоявших в ведении Оружейной палаты, которые живут в Бронной слободе «своим двором», упомянут мастер Оружейной палаты Иван Дракула⁴⁴.

Рассматривая порядок расселения в Бронной слободе иноземных мастеров из Оружейной палаты на примере ствольного дела мастера Василия Валтера, Ивана Лукьянова и Ивана Константинова, М.Н. Ларченко указывала на то, что им давали опустевшие («состоявшие втуне») дома, починку которых оплачивало государство; в ряде случаев дворовые места жителей слободы, не занимавшихся оружейным делом, Палата выкупала на казенные деньги и отдавала в пользование приезжим бронникам⁴⁵; существовала практика закупки стройматериалов на хоромное дворовое строение на казенные деньги, например, восемь возов мха было приобретено для построек на дворах витебских мастеров⁴⁶.

Об окладах мастеров в медных деньгах

Русская служба иноземцев из Витебска – токарного по кости мастеров – сопровождалась многочисленными обращениями в Оружейную палату, в которых они не без основания сетовали на свое тяжелое финансовое положение и просили о пожалованиях.

Первые челобитные с жалобами на дороговизну продуктов и невозможность прожить на выплачиваемое в Оружейной палате жалованье были поданы летом 1660 г. (челобитная наводного дела мастера Ивана Килтыкова с «товарищами», 23 человека). Позднее подобного рода обращения приобрели массовый характер⁴⁷.

Это было не случайно. В связи с введением в годы русско-польской войны в обиход и избыточным выпуском медных монет, был запущен процесс их обесценивания по сравнению с серебряными деньгами; как следствие, происходил стремительный рост инфляции, рост цен на продукты и предметы первой необходимости.

18 декабря 1660 г. Кирилл Толкачев с «товарищами», 5 человек, писали, что «беспрестанно» выполняют в Оружейной палате «государево дело», а сами «з женишки и з детишки наги и боси помирают голодною смертию – хлеба и харчу и платишка, и дров купить нечим» – хлеб и «харч» ныне дорогой, на кормовые – по семи копеек (2 алтына 2 деньги) в день – «прожить нечем»; челобитчики просили за их «беспрестанную работишку» выдать поденный корм «с прибавкою». Но в помете на че-

⁴³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 17475. Л. 1–1 об.; Николаева М.В. Словарь иконописцев и живописцев Оружейной палаты. 1630–1690-е годы. М., 2012. С. 29, 362.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43734. Л. 5–6.

⁴⁵ Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров. С. 188.

⁴⁶ Герасимова И.В. Под властью русского царя. С. 240.

⁴⁷ Орленко С.П. Оружейная палата в условиях финансового кризиса начала 1660-х годов. С. 94–95.

лобитной сказано: «Дать государева жалованье и денежной корм <...> по указу», т. е. по-прежнему.

В следующем обращении – 12 марта 1661 г. – они просили выдать месячное кормовое жалованье на март и авансом на апрель, затем 19 июля 1661 г. – за прошлые месяцы, май и июнь – «для ради нынешней дорогой хлебной покупки», чтобы им «работаючи <...> государю голодную смертью не помереть и за тем <...> государеву токарному делу не стать».

Однако на челобитных содержится стандартная помета: «Дать корм по указу», т. е. об увеличении выплат ничего не говорилось⁴⁸.

В условиях экономического кризиса в стране администрация Оружейной палаты пошла на экстраординарные выплаты натуральными продуктами. Первые сведения о выдаче мастеровым людям Оружейной, Золотой и Серебряных палат – по одной четверти ржи и овса относятся к октябрю 1661 г.

7 марта 1662 г. по указу царя Алексея Михайловича из Оружейной палаты велено было выдать «в приказ» иноземным мастерам против русских мастеровых людей из Приказа Большого дворца «безденежно» соль: людям 1-й статьи (8 человек) по 3 пуда и 2-й статьи (62 человека) по 2 пуда. Упомянутым в именной росписи токарям полагалось по 2 пуда⁴⁹.

О ревизии состава мастеров Оружейной палаты в 1663 г.

Кризисная ситуация в экономике страны самым непосредственным образом отразилась в начале второй половины XVII в. на жалованных иноземных мастерах Оружейной палаты и вызвала необходимость ревизии их количественного состава, а также изменения системы оплаты; неотложного решения требовал вопрос о назначении хлебного жалованья.

15 июня 1663 г. выплата относительно высоких окладов и кормовых, определенных мастерам «польского выезда» 164 (1655/56) и последующих нескольких лет «при медных деньгах», была приостановлена; состоявшие на службе в Палате ремесленники – разделены на две категории.

«Мастеровых людей, которые плохи и дела их мастерства не прибыльны», решено было отставить от дел, но при этом оставить жить в Бронной слободе в тягле с поручными записями и привлекать к «скорому государеву делу» на время на условиях выплаты поденных кормовых.

Иноземцам, оставленным в Оружейной палате «для самых нужных дел», которых было 34 человека, велено было денежные оклады давать против первого верстания, т. е. выплачивать без пожалованных им впоследствии надбавок (иными словами, платить «з болшою убавкою»), а кормовые выдавать только «в то время, как будут у дела».

На 172 г., т. е. с 1 сентября 1663 г. по 1 сентября 1664 г., ряд мастеров Оружейной палаты, несмотря на нововведения, сохранили прежний оклад. В частности, у токарей Кирилла Толкачева с «товарищами», 5 че-

⁴⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7330. Л. 1–4 об.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7944. Л. 1, 3–4. Орленко С.П. Оружейная палата в условиях финансового кризиса начала 1660-х годов. С. 95.

ловек, он остался в размере 12 рублей в год, поденный корм – по 2 алтына на день (ранее получали по 2 алтына 2 деньги на день), итого 21 рубль 30 алтын (сумма рассчитывалась с учетом всех рабочих дней в году, при этом предписывалось «в которых числах мастеровые люди русские и иноземцы дел не учнут делать, и на те дни корму не давать»; впрочем, в документах отмечалось, что кормовые чаще всего в силу полной занятости выплачивались на весь год полностью⁵⁰).

Вопрос о хлебном жалованье мастера-«поляки», 58 человек, остро поставили весной 1663 г., вероятно, в апреле, в челобитной. Свое тяжелое положение они описывали следующим образом: «людишка семьянистые, хлебные ради дорогови помираем голодною смертнею». В этой связи в Оружейной палате была составлена выписка, однако «о хлебе» указ так и не последовал. Но 9 апреля 1663 г. велено было иноземным мастерам «для их бедности» дать из Приказа Новой четверти по две четверти ржаной муки и по одной четверти овсяных круп на каждого; в числе 57 (не 58) мастеров, получивших пожалование, были и наши токари.

12 июля 1663 г. иноземные мастера в количестве 50 человек вновь челобитной просили царя Алексея Михайловича «положить выписку перед собою... и о хлебе свой царский указ учинить», чтобы поверстать их в прибавку к денежному окладу и кормовым хлебным жалованьем⁵¹. Но только 20 июня 1667 г. велено в Оружейной палате «убылые» оклады разверстать тем мастеровым людям, у которых хлебного жалованья не было. Костяного дела токарям Кириллу Толкачеву с товарищами, 5 человек, был пожалован хлебный оклад в 24 четверти ржи и овса каждому, кормовые определены в размере 3 денег на день, оклады же оставлены прежними.

В феврале 1668 г. о даче хлебного жалованья на текущий 176 (1667/68) г. и «впредь», т.е. в последующие годы, а также «на прошлые годы», память и сопровождавшая ее именная роспись были отправлены из Оружейной палаты в Приказ Большого дворца⁵².

О работах мастеров по кости

Деятельность костяного дела мастеров, так называемых, «витебских токарей», Кирилла Толкачева, Самуила Богданова, Данила Кокотки, Ивана Дракулы и Ивана Никитина в Оружейной палате прослеживается по приехо-расходным книгам и столбцам практически с приезда в Россию, а именно, с 4 июля 1660 г., когда они получили задание изготовить из лосиной кости шахматы, чернильницу и «порашницу»⁵³; 28 августа 1660 г. для выполнения этой или сходной работы (к перечисленным предметам добавились рога, возможно, пороховые) у торгового человека Сырейного

⁵⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11456. Л. 1–3, 5–6, 11–12; Д. 9729. Л. 32, 34.

⁵¹ Там же. Д. 8198. Л. 8–10, 12.

⁵² Там же. Д. 11456. Л. 11, 20–25.

⁵³ *Абеледарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 402.

ряды Семена Васильева в Оружейную палату закупили 52 лосиных рога ценой 4 рубля⁵⁴.

Примечательно, что еще в декабре 1660 г. мастера указывали, что свои рабочие инструменты – «снасти и завод – завозили с собой»⁵⁵.

Осенью того же 1660 г. и в 1661 г. токари продолжили выполнять царский заказ – делали те же рога, шахматы и «парошницы», но теперь из слоновой кости (зубы закупали весом по 28 и по 30 фунтов)⁵⁶; изготовили из 10 фунтов слоновой кости царевичу Алексею Алексеевичу 12 белых и черных коней («а на тех бы конех были люди»)⁵⁷. В июне-августе 1666 г. (46 дней) делали «двой» шахматы – прорезные из слоновой кости, «починивали» пять птичьих клеток, костяное паникадило, 27 костяных гнезд, а также точили из слоновой кости томары, срезни и свистуны (костяные наконечники стрел разного вида); получили на работные дни кормовые по 2 алтына человеку на день⁵⁸.

В 1660-е гг. была распространена практика выдачи мастерам Оружейной палаты, русским и иноземным, по самым разным поводам, помимо окладов и кормовых, особых вознаграждений – денег, тканей и др.

5 марта 1663 г. токари по кости, как и другие «иноземцы», а также русские мастера Оружейной палаты, получили «в приказ» по полтине «за приход к скаске приказных дел» (то ли получали вознаграждение за успешно выполненную работу, то ли аванс под новое задание)⁵⁹.

Такие пожалования могли быть приурочены к церковным праздникам.

Например, 24 декабря 1662 г. в честь Рождества Христова 57 мастеров Оружейной палаты, «поляков», в том числе, вероятнее всего и резчиков по кости (именной росписи в деле не содержится), наградили жалованьем «в приказ» – по одному рублю (62 русских мастера получили по полтине). Помимо денег, всем было дано с Отдаточного двора по 3 чарки вина⁶⁰.

Обычай готовить по заданию Оружейной палаты изделия, которые в один из дней пасхальной недели иноземные мастера из «польских городов» подносили государю на приеме во дворце, прослеживается по документам с начала 1660-х гг.

Весной 1661 г. к празднику Пасхи, которая в тот год приходилась на 14 апреля, токари Кирилл Толкачев с «товарищами», 5 человек, изготовили в поднос царю Алексею Михайловичу костяную чернильницу и три комплекта шахмат. 18 апреля за «подносные дела» в числе других русских

⁵⁴ Там же. № 406.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7330. Л. 1–4 об.

⁵⁶ *Абелецдарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 408, 416.

⁵⁷ Там же. № 426.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10485. Л. 1–1 об., 5–6 об.

⁵⁹ Там же. Д. 8720. Л. 22–24.

⁶⁰ Там же. Л. 25–25 об.

и иноземных ремесленников были у великого государя «у руки», а 23 мая получили по приказу Б.М. Хитрово жалованье «в приказ» – по 5 рублей⁶¹.

Пасхальный «поднос» государю 1666 г. – столовую доску («цку»), изготовленную из 15 пар черных козлиных рогов – Толкачев с «товарищами» резали в марте⁶².

В росписи мастерским делам мастеровых людей Оружейной палаты – «хто что каких дел делал великому государю в поднос к неделе Святыя Пасхи» — от 12 апреля 1667 г. о токарях по кости сказано, что они сделали «стол – доску раковинную, ноги писаны розными краски», принадлежности настольных игр – бирки и саки слоновой кости⁶³, а также 4 комплекта шахмат из слоновой кости – «делом розных статей» («снесены двои неполныя»).

Шахматы могли быть простые и фигурные: 8 апреля 1680 г. Самойлу Богданову велено было сделать «в запас двои шахматы» из 18 фунтов и 67 золотников (более 7,6 кг) слоновой кости – «одни з бердыши и с ружьем, люди резные, другие гладкие точеные»⁶⁴.

«Пасхальный поднос» был своего рода отправной точкой годового цикла работ мастеров Оружейной палаты. «Розметный список», определявший виды работ, которые мастера должны были выполнить и типы изделий, которые требовалось представить к весне, руководство Палаты начинало составлять непосредственно после праздника Пасхи⁶⁵.

И действительно, из росписи «мастерским делам» Оружейной палаты, которые были выполнены между праздниками Пасхи – после 7 апреля 1667 г. («после подносу») и до 22 марта 1668 г., следует, что костяного дела токари Кирилл Толкачев, Иван Никитин, Данила Кокотка, Самойла Богданов, Иван Дракула были в этот период у станочника Евтифея Кузовлева для отделки солнечника (точили к нему из слоновой кости «шатровые косточки»), «обтирали» 250 раковин в пищальные станки⁶⁶, выточили из рыбьей кости 48 ушек к стрелам, из слоновой кости – бирки и саки, из готовили «в поднос» «пятеры» шахматы и «иные малые поделки»⁶⁷.

К Пасхе 11 апреля 1669 г. в поднос государю Кирилл Толкачев с «товарищами» делали в Оружейной палате «по наряду» яблоневые станки с цветными раковинами (с инкрустацией) к винтованным пищалам работы

⁶¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7596. Л. 1–2, 10, 13; *Орленко С.П.* Оружейная палата в условиях финансового кризиса начала 1660-х годов. С. 98

⁶² *Абецедарский Л.С.* Русско-белорусские связи. № 457.

⁶³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10897. Л. 1, 7–8.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19215. Л. 1; *Абецедарский Л.С.* Белоруссия и Россия. Очерки... С. 233.

⁶⁵ *Орленко С.П.* Оружейная палата в условиях финансового кризиса начала 1660-х годов. С. 97.

⁶⁶ Раковинами и костяными вставками украшали деревянные части огнестрельного оружия (*Орленко С.П.* К истории повседневной жизни Бронной слободы. С. 35).

⁶⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11823. Л. 1, 42–43.

оружейника Ермолы Федорова, с черными раковинами – «дела» Игнатия Прохорова⁶⁸.

Пожалования мастерам бывали по случаю событий в царской семье: именин, рождения детей («для всемирной радости») и др.

17 марта 1662 г. по именному указу Б.М. Хитрово приказал дать «розных» дел мастеровым людям в день ангела царя Алексея Михайловича кормовые «не взачет»; каждый из пяти иноземных костяного дел мастеров получил по 4 рубля 6 денег⁶⁹.

Деньгами и тканями мастеров награждали не только «за многую работу и доброе мастерство», но также за выполнение важных и срочных заданий.

28 мая того же 1663 г. по именному указу Б.М. Хитрово приказал дать костяных дел токарям, «полякам», Толкачеву с «товарищами», 5 человек, за «костяные суды» (сосуды) «в приказ» – «по сукну доброго кармазину да по тафте»; 9 июля каждый из них получил по 4 аршина кармазина (ценой 1 рубль 20 алтын за аршин) и по 4 аршина тафты «двоеличной», а также зеленые и лазоревые портища⁷⁰.

А 26 мая и 5 июня 1663 г. им же за выполненную работу – «для государевых скорых дел» (документы не раскрывают содержание работ, возможно речь шла о тех же костяных судах) – дан необычных размеров поденный корм (на 18 дней) «не в образец перед иными – по полтине человеку на день» (т. е. 16 алтын 4 деньги вместо 2 алтын⁷¹).

С.П. Орленко, обращаясь к документам фонда «Сношения России с Персией» РГАДА⁷², высказал предположение, что столь щедрых пожалований резчики были удостоены за изготовление сосудов, предназначенных в дар от царя Алексея Михайловича персидскому шаху Аббасу II, и привел сведения из росписи подарков, отправленных в Иран с посольством Ф.Я. Милославского; роспись включала костяные кубки, братину, рог, «рыбью щадру»⁷³.

Еще одно нестандартное задание костяного дела токари выполнили в мае 1669 г.: в «Списке Оружейные полаты мастеровым людям розных дел, руским и иноземцом» сказано, что они делали шахматы «с места для Цареграцкой посылки»⁷⁴.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12267. Л. 1, 3–4; Орленко С.П. К истории повседневной жизни Бронной слободы. С. 35.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34414. Л. 1–2, 5.

⁷⁰ Лоскут, кусок грубой ткани; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8617. Л. 1–2 об.; Д. 8536. Л. 1–2; Абецедарский Л.С. Русско-белорусские связи. № 439–441.

⁷¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8446. Л. 102; Д. 8448. Л. 40; Орленко С.П. К истории повседневной жизни Бронной слободы. С. 34.

⁷² Орленко С.П. К истории повседневной жизни Бронной слободы. С. 34 (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 14).

⁷³ Сердцевина моржового клыка.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12280. Л. 1, 9.

Костяного дела мастера в Бронной слободе

Жизнь костяного дела токарей Толкачева, Богданова, Дракулы, Кокотки и Никитина, которые по приезде в Россию, как уже говорилось, стали обитателями Бронной слободы, сопровождалась конфликтами, главным героем которых, как правило, становился Иван Дракула, а вольными или невольными участниками все остальные.

Три эпизода, связанные с девиантным поведением Дракулы, в 1665, 1668 и 1672 гг., к которым была применена досудебная практика Оружейной палаты, были введены в научный оборот С.П. Орленко. Здесь хотелось бы кратко представить основную канву событий с акцентом на те детали, которые ранее подробно не рассматривались.

I

9 июня 1665 г. в Бронной слободе случилась драка между «шляхтичем» Миколоем Татарским и костяного дела токарем Иваном Дракулой. Разбирательство в Оружейной палате, в ведении которой состояла Бронная слобода (Палата же ведала «судом и расправой» над состоявшими на службе мастерами), инициировал Татарский, обвинивший в исковой челобитной Дракулу «в бое и брани» (сама челобитная в деле не сохранилась).

В ходе расследования в Оружейной палате был допрошен Дракула, который поведал, что Миколая 9 июня 1665 г. «не бранивал и не бивал» и в качестве свидетеля назвал костяного дела токаря Оружейной палаты Данилу Кокотку, который, однако, сообщил, что видел, как Иван и Микулай дрались и бранились, «и ево, Микулая, у него, Ивашка, он, Данилка, и отнял».

Татарский в допросе назвал свидетелями, которые видели, как Иван Дракула его, Миколая, «бил и бранил», токаря Кирилла Толкачева и его жену.

Дракула же на Толкачева с женой не ссыался, утверждая, что в то время их дома не было.

Судья Оружейной палаты Б.М. Хитрово приказали истца и ответчика «дать на поруки з записью до вершения судного дела» приставу Михаилу Кляпочникову. Поручителями в том, что «ставитца» им в Оружейной палате «с суда по вся дни до вершенья судного дела», выступили те же токари Кирилл Толкачев и Иван Никитин.

Дело обрывается практически на полуслове – на помете, в которой указано: «допросить имянно хто кого бил и бранил»⁷⁵.

II

23 октября 1668 г. Иван Дракула подал исковую челобитную с жалобой на костяного дела токарей Данила Кокотку, Самуила (Самошку) Богданова и его жену Анну. Челобитчик обвинил их в происшествии, которое произошло 9 октября на крестинах у резчика Герасима Окулова, куда все они, включая Дракулу с женой, были приглашены. В челобитной Дракула сообщал: когда его жена вышла на крыльцо, там оказался Данила Кокот-

⁷⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43287. Л. 1–7; Орленко С.П. К истории повседневной жизни Бронной слободы. С. 36.

ка, который спихнул ее по лестнице «долгой на землю», а затем «ухватил и держал за руки», жена же Самойла ее «била и увечила, и простоволосу поставили, и бьючи <...> руку перешибли, и [пер]сни с рук, и серги из ушей повыврвали и переломали, цена сергам и перьсням два рубли с полтиною».

Далее Дракула сетовал на то, что и раньше Самойла с женой его, Ивана, жену, «били ж и увечили» (о чем он, Иван, со своим духовным отцом и другими свидетелями, «сам шесть», бил челом). Челобитчик просил на Данилу Кокотку, Самойла Богданова и его жену «в бое и увечье» его, Ивана, жены, «и в отнятых» серьгах и перстнях дать царский суд.

По помете на челобитной Данила Кокотка был «поставлен к суду» и в допросе, отвечая за себя и Самойла Богданова, все обвинения Дракулы отверг и заявил, что своей исковой челобитной тот «их поклепал», жену же его спихнул с крыльца шутя.

У истца была другая версия событий. Дракула ссылался на свидетелей, которые видели, как Данила и Самойла его жену «били и увечили»; в их числе были известные резного дела мастера Степан Зиновьев с шурином Григорием, Клим Михайлов с сыном Данилой, Герасим Окулов с женой Степанидой, а также Яков [Иванов] и его жена Агафья и портной мастер.

Данила Кокотка в свою очередь подал в Оружейную палату челобитную, в которой подробно описал свое видение событий, произошедших на крыльце: на пиру у Герасима («отцу ево имени пропаметовал») [Окулова] 9 октября 1668 г., жена Дракулы, а его, Данилы, кума Арина Остафьева, напоила его вином из фляжки до пьяна «и пьянским обычаем» он толкнул ее от себя прочь; о случившемся ему рассказали другие гости, поскольку сам он ничего не помнил; муж Арины, Иван Дракула, продолжал жаловаться Кокотка, тоже его жену «обесчестил – крали⁷⁶ с нее оборвал и крест серебряной и бросил тот крест в человеческой скарעד»; по «сказке» Дракулы крест нашли, а «крали» – нет. Далее Данила сообщал, что Ивану он «довел челом в том, что спроста ее толкнул» и кума его простила «при добрых людях», а ныне Дракула на него «в том же прощеном деле бьет челом»; Данила просил не верить их ложному челобитью «и в том замиренном деле его волочить и убытчить напрасно», а про его дело «сыскать – которые люди что видели» (и на тех людей у него есть роспись) и «по сыску и по допросу свой великого государя указ учинить».

Дело, как обычно, обрывается на полуслове и судебного решения не содержит⁷⁷.

III

7 мая 1672 г. жена Ивана Дракулы, Ирина Остафьева дочь, подала в Оружейную палату челобитную, в которой жаловалась на своего мужа: «напиваетца пьян безпрестани и с ума спиваетца», а ее понапрасну бьет и

⁷⁶ Крали – бусы, монисто, ожерелье (*Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 187).

⁷⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43554. Л. 1–9; *Орленко С.П.* К истории повседневной жизни Бронной слобод. С. 36–37.

мучает, жить с ней не хочет и согнал со двора с двумя детьми, о чем знают многие их соседи; Ирина просила «смирить» мужа, чтобы от его пьянства и побоев «меж двор <...> не скитатца и с голода не умереть».

Однако в расспросе Иван сказал, что ни пьяным, ни трезвым жену свою напрасно не бил, а бил трезвым «за вину», поскольку сама Ирина бьет его кочергой и бранит, и «рукою хватает за иста», а в доказательство просил досмотреть его побои на жене.

11 мая 1672 г. костяного дела токари Кирилл Толкачев, Иван Никитин, Данила Кокотка и Самойла Богданов были допрошены в Оружейной палате и в допросе сказали, что жена Дракулы Арина пришла к ним на двор с неделю назад и сказала, что муж ее бил и сослал со двора, а также сообщили, что сам Иван беспрестанно жалуется на жену, которая якобы его бьет и бранит, но сами они про побои Дракулой Ирины, а также про «бой» и ее «неистовство» в отношении мужа не знают. В итоге пристав отвел Ирину домой.

Но на этом ссора супругов Дракула не закончилась. 3 июня 1672 г. Иван подал встречную челобитную, в которой написал что челобитная Ирины ложная, что она не любит его и не живет с ним, а состоит в стоворе с матерью и отцом, которые ей во всем потакают и разоряют его двор и дом; Иван просил тому, кто из них (с женой) будет признан виноватым, «дать поученья» и указ, чтобы впредь Ирине над ним «большиною не бых» и тем дом уберечь от разорения.

6 июня 1672 г. в связи со взаимными жалобами Дракулы и его жены в Оружейной палате были допрошены свидетели, но однозначно определить виноватого в ссоре по их показаниям не удалось⁷⁸.

Заключение

Последней раз Кирилл Толкачев, Иван Никитин и Иван Дракула упомянуты в выявленных к настоящему времени документах 182 (1673/74) и 183 (1674/75) гг., когда делали из слоновой кости шахматы, а также саки, бирки и тавлеи⁷⁹.

Имя Дракулы после 1674 г., когда для «пасхального подноса» он украшал («врезывал») яблоневого станка для винтованной пицали порезками из слоновой кости, не встречается, и не случайно⁸⁰.

В росписи мастеровых людей Оружейной палаты 1675/76 г. против его имени стоит пометка «за пьянство отставлен»⁸¹.

Кирилл Толкачев и Данила Кокотка, как уже упоминалось, по данным выписей Оружейной палаты от 14 января и 12 февраля 1680 г., были «отпущены с Москвы в сторону королевского величества», а их денежные

⁷⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43984. Л. 1–9.

⁷⁹ Тавлея – название доски для настольных игр, русский вариант игры в нарды; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15621. Л. 19–20.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4946. Л. 6.

⁸¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 51351. Л. 18; Орленко С.П. К истории повседневной жизни Бронной слободы. С. 37.

и хлебные оклады числились в «убылых»⁸². Очевидно, это событие случилось до февраля 1678 г., поскольку 11 числа Кирилл Толкачев умер⁸³.

Данила же Кокотка весной 1678 г. все еще был в Москве, поскольку сделал великому государю «в поднос» к Пасхальной неделе шахматы, а также тавлеи, саки (шашки), бирки⁸⁴. Служба резчика Самуила Богданова в Оружейной палате прослеживается по документам не менее чем до 1697 г.⁸⁵

Итак, мастера по кости, работая в Оружейной палате во второй половине XVII в. создавали предметы царского обихода, часть из которых, должно быть являются ныне неотъемлемой частью русской художественной культуры.

⁸² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18875. Л. 9–10; Д. 19042. Л. 3.

⁸³ Там же. Д. 17475. Л. 1–4.

⁸⁴ Там же. Д. 17439. Л. 1, 12.

⁸⁵ Там же. Д. 33059. Л. 1–3.

Финансы Великого посольства: общая структура, цели и масштабы финансирования

Великое посольство 1697–1698 гг.; Посольский приказ; финансирование внешней политики; «восточный проект» Петра I; армия и флот.

Статья анализирует структуру расходов Великого посольства Петра I 1697–1698 гг., общие объемы и принципы его финансирования и расходования средств. Это не только дает представление о масштабе Великого посольства, как экстраординарной внешнеполитической акции, необычной для России в рамках XVII столетия, но и позволяет отчетливее определить цели отправления ее в Европу. Масштабы финансирования Великого посольства становятся особенно наглядными в сравнении с общими объемами финансирования внешней политики России в первом десятилетии Северной войны, в сравнении с которыми становится ясным, что Великое посольство поглотило как минимум четырехлетний среднегодовой бюджет этого периода.

Великое посольство Петра I (март 1697 – август 1698 г.) остается одной из крупнейших внешнеполитических акций не только раннего петровского царствования, но и всей истории внешней политики России XVII столетия, однако цели его и до сих пор не до конца ясны и остаются предметом дискуссий в кругах историков.

В общей историографической картине петровского царствования до сих пор доминирует стереотипное представление о нем, как о самой масштабной «европейской» внешнеполитической акции молодого царя, вызванной в первую очередь любознательностью государя и страстным желанием «ученичества у Европы», вылившимися в конечном счете в беспрецедентное для России XVI–XVIII вв. полуторалетнее путешествие ее царя по ведущим европейским странам, давшее мощный толчок его ранним реформам.

В этой картине явно недооцениваются другие (и доминирующие) цели Великого посольства, бывшего лишь частью долговременного «восточного проекта» Петра I и «петровской фазы» русско-турецкой войны 1686–1700 гг.²

Они отчетливо видны в общих контурах «финансовой составляющей» Великого посольства, довольно неплохо восстанавливающихся на основе данных его приходно-расходных книг. Комплекс этих книг в основном был выявлен и использован для характеристики отдельных статей расходов М.М. Богословским, а в более обобщенном виде – его ученицей, издательницей и редактором основных томов его труда Н.А. Баклановой

¹ Петрухинцев Николай Николаевич; доктор исторических наук, Липецкий филиал РАНХиГС.

² См. об этом подробнее: *Петрухинцев Н.Н.* Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России. // *Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса.* 1–2 июня 2018 г. СПб., 2019. С. 131–154.

в специальной статье, посвященной расходам Великого посольства³, опубликованной в печально знаменитом сборнике 1947 г. «Петр Великий», ставшем причиной репрессий в отношении целого ряда его авторов (в частности, талантливого исследователя петровской внешней политики С.А. Фейгиной)⁴. Н.А. Бакланова достаточно подробно проанализировала основную номенклатуру расходов Великого посольства и определила общую сумму выделенных на него средств как минимум в 226 979 руб.⁵, что довольно близко к реальной, однако общая структура расходов Великого посольства не была ей учтена в должной мере.

На основе публикаций этих приходно-расходных книг⁶ мы попытались выявить общую структуру расходов Великого посольства на самом важном этапе его деятельности – в ноябре 1697 – мае 1698 г., когда оно фактически находилось на «частном» положении и практически не несло расходов на дипломатический церемониал и приемы, решая в Англии и Голландии основную задачу – обеспечения необходимыми специалистами и материалами будущей «морской кампании» в этой войне. Тем не менее за эти семь месяцев (из 17,5 пребывания посольства за границей, т. е. за 40 % времени) было потрачено в общей сложности 95,7 тыс. руб., что составляло более половины общих затрат посольства за все время его пребывания за границей (около 180 тыс. руб.).

Структура расходов за этот период отражена в Таблице 1.

**Таблица 1. Структура расходов Великого посольства
(ноябрь 1697 – май 1698 гг.)**

статьи расходов	расходы (руб.)	доля
армия	21631,8	22,60 %
флот	29277,72	30,60 %

³ Бакланова Н.А. Великое посольство за границей (его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сб. статей / Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 3–62.

⁴ Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки. 2009–2010. Историографический вестник. М., 2012. С. 118–133.

⁵ Подсчитано по: Бакланова Н.А. Великое посольство... С. 10, 7 (44 999 золотых (по 1 руб. золотой); 181 960 ефимков («по полтине ефимок»); 91 000 руб.).

⁶ Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов / Сост. Лаптева Т.А., Соловьева Т.Б. М., 2006. С. 368–381 (приходно-расходная книга 15 тыс. золотым червонным с 25 февраля 1697 по 20 мая 1698 г.); С. 381–392 (приходно-расходная книга «соболиной казны» с 25 февраля 1697 по 1 августа 1698 г.); С. 392–439 (приходно-расходная книга «первого транша» ефимков с 23 августа 1697 г. по 18 июля 1698 г.) (все три – из первоначального бюджета посольства); С. 439–463 (приходно-расходная тетрадь Великого посольства в ефимках с 10 декабря 1697 г. по 14 мая 1698 г.) (также – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1868. Т. IX. Стлб. 960–1025) – книга расходования «второго транша» денег Великого посольства; С. 463–474 (сводная книга расходов второго транша в ефимках с итоговыми подсчетами) (Памятники дипломатических сношений... Т. IX. Стлб. 913–946); С. 474–483 (две книги расходования золотых из «2-го транша» в 29 999 золотых с 21 мая по июль 1698 г.).

артиллерия	1953,2	2,04 %
содержание послов со свитами	22053,5	23,05 %
техническое обеспечение посольства	19015,35	19,87 %
обучение и инструменты	872,95	0,91 %
развлечения и подарки	889,7	0,93 %
итого	95694,22	100 %

Как видим, совокупные расходы на обеспечение армии и флота в возможной «морской кампании» 1699 г. за указанный период составили более половины всех трат посольства (55,4 %), и следовательно – более четверти общих расходов посольства за все время пребывания его за границей. И это – только прямые расходы. Траты на Петра со свитой, обучавшихся кораблестроению; выплата жалованья и «кормовых» волонтерам и солдатам из персонала посольства, отправленным учиться мореплаванию в европейские флоты; расходы на их костюм, проезд и квартирование; часть трат на обучение и инструменты; содержание персонала посольства, проводившего наем моряков и закупки материалов – все это (учтенное в других статьях расходов) в конечном счете тоже было ориентировано на решение этой главной задачи, которой было подчинено все остальное. На развлечения за эти семь месяцев было потрачено примерно 686,2 руб. (0,7 % всех расходов, примерно по 3,5 руб. на человека). И это – без учета значительных расходов на обучение морскому делу отдельных «волонтерских» отрядов комнатных стольников, которые прямо не входили в состав посольства и не финансировались из выделенных посольству сумм.

* * *

В первую очередь именно поэтому посольство превратилось в весьма затратное мероприятие.

По данным приходно-расходных книг мы можем оценить общий бюджет Великого посольства и его расходы, отраженные в Таблице 2.

**Таблица 2. «Доходная часть» бюджета Великого посольства
(март 1697 – июль 1698 гг.)**

	золотые	ефимки	рубли
золотые (1-й транш)	15 000		19 500
золотые (2-й транш)	29 999,7		35 999,64
ефимки (1-й транш)		80 761	40 380,5
ефимки (2-й транш)		101 999,9	50 999,95
соболя (1-й транш)			40 000
соболя (2-й транш)			10 000
табачный договор			28 800
проданный корабль		6 000	3 000
итого	44 999,7	188 760,9	228 680,1

«Доходная часть» бюджета посольства слагалась из нескольких траншей поступлений средств в различной форме: золотых, которые были «дорожными» деньгами Великого посольства (почти четверть бюджета, 24,27 %); основных поступлений ефимками, которые расходовались на основное его содержание и решение главной задачи (39,96 %); соболей, которые чаще всего использовались в качестве даров в посольском церемониале и подарков отдельным лицам (21,86 %), а также от поступлений от операций, совершенных уже в ходе посольства (13,91 %).

В итоге посольство располагало средствами на 228,7 тыс. руб. Из них по приходно-расходным книгам было непосредственно потрачено за время пребывания в Европе не менее 169,9 тыс. руб.

Однако эта сумма учитывает не все расходы посольства: так, в частности 5 тыс. из 6 тыс. еф. за проданный русский корабль было передано в распоряжение Лефорта; еще 4 915,2 еф. было оставлено на дачу годового жалования женам нанятых моряков у Адольфа Гутмана (вместе с предыдущим – 4 598 руб.). В итоговом расходе учтены не все подарки мехами (в частности, почему-то не учтен особо ценный соболий мех за 1000 руб., поднесенный австрийскому императору, а также подарки другими видами мехов на общую сумму не менее 477 руб.). С учетом всего этого реальные расходы посольства (без обеспечения миссии П.Б. Возницына на Карловицком конгрессе) возрастают до 175 900 руб.

Посольство подарило в общей сложности 253–256 косяков камки (т. е. ценных тканей) с неуказанной ценой. При средней цене косяка в тех случаях, где она есть (10 руб. за косяк, но это самые дорогие, подаренные императору) их стоимость может составить около 2 000 руб.

Вероятно, в совокупности реальные расходы Великого посольства еще до завершения его миссии составили никак не менее 180 тыс. руб.

Однако это не все траты на посольство. Перед отъездом в Европу его персоналу было выплачено жалование в размере не менее 10 тыс. руб. Помимо этого, часть «табачного транша» (12 000 еф.) переводивший его в Голландию Э. Тессинг сразу отправил в Венецию, куда планировало поехать посольство⁷; часть денег была зачтена иностранным купцам за уже оказанные ими услуги. В итоге реальные расходы посольства могут оказаться еще значительней.

В итоге за время пребывания Петра I в Европе посольство потратило около 80 % (примерно 78,7 %) своего бюджета, а значительная часть остатка была использована осенью-зимой 1698 г. для обеспечения миссии третьего «великого посла» П.Б. Возницына на Карловицком конгрессе.

* * *

Однако следует учитывать и то, что, помимо выехавших в Европу в составе Великого посольства 250 чел. (из которых после отправки «лишних» 49 чел. из Пруссии осталось примерно 200), в Европе находились еще и отряды «волонтеров-стольников» вместе с приданными им преоб-

⁷ Ф. Лефорт. Сборник... С. 464, 442.

раженскими солдатами (еще как минимум 110–120 чел.), строго говоря, юридически не входившие в состав Великого посольства как дипломатической миссии, но бывшие его частью как акции по решению проблем русско-турецкой войны. С ними число участников Великого посольства возрастает до 360–370 чел.

При этом даже немногочисленные волонтеры из аристократов, находившиеся непосредственно при Петре и посольстве («комендор» кн. А.М. Черкасский, Ф.Ф. Плещеев, И.М. Головин, и даже А.В. Кикин) никаких выплат из казны и жалования не получали (если не считать трат на содержание их слуг и небольшой компенсации на дорожные расходы А.В. Кикину). Во всяком случае, никаких следов этого в приходно-расходных книгах нет (хотя что-то они могли получать из общих скромных расходов «на Ост-Инский двор»). Только имеретинский царевич Александр Арчилович дважды получил жалованье ефимками на 400 и 250 руб.⁸ Дважды получал особое жалование «дворянин» посольства С.Г. Нарышкин (60 руб. золотыми на платье (вместе с кн. О. Щербатовым) и 20 руб. соболями) и «дворяне» А.А. и И.А. Головины (в общей сложности 90 руб. соболями)⁹, в основном содержавшиеся за счет средств общей свиты послов. Правда, А.А. и И.А. Головины получили еще по 240 руб. за обучение светским наукам в Берлине; посланные вместе с ними С.Г. Нарышкин и кн. О. Щербатов получили по 120 руб. (16–19 июля 1698 г.)¹⁰. Ф.Ф. Плещеев, А.М. Черкасский и И.М. Головин лишь однажды получили по 7 руб. соболями для подарка капитанам кораблей, на которых они проходили морскую практику¹¹.

Таким образом, «волонтеры-аристократы», вероятно, содержались за собственный счет. К сожалению, жизнь и деятельность этих «волонтерских отрядов» за границей (если исключить описание путешествия П.А. Толстого, дающее очень незначительный материал для характеристики самого обучения волонтеров в сравнении с картинами «дикивинок» европейских городов) почти неизвестна, что, несомненно, существенно обедняет наши представления о Великом посольстве и не дает точного представления о расходах российского общества на него.

Так, например, кн. Б.И. Куракину «подъем» в заграничное путешествие стоил 1500 червонцев, которые он покупал на деньги чуть выше официального курса, и которые обошлись ему в 1900 руб.¹² (при этом неизвестно, получал ли он в дальнейшем дополнительные суммы из России). Даже если оценить расходы каждого из «волонтеров-стольников», пробывших почти два года в Европе, весьма вероятной минимальной суммой в 1000 руб., то дополнительные траты страны на Великое посольство

⁸ Там же. С. 394, 456.

⁹ Там же. С. 380, 391, 390

¹⁰ Ф. Лефорт. Сборник... С. 480.

¹¹ Там же. С. 481.

¹² *Куракин Б.И.* Жизнь князя Бориса Куракина [1676–1709] // Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый под ред. М.И. Семецкого. Т. 1. СПб., 1890. С. 254–255.

возрастут как минимум на 60 тыс. руб., и, с учетом расходов П.Б. Возницына, составят никак не менее 240–250 тыс. Б.П. Шереметев за время своей особой миссии, по собственным словам, «истратил *кошты* своего во всякие харчевые и нужные потребности, в наем постоянных дворов и фурманских подвод, и с вышепомянутыми монархами и римскому папе и прочим дары, по приезд свой к Москве» 25 550 руб. «для превысочайшей чести и славы» великого государя и «в примножение же большие славы и в память своей, Шереметевых фамилии»¹³. Сумма расходов (почти неподъемная для одного человека даже из верхушки аристократии) возможно, несколько завышена Шереметевым, но в любом случае была значительной, и с ней расходы на Великое посольство могли возрасти, вероятно, как минимум до 260 тыс. руб.

* * *

Насколько значима эта сумма и справедливо ли утверждение казенного И.Е. Цыклера, что, отправляясь в посольство, царь «тощит» государеву казну?

В какой-то степени представление о масштабе расходов на Великое посольство дают сведения, недавно выявленные К.А. Кочегаровым для конца XVII в.: на жалованье 104,4-тысячной армии В.В. Голицына в Крымском походе 1687 г. было отправлено (хотя и по неполным данным) в общей сложности 241,5 тыс. руб.¹⁴ – что, как видим, почти эквивалентно общим расходам на Великое посольство с его «волонтерскими» отрядами. Расходы на великое посольство были равны, например, двукратным расходом на содержание царского двора в 1710 г. (111 546 руб.)¹⁵.

Однако, возможно, еще показательнее будет сравнение с расходами на дипломатическое ведомство в начальной «дополтавской» фазе Северной войны, когда задачи русской дипломатии усложнились и были созданы первые постоянные дипломатические миссии, существенно увеличивавшие расходы на дипломатию.

Материал для такого сравнения представлен нами в Таблице 3.

Сравнение с расходами Посольского приказа начала XVIII в. показывает, что лишь прямые траты на Великое посольство (не менее 180–190 тыс. руб.) почти соответствовали ежегодному расходу на дипломатическое ведомство за первое десятилетие XVIII в., который составлял 192 703 руб. 60 к. (без учета денег, отданных в другие приказы, а с их учетом – 208,2 тыс. руб.) и даже превышали его (если учесть инфляцию, связанную с петровской денежной реформой).

¹³ Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева. 1697–1699 / Сост. Ольшевская Л.А., Решетова А.А., Травников С.Н. М., 2013. С. 189.

¹⁴ Подсчитано по: Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. М., 2022. С. 87, 65.

¹⁵ Агеева О.Г. От царского двора к императорскому двору XVIII в.: эпоха Петра I // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. М.; СПб., 2022. С. 25.

Таблица 3. Общий расход Посольского приказа в 1701–1709 гг.

расход (руб.)	всего в расходе и в отпуску	в расходе	окладные расходы	неокладные расходы	отдано в приказы
1701 г.	176819	148630	6437	142193	28189
1702 г.	156131	104043	7496	96547	52088
1703 г.	260808	246785	19748	227037	14023
1704 г.	414554	398410	27034	371376	16144
1705 г.	558122	547443	39341	508102	10679
1706 г.	65190	57159	24984	32175	8031
1707 г.	70208	69321	35135	34186	887
1708 г.	78953	70717	38297	32420	8236
1709 г.	93270	91824	57085	34739	1446
Итого:	1874055	1734332	255557	1478775	139723
Среднегодовой расход	208228,3	192703,6	28395,22	164308,3	15524,78
Доля в общем расходе (%)			13,64	78,91	7,45%

Источник таблицы: *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 579–582.

Однако «средние» показатели существенно искажают реальную картину расходов на дипломатию, что особенно четко видно из картины их динамики, представленной на Диаграмме 1.

Диаграмма 1. Общие расходы Посольского приказа в 1701–1709 гг.

Из нее отчетливо видно, что пик расходов на дипломатию этого периода пришелся на 1704–1705 гг., и во многом был связан не столько с расходами на собственно дипломатическую службу, сколько с выплатой субси-

дий польско-саксонскому союзнику. По данным П.Н. Милюкова, пик этих субсидий пришелся на 1704 и 1705 гг. (когда было уплачено соответственно 366,3 и 680,4 тыс. руб.), а общая сумма субсидий, выплачивавшихся через дипломатическое ведомство, составила 1 млн 479 тыс. 468 руб.¹⁶, т. е. 78,9 % расходов дипломатического ведомства за 1701–1709 гг. – что, естественно, существенно превышает среднегодовой расход на собственно дипломатию. Этот среднегодовой расход в начальную эпоху Северной войны (на содержание приказа, дипломатических миссий и дипломатические акции) за вычетом субсидий должен был составить 43 843 руб.¹⁷, а это значит, что одно только Великое посольство менее чем за два года пребывания Петра в Европе поглотило как минимум четырехлетний годовой бюджет всей петровской дипломатии «оборонительного» периода Северной войны.

Все это не позволяет считать финансовые траты на него чем-то малозначимым, и еще раз подчеркивает, что самую существенную роль в его деятельности играли мероприятия, направленные на обеспечение будущих операций русско-турецкой войны, резко увеличившие расходы на Великое посольство. Именно они во многом обусловили то, что в конечном счете Великое посольство оказалось достаточно затратным для русского общества. Это понимал и сам Петр, стремившийся потратить посольские деньги прежде всего «на дело» и в первую очередь на «главное дело» – подготовку собственного флота.

¹⁶ Подсчитано по: Милюков П.Н. Государственное хозяйство и реформа Петра Великого... С. 140–141.

¹⁷ Подсчитано по: Там же. С. 141, таблица 2 данной статьи.

Церковное строительство и городские предания Нового времени

Сольвычегодск; Введенский собор; Г.Д. Строганов; городской фольклор.

В статье, на примере архитектурных памятников строгановской школы, предполагается рассмотреть известный и при этом до сих пор не очень хорошо изученный феномен русской культуры, а именно предания об участии иностранцев в создании зданий культового назначения. В основе этого феномена – сами необычные памятники зодчества, облик или место расположения которых ломает традиционные представления о постройках, рядовых для данного региона. По мнению автора, два предания, отсылающих к иностранному влиянию на появление Введенского собора Сольвычегодска, отражают, с одной стороны, актуализацию определённых европейских образов в городской среде России Нового времени, с другой стороны, отсылают к историческим реалиям ранней истории этой столицы «империи» промышленников Строгановых.

Научные интересы Н.В. Козловой на протяжении десятилетий связаны с изучением русского города XVIII в. Как указывает сама юбиляр в предисловии к своей новой книге: «При всем разнообразии тем научных публикаций, принадлежащих автору настоящего издания, большинство из них, так или иначе, связаны с городом, его хозяйственной и социальной жизнью, городским пространством, людьми, в нем обитавшими, с их занятиями, самосознанием, внутрисемейными отношениями»². Русский город интересен и автору этой статьи. В частности, городские предания и легенды, а также механизмы их возникновения и бытования: использование характерных обобщений и повторяющихся мотивов, установка на достоверность, историческая действительность как толчок к созданию легенды и т. д.³. Одним из недостаточно изученных в рамках данной проблемы является мотив иностранного участия в строительстве примечательных архитектурных объектов⁴. В статье будут исследованы городские предания о строительстве Введенского собора города Сольвычегодска.

¹ Тарасов Аркадий Евгеньевич; кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова.

² Козлова Н.В. Русский город XVIII в. в исследованиях разных лет. М., 2023. С. 5 (в печати).

³ Об этих механизмах: Майер А.С. Московские городские легенды как исторический источник (Историческая память и образ города). Автореферат дисс. ... к.и.н. М., 2008. С. 13, 15–16.

⁴ Существование преданий, связанных с церковным строительством, не является феноменом Нового времени. Подобные предания зафиксированы уже в эпоху Средневековья. Например, таковы две «повести» о строительстве в XII в. католической церкви Петра и Павла в Новгороде, возникшие, по мнению С.О. Шмидта, в 1440-е гг. в окружении архиепископа Новгородского Евфимия на основании бытовавшей к тому времени устной традиции (Шмидт С.О. Предания о чудесах при постройке Новгородской ропаты // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 319–325).

Введенский собор Сольвычегодска относится к числу архитектурных памятников конца XVII – начала XVIII вв., которые объединяются под общим наименованием строгановского стиля или строгановской школы, тесно связанного с московским барокко (нарышкинским стилем)⁵. Артелью мастеров, трудившихся по заказу именитого человека Григория Дмитриевича Строганова (1656–1715 гг.), помимо Введенского собора были выстроены еще четыре культовых здания: Рождественская (Строгановская) церковь в Нижнем Новгороде, Смоленская церковь в селе Гордеевка (ныне в черте Нижнего Новгорода), Казанская церковь в Устюжне Железнопольской, надвратная Иоанно-Предтеченская церковь Троице-Сергиева монастыря⁶. Своеобразие строгановских построек, их выразительные архитектурные формы и пышное декоративное убранство производили огромное впечатление. Реакция потомков на эти необычные памятники зодчества привела к возникновению ряда преданий и легенд, в первую очередь посвященных необычным обстоятельствам появления храмов.

Так, согласно записанному в XIX в. устюженскому преданию, каменный Казанский храм в Устюжне Железнопольской был возведен неким тяжело заболевшим представителем рода Строгановых (имя его не называется), современником царя Алексея Михайловича, приехавшим сюда по торговым делам. Находясь при смерти, Строганов молился об исцелении перед местной иконой Казанской Божией Матери, которая, в свою очередь, была ранее чудесным образом явлена устюженскому юродивому Афоне. Получив исцеление, Строганов, во исполнение обета, выстроил новую, уже каменную церковь для явленной Казанской иконы, которая заменила прежнюю, деревянную⁷.

Путь некоторых преданий о строгановских постройках был сложен. Согласно нижегородским преданиям, впервые приведённым в печати П.И. Мельниковым-Печерским в статье «Строгановские здания в России» в 1845 г., Рождественскую и Смоленскую церкви построил мастер, впоследствии ослеплённый Г.Д. Строгановым, чтобы тот не сумел создать еще более прекрасную постройку, чем Рождественская церковь⁸. Шестью

⁵ См., например: *Иконников А.* Строгановская школа // Архитектура и градостроительство. Энциклопедия. М., 2001. С. 567–568; *Павлинов П.С.* Строгановская школа // Большая российская энциклопедия. М., 2016. Т. 31. С. 324; В.В. Седов так оценивает строгановскую школу: «Мы видим не столько самостоятельно сложившуюся традицию, сколько несколько сооружений группы мастеров, отколовшейся (отколотой Строгановыми) от массива нарышкинского стиля» (*Седов В.* Сольвычегодск: город и его искусство // Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь, 2017. С. 61).

⁶ *Брайцева О.И.* Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII веков. М., 1977. С. 5, 16.

⁷ *Поливин Е.* Монастыри и церкви в Устюжне Железнопольской. Устюжна, б.г. С. 29; *Рыбаков А.А.* Фрески Казанской церкви в Устюжне // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вологда, 1993. Вып. 2. С. 262.

⁸ [*Мельников П.И.*] Строгановские здания в России // Литературная газета. 1845. № 45. С. 734; О том, что П.И. Мельников-Печерский был первым, кто упомянул в

годами ранее Мельников-Печерский кратко пересказал другое предание – о создании двух икон для Рождественской церкви неким придворным живописцем Петра I и о запрете государем служения в этом храме, который оставался неосвященным вплоть до 1726 г.⁹ В публикации 1845 г. предание об иконах приведено автором гораздо более развёрнуто. Живописец назван иностранцем, приглашённым работать Петром I в Россию над иконами для Петропавловского собора Санкт-Петербурга, которые Г.Д. Строганов перекупил без ведома государя для Рождественской церкви. Сделка живописца и Строганова вызвала царские гнев, вследствие чего Рождественская церковь стояла неосвящённой до 1727 г. (sic!), однако иконы так и остались в ней: «Образа Спасителя и Богородицы <...> стоят в холодной церкви, по сторонам царских дверей. Это – прекрасное произведение итальянской кисти»¹⁰. В следующем году статья была перепечатана Мельниковым-Печерским в нескольких номерах «Нижегородских губернских ведомостей» под сокращенным названием «Строгановские здания» и, как указал сам автор в начале публикации, «в исправленном виде»¹¹. Предание об иконах читается здесь без изменений¹², а мастера Рождественской церкви автор теперь называет знаменитым иностранным архитектором, «имя которого, к сожалению, осталось неизвестным»¹³. Ещё позднее именно Мельников-Печерский напишет, что зарубежным живописцем, создавшим образа для Рождественской церкви, был французский художник Луи Каравак, а поводом к закрытию храм Петром I станут якобы дошедшие до него свидетельства «о радениях хлыстов в нижнем ярусе долго строившейся церкви»¹⁴.

Ф.А. Селезнёв, недавно посвятивший исследование истории возникновения Рождественской церкви, считает, что именно Мельников-Печерский, «будучи редактором неофициальной части “Нижегородских губернских ведомостей” и нуждаясь в интересном материале для наполнения газеты»¹⁵, постепенно приукрасит и объединит отдельные предания о Рождественской церкви, по сути, домыслив значительную их часть. Соглашаясь с Ф.А. Селезнёвым относительно явно произвольного допущения Мельникова-Печерского насчёт Каравака (который действительно ра-

печати легенду, см.: *Селезнев Ф.А.* О Рождественской улице и Строгановской церкви на ней. Нижний Новгород, 2018. С. 42. Автор ссылается на публикацию 1846 г. в «Нижегородских губернских ведомостях», хотя на самом деле первая публикация состоялась годом ранее в «Литературной газете».

⁹ Мельников [П.И.] Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь (статья II). Нижний Новгород // Отечественные записки. 1839. Т. VII (декабрь). Смесь. С. 16.

¹⁰ [Мельников П.И.] Строгоновские здания в России. С. 734.

¹¹ Мельников [П.И.] Строгоновские здания // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1846. № 7. С. 25.

¹² Там же. № 9. С. 33–35.

¹³ Там же. № 8. С. 31.

¹⁴ Селезнев Ф.А. О Рождественской улице... С. 49.

¹⁵ Там же. С. 48.

ботал в России по приглашению Петра I и писал иконы для некоторых православных церквей в Санкт-Петербурге, но не для храмов Нижнего Новгорода), мне все же представляется, что легендарная история Рождественской церкви может быть гораздо более сложной. Записанные в эпоху, когда научные правила фиксации и передачи подобных свидетельств еще не были выработаны, а запись фольклора являлась крайне избирательной¹⁶, обраставшие новыми подробностями в изложении Мельникова-Печерского предания в равной степени могут указывать и на его знакомство с новыми для него устными источниками. Также однократное свидетельство, более не повторившееся автором в других работах (по наблюдению Ф.А. Селезнева, Мельников-Печерский лишь один раз в 1846 г. напишет, что архитектор Рождественской церкви был иностранцем), может свидетельствовать не об отказе автора от собственного предположения, а о развившемся недоверии к известному ему преданию. Обращу внимание на то, что Мельников-Печерский мог вполне критически оценивать приводимые им свидетельства. Так, мотив ослепления создателя Рождественской церкви он называет «басней», свойственной «всем народам, которые с небольшими изменениями прилепляют ее к истории замечательных своих зданий». В пользу более осторожной оценки влияния Мельникова-Печерского на легендарную историю Рождественской церкви и легенда о зодчем-чародее, которая, кажется, не была ему известна. Согласно легенде, зодчий-чародей счастливо избежал задуманного Г.Д. Строгановым ослепления, превратившись в ворона и улетев с церковного креста¹⁷. Эта легенда, попавшая в печать еще до революции, в некоторых дореволюционных изданиях содержит указание на то, что зодчий-чародей являлся иностранцем¹⁸.

Как уже было отмечено, предания об участии иностранцев в создании культовых построек – известный и при этом до сих пор не очень хорошо изученный феномен русской культуры¹⁹. Подобные предания имеют точки пересечения с фольклором, а именно с легендами о сверхъестественных событиях, сопровождавших строительство, что хорошо видно на примере Рождественской церкви Нижнего Новгорода. В основе воз-

¹⁶ *Ткаченко В.В.* Допетровская Русь в историческом сознании XVIII века. Дисс. ... к.и.н. М., 2020. С. 20.

¹⁷ Нижегородские предания и легенды / Сост. В.Н. Морохин. Горький, 1971. С. 73–74.

¹⁸ *Дунаев Б.И.* «Русский барокко». Строгановские церкви Нижнего Новгорода и Сольвычегодска. М., 1915. С. 10; Ср.: *Мельников А.П.* Заметка о Строгановской церкви. Нижний Новгород, 1901. С. 3.

¹⁹ «Религиозные легенды и предания о местночтимых и общерусских святынях (иконах, святых, церквях, монастырях) составляют часть культурного наследия России. Изначально бытуя в качестве устных рассказов в околоцерковной среде, они могут оформляться и как отдельное повествование или фиксироваться в сочинениях краеведов, исследованиях фольклористов, этнографов, культурологов» (*Антонова М.А.* Сказания об основании монастырей в региональной устной и письменной традиции: система мотивов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6 (69). С. 89).

никновения преданий и легенд сами необычные памятники зодчества, облик или место расположения которых ломает традиционные представления о постройках, рядовых для данного региона. Соответственно, объяснительная модель появления подобных памятников либо отсылает к чужому, либо к чудесному, а в ряде случаев и к тому, и к другому. Например, многоглавая (первоначально могла иметь 25 глав) деревянная Покровская церковь села Анхимово под Вытегрой (сгорела в 1963 г.), согласно преданию, была выстроена неким голландским архитектором, присланным Петром I²⁰. Необычную для удалённого Ныроба каменную Никольскую церковь предание связало со строителями-шведами, а легенды – с возникновением из-под земли и трудами таинственных зодчих²¹. Под вычурной барочной церковью в Дубровицах, как рассказывают местные жители, похоронено ее «100 итальянских строителей»²².

Сразу два иностранных мотива связано и с преданиями о создании Введенского собора Сольвычегодска. Первый свидетельствует о желании Г.Д. Строганова построить этот храм по образцу итальянских церквей. Второй – об участии голландца в создании собора; он записан в двух вариантах. В одном из них речь идет о разработке облика соборного фасада, в другом – голландец становится создателем плана здания. Начну с «голландского» предания, которое неоднократно упоминалось исследователями.

Наиболее ранняя известная мне запись предания о Введенском соборе содержится в описании Введенского монастыря Сольвычегодска, опубликованном в 1815 г. в шестой части «Истории российской иерархии»: «Фасад (собора – А.Т.) весь великолепной готико-римской архитектуры, коего чертеж сочинен был в Голландии, да и мастера некоторые вызваны были из чужих краев, ибо Строгановы вели торги с иностранцами»²³. «История Российской иерархии» – фундаментальный справочный труд по русской церковной истории в шести частях (томах), вышедший в свет с

²⁰ Рыбаков А.А. Устюжна. Череповец. Вытегра. Л., 1981. С. 189.

²¹ Чагин Г.Н. «Только б шведов не поморить»: Пленные Северной войны в Пермском крае // Родина. 2009. № 12. С. 112; Он же. Колва, Чусовское, Печора: история, культура, быт от древности до 1917 года. Пермь, 2017. С. 329; «Рассказы об уходящей, перемещающейся с места на место, исчезающей церкви довольно часто встречаются в восточно-славянской фольклорной традиции; такое представление ставит церковь в один ряд с почитаемыми иконами, крестами и т.п.» (Панченко А.А. «Провалившаяся церковь»: археология и фольклор // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 24–26 января 1995 г.). Новгород, 1995. Вып. 9. С. 270).

²² Лукашевич В.Ю. Марфинская легенда: от истоков к современности (спорные вопросы строительства церкви Рождества Богородицы) // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы: материалы XV Голицынских чтений, 26–27 января 2008 г. М., 2008. С. 316. Прим. 10; Об итальянских зодчих, якобы построивших церковь в Дубровицах, писал вскоре после её создания немецкий дипломат И. Корб (Корб И. Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997. С. 241).

²³ Амвросий (Орнатский), архимандрит. История российской иерархии. М., 1815. Ч. 6. С. 181–182.

1807 по 1815 гг.²⁴ На титульном листе «Истории» ее составителем указывался Амвросий (Орнатский; в ч. 1. – иеромонах, начиная с ч. 2 – архимандрит). Однако вдохновителем, руководителем издания, редактором и автором значительной части материалов этого труда был владыка Евгений (Болховитинов), который начал собирать сведения для будущей «Истории» еще на заре своей ученой деятельности и до принятия им монашества²⁵.

С 1808 по 1813 гг. Евгений (Болховитинов) являлся епископом Вологодским и Устюжским. Он проделал большую работу по изучению церковной истории своей епископии, к которой в то время относился и Сольвычегодск. Одним из итогов этой работы стало создание «Описания монастырей Вологодской епархии» («Списка монастырей, прежде бывших и ныне существующих в Вологодской епархии»). В первой редакции «Описание» было готово уже в 1809 г., а затем, как указывал сам владыка Евгений, «поправлено и умножено, и по статьям все гораздо полнее и исправнее напечатано в “Истории Российской иерархии” в словаре епархиальных монастырей»²⁶. «Словарём епархиальных монастырей» Евгений (Болховитинов) называет основной материал «Истории российской иерархии» – опубликованный в её третьей-шестой частях «Словарь исторический, содержащий по азбучному порядку описание всех епархиальных штат-

²⁴ Была подготовлена и седьмая часть «Истории Российской иерархии», но она не вышла в свет.

²⁵ *Страхова А.Я.* «История Российской иерархии» – первый труд по истории русских монастырей // Монастыри в жизни России. Материалы научной конференции, посвященной 600-летию преподобного Пафнутия Боровского и 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря (19–20 апреля 1994 года). Калуга; Боровск, 1997. С. 105–106; *Э.П.Р.* Евгений (Болховитинов) // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 63–67.

²⁶ *Суворов Н.* Список монастырей прежде бывших и ныне существующих в Вологодской епархии (составлен митропол. Евгением) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1864. № 3. 1 ноября. С. 68. Примечание; *Он же.* Памяти преосвященного Евгения, бывшего (с 1808–1813 гг.) епископа Вологодского, впоследствии митрополита Киевского (к столетнему юбилею его рождения 18 декабря 1767–1867 года) // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1867. № 22. 15 ноября. С. 740; «Описание монастырей Вологодской епархии» в редакции 1809 г. было опубликовано Н.И. Суворовым в 1864 г. Каких-либо указаний на голландский проект фасада Введенского собора данная публикация не содержит (*Суворов Н.* Список монастырей прежде бывших... // Прибавления... № 5. С. 141). Но это не должно смущать: редакция 1809 г. была краткой и ограничивалась простым перечнем монастырей, никаких подробностей монастырской истории, тем более описаний храмов обителей, она не содержала. Н.И. Суворов, как он сам указывает, опубликовал редакцию 1809 г., дополнив ее отдельными сведениями по другим источникам, причем в основном непосредственно из «Истории российской иерархии» (*Суворов Н.* Список монастырей прежде бывших... // Прибавления... № 3. С. 68. Примечание). Его интересовали даты основания и упразднения монастыря, форма настоятельства, количество приписанных к монастырю крестьян и т. д., но не обстоятельства создания монастырских храмов, поэтому дополнение о голландском проекте фасадов Введенского собора из публикации 1815 г. не было внесено им в публикацию редакции 1809 г.

ных и заштатных доныне существующих и упраздненных монастырей и пустынь Греко-Российской церкви». Поскольку «Словарь» печатался в алфавитной последовательности по месту расположения обителей (иногда по имени основателя или посвящению), без привязки к епископиям или губерниям, «Описание монастырей Вологодской епархии» оказалось разбросано по разным томам и не представляет в «Истории российской иерархии» единого текста. Однако вряд ли стоит сомневаться, что статья о сольвычегодском Введенском монастыре, а следовательно, и история о голландском проекте фасада Введенского собора, является частью «Описания» и принадлежит перу именно Евгения (Болховитинова).

К сожалению, владыка не указал источник приводимого им в статье свидетельства. В то же время известно, что он, по сути, в одиночку проделал огромную работу по сбору сведений для «Словаря епархиальных монастырей»: разбирал архив Вологодского архиерейского дома, просил присылать в копиях или подлинниках исторические материалы с мест и даже посетил все обители вверенной ему епархии в попытке самостоятельно разыскать уникальные данные по монастырской истории²⁷. Вероятно, во время поездки в Сольвычегодск владыка и записал предание о голландском авторе проекта фасада Введенского собора, услышанное им от местных жителей.

Примерно полвека спустя был зафиксирован другой вариант предания. В. Попов в «Сольвычегодской старине», созданной им около 1865 г.²⁸, воспроизводит его так: «План на него (собор – А.Т.) составлен в Голландии и оттуда же будто бы вызваны были и мастера для постройки; но рабочие были русские. Один из сольвычегодских старожилов Николай Васильевич Ильин, понимающий отчасти и церковную архитектуру, уверял нас, что он имел на руках даже условие на постройку...»²⁹. То есть в более позднем по времени фиксации варианте предания голландский архитектор выступает уже автором проекта здания в целом, а не только его фасада. Как и владыка Евгений (Болховитинов), В. Попов не указывает источник сведений о голландском зодчем Введенского собора. Скорее всего, ему рассказал об этом тот же любитель церковной архитектуры Н.В. Ильин или кто-то из жителей Сольвычегодска. Но нельзя исключать и ошибочную передачу Поповым записи о предании в шестой части «Истории Российской иерархии», которая должна была привлекаться им при создании собственного труда. «Сольвычегодская старина», опубликованная только в 1994 г., долгое время оставалась вне поля зрения ученых, в том числе до

²⁷ Суворов Н. Памяти преосвященного Евгения... С. 736–741; Страхова А.Я. «История Российской иерархии» – первый труд... С. 106; Жервэ Н.Н. Усердный ревнитель просвещения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб.; Казань, 2014. Вып. 1. С. 217–218.

²⁸ О датировке: Власов А.Н., Савельев Ю.В. «Сольвычегодская старина» В. Попова в истории изучения культуры города // Сольвычегодская старина: Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска. Сыктывкар, 1994. С. 56.

²⁹ Попов В. Сольвычегодская старина // Сольвычегодская старина: Материалы и исследования... С. 102.

настоящего времени исследователи не обращали внимание на существование двух вариантов предания о создании Введенского собора.

После публикации в 1815 г. предание (вариант владыки Евгения) стало привлекаться любителями исторических штудий. В дореволюционных работах оно неоднократно упоминалось, но не воспринималось критически³⁰, и только Б.И. Дунаев в начале XX в. отметил, что предание недостоверно³¹. Советские и современные исследователи уже не ставили под сомнение русское происхождение архитектора (или группы архитекторов) Введенского собора, хотя до сих пор имя его не установлено. Некоторые из исследователей интерпретировали и «голландское» предание. С.С. Подъяпольский, рассуждая о нём, заметил, что «в конце XVII века никто в Голландии уже не украшал фасады вычурной барочной резьбой. Зато русские купцы, ездившие в Голландию, могли видеть красивые старые ратуши с затейливыми наличниками окон на красном фоне кирпичных стен, да и в самой России ходило немало гравированных увражей, в изобилии доставлявших резчикам и зодчим орнаментальные и архитектурные мотивы»³². Б.Р. Виппер приводит Введенский собор Сольвычегодска в качестве одного из примеров запоздалого, но чрезвычайного пышного применения декора в стиле маньеризма, проникнутого «духом народного ремесла» и характерного для русской провинции³³. По мнению О.И. Брайцевой, «автором строгановских построек (включая Введенский собор – А.Т.) мог быть <...> крепостной зодчий Строганова»³⁴. А.А. Рыбаков считает, что вообще все храмы строгановского стиля могли создаваться по «проектам-рисункам» С.Д. Нарыкова, который, согласно преданию, являлся крепостным художником Г.Д. Строганова и обучался за границей³⁵. С точки зрения Г.Н. Бочарова и В.П. Выголова, хотя в постройках Нидерландов эпохи барокко и можно найти отдельные аналогии, тем не

³⁰ *Пушкарев И.* Описание Вологодской губернии. СПб., 1846. С. 109; *Суворов Н.И.* Сольвычегодский Введенский монастырь и приписной к нему Николаевский // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1878. № 11. 1 июня. С. 197 (в том же году эта работа была перепечатана в качестве брошюры, а в 1915 г. с исправлениями и дополнениями опубликована в Петрограде под названием «Сольвычегодский Введенский монастырь Вологодской епархии»); *Степановский И.К.* Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890. С. 203; Известия Императорской археологической комиссии. Пг., 1916. Вып. 61. С. 15.

³¹ *Дунаев Б.И.* «Русский барокко». Строгановские церкви... С. 10; В предыдущей работе автор, приводя предание, еще не критикует его, но уже использует модальность, указывая, что проект «соборного фасада *будто бы* (выделено мной – А.Т.) был сделан в Голландии» (*Дунаев Б.И.* Путешествие из Москвы в Петербург через Двинские земли, Беломорье и Озерный край. Историко-культурный очерк. М., б.г. [1914] С. 13). О том, что проект собора «будто бы сочинен в Голландии», см. также: Сольвычегодский Введенский монастырь Вологодской епархии. Вологда, 1902. С. 6.

³² *Подъяпольский С.С.* По Сухоне и Северной Двине. М., 1968. С. 62.

³³ *Виппер Б.Р.* Архитектура русского барокко. М., 1978. С. 21 и 99. Примечание 35..

³⁴ *Брайцева О.И.* Строгановские постройки... С. 15.

³⁵ *Рыбаков А.А.* Устюжна. Череповец. Вытегра. Л., 1981. С. 46.

менее, общая трактовка форм Введенского собора – русская, и его архитектором стал «кто-то из крупных столичных мастеров»³⁶. А.Ю. Низовский с отсылкой на неуказанных им исследователей и без какой-либо аргументации предполагает, что этим зодчим мог быть представитель круга Якова Бухвостова или Осипа Старцева³⁷. В.А. Булкин и О.В. Овсянников считали: «В обильном применении барочных элементов сказалось, конечно, влияние западноевропейской культуры. Но русские зодчие (Введенского собора – А.Т.) сумели очень своеобразно использовать новые для них мотивы, переосмыслив их в соответствии с собственными эстетическими представлениями»³⁸. С.О. Кузнецов, также ссылаясь на неких исследователей без указания их имен, отмечал, что Введенский собор «подвел итог не только работе мастеров XVII века, но и даже всему древнему этапу русской архитектуры»³⁹. Наконец, в недавней работе В.В. Седов, отметив насыщенность облика Введенского собора «голландизмами», предположил, что такое здание мог создать «только человек, бывавший в Нидерландах», видевший голландскую барочную архитектуру своими глазами, но был он все-таки русским⁴⁰.

Как уже было отмечено, предание о голландском архитекторе – не единственное, относящееся к созданию Введенского собора Сольвычегодска. Еще в 1789 г. А.И. Соскин в составленной им «Истории города Соли Вычегодской древних и нынешних времен»⁴¹ писал, что «некоторые престарелые» сольвычегодские жители рассказывали ему о желании Г.Д. Строганова возвести в Введенском монастыре храм «вида и подобия церквей италианских <...> и с созванием для построения оной иностранных мастеров, что вскоре и исполнил»⁴². Таким образом, немногим ранее «голландского» предания было зафиксировано другое, также свидетельствующие об иноземных создателях, однако их этническая принадлежность не была определена, а вычурный облик Введенского собора воплощал стереотип об особой красоте храмов Италии. Очевидно, одними соками с этим преданием питалось и записанное в первой половине XIX в.

³⁶ Бочаров В., Выголов Г. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотма. М., 1983. С. 77–78.

³⁷ Низовский А.Ю. Самые знаменитые монастыри и храмы России. М., 2000. С. 409.

³⁸ Булкин В., Овсянников О. Сольвычегодские соборы // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 83.

³⁹ Кузнецов С.О. Дворцы и дома Строгановых. Три века истории. М., 2008. С. 18.

⁴⁰ Седов В. Сольвычегодск... С. 61.

⁴¹ О датировке: Соскин А. История города Соли Вычегодской. Сыктывкар, 1997. С. 4 (предисловие).

⁴² Соскин А. История города Соли Вычегодской древних и нынешних времен // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. Часть неофициальная. 1882. № 11. С. 256–257; В издании «Истории города Соли Вычегодской древних и нынешних времен» 1997 г. раздел, посвященный Введенскому монастырю, отсутствует. Возможно, публикации 1882 и 1997 гг. делались по разным спискам, при этом издавший памятник в 1997 г. А.Н. Власов указывает в предисловии, что в основу этой публикации был положен список, представляющий автограф А.И. Соскина.

предание об авторе образов для иконостаса Введенского собора Сольвычегодска С.Д. Нарыкове как живописце, обучавшемся в Италии. Предание о С.Д. Нарыкове, также «определившее» мастера в крепостные художники Строгановых, хотя он работал в Москве (в т. ч. над иконами Введенского собора) и, вероятно, происходил из дворян⁴³, оказалось живучим и продолжает повторяться в некоторых новейших исследованиях, чему, безусловно, способствует высокий уровень работ Нарыкова, его знакомство с западноевропейской техникой письма, необычная для русской иконописи конца XVII в. стилистика. Как свидетельствует Н.В. Пивоварова, «не развитие традиций собственных иконописцев, украшавших храмы северных вотчин, а обращение к услугам мастеров московской Оружейной палаты – носителей новых художественных веяний – характерная черта строгановского заказа конца XVII – начала XVIII века»⁴⁴. Имя С.Д. Нарыкова в документах Оружейной палаты отсутствует, это может свидетельствовать о том, что он не был профессиональным художником, при этом достигшим значительного мастерства и известности⁴⁵.

«Итальянский» след в архитектурной истории Введенского собора не только не нашел поддержки у исследователей, но более того, остался почти не замеченным в отличие от «голландского». Н.Е. Макаренко, чуть ли не единственный исследователь, который обратил внимание на это предание, считал, что оно не имеет ничего общего с исторической действительностью и принадлежит лично А.И. Соскину⁴⁶. Соглашаясь с тем, что «итальянский» мотив представляет собой мифологизацию, не могу принять мнение Макаренко в отношении автора предания. Во-первых, Соскин прямо указывает, что источником его сведений были местные старожилы. Во-вторых, актуализация образов Италии не являлась чем-то исключительным не только для «высокой» русской культуры XVIII в., но и для народной среды. Можно упомянуть возникшее в это время среди уglichских старообрядцев предание о начале Николо-Улейминского монастыря в связи с якобы принесенным из Италии образом святителя Николая Мирликийского⁴⁷. Или читающееся в материалах Генерального межевания городское предание, которое связывало возникновение Коломны с именем «вышедшего из Италии знатного человека Карла Колонны, от которого заимствует имя свое и герб, представляющий колонну и столб...»⁴⁸.

⁴³ Корнеева (Комашко) Н.И. Живописец Стефан Довментиев Нарыков. Заметки к творческой биографии // Филёвские чтения. М., 2003. Вып. X. С. 368–369 и 374, примечание 1; Она же. Нарыков Стефан Довментиев (Дементьев) // Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-составитель И.А. Кочетков. Изд. 2-е. М., 2009. С. 435–436.

⁴⁴ Пивоварова Н. Иконописание у Строгановых // Вклад. Художественное наследие Строгановых... С. 495.

⁴⁵ Корнеева Н.И. Нарыков Стефан Довментиев... С. 436.

⁴⁶ Макаренко Н. Искусство Древней Руси. У Соли Вычегодской. Пг., 1918. С. 125.

⁴⁷ Матасова Т., Тарасов А. Свидетельства о начале Николо-Улейминской обители в памятниках книжности XVIII в. // Барградский сборник № 2. М., 2020. С. 21–48.

⁴⁸ Ткаченко В. В. Допетровская Русь... С. 261.

Полагаю, нет достаточных оснований считать, что уподобление построенного в Сольвычегодске архитектурного памятника «церквям итальянским» могло родиться только в сознании интеллектуала А.И. Соскина. Скорее, перед нами пример ненаучного осмысления прошлого, городского фольклор, который отражает определённые черты исторической памяти русской провинции XVIII в., о чём будут сказано ниже. Косвенно на распространение «итальянского» мотива в исторической памяти сольвычегодцев может указывать оценка владыкой Евгением (Болховитиновым) Введенского собора как памятника «готико-римской архитектуры». Это определение – своеобразный неологизм преосвященного автора. Однако он связан с понятийным аппаратом того времени. В эпоху Екатерины II и далее вплоть до 1820-х гг. была распространена тема «готического вкуса», что являлось метафорой древнего (древнерусского) и подразумевало всё оппозиционное «правильному», классическому. Например, «готическими» называл архитектор В.И. Баженов Сухаревскую башню и первое здание Московского университета (бывший дом Главной аптеки), а церковь Успения на Покровке он считал смещением «прямой архитектуры с готическою», т.е. ордерной («правильной») с древнерусской⁴⁹. Эти несохранившиеся памятники были выстроены в 1690-е гг. и относились к зданиям нарышкинского круга⁵⁰. Владыка Евгений (Болховитинов), видимо, был не только знаком с архитектурной терминологией эпохи, но и обладал навыками архитектурного анализа, сумев определить в облике Введенского собора, также генетически связанного с нарышкинским стилем, смещение форм. При этом для характеристики ордерной формы из многих возможных синонимов, распространенных в его время, он использовал понятие «римская». Предположу, что такой выбор может быть неслучайным и отражать знакомство преосвященного автора не только с «голландским», но и «итальянским» преданием – сведения о стремлении заказчика уподобить собор «церквям итальянским», если они действительно были известны владыке Евгению, весьма удачно сочетались с характеристикой форм как «римских».

Сольвычегодские «итальянский» и «голландский» мотивы можно соотносить с распространенным механизмом обоснования местной значимости, когда «инострannое» позволяет вписать локус в большую карту мира. Присутствие иностранного мотива задает особый порядок географического воображения, в котором локус оказывается «сомасштабен» целым странам. В нашем случае таким локусом является Сольвычегодск, который сопоставляется с Голландией и Италией. Одновременно подобное представление помогает подчеркнуть «удаленность» и «затерянность» локуса, что часто еще больше выделяет его значимость: в далеком Сольвычегод-

⁴⁹ Выражаю признательность С.В. Хачатурову, который дал мне консультацию и обратил внимание на данный пример.

⁵⁰ Понятие «готическая» используется некоторыми авторами XIX в. применительно к Рождественской церкви Нижнего Новгорода, например: *Храмцовский Н.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. В 2-х ч. Нижний Новгород, 1859. Ч. 2. С. 92.

ске благодаря иностранцам появился замечательный собор, прекрасные иконы для которого написаны человеком, обучавшимся в самой Италии. Сопоставление глобального и локального «заключается не просто в репрезентации локуса, но в том, чтобы сделать его различимым и узнаваемым в национальном (или мировом) историко-культурном пространстве. Это своего рода пропуск в “большую” историю, обеспечивающий ни много ни мало символическое существование места, извлекающий его из небытия, спасающий из реки забвения»⁵¹. Хорошо известно, что в течение XVIII в. Сольвычегодск окончательно потерял свое торговое, промышленное и культурное значение, став рядовым провинциальным центром, хотя и имевшим статус уездного города, а в XIX в. вовсе пришел в упадок⁵². О его былой славе напоминал в том числе и «загадочный сфинкс»⁵³ Введенского собора, за который, очевидно, цеплялось историческое сознание местных жителей в попытке сохранить место города на «большой карте» историко-культурного пространства.

В то же время у сольвычегодского предания о голландском проекте Введенского собора могла быть реальная основа. «Строительным материалом» предания могли стать многочисленные контакты Строгановых с нидерландцами. Еще в XVI в. Строгановы торговали с голландцами, покупая у них, по свидетельству немца Генриха Штадена (находился в России с 1564 по 1576 гг.), церковное убранство, включая колокола, различные светильники, ризы, кадила и даже ограду с хоров⁵⁴. Также посетивший Россию в конце XVI в. англичанин Джильс Флетчер писал, что у Строгановых «были свои лекаря, хирурги, аптекаря и всякие ремесленники из голландцев и других иноземцев»⁵⁵. Свидетельство Флетчера под-

⁵¹ Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов. М., 2019. С. 127 (характеристика механизма обоснования местной значимости принадлежит П.С. Куприянову, который любезно поделился со мной соображениями и в беседе); См. также: *Куприянов П.С.* Исторический персонаж как локальный бренд, или Сказочная история Дуняши Стрешневой // Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда. М., 2018. С. 122.

⁵² Сокровища Сольвычегодска. Древнерусская живопись и декоративно-прикладное искусство. [Б.м.], 2010. С. 8–9.

⁵³ Такое определение применительно к Введенскому и Благовещенскому соборам Сольвычегодска использует автор предисловия к брошюре В.А. Ешкилева «Город Сольвычегодск и памятники былой его культуры. Историко-культурный очерк» (Великий Устюг, 1926).

⁵⁴ *Штаден Г.* Записки о Московии. В 2-х тт. М., 2008. Т. 1. С. 274 и 276 (немецкий оригинал); С. 275 и 277 (русский перевод).

⁵⁵ *Флетчер Д.* О государстве Русском, или образ правления русского царя. СПб., 1906. С. 69; В оригинале: «...physitions, surgeons, apothecaries, and all manner of artificers of Doutcees...» (The History of Russia, or The Government of the Emperour of Muscovia with the Manners & Fashions of the People of that Country. [London]: W.M., 1643. P. 112); При этом в английском издании 1816 г. после Douthes в поясняющих квадратных скобках отмечено Germans (Russia at the Close of the Sixteenth Century / ed. by Edward A. Bond. London, 1816. P. 62); А.А. Введенский безотносительно свидетельства Флетчера писал, что «особую группу служащих у Строгановых составляли высококвалифицированные специалисты – “немцы”, взятые из тюрем во

тверждается фактом службы Строгановым нидерландца Оливера Брюнеля († 1585)⁵⁶, который выделяется среди неподтвержденных или вовсе легендарных свидетельств об иностранцах, находившихся на службе у Строгановых. К числу неподтвержденных относится и предание о работе в строгановских мастерских голландских серебряников, иногда воспринимаемое исследователям как вполне достоверное. Так, Г.Н. Бочаров и В.П. Выголов считали, что тюльпан стал одним из основных элементов «узорочья» сольвычегодских эмальерных изделий именно благодаря трудившимся в Сольвычегодске голландцам⁵⁷. В то же время появление цветов тюльпана в искусстве сольвычегодских мастеров резонно объясняется использованием иностранного иллюстративного материала⁵⁸. Ведущий современный специалист по строгановскому серебру В.В. Игошев в частной переписке подтвердил, что о работе голландцев в Сольвычегодске нет никаких достоверных данных.

Тем не менее не подлежит сомнению, что голландские купцы действовали на Сухоно-Двинском водном пути, в том числе селились, имели склады или осуществляли торгово-промышленные операции в Архангельске, Великом Устюге, Вологде, Тотьме, Холмогорах, Ярославле⁵⁹. Строгановы могли принимать голландцев на своем великоустюжском дворе, более того, документально подтверждается, что они принимали неких иностранцев непосредственно в собственных хоромах в Сольвычегодске. Одним из таких иностранцев был Иван Иванов Берман, получивший от Д.А. Строганова, отца заказчика Введенского собора, 50 рублей в кредит 25 сентября 1662 г.⁶⁰ Не голландский ли это купец Иван Бермант, упоминания торговой деятельности которого в России относятся к 1664–1671 гг.⁶¹ Результатом торговой деятельности голландцев стало распро-

время Ливонской войны (переводчики, судостроители, мореходцы, врачи)» (*Введенский А.А.* Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962. С. 240). Следует отметить, что понятие «немцы» в Средневековье и раннее Новое время было гораздо более широким, нежели в наши дни. Оно могло обозначать разные народы, населяющие западно-христианские страны и говорящие на германских языках и даже еще шире – чужаков вообще.

⁵⁶ *Введенский А.А.* Дом Строгановых... С. 55–56; *Ушаков И.Ф.* Голландцы на Кольском Севере // *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения. В 3-х т. Мурманск, 1998. Т. 3. С. 150–153; См. также: *Spies M.* Arctic Routes to Fabled Lands: Olivier Brunel and the Passage to China and Cathay in the Sixteenth Century. Amsterdam, 1997.

⁵⁷ *Бочаров В., Выголов Г.* Сольвычегодск... С. 64.

⁵⁸ *Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л.* Золотое и серебряное дело XV–XX вв. (территория СССР). М., 1983. С. 109.

⁵⁹ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 51, 116, 160; *Голикова Н.Б.* Голландец Яков Янсен и его крах в России в конце XVII в. // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2004. № 4. С. 11; *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII век (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 60; *Тимошина Л.А.* «Русский иноземец» XVII в. Владимир Иевлевич // *Вестник «Альянс-Архео».* 2018. № 24. С. 57–115.

⁶⁰ *Введенский А.А.* Дом Строгановых... С. 236–237.

⁶¹ *Демкин А.В.* Западноевропейское купечество... М., 1994. Вып. 2. С. 68; *Ре-*

странение разнообразных голландских изделий по Русскому Северу⁶², в том числе они имели хождение и в Сольвычегодске⁶³. Непосредственно для Г.Д. Строганова в Амстердаме были изготовлены две братины, возможно, в связи с его сорокалетием в 1696 г.⁶⁴

Присутствие голландцев на Русском Севере, продолжавшиеся из поколения в поколение закупки Строгановыми голландских товаров, их тесные контакты с голландскими купцами и служба Строгановым некоторых голландцев могли выработать в историческом сознании сольвычегодцев стойкое представление об особой роли в истории города именно жителей Нидерландов. В свою очередь, такие представления становились фундаментом для возникновения преданий.

Мне представляется, что предания о голландском участии в создании Введенского собора и голландских серебряниках в строгановских мастерских могут быть не простым совпадением, но иметь внутреннюю связь, обусловленную реалиями голландского «следа» в истории Сольвычегодска. Во всяком случае, именно с голландцами, а не какими-либо другими иностранцами городской фольклор связал два явления из жизни Сольвычегодска, объединив их также с памятью о деятельности Строгановых. Последующая фольклоризация деяний иностранцев, отметившихся присутствием в той или иной местности, – известный культурный феномен. Осмысление прошлого через мифологизацию исторических реалий или закрепление какого-либо действительного исторического события в качестве этиологического мифа вполне обычно для исторической памяти. В истории России известно множество подобных примеров как на макро, так и на микроуровне. Достаточно вспомнить мифологизированную историю возникновения власти на Руси, отраженную в начальном летописании, которая воспроизводила и осмысливала реалии участия скандинавов в процессе государствообразования восточных славян. Или распространенный среди жителей восточной части Новгородской земли круг преданий, в основе которого лежит «литовское разорение» – нашествие грозного врага, под которым могут пониматься разные народы, когда-либо действительно воевавшие против русских (монголы, татары, шведы, турки, поляки)⁶⁵.

тин Н.Н. Голландские купцы в Архангельске во второй половине XVII в.: численность, продолжительность и преемственность связей (по материалам российских источников) // Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. С. 32.

⁶² Августин (Никитин), архимандрит. Русско-голландские «колокольные» связи // Нева. 2013. № 5. С. 230.

⁶³ Игошев В.В. Строгановское художественное серебро XVI–XVII веков. М., 2017. С. 138.

⁶⁴ Строгановы: меценаты и коллекционеры. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 268. № 194, 195; По мнению Л.М. Вихровой, братины были изготовлены в 1664 г. (Вихрова Л.М. Нидерландское серебро второй половины XVII – начала XVIII веков в России // Сообщения Российско-Нидерландского научного сообщества. СПб., 2003. Вып. 1. С. 110–111).

⁶⁵ Этому посвящена монография: Штырков С.А. Предания об иноземном на-

В то же время предание могло подпитываться и «голландизмами» внешнего облика здания. Отмеченное выше предположение В.В. Седова о личных впечатлениях русского архитектора Введенского собора, побывавшего в Нидерландах, как будто бы помогает нащупать историческую основу предания. Но никаких свидетельств о поездках русских зодчих за рубеж до начала XVIII в. нет. Возможно, самым первым русским, целенаправленно изучавшим архитектуру за границей (после 1711 г.), был денщик Петра I Ю.И. Кологривов⁶⁶. Он же организовывал в Италии с 1716 по 1719 гг. обучение архитектуре Петра Еропкина, Тимофея Усова, Федора Исакова и Петра Колычева⁶⁷, которых традиционно считают первыми русскими, отправившимися за рубеж постигать азы архитектуры. Кроме того, В.В. Седов предлагает сместить время постройки Введенского собора «к самому рубежу XVII–XVIII вв., когда заказчик получил в свое распоряжение своеобразную артель каменных мастеров», отколовшихся от нарышкинского стиля и построившихся для Г.Д. Строганова несколько зданий помимо Сольвычегодска: в Нижнем Новгороде, Троице-Сергиевом монастыре и в Устюжне Железнопольской. При этом исследователь предлагает считать Введенский собор вершиной творчества артели⁶⁸. К сожалению, В.В. Седов не обосновывает, в чем конкретно проявился пик творчества во время строительства собора в Сольвычегодске по сравнению с другими постройками группы. Если подразумевалось развитие определенных художественных идей, наиболее полно воплотившихся в Введенском соборе, то это остается без какой-либо конкретизации. Более того, исследователь не принимает во внимание наблюдения многочисленных предшественников, занимавшихся строгановскими постройками, в которых многие элементы архитектуры Введенского собора определяются как промежуточные. Наконец, В.В. Седов противоречит не только известным свидетельствам, отмечающим даты этапов строительства собора, но и самому себе, одновременно с тем без каких-либо оговорок принимая датировку резного многоярусного иконостаса основного храма Введенского собора (1693 г.). Очевидно, что иконостас не мог возникнуть раньше здания.

Скорее, можно принять также приводившуюся выше гипотезу С.С. Подъяпольского о европейском иллюстративном материале, в большом количестве попадавшем в Россию XVII в., из которого русские мастера черпали образы для собственных творений⁶⁹. Именно Нидерланды выступали главным источником печатной графики в России в XVII в., да-

шествах: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с.

⁶⁶ Егорова С. К. Парадиз для Венеры // *Philologia Classica*. 2020. Vol. 15 (2). С. 279.

⁶⁷ Мильков В.И., Мильков В.В. Памятник ему – город // *Московский журнал. История государства Российского*. 2013. № 11 (275). С. 19.

⁶⁸ Седов В. Сольвычегодск... С. 49, 61–62.

⁶⁹ В.В. Седов считает, что предположение о наличии у зодчего Введенского собора архитектурных книг с гравированными чертежами «неплохо объясняет особенность строгановских построек, но не может быть полностью принято» (Седов В. Сольвычегодск... С. 60).

вавшей пищу для творческих исканий создателей и заказчиков произведений искусства⁷⁰. Обращу внимание, что оба варианта предания сообщают не о непосредственной работе над собором голландского архитектора, но о «чертеже» фасада в одном случае и о «плане» здания в другом (сначала упоминается голландский «чертёж» / «план» собора, затем приглашение иностранных мастеров, а в более позднем варианте предания, на контрасте, ещё и противопоставляется, что рабочие были русскими). Не являются ли эти свидетельства переработанным в исторической памяти указанием на действительно имевшиеся на руках у зодчих изображения барочных зданий? Именно в декоре в первую очередь проявляются «голландизмы», присущие как Введенскому собору⁷¹, так и другим постройкам русской архитектуры рубежа XVII–XVIII вв.⁷², и, как представляется, именно декор, мог быть в первую очередь воспроизведен русскими архитекторами по имеющимся у них увражам. Учитывая, что Строгановы являлись заказчиками высокохудожественных памятников книжности, и что в XVI–XVII вв. они обладали крупнейшими частными книжными собраниями в России⁷³, можно осторожно предполагать наличие соответствующих увражей в том числе и в семейном собрании, к которому обращались Г.Д. Строганов и трудившийся над Введенским собором русский зодчий. Во всяком случае, как показывает Н.А. Мудрова, ещё Н.Г. Строганов (1560–1616 гг.) стремился создать при Благовещенском соборе Сольвычегодска библиотеку, которая включала бы не только богослужебные, но и книги для пополнения знаний по различным вопросам современной жизни⁷⁴.

Итак, «итальянский» и «голландский» мотивы в истории Введенского собора Сольвычегодска⁷⁵, могут быть рассмотрены через призму механизма обоснования местной значимости, что было особенно востребовано историческим сознанием сольвычегодцев в период угасания их города

⁷⁰ Гамлицкий А.В. Россия и Европа XVII века в зеркале гравюры. Лица, связи, влияния // Библия Пискарева – настольная книга русских иконописцев. М., 2019. С. 15.

⁷¹ Седов В. Сольвычегодск... С. 61.

⁷² Виннер Б.Р. Архитектура... С. 22.

⁷³ Мудрова Н.А. Каталог сохранившихся книг именитых людей Строгановых // Книжные собрания российской провинции: проблемы реконструкции. Екатеринбург, 1994. С. 33.

⁷⁴ Как показала Н.А. Мудрова, о библиотеках Строгановых второй половины XVII – начала XVIII вв. сохранилось меньше источников, чем о библиотеках этой семьи XVI – первой половины XVII вв. До сих пор обнаружена лишь небольшая часть книг, принадлежавших Г.Д. Строганову, при этом очевидно, что на репертуаре его библиотеки «не могли не отразиться особенности развития России переходного периода конца XVII – начала XVIII в. (Мудрова Н.А. Библиотека Строгановых (вторая половина XVI – начало XVIII в.). Екатеринбург, 2015. С. 126).

⁷⁵ Любопытно, что «голландский» и «итальянский» мотивы возникают в XVIII в. и в истории киевского Софийского собора. Так, европейский путешественник И.В. Мёллер, посетивший Киев в 1787 г., записал слухи о наличии в Святой Софии картин голландца Питера Пауля Рубенса и итальянца Рафаэля Санти (Ткаченко В.В. Допетровская Русь... С. 283).

в XVIII–XIX вв. При этом «итальянский» мотив можно считать примером актуализации образа Италии в русской культуре, бурно расцветшей с Петровской эпохи, а «голландский» мотив допустимо связать как с реальным историческим присутствием голландцев на Русском Севере⁷⁶, их контактами с семьей Строгановых, так и с наличием нидерландского иллюстративного материала в руках создателей Введенского собора. Точное время появления преданий неизвестно, но благодатная почва для них должна была возникнуть тогда, когда обстоятельства строительства собора стали забываться. Во всяком случае, в самом Введенском монастыре плохо знали собственную историю уже в последней трети XVIII в. Так, на ряд запросов о монастырском прошлом, сделанных из вышестоящих инстанций в 1770–1780-е гг., монастырская администрация неизменно отвечала, что в пожаре 18 сентября 1770 г. архив обители сгорел, и смогла предоставить только сведения о закладке (30 августа 7073 г.) и освящении (7104 г.) прежней деревянной Введенской церкви, а также – об освящении деревянной надвратной церкви во имя Всех Святых 17 июня 7104 г., взятые из Сольвычегодского летописца⁷⁷.

⁷⁶ Обращу внимание и на то, что «голландский» и «итальянский» мотивы одновременно сопровождают рассуждения П.И. Челищева о возможности отбеливания полотен в Архангельске (*Челищев П.И. Путешествие по северу России в 1791 году*. М., 2009. С. 109).

⁷⁷ Сольвычегодский Введенский монастырь... С. 3.

Герои Смутного времени в русской исторической памяти XVIII – начала XIX вв.

Историческая память; Смутное время; Минин; Пожарский; Трубецкой; Мартос; Казанская икона Божией матери.

В статье рассматривается процесс формирования «пантеона» героев Смуты в русской исторической памяти XVIII в., финальной точкой которого представляется установление памятника Минину и Пожарскому в Москве (1818 г.). Состав этого героического ряда не был устойчив и варьировался в разных источниках. В церковной книжности Смута представлялась Божьей карой за убийство царевича Дмитрия, спасение Москвы – чудом Богородицы, а имена русских воевод не упоминались. Наиболее ярким героем фольклора был М.В. Скопин-Шуйский. Развитие культа Д.М. Пожарского и К. Минина в исторических сочинениях, литературе и искусстве происходило одновременно с постепенным забвением заслуг князя Д.Т. Трубецкого. Скучность научных исследований о событиях Смутного времени в указанный период сочеталась с высоким интересом к этим сюжетам в художественном творчестве, в результате чего представления о них выстраивались в соответствии с идеалами классицизма и зачастую были оторваны от исторической действительности.

Одним из главных культурных символов, ассоциирующихся в массовом сознании с событиями Смутного времени, на сегодняшний день является памятник Минину и Пожарскому на Красной Площади в Москве. Его историю исследователи обычно отсчитывают с 1803 г., когда с предложением о возведении мемориала героям Смуты выступили члены «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Затем в 1808 г. аналогичная инициатива была высказана дворянами Нижегородской губернии и поддержана императором Александром I. «Высочайшего избрания» удостоился проект И.П. Мартоса. Место установки памятника со временем было решено перенести из Нижнего Новгорода в Москву, где он и был открыт 20 февраля 1818 г. Обозначенные в самых общих чертах, эти основные вехи строительства неоднократно освещались в научных работах и путеводителях и хорошо известны как исследователям, так и любителям истории и искусства².

Влияние, которое первый скульптурный монумент Москвы оказал на развитие исторической памяти о Смутном времени в последующие эпохи, едва ли можно переоценить. Однако оставив эту тему за рамками исследования, зададимся другим вопросом – почему же среди всех героев Смуты именно Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский удостоились увековечивания в бронзе на главной площади древней столицы?

Многочисленные исследования российской истории рубежа XVI–XVII вв. до недавнего времени концентрировались преимущественно на

¹ Ткаченко Виктория Владимировна; кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова.

² Коваленская Н.Н. Мартос. М., 1938. С. 68–85; Кожевников Р.Ф. Скульптурные памятники Москвы: путеводитель. М., 1983. С. 85–86; и др.

изучении причин, движущих сил и основных событий Смутного времени³. Лишь в последние годы стали появляться публикации, посвященные проблемам сохранения исторической памяти о Смуте как в Польше⁴, так и в России⁵. Одной из граней этого только обозначившегося направления исследований может стать изучение формирования своеобразного «пантеона героев» Смуты. И Минин, и Пожарский занимали ключевое место в нём далеко не всегда.

На протяжении предшествовавшего созданию памятника XVIII века как оценки событий Смутного времени, так и героический ряд освободителей России представляются разноречивыми, а магистральный дискурс осмысления этих событий – только вызревающим.

До середины столетия ключевую роль в репрезентации памяти о Смуте играла церковь. В соответствии со сформировавшейся еще в XVII веке традицией, бедствия, постигшие Московское царство, преподносились как Божья кара, посланная людям за прегрешения, главным из которых считалось убийство невинного царевича Дмитрия по указу Бориса Годунова. Память канонизированного в 1606 г. благоверного Дмитрия Угличского отмечалась дважды в год – 15 мая (день смерти) и 3 июля (день перенесения мощей). Согласно житию, Дмитрий явился в видении одному из почтенных угличских старцев и предрек появление самозванца, который назовется его именем, свергнет «губителя» Бориса и сядет на царствование, но вскоре и сам будет убит, как и «иные», воспоследовавшие ему⁶.

Спасение России, в свою очередь, изображалось чудом Богородицы. В память о нем в Москве был установлен ежегодный крестный ход, который первоначально шел из кремлевского Успенского собора к церкви Введения на Лубянке (где хранился список Казанской иконы Божией Ма-

³ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988; Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в Россию и русское общество. М., 2005; Козляков Н.В. Смута в России. XVII в. М., 2007; и др.

⁴ Граля И. Забытая Смута? Меандры польской исторической памяти // *Amicus Poloniae*. Памяти Виктора Хорева. М., 2013. С. 122–144.

⁵ Андримонова И.М. Исторический миф о Смуте и его бытование в художественной практике // *Культурология*. 2008. № 1 (54). С. 91–94; Аникин Д.А. Образ Смутного времени в исторической памяти предреволюционной России // *Ноябрьские историко-архивные чтения – 2016 г.: Материалы научной конференции «Российская Империя накануне революционных потрясений: К 100-летию Русской Революции 1917 г.»*. Пермь, 2017. С. 17–24; Кринко Е.Ф., Горюшина Е.М. События и участники Смутного времени в мемориальной культуре России // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 2. С. 203–214; Назаров В. Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 года? // *Отечественные записки*. 2004. №5 (20). С. 85–96; Шалак М.Е. Смутное время в оценках русских современников и историческое сознание российского общества XVII века // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2004. № 1. С. 36–40.

⁶ Житие царевича Дмитрия Угличского // БЛДР. Т. 14. СПб., 2006. С. 114; *Димитрий Ростовский*. Жития святых. Кн. 4. Киев, 1764. Л. 37 об.

тери, в заступничество которой верили русские войска), а впоследствии – к Казанскому собору на Красной площади, освященному в 1625 г.⁷ С 1649 г. по распоряжению царя Алексея Михайловича празднование памяти «Пресвятой Богородицы избавления ради от ляхов» (22 октября) стало общерусским⁸.

Соответствующая статья печатного Пролога начиналась с красноречивого рассказа о том, как после смерти царя Василия Иоанновича (Шуйского) Москва «грех ради наших» была взята «злочестивыми ляхами»; как собравшееся «от различных городов Российской земли» воинство, двинулось к столице и, призвав на помощь «всещедрого Бога и Пречистую его мать Пресвятую Богородицу», его воеводы заповедали воинам и православному народу держать трехдневный пост и осадили город. «И убо российскому воинству постящуся, благий и человеколюбивый Бог наш, видя обращение людей своих кающихся, вскоре милосердие свое показа»⁹. Победа русских войск представлялась здесь результатом их благочестия (а не воинской доблести) и Божией милости, а имена русских воевод не упоминались вовсе.

Благодаря многократным переизданиям Пролога (обычный тираж каждого из которых составлял «один завод» – 1200 экз.), Житие царевича Димитрия (впоследствии также вошедшее в состав печатных Четых Минеи Димитрия Ростовского) и слово об установлении праздника Казанской иконе Божией Матери можно считать наиболее распространенными нарративами о Смуте как в XVII, так и в XVIII столетиях. Остальные письменные свидетельства о событиях того времени (как летописи, так и повести) до второй половины XVIII в. сохранялись исключительно в рукописной традиции.

Среди публицистических сочинений наибольшую известность получило «Сказание о осаде Троице-Сергиева монастыря», написанное его келарем Авраамием Палицыным. В нём спасение России также прямо связывалось с милостью Святой Троицы и заступничеством Богородицы по молитвам радонежских чудотворцев Сергия и Никона. Согласно сказанию, святые принимали непосредственное участие в защите обители, являлись оборонявшимся, предупреждая их об опасностях, исцеляли больных и утешали падших духом.

Провиденциальная риторика, как часть литературного этикета, присутствовала и в других сочинениях эпохи Смуты. При этом исследователи отмечают свойственное им достаточно сдержанное отношение к заслугам русских воевод. По наблюдениям О.А. Туфановой, для большинства сочинений первой трети XVII в. был характерен весьма краткий рассказ об истории второго ополчения и «почти безоценочный способ изображения

⁷ Козлов В.И. Крестные ходы в истории Москвы // Памятники Отечества. 1997. № 37 (1). С. 96.

⁸ Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Киев, 1913. С. 421.

⁹ Пролог. Т. 1. М., 1747. Л. 186.

героев»¹⁰. Руководители ополчения в них не возвеличивались. Настоящими героями Хронографа 1617 г., Пискаревского и Бельского летописцев, по её мнению, «были отнюдь не Минин и Пожарский, а русские воины», которые вместе с воеводами выступили как «орудие Божьей помощи»¹¹. Ю.М. Эскин замечал, что хотя «Утвержденная грамота» об избрании на царство Михаила Романова отдавала должное подвигу освободителей Москвы, постепенно воспоминания о них стираются из официальных летописных сочинений о возведении на престол Романовых. «Согласно официальной традиции, оглашенной в „Большой Государственной книге“ 1672 г.» оно произошло просто «по Божьей воле»¹².

Что же касается памяти о Смуте в историческом фольклоре, то (по записям XVII–XVIII вв. и более поздним) центральное место в нем занимали песни о М.В. Скопине-Шуйском, смерти царевича Димитрия и Гришке Отрепьеве, возвращении Филарета из польского плена, плач Ксении Годуновой¹³. В единичных записях XIX в. также известны песни о сборах польского короля на Русь, Василии Шуйском, Прокопии Ляпунове. Песня о Нижегородском ополчении Минина и Пожарского была записана лишь однажды П.В. Киреевским от 70-летней старухи в Калужской губернии¹⁴. (Исходя из её содержания, В.Б. Перхавко предполагал, что она могла быть создана «в городской торгово-предпринимательской среде XVIII столетия»¹⁵).

Важной особенностью сохранения памяти о событиях Смутного времени в XVIII в. было то, что они почти не освещались в научных публикациях вплоть до последней четверти столетия. Первые русские историки обращались к изучению Смуты неохотно. Так, М.В. Ломоносов называл «времена Годуновы и Ростригины» «самой мрачной частью российской истории, из чего чужестранные народы худые будут выводить следствия о нашей славе»¹⁶. С.Л. Пештич даже предполагал, что правящие круги царской России в XVIII в. намеренно засекречивали историю XVII столетия «по соображениям государственного порядка, в целях сохранения государственной тайны и поддержания внешнеполитического авторитета страны»¹⁷. Этим он, в частности, объяснял несостоявшуюся публикацию «Опыта новейшей истории о России» Г.Ф. Миллера, которая была издана

¹⁰ *Туфанова О.А.* «Негеройские» герои: Кузьма Минин и князь Д.М. Пожарский в исторических повествованиях первой трети XVII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. №3 (77). С. 125.

¹¹ Там же. С. 129–131.

¹² *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2018. С. 216–217.

¹³ *Исторические песни XVII века*. М.; Л., 1966.

¹⁴ *Собрание народных песен В.П. Киреевского*. Тула, 1986. С. 184–186.

¹⁵ *Перхавко В.Б.* Спасители Отечества в исторических песнях // *Русская история*. 2009. № 5. С. 10–11.

¹⁶ *Ломоносов М.В.* Представление президенту АН о неправильных действиях Г.Ф. Миллера и И.И. Тауберта. 1761 января // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 10. М.; Л., 1952. С. 232.

¹⁷ *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 2. Л., 1965. С. 33.

на русском языке лишь частично и доведена до 1604 г. В основном же освещение событий Смутного времени в академической печати ограничивалось краткими сведениями о них в обобщающих трудах по российской истории и публикацией исторических источников XVII века¹⁸.

В этой связи, ведущую роль в конструировании социальных представлений о Смуте начинают играть литература и искусство, где с середины XVIII в. активно разрабатываются соответствующие сюжеты. Художественные интерпретации исторических событий испытывали на себе сильное влияние канонов классицизма, прославлявшего рационализм, идеи гражданского долга и служения Отечеству и близкие к идеалам античности героические образы.

Можно утверждать, что процесс возвеличивания Пожарского и Минина в XVIII в. происходил параллельно с постепенным забвением другого героя Смуты – князя Д.Т. Трубецкого. Известно, что Трубецкой был единственным руководителем первого ополчения, оставшимся под Москвой после его распада. Именно он командовал казачьими войсками, взявшими Китай-город 22 октября (к чему позднее был приурочен праздник Казанской иконы Божией матери). Сама чудотворная икона, заступничеству которой приписывалась одержанная победа, первоначально была принесена к Первому ополчению под предводительством Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого. В «Утвержденной грамоте об избрании на Московское государство Михаила Романова» имя Трубецкого стояло на первом месте при перечислении освободителей Москвы¹⁹, а сам он на Земском соборе 1613 г. был одним из претендентов на царский престол.

Вопрос о том, «почему в сознании русских людей Минин и Пожарский – великие люди, истинные герои, а Трубецкой – нет?»²⁰ – безусловно достоин внимания. По замечанию Д.М. Володихина, «такое отношение к личности князя (...) сформировалось еще в XVII в.»²¹ и могло быть следствием неудачи, которую Трубецкой потерпел в 1613 г. в сражении со шведами за Новгород²². В.Н. Козляков также полагал, что Трубецкой растерял авторитет «Спасителя Отечества» ещё при жизни. Причину его забвения он видел в двойственном положении «исторического неудачника», в котором князь оказался, так и не будучи избран царем и оставшись (несмотря на все свои амбиции), лишь одним из бояр у юного Михаила Романова²³. Но, кажется, окончательное вытеснение образа Трубецкого из

¹⁸ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей. СПб., 1771; Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы; и о бывших потом в России мятежах. М., 1784; и др.

¹⁹ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 41–42.

²⁰ Володихин Д.М. Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой как представитель высшей русской аристократии XVII века // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 4. С. 48.

²¹ Там же. С. 48.

²² Там же. С. 49.

²³ Козляков В.Н. Герои смуты. М., 2012. С. 104.

русской исторической памяти и его затмение фигурами Минина и Пожарского всё же происходит не в XVII, а в XVIII столетии.

Как в научной, так и в художественной литературе середины XVIII в. Трубецкой обычно появляется вместе с Мининым и Пожарским, создавая, таким образом, триумвират (а не дуумвират) героев. Так в «Кратком Российском летописце» М.В. Ломоносова «освободителей Москвы» было трое. В нём сообщалось, что в 1612 г. «старанием Нижегородского купца Козмы Минина под предводительством Князя Дмитрия Пожарского, а с другой стороны Князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого Москва взята, и от поляков и воров очищена». ²⁴

«Ядро Российской Истории» А.И. Манкиева (написанное раньше Ломоносовского летописца – в 1716 г., но изданное позже – в 1770 г.), также отдавало должное заслугам Трубецкого, хотя и содержало критику в адрес отдельных действий казаков²⁵. В «Новом ядре российской истории», составленном И.В. Нехачиным, в московский Кремль входили с победой «главнокомандующие Князя Пожарской и Трубецкой»²⁶.

В 1760 г., упоминая о событиях Смутного времени в поэме «Петр Великий», М.В. Ломоносов называл среди его героев Пожарского и Трубецкого (умалчивая о Минине):

...Пожарского и Трубецкого ревность,
Смотря на праотцев, на славну россов древность,
Пресекала наконец победою напасть²⁷.

В «Россиаде» М.М. Хераскова освободители Москвы фигурировали втроем, и каждым из них был внесен свой вклад в общую победу. Минин вдохновлял отчаявшихся воинов, Пожарский и Трубецкой – командовали войсками:

«Как бурый вихрь Москву Пожарский окружает,
Кидает молнии, поляков поражает;
С другой страны дарит отечеству покой,
Бросая гром на них, Димитрий Трубецкой»²⁸.

Решающую победу здесь совершают именно «Пожарский с Трубецким».

Тем примечательнее, что в последней четверти XVIII в. начинают появляться сочинения, исключаящие Трубецкого из числа героев-победителей. В учебнике истории Ж.Ф. Вегелина (1788) сообщалось, что «Козьма Минин, побужденный патриотическим духом предпринял спасти свое отечество. Князь Пожарский ему вспомоществовал, и многие города снабдили довольною суммою денег. Наконец Пожарский, которого предприятия все были удачны, вступил в Москву, откуда и выгнал всех поляков по-

²⁴ Ломоносов М.В. Краткий российский летописец с родословием. СПб., 1760. С. 41.

²⁵ Манкиев А.И. Ядро российской истории. СПб., 1770. С. 312–323.

²⁶ Нехачин И.В. Новое ядро российской истории. М., 1795. С. 263.

²⁷ Ломоносов М.В. Петр Великий // Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 299.

²⁸ Херасков М.М. Россияда. М., 1779. С. 207.

сле жесточайшей блокады. Другое войско побило Сигизмундову армию и принудило его удалиться в Польшу»²⁹. Под этим «другим войском» Вегелин, вероятно, имеет в виду казаков Трубецкого, однако по имени он его не называет.

Отсутствует Трубецкой и в небольшом очерке о Смутном времени И.И. Голикова, служившем дополнением к его сочинению о деяниях Петра Великого (1790 г.). По словам Голикова, это войска Минина и Пожарского «победили всех врагов внешних и внутренних и освободили от пленения Москву и все города»³⁰. Трубецкого он даже не упоминает.

К концу столетия корректирует свои взгляды и М.М. Херасков. Если в вышеупомянутой «Россиаде» (1770-е гг.) он воспевал спасение Москвы наравне Пожарским и Трубецким, то согласно сюжету трагедии «Освобожденная Москва» (1798 г.)³¹, князь Димитрий (Трубецкой) первоначально отказался от участия в штурме столицы («Я войском жертвовать мечтам пустым не стану»), и лишь когда войска Пожарского почти одержали победу, «развевял в прах остаток» польских войск.

Выявленная тенденция к последовательному исключению Трубецкого из числа героев Смутного времени может быть объяснена исходя из общей социально-политической ситуации, сложившейся в Российской Империи в этот период. Привлечение внимания к подвигу казаков и признание их решающей роли в освобождении Москвы было нежелательным на фоне их участия в восстании Пугачева (1773–1775 гг.), последующей ликвидации Запорожской сечи и Волжского казачьего войска и активной политики государства по преданию забвению случившихся событий. Хотя никаких документальных свидетельств, подтверждающих существование официального либо негласного запрета на прославление имени Трубецкого в этот период не известно, можно предполагать, что сами мысли о том, что казаки (ныне – взбунтовавшиеся) способны взять Москву, как и то, что Романовы обязаны им своей властью, могли казаться крамольными.

На рубеже XVIII–XIX вв. появляются поэтические произведения, посвященные только Пожарскому. В.А. Западов назвал князя одним из любимейших исторических героев Р.Г. Державина³². Поэтом была написана эпитафия «На гроб Пожарского», ода «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского», начата поэма «Пожарский» (около 1780 г.) и опубликовано «героическое представление с хорами и речитативами» «Пожарский, или Освобождение Москвы» (1806). Неоконченная поэма В.И. Майкова «Освобожденная Москва», в своей начальной части

²⁹ Вегелин Ж.Ф. Таблица российской истории в пользу юношества. М., 1788. С. 489.

³⁰ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч. 12. М., 1788. С. 10.

³¹ Херасков М.М. Освобожденная Москва. М., 1798.

³² Западов В.А. Комментарий: Державин. На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 394.

не упоминала ни Минина, ни Трубецкого. По словам автора, «пленную Литвой Москву Пожарский спас»³³.

Что же касается выделения в героическом ряду подвига Минина, то его следует связать с активной личной деятельностью историка и писателя Н.С. Ильинского, который счел прославление этого «сына отечества» своим патриотическим долгом. В 1794 г. в типографии Нижегородского губернского правления им было напечатано стихотворение «В память славному мужу, Козьме Минину»³⁴, которое он стал активно распространять: преподнес Екатерине II и епископу Нижегородскому Павлу, отослал в Нижегородскую Думу и в Нижегородское училище для раздачи ученикам. Кроме того, Ильинский посвятил Минину исторический очерк, где, в числе прочего утверждал, что Трубецкой вообще не участвовал в сражении за освобождение Москвы, а победу русских войск связывал исключительно с действиями Минина и Пожарского³⁵. Именно он первым выступил с прошением о создании памятника Минину в Нижнем Новгороде.

Изобразительное искусство, в конечном счете, сыграло решающую роль в становлении образов Минина и Пожарского как доминанты в исторической памяти о Смуте. Ещё в 1764 г. М.В. Ломоносовым были сформулированы «Идеи для живописных картин из Российской истории»³⁶. Среди предложенных им тем две были связаны с Пожарским, одна – с Мининым, одна – с Гермогеном, и ни одной – с Трубецким. Схожая тенденция продолжается и в последующем репертуаре исторических сюжетов в программах Академии художеств. В 1802 г. изображение «героических подвигов и патриотических добродетелей Кузьмы Минина и князя Пожарского» было предложено в качестве выпускного задания для скульптурного класса³⁷, а в 1803 г., как уже было отмечено, идея о сооружении памятника Минину, Пожарскому и Гермогену в Москве была высказана на заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств».

Примечательно, что в первоначальном эскизе монумента Минину и Пожарскому, представленном Мартосом в 1804 г., они выступали как равнозначные фигуры (Рис. 1)³⁸. Изображение Пожарского при этом выглядело более динамичным. Но уже во второй редакции проекта, повсеместно разосланной в 1809 г. в рамках подписки по сбору средств на установку памятника, фигуре Минина отводилась очевидно главенствующая позиция (Рис. 2). Изнуренный ранами князь изображался сидящим, вместо

³³ Майков В.И. Освобожденная Москва // Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 311.

³⁴ Ильинский Н.С. В память славному мужу, Козьме Минину. Н. Новгород, 1794.

³⁵ Ильинский Н.С. Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа Нижегородского купца Козьмы Минина, выбранное из исторических преданий. СПб, 1799. С. 51, 56–57.

³⁶ Ломоносов М.В. Идеи для живописных картин из российской истории // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 367–373.

³⁷ Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Ч. 1. СПб., 1864. С. 576.

³⁸ Коваленская Н.Н. Мартос. М., 1938. С. 69–70.

первоначальной стремительности его движения стали пассивными, в то время как Минин, подавая ему меч, одновременно помогал ему подняться и призывным жестом убеждал выступить в поход. Отлитый в таком виде памятник фактически оказывался памятнику Минину. Его фигура доминировала в композиции, его имя было упомянуто на первом месте в надписи на постаменте («Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия»), его изображение находилось на барельефе с лицевой стороны монумента.

Н.Н. Коваленская видела причину такого преобразования в либеральных взглядах Мартоса, стремившегося вывести на первый план простолюдина как «основного героя и инициатора спасения Отечества»³⁹. Однако более прозаичное объяснение может состоять и в том, что композиция была переработана автором с расчетом на установку памятника в Нижнем Новгороде – на родине Минина (как это предполагалось в 1808 г.), а когда в 1811 г. было принято окончательное решение о переносе монумента в Москву, проект был уже утвержден.

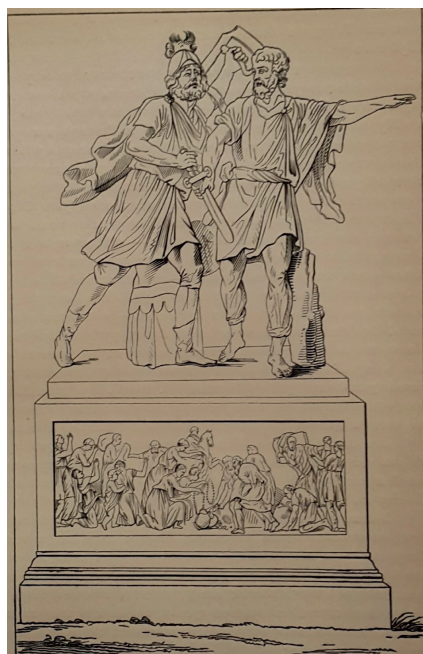

Рис. 1. Гравюра с первого проекта памятника Минину и Пожарскому
И. Мартоса. 1804–1807⁴⁰

Рис. 2. И. Мартос. Второй проект памятника Минину и Пожарскому.
Рисунок. 1809. ГТГ⁴¹

Любопытно, что хотя в соответствии с традициями классицизма, герои были облачены Мартосом в античные одежды, а их лица восходили к античным типам лиц Зевса и Посейдона⁴², многими обывателями они в дальнейшем были восприняты как подлинное отражение русской стари-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Изображение публикуется по изданию: Коваленская Н.Н. Мартос. М., 1938. С. 69.

⁴¹ Там же. С. 73.

⁴² Там же. С. 80.

ны. По воспоминаниям В.Л. Пушкина, в огромной толпе, собравшейся на Красной площади по случаю открытия монумента, он слышал самые разные реплики. «Один толстый мужик с рыжею бородою говорил своему соседу: „Смотри, какие в старину были великаны! Нынче народ омелел“. Другой: „В старину ходили по Руси босиком, а на нас немецкие сапоги надели“»⁴³. О схожем простонародном восприятии памятника свидетельствовал и появившийся в XIX в. лубок «Пантюша и Сидорка осматривают Москву», в котором Сидорка также принимает огромные скульптуры за фигуры огромных древнерусских богатырей, исполненных в натуральную величину (Рис. 3).

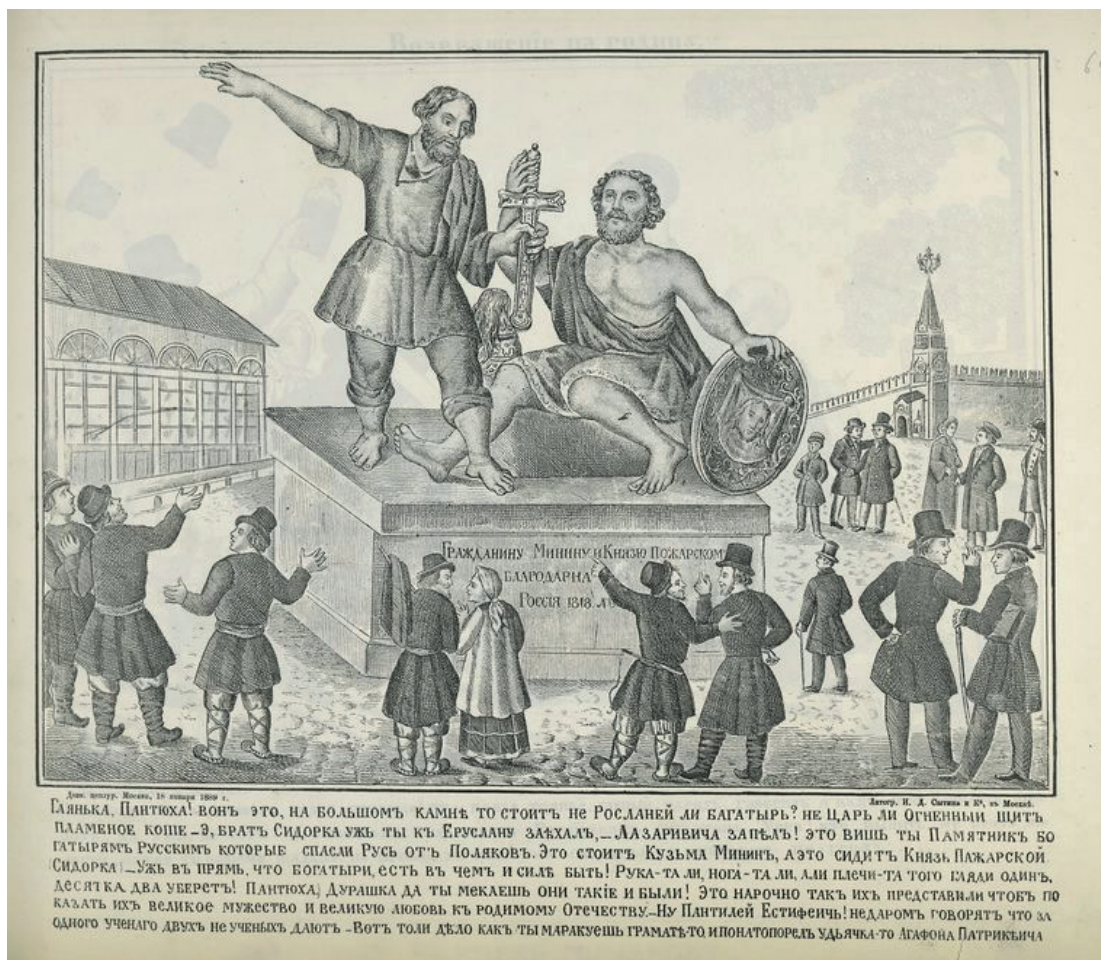

Рис. 3. «Глянька, Пантюха!». Лубок. Литография Ивана Сытина. Москва, 1889 г. The New York Public Library Digital Collections⁴⁴

В целом, развитие образов Минина и Пожарского в литературе и искусстве заметно опередило научное изучение событий Смутного времени⁴⁵. К первому десятилетию XIX в. относятся поэма С.Н. Глинки «По-

⁴³ Пушкин В.Л. Письмо Вяземскому П.А., 20–21 февраля 1818 г. Москва // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 213–249.

⁴⁴ [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalcollections.nypl.org/items/510d47da-4099-a3d9-e040-e00a18064a99> (дата обращения: 17. 01. 2023).

⁴⁵ Подробнее о развитии образа Минина и Пожарского в XIX в. См: Кузнецов А.А.,

жарский и Минин, или Пожертвования россиян» (1807), его же трагедия «Минин» (1809); поэма С.А. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасённая Россия» (1807), трагедия М.В. Крюковского «Пожарский» (1807), историческая повесть П.Ю. Львова «Пожарский и Минин, спасители Отечества» (1810) и др. Первая специальная научная работа о Пожарском – биографическое исследование А.Ф. Малиновского – увидела свет только в 1817 г⁴⁶. При этом ни у В.Н. Татищева, ни у М.М. Щербатова, ни у Н.М. Карамзина изложение российской истории так и не было доведено до осени 1612 г.

Обилие художественных произведений способствовало идеализации и мифологизации памяти об освободителях Москвы, и в значительной мере её отрыву от исторической действительности. Образы Минина и Пожарского оказались созвучны и либеральным мечтам о единстве дворянства с народом, и идеям гражданского подвига во благо Отечества (отраженным в Манифесте Александра I о сборе земского ополчения в 1812 г., а также впоследствии развившимся в монархическом мифе об Иване Сусанине), и патриотическим настроениям эпохи Наполеоновских войн. В 1830-х гг. Н.А. Полевой остроумно замечал, что Минин стал чем-то вроде русской «Орлеанской девы»⁴⁷.

Изменения, произошедшие в русской исторической памяти о Смуте в XVIII – начале XIX вв. и утвердившиеся с установлением в 1818 г. памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве, ознаменовали переход от преобладающего травматического восприятия Смутного времени как «кары за грехи» и «мрачной страницы русской истории» к формированию на основе памяти о нем позитивного государственно-патриотического мифа, не потерявшего актуальности и по сей день⁴⁸. В массовом сознании монумент прочно связал историю освобождения Москвы от поляков с именами Минина и Пожарского, тем самым окончательно вытеснив из исторической памяти воспоминания о заслугах Трубецкого.

Морохин А.В. Историография ополчения Минина и Пожарского в контексте изучения истории Смутного времени [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/books/met_files/opolch.pdf (дата обращения: 17. 01. 2023).

⁴⁶ *Малиновский А.Ф.* Биографические сведения о князе Димитрее Михайловиче Пожарском. М., 1817.

⁴⁷ *Полевой Н.А.* «Рука Всевышнего Отечество спасла». Драма из отечественной истории, в 5-ти актах, в стихах. Соч. Н. Кукольника. СПб., 1834 // *Русская критика XVIII–XIX веков: Хрестоматия.* М., 1978. С. 104–108.

⁴⁸ *Tkachenko V.* From the Time of Troubles to the Unity Day: Memory, Forgetting and Re-imaging the Past in Russian History // *University of Bucharest Review. Literary and Cultural Studies Series.* 2020. № 1. P. 85–98.

Торговля мясом в Москве в первой половине XIX века: доставка, продажа, цены

Предпринимательство; купечество; торговля; торговля мясом; Российская империя; Москва.

В статье рассмотрен вопрос о торговле мясом в Москве. Мясные товары составляли немалую долю в поставках съестных припасов, предназначенных для питания горожан. В исследовании рассмотрены вопросы доставки мяса в Москву, проанализирована доступная статистика по объему мясных товаров, приведены цены на мясо и рассказано о топографии мест торговли мясными продуктами.

Изучение истории предпринимательства и, в частности, торговли – достаточно непростая исследовательская тема, поскольку требует выявления и анализа массовых архивных источников. Однако в последние десятилетия в историографии очевидны добротные результаты в развитии этой научной области. В современной российской исторической науке профессор Московского университета Наталия Вадимовна-Игоревна Козлова является признанным лидером этого направления. В частности, ее перу принадлежат важные труды, посвященные исследованию торговли в XVIII в., включая вопросы формирования законодательства о торговле и сбыте сельскохозяйственной продукции².

Следуя в русле интересов нашего дорогого юбиляра Н.В. Козловой, мне хотелось бы представить в праздничный сборник статью о мясной торговле в Москве в первой половине XIX в.

Москва в XVIII–XIX вв. потребляла громадное количество мясной провизии. Ассортимент битого мяса был разнообразным: говяжьи и свиные туши, индейки, куры, утки, гуси, бараны. Всё это в замороженном виде доставлялось в Москву, когда наступали холода и устанавливался надежный зимний путь. Летом же, когда животные могли питаться подножным кормом, из южных губерний, прежде всего Воронежской и Области Войска Донского, в Москву пригонялись гурты волов, а из среднерусских губерний – стада баранов.

¹ Ульянова Галина Николаевна; доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

² Козлова Н.В., Тарловская В.Р. Торговля // Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Т. 1. С. 213–255; Козлова Н.В. Некоторые аспекты торговой деятельности в России в XVIII в. (Из истории разработки правовых документов) // Купечество в России. XVIII – первая половина XIX вв. Сб. ст. в честь профессора А.А. Преображенского. М., 1997. С. 194–218; Козлова Н.В. Роль торгового и таможенного законодательства в регулировании сбыта сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке России в XVIII в. // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С. 42–50; Козлова Н.В. Интересы казенного и частного торгового капитала в торговле России с Китаем в первой трети XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2022. № 6. С. 20–33.

По данным «Статистической записки о Москве» В. Андрossoва, ежегодно в 1830-е гг. гоном доставлялось в Москву в среднем около 104 тыс. волов, что составляло около 106 кг говядины на человека в год³. На продажу в Москву, как следует из ежегодных отчетов обер-полицмейстеров, везли также битую дичь, мелкую живую птицу и мелких животных, например, кроликов, и «крепкий бульон». Мясо варили, жарили, тушили, вялили.

В течение всего изучаемого периода по таким архивным источникам, как ведомости о торговцах, документы скотопригонного двора и реестры цен, среди купцов зафиксирована узкая специализация на продаже мяса. Существовала строгая регламентация продажи мяса – его предписывалось продавать только в специально отведенных местах, что создавало в разных частях города группы компактно расположенных мясных лавок (Охотный ряд, так называемые «мясные ряды» в каждой городской части).

Так, в списке купцов Москвы 1830 г. содержатся имена крупных торговцев мясом среди купцов первой гильдии. Известным торговцем, например, был Василий Андреевич Розанов⁴, который жил в Лефортовской части в своем доме и проявил себя как благотворитель, помогавший Московскому Комитету о нищих во время голода в конце 1830-х – 1840-х гг. Розанов давал говядину для бесплатных обедов для бедняков – таких обедов, по статистике Комитета, голодной зимой 1839–1840 гг. было роздано 469 761⁵. Также торговал «мясным товаром» купец первой гильдии Андрей Петрович Забродин, проживавший в Таганской части в своем доме. Пребывание в первой гильдии свидетельствовало о крупных оборотах этих коммерсантов в области торговли мясом⁶.

Почти на каждом из крупных рынков, торговавших съестными припасами обычно три дня в неделю – в воскресенье, среду и пятницу, имелись мясные лавки. Бойкое место специализированной торговли представлял Охотный ряд⁷.

О наличии уже, по крайней мере, с XVII в., инфраструктуры поступления мясного продовольствия в столицу свидетельствуют названия улиц и другие топонимы. Так, с XVI в. одна из центральных улиц Москвы носила название Мясицкая, дошедшее до наших дней. Известно из документов и о существовании Мясицкой полусотни, которая получила название

³ Андрossoв В. Статистическая записка о Москве. М., 1832. С. 100.

⁴ Список купцов города Москвы, объявивших капиталы на 1830 год, с показанием имеющегося при них семейства, чем торговлю производят и где жительство имеют. Б.м., б.г. [1830]. 1 гил. № 8.

⁵ Отчет комитета, Высочайше учрежденного в Москве для разбора и призрения просящих милостыни за 1840 год. М., 1841. С. 17–19.

⁶ См.: Список купцов города Москвы, объявивших капиталы на 1830 год, с показанием имеющегося при них семейства, чем торговлю производят и где жительство имеют. Б.м., б.г. [1830]. 1 гил. № 101.

⁷ См.: Ульянова Г.Н. Охотный ряд в Москве: товары, цены, состав торговцев. Первая половина XIX века // Труды Государственного исторического музея. Вып. XX. Забелинские научные чтения. 2020. М., 2022. С. 117–139.

по названию местности. В нее входили жители этой части Москвы, о чем, например, свидетельствует документ за 1736–1745 гг., найденный историком И.Е. Забелиным. Среди московских «харчевенных изб» на Мясницкой в 1730–1740-е гг. располагались две – одна принадлежала купцу второй гильдии Ивану Кострикину, а вторую содержал священник церкви Николая Чудотворца, что на Мясницкой, Иван Семенов «с причетники»⁸. Однако, по мнению историка Москвы П.В. Сытина, количество мясников на Мясницкой было незначительным уже в первой половине XVII в. – в 1620 г. мясникам здесь принадлежало только семь дворов, а в 1638 г. – два⁹.

В топонимике Москвы бытовало и частично сохранилось до наших дней еще несколько названий, связанных со снабжением населения Москвы мясом. Коровий вал, четыре Коровьих переулка, возникшие, вероятно, в конце XVIII в., находились в Серпуховской части, вблизи Скотопригонного двора. Улица Коровий брод (с 1933 г. – 2-я Бауманская) располагалась в Лефортовской части, близ Лефортовского Слободского дворца и Технического училища, на месте прогона скота к старому Скотопригонному двору у Красных Ворот. После 1880-х гг. возникли Скотопрогонная и Воловья улицы в Калитниках, где были построены огромные муниципальные бойни (в советское время мясоперерабатывающий завод им. Микояна)¹⁰.

В историографии тема потребления мяса в России почти не затронута. В зарубежных исследованиях она представлена лучше, особенно в связи с повышением в последние 20–25 лет интереса исследователей к изучению истории потребления и истории еды. В частности, в 2012 г. в одном из британских издательств вышла содержательная книга американской исследовательницы Робин Меткалф «Мясо, торговля и город: рынок снеди в Лондоне, 1800–1855»¹¹. В работе подробно излагается история знаменитого лондонского мясного рынка Смитфилд, который был в XIX в. крупнейшим в мире по доставке и забою скота.

После выхода книги Меткалф историки обратили больше внимания на изучение этой темы. Следует назвать среди добротных работ по этому вопросу также труды Марии-Апаресиды Лопес (США), опубликовавшей в 2021 г. монографию «Рио-де-Жанейро на мировом рынке мяса, с 1850 по 1930 годы: как свежее и засоленное мясо попадало на стол к жителям Рио-де-Жанейро»¹² (рассмотрено потребление мяса в крупнейшем мегаполи-

⁸ Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина. Ч. 2. М., 1884. Стлб. 1337.

⁹ Сытин П.В. Из истории московских улиц (очерки). М., 1958. С. 255.

¹⁰ Мартынов А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1881. С. 91.

¹¹ Metcalfe Robyn S. Meat, Commerce and the City: The London Food Market, 1800–1855. London, 2012.

¹² Lopes Maria-Aparecida. Rio de Janeiro in the Global Meat Market, c. 1850 to c. 1930: How Fresh and Salted Meat Arrived at the Carioca Table. New York, London, 2021.

се Латинской Америки, проанализирована динамика потребления мяса, его ассортимента, эволюции пищевых привычек, даны сведения о ценах), а ранее статью (в соавторстве) о потреблении мяса в Мехико за столетие (1850-е гг. – 1967)¹³.

Первичные результаты моего исследования, осуществляемого в рамках написания плановой монографии о торговле в Москве в XIX в., будут представлены ниже.

Пригон скота в Москву: государственная политика и логистика

В XVIII–XIX вв., вплоть до 1880-х гг., когда скот стали перевозить только по железным дорогам, пригон скота в столицу для пропитания москвичей был важным промыслом, осуществляемым при государственном регулировании.

Принятый 5 июля 1734 г. именной указ императрицы Анны Иоанновны «О поступании во всех губерниях, городах и таможнях, при явке и записке товаров при взятые настоящих пошлин, и при даче выписей по таможенным уставам и указам, и об отвращении всяких препятствий в провозе товаров водяным и сухим путем, и в прогоне скота по большим дорогам» регламентировал условия прогона скота в столицы.

В указе говорилось, что «большие проезжие и прогонные дороги», по которым скот пригоняется в Москву и Петербург, были незаконно запаханы, и их следует возобновить и расширить до 10 сажен (то есть около 21 метра), чтобы гурты скота (в гурт входило до 400 голов) «как из Малороссии, так из Слободских полков, из Хопра» (Хопер – подразумевается Воронежско-Донской район – Г.У.) могли свободно проходить, не замедляя движения. Владельцам земель было предписано сделать по краям дорог «городьбу» (ограду) или рвы, «чтобы скот с дороги в стороны не отрывался». Каждую весну губернаторы и воеводы обязывались посылать нарочных, чтобы те смотрели, «не запахивают ли таких дорог» помещики и прочие землевладельцы, и не «суживают ли городьбою и рвами». В случае нарушения – сужения дороги вследствие запашки или изгородей – нарушители были обязаны принять меры по расширению дороги и ее «по-прежнему сделать»¹⁴.

При императоре Александре I был принят закон, регламентировавший не только действие скотопробгонных трактов, но также санитарные меры по отбраковке больного и слабого скота. Положение от 14 июня 1804 г. называлось «О пробгоне скота в столицы»¹⁵. Оно обеспечивало беспрепятственный пробгон скота через губернии и только однократный медицинский осмотр с последующей подготовкой свидетельства, с которым далее стадо беспрепятственно и без дальнейших проверок шло до границ следующей губернии. При губернском правлении для этих целей специ-

¹³ *Lopes M.-A., de los Reyes Patiño Reynaldo. Institutions and Interest Groups: Meat Provision in Mexico City, c. 1850–1967, in Mundo Agrario. 21(46), 2020. e130.*

¹⁴ ПСЗ. Т. IX. № 6600.

¹⁵ Там же. Т. XXVIII. № 21347.

ально учреждалась должность чиновника-смотрителя, который должен был вместе с лекарем осматривать стадо при входе в губернию. Хилых животных следовало оставлять на месте «для поправления».

Также предусматривалось, чтобы в аренду в одни руки не отдавалось более 15 десятин пастбищ (по обочинам скотопригонного тракта), где отдыхал и пасся скот. В законе был зафиксирован запрет переправлять скот вплавь через глубокие реки – во избежание гибели животных.

Копии свидетельств об осмотре входящих гуртов предоставлялись губернатору. Губернаторы тех губерний, где располагались скотопрогонные тракты, обязывались ежемесячно подавать сведения в Министерство внутренних дел в Петербург о количестве проследовавшего в столицы скота «на входе» в пределы губернии и «на выходе» с подведомственной территории.

В свидетельстве сообщалось следующее: «Дано сие свидетельство на свободный пропуск скота, принадлежащего такому-то, или таким-то, через губернию такую-то. Гурт первый, второй или третий. Куплен в такой-то губернии, следует в Санкт-Петербург или в Москву, число скотин столько-то, свидетельствован в уезде таком-то, против прежнего свидетельства не оказалось столько-то скотин, павших на дороге без зачумления или оставленных за хилостью; остальные все здоровые, в чем и дано сие свидетельство; по предъявлении коего, чрез все пространство такой-то губернии, скот, в нём означенный, имеет быть везде пропускаем, без всякой новой поверки и без малейшего задержания»¹⁶.

Основные местности, откуда поставлялся скот в центральные губернии Европейской России, были указаны К. Тобиасом, автором публикации в «Журнале Министерства внутренних дел» (1861): «Главные пункты скотоводства нашего находятся на юге России, а именно: в земле Войска Донского, Новороссийском крае, Малороссии, Воронежской, Курской, Ставропольской, Астраханской и Саратовской губерниях. К другой полосе, составляющей также место рождения скота, принадлежат западная Сибирь, губернии Самарская и Оренбургская. Кроме местного, доморощенного скота Оренбургская губерния выменивает в значительном количестве рогатый скот и баранов у степных киргизов – соседей своих по так называемый Оренбургской линии»¹⁷.

К 1860 г. вся Европейская часть России была покрыта сетью скотопрогонных дорог, общая протяженность которых составляла до 10 тыс. верст (11 тыс. км)¹⁸, и, как писал современник, «до тридцати губерний прорезываются этими путями, почти повсеместно сливающимися с линиями почтовых и больших дорог»¹⁹.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Тобиас К.* Взгляд на промышленность скотом. Скотопрогонные дороги в России // Журнал министерства внутренних дел. 1861. Ч. 51. Кн. 2. С. 207.

¹⁸ Там же. С. 225–226.

¹⁹ Там же.

Существовало пять главных трактов²⁰:

1) Белорусский – из западных и юго-западных губерний Белоруссии и Украины через сборные пункты в Черниговской губ. в Петербург;

2) Старорусский – через сборные места в Изюме и Константинограде скот из Области Войска Донского, Малороссии и Новороссии двигался одним потоком в Петербург, а другим в Москву;

3) Донской – начинался в станице Казанской (на Верхнем Дону, ныне на границе Ростовской и Воронежской областей), куда пригонялись гурты из Области Войска Донского, Ставропольской и Черноморской губерний, затем оттуда шли три ветви протяженностью 2036, 2046 и 1431 версты, две из которых были путями доставки скота в Москву;

4) Муромский шлях – принимал гурты скота, скупленного в Астраханской, Саратовской, Самарской, Пензенской и Симбирской губерниях; подразделялся на две ветви, каждая из которых в свою очередь делилась еще на два потока – один петербургский и другой московский; одна ветвь, протяженностью 1574 версты, шла от Саратова на Петровск, Пензу, отсюда: а) через Ардатов на Муром, Владимир и Москву; б) из Владимира через Ростов, Весьегонск, Устюжну и Новую Ладугу в Петербург; вторая ветвь (1762 версты) из Бугульмы на Москву (через Казань, Нижний Новгород и Владимир) и из Бугульмы на Петербург (через Симбирск, Ардатов, Арзамас, Муром, Владимир, Ростов);

5) Волжский – для скота, закупаемого в Тобольской и Оренбургской губ., делился на четыре «отрасли»: первая длиной 700 верст шла от Петропавловска (город Тобольской губ., ныне на севере Казахстана²¹) до Екатеринбурга; вторая длиной 3060 верст шла до Бугульмы, а оттуда по муромскому тракту на Нижний Новгород, откуда в Москву или в Петербург; третья длиной в 2061 версту – от Оренбурга на Москву или Петербург; четвертая – от Уральска до Москвы через Вольск или Саратов с переходом на муромский тракт²².

Из вышеприведенных сведений следует, что поступление скота в Москву шло из разных местностей и имело сложную логику.

Для переправки животных через реки на скотопрогонных трактах были специально устроены мосты. В тех местах, где мостов не было, гурты прогонялись по мостам, устроенным для гужевого транспорта.

На скотопрогонных трактах, ведущих в Москву и Петербург – в их истоках в южных и степных губерниях – существовали особые пункты сбора скота, находившиеся в Ростове-на-Дону, в станице Казанской (360 км от Ростова-на-Дону), в южных частях Воронежской и Тамбовской гу-

²⁰ В издании «Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России» (СПб., 1869), изданному Департаментом сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, разделение на пять трактов заменено разделением на семь трактов, включая Архангельский и Эстляндский.

²¹ См.: *Алыспиева Г.А.* Ярмарочная торговля в Акмолинской области Степного края во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 185. С. 239–248.

²² *Тобиас К.* Взгляд на промышленность скотом. С. 229–230.

берний, в окрестностях Саратова, на пространстве между Бугульмой и Бузулуком (ранее Самарской губ., ныне Бугульма в Татарстане и Бузулук в Оренбургской обл.), а в Полтавской губ. – в Пирятине и Константинограде, в Харьковской губ. – в Изюме, в Черниговской губ. в Нежине²³.

В экспертной оценке К. Тобиаса (автора статьи в ЖМВД, делавшего подсчеты за десятилетие 1850-х гг.) ежегодный пригон скота в Москву равнялся 140 тыс. голов, в Петербург – 112,2 тыс. голов, «на продовольствие внутренней полосы России и на салотопление» – еще 950 тыс. голов²⁴.

По дороге в Москву крупный и мелкий рогатый скот в теплое время (кроме зимы) преодолевал сотни километров. Наибольшее расстояние, от Области Войска Донского до Москвы, составляло 900–1000 км. Средняя скорость продвижения (по Тобиасу) составляла 17,5 верст в сутки²⁵. Вся система была отлажена до мелочей – ведь животных в дороге надо было кормить, давать им отдых, чтобы они не теряли в весе и не заболели.

Цепочка – от выращивания животного до доставки покупателю – была следующей. Сельский хозяин (помещик или крепкий крестьянин) выращивал скот у себя в имении или в хозяйстве и продавал его на ближайшей ярмарке или прямо у себя на месте специальному оптовому скупщику – прасолу, приехавшему покупать животных. Прасол скупал быков по несколько штук в разных местах и формировал более или менее крупные гурты (специально сформированные стада) из приблизительно однородных по физическим параметрам животных. Он же обеспечивал последующий откорм (выражаясь на профессиональном жаргоне, «нагул» веса). С этой целью прасол арендовал степи для выгула, а для дополнительного питания скота договаривался о поставках с винокуренных заводов барды – гущи, продукта после изготовления спирта из зерна или картофеля, а с сахарных заводов – так называемого свекловичного жома (прессованной свекольной стружки, оставшейся от свеклы после извлечения из нее сахара).

Откармливание бардой и другими растительными добавками могло происходить уже на подходе к столицам, например, для Москвы скот откармливали в Муроме конопляными жмаками (выжимками после получения масла) до такой степени тучности, что животные двигались далее со скоростью не более 10 верст в сутки²⁶.

Когда партия быков была достаточно откормлена, то прасол отправлял животных в Петербург и Москву, или другие города, и здесь, уже в городе, на специально отведенной площадке продавал их быкобойцам. Быкобойцы производили убой и продавали бычьи туши местным торговцам. Прасол нередко действовал через местного купца-комиссионера, который занимался операциями по приему быков. Таким образом, в цепочке до-

²³ Там же. С. 209.

²⁴ Там же. С. 210.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

ставки скота в столицу было несколько звеньев, которые проходило мясо, перед тем как попасть на стол к потребителю²⁷.

В начале XX в. один из наиболее знающих специалистов в области животноводства Н.А. Крюков писал: «Не так ещё давно весь юго-восток России <...> представлял массу свободных земель, которые использовались для нагула скота. Население была редкое, простор был большой, и степи в летний сезон оживлялись гуртами скота, бродившего на всём указанном пространстве. Этот степной нагул был главным способом откорма животных, потреблявших столицы и другими крупными городами России»²⁸.

Откормленные гурты передвигались гоном «на своих ногах» к столицам и другим центрам потребления по широким скотопрогонным трактам, начинавшимся в глубине степей и оканчивавшимся уже в городах. Скот шел со скоростью в среднем 10–17 вёрст в сутки, не быстрее, чтобы не терять веса, и достигал места назначения в очень хорошем виде.

По месяцам пригон был неравномерным – наибольший в мае-октябре (в июле-октябре цены на битое мясо в городе были минимальными), а наименьший – в январе, феврале и марте (цены были максимальные), поскольку по обледелым дорогам и без подножного корма (в виде луговой травы) пригон был осложнен. Зимой сниженный пригон скота (шедшего на сухом корме) компенсировался доставкой замороженного мяса, которое поступало из Коломны Московской губ., из степей Воронежской и Тамбовской губ., из Казани и Мурома в виде мороженных туш степного скота, соленого мяса и свиных туш²⁹.

Так продолжалось до 1882 г., когда скотопрогонные тракты были закрыты, и введена обязательная перевозка скота по железным дорогам³⁰. Эта мера было вызвана потребностью в защите от эпидемий животных – эпизоотий. С развитием ветеринарного дела оказалось, что скотопрогонные тракты разносили чуму и другие заболевания, от которых гибло множество скота в коренной центральной России – в плохие годы до нескольких десятков тысяч скота в год. Закрытие этих трактов явилось главной мерой борьбы с чумой животных³¹.

Правила торговли мясом

В Российской империи с XVIII в. действовало строгое законодательство относительно забоя скота и продажи мяса.

²⁷ Крюков Н.А. Мясо и мясные продукты. Пг., 1922. С. 13–14.

²⁸ Там же. С. 13.

²⁹ Тобиас К. Взгляд на промышленность скотом. С. 212.

³⁰ О перевозке скота и битого мяса из Сибири и Южноуральского региона в Европейскую Россию см., например: Щеглова Т.К. Сельскохозяйственная торговля Западной Сибири и Степного края на межрегиональных ярмарках (Ирбитской, Ишимской, Тюменской) в начале XX века: новые тенденции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 1. С. 81–85.

³¹ Крюков Н.А. Мясо и мясные продукты. С. 13.

В «Инструкции московскому обер-полицмейстеру Грекову» (1722 г.), изданной в виде закона в царствование Петра I, где была дана регламентация московской торговли, говорилось, что при торговле любыми «харчевыми припасы», продавцы должны «носить балахоны и завески белые». Чистота должна была быть на прилавке и вокруг торговой палатки: «И при том при всем полки, на чем оное продают, и на оном покрывалы иметь чистые холщовые, и около шалаша иметь чистоту, и накрывать оные холстом же, а не рогожами»³².

Следовало и предписание, чтобы в мясных рядах «были полки всегда чистые, и мясо было б накрывано холщевыми покрывалы белыми»³³.

Предусматривалось наказание за нарушение санитарных правил: «А ежели кто того чинить не будет: и за то таковых бить батоги ж». Также предписывалось строго следить за тем, чтобы в рядах и в прочих местах, где продаются «всякие столовые съестные харчи», «никакого нездорового съестного харчу и мертвечины не продавали». Если же торговые смотрители обнаруживали «такие залежалые мяса и рыбы», то эти продукты следовало, отобрав у торговцев, «бросать собакам, или велеть закопывать в землю в особливом месте где пристойно», а самих торговцев наказывать батогами. Торговцам же, у которых была бы обнаружена мертвечина, грозили страшные кары – их били кнутом и, вырезав ноздри, ссылали на кадку «на урочные годы»³⁴.

С незначительными изменениями правила, сложившиеся в XVIII в., перешли в «Уложение о наказаниях» 1845 г., где за нарушение правил санитарии определялись строгие меры: «Мясники, изобличенные в том, что они в своих лавках не содержат полки, скамьи и другие принадлежности в надлежащей опрятности; или же иным образом допускают в них такую нечистоту, от коей продаваемое ими мясо должно подвергнуться порче во вред общественному в том месте здоровью», подвергались штрафу, в первый раз 1–3 руб., во второй – 3–6 руб., в третий – 10–15 руб., в четвертый – штраф 25–50 руб. и арест на срок от семи дней до трех недель»³⁵.

При составлении Свода законов в 1830-е гг. все законоположения по этой части были сгруппированы в главе под названием «Об охранении безвредности жизненных припасов» Устава медицинской полиции, который вошел на правах раздела в XIII том («Уставы благочиния»), в составе Врачебного устава³⁶, и наряду с Уставом об обеспечении народного продовольствия.

В ряде законоположений, изданных в 1718–1837 гг. (и отраженных в ст. 860 Устава медицинской полиции Свода законов), а позже зафиксиро-

³² ПСЗ. Т. VI. № 4047. Ст. 23.

³³ Там же. Ст. 25.

³⁴ Там же. Ст. 24.

³⁵ ПСЗ-II. Т. XX. № 19283. Ст. 1063.

³⁶ См.: Устав медицинской полиции // Свод законов Российской Империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Т. XIII–XIV. Уставы благочиния. СПб., 1832. С. 622–625. Ст. 314–329.

ванных в «Уложении о наказаниях» 1845 г., говорилось: «За продажу мяса скота палого или убитого в такое время, когда он находился в болезненном состоянии, или издохших птиц, виновные приговариваются: в первый раз к денежному взысканию от десяти до тридцати рублей, а во второй к заключению в тюрьме на время от трех до шести месяцев», испорченное мясо при этом истреблялось. При нарушении правил в третий раз грозило заключение в тюрьме от шести месяцев до года и лишение навсегда права торговать съестными припасами³⁷.

В 1845 г. в законодательстве было введено наказание за такие ухищрения торговцев, как «надувание мяса»: «Запрещается надувать мясо с тем, чтобы придать оному лучший вид». Нарушители по ст. 1062 «Уложения о наказаниях» получали штраф: в первый раз 2–10 руб., во второй – 4–20 руб., в третий – 8–30 руб. и арест на срок от семи дней до трех недель³⁸.

Кроме полицейского существовал и общественный контроль внутри корпорации самих торговцев. По утвержденному 17 января 1799 г. «Уставу столичного города Москвы» следовало «городскому обществу», то есть сообществу граждан-жителей города (купцов, мещан, цеховых), избирать к каждой мясной бойне бешауера, «которого должность есть неупустительно наблюдать, чтоб скот в бойни был вводим здоровой и незаморенной»³⁹.

Не допускалось продавать два основных «продукта продовольствия» – печеный хлеб и мясо – по самостоятельно назначаемым торговцами ценам. Цены устанавливались полицией в зависимости от конъюнктуры рынка ежемесячно и превышать их не разрешалось. Статья закона из содержащейся в «Уставе народного продовольствия» (1834) главы «О торговле скотом, мясом и другими жизненными припасами» гласила: «В отращение произвольного возвышения цены на нужнейшие предметы продовольствия, а именно: на печеный хлеб и мясо, устанавливаются оным всякий раз, когда надобность потребует, определенные цены, именуемые таксами. Сии таксы выставляются от полиции в рядах и других местах, где продажа припасов производится, и обнародываются в ведомостях, где оные издаются»⁴⁰. Таким образом, таблицы с текущими ценами на хлеб и мясо висели в соответствующих торговых рядах, а также публиковались в газетах.

За соблюдением такс строго следили назначенные из среды самого купечества ратушами или магистратами смотрители и также полиция. Нарушителей наказывали.

Купцы могли торговать оптом и розницу при оформлении соответствующих документов. Мещанам и крестьянам, которые владели лавками

³⁷ ПСЗ-II. Т. XX. № 19283. Ст. 1061.

³⁸ Там же. Ст. 1062.

³⁹ ПСЗ. Т. XXV. № 18822.

⁴⁰ Цит. по: Указатель законов Российской империи для купечества. М., 1847. С. 229. См.: ПСЗ. Т. XXIV. № 18289. П. 5.

по всему городу, разрешался определенный набор товара для продажи, в том числе, как предписывало «Расписание товаров, которыми могут торговать мещане и крестьяне при уплате акциза», дозволен был «мясной, курятной и птичий торг»⁴¹. В ведомостях о торговцах среди торгующих в Москве мясом представлены лица из нескольких сословий – купцы, мещане и постоянно проживавшие в Москве крестьяне.

Скотопригонный двор и бойни в Москве

В Москве, близ Серпуховской и Калужской застав, находился Скотопригонный (или Скотопригонно-Мытный) двор, который являлся единственным рынком для торга крупным скотом. По указу императора Павла I от 15 августа 1799 г. скотопригонный рынок был построен в 1805 г., на что было истрачено 113 548 руб. асс. (или 32 442 руб. сер.) – огромная в то время сумма⁴².

Двор располагался между нынешними улицами Мытной и Люсиновской (к югу от современной детской Морозовской больницы). Место было выбрано здесь и потому, что Москва-река течет из города, и гниlostные вещества после забоя скота не попадали бы в водопровод (который вел к водоразборным фонтанам на площадях). Ранее, в XVIII в., когда население города было меньше, скотопригонная площадка была у Красных Ворот, но приобретя значение центральной части города, этот район был очищен от пригона скота.

До сих пор в этой местности Москвы (между Мытной и Люсиновской) существует улица Коровий вал, где пролегали маршруты прохода гуртов скота с южных застав города – Серпуховской, Калужской и Покровской, на которые они прибывали по Серпуховскому, Рязанскому и Тульскому трактам. Последним пунктом остановки гуртов и отбраковки хилых животных были Коломна, Серпухов, Боровск и частью Егорьевск.

Прогон больших количеств животных доставлял беспокойство жителям, потому что, по словам современника, «многочисленные гурты скота с ревом и гиканьем прогонялись в разных направлениях по улицам Москвы или пробирались окружными путями по ее пригородам»⁴³.

Скотопригонный двор принадлежал московскому Купеческому обществу, которому был пожалован «в вечное владение», и доход с него отправлялся в бюджет купеческой сословной организации. Доход от Скотопригонного двора был весьма ощутимым, что показано в табл. 1.

Как следует из описания Скотопригонного двора в начале 1840-х гг., пространство площадью 4293 кв. саж. (около 2 гектаров), было вымощено «диким булыжным камнем» и обнесено дощатым забором. Прясла, расположенные в 33 ряда, вмещали одновременно 6000 быков⁴⁴.

⁴¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 9. Д. 175. Л. 20–21.

⁴² Горбунов Д.Г. Московские городские бойни. Исторический очерк. М., 1913. С. 11.

⁴³ Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С. 466.

⁴⁴ Горбунов Д.Г. Московские городские бойни. С. 11.

Таблица 1. Доходы Скотопригонного двора в 1813–1821 гг.

Год	Доход, руб. и коп. асс.
1813	10 666 руб. 66 коп.
1814	19 000 руб.
1815	25 000 руб.
1816	25 000 руб.
1817	25 000 руб.
1818	24 666 руб. 67 коп.
1819	26 000 руб.
1820	26 000 руб.
1821	3 500 руб.

Источник: Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной карикатурной стороны. Ч. 1. М., 1865. С. 101.

Опись Скотопригонного двора, составленная в 1843 г. и найденная в архиве, дает следующее, несколько иное, описание: «На скотопригонной площадке «для привязки скота» были сделаны «столбы и прясла деревянные» в 68 рядов, длина каждого ряда по 21 сажени (38,4 м)⁴⁵.

Вокруг скотопригонной площадки было расположено несколько зданий для обслуживающего персонала, а также флигелей для хранения товара. К примеру, в одном из наиболее крупных флигелей размещалось 40 лавок, каждая с подвалом, и 13 складочных больших амбаров⁴⁶.

Было два двухэтажных корпуса «для поклажи товаров» (каждый длиной около 105 м), в каждом по 15 амбаров на два этажа и по 30 палаток (нижние этажи флигелей были каменные, верхние – бревенчатые), флигели были окрашены желтой масляной краской, а крыши из листового железа – красной краской⁴⁷.

Закупленные московскими торговцами животные со Скотопригонного двора отправлялись на бойни. Согласно требованиям Строительного устава (принятого в 1842 г.), бойни разрешалось строить только за городом и отдельно от мясных рядов, которые были в каждой части города. При бойнях следовало копать «ямы для помещения нечистоты». Забитые туши поступали на продажу в специализированные мясные лавки по всему городу.

В первой половине XIX в. всех боен в Москве было около 20, в 1863 г., по ревизии Комиссии по осмотру боен, инициированной городским головой князем А.А. Щербатовым – 21, причем при некоторых были и салотопни. Они были компактно расположены в пяти местах на границах города:

четыре в Лефортовской части,

⁴⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 2. Оп. 3. Д. 778. Л. 22.

⁴⁶ Там же. Л. 31.

⁴⁷ Там же. Л. 13.

четыре за Крестовскою заставой,
пять за Серпуховскою заставой,
пять за Дорогомиловскою заставой и
три за Покровскою заставой, возле Калитниковскаго кладбища (где на их месте позже были возведены муниципальные бойни, а в советское время Микояновский мясоперерабатывающий завод)⁴⁸.

По «Положению о наказаниях» 1845 г. «если мясники будут бить скот не в устроенных для сего скотобойнях», то в первый раз их следовало штрафовать на 2 руб., во второй на 5 руб., в третий – на 10 руб., в четвертый – подвергать аресту от трех недель до трех месяцев⁴⁹.

Устройство и оборудование частных боен было весьма примитивным. Окрестности столицы неизбежно заражались гниющими отбросами производства (хотя по законодательству их следовало сбрасывать в ямы и быстро присыпать землей, чтобы не было смрада⁵⁰), а мясные продукты могли быть загрязненными. По мнению авторов, писавших о бойнях в последней трети XIX в. (то есть в муниципальный период московской истории), в то время почти отсутствовал ветеринарный надзор. Автор доклада об истории московских боен Д.Г. Горбунов писал в 1913 г.: «Ветеринарный надзор за всеми бойнями был распределен между четырьмя правительственными ветеринарами, из которых трое не несли никакой обязанности, кроме этой; тем не менее, можно сказать, что надзор за убоем скота ограничивался, в сущности, лишь осмотром подозрительных на чуму гуртов»⁵¹.

После введения Московского Городского общественного управления в 1860-е гг. был поставлен вопрос о закрытии частных боен и устройстве современных муниципальных боен, которые бы смогли обрабатывать все огромное количество скота, прибывшего в Москву, но при этом максимально соблюдать санитарные нормы. Ведь по книгам о торговых сделках, в начале 1860-х гг. на московских бойнях забивалось около 120 тыс. быков, 5 тыс. коров и 14 тыс. баранов⁵². Это удалось осуществить в 1888 г., когда в Калитниках были открыты новые бойни в соответствии с современными требованиями. Эти бойни стали крупнейшими в Европе.

Розничная торговля мясом. Охотный ряд и районные рынки

Купленное на бойне говяжье мясо было разделано по видам и сортам (обычно три сорта, смотря по качеству). На мякоть устанавливались таксы, которые, например, в среднем, в январе 1846 г. составляли: за фунт говядины 1-го сорта – 5 коп. сер, 2-го сорта – 4 коп. сер., 3-го сорта – 3 коп. сер.⁵³

⁴⁸ Горбунов Д.Г. Московские городские бойни. С. 4.

⁴⁹ ПСЗ-П. № 19283. Ст. 1956.

⁵⁰ Там же. Ст. 1055

⁵¹ Горбунов Д.Г. Московские городские бойни. С. 6.

⁵² Там же. С. 14.

⁵³ ЦГА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 14. Д. 428. Л. 10.

Прочие части говяжьих туш, используемые для приема в пищу, а также кожа и рога продавались поштучно. Это: голова, язык, гусак, студень (части туши, входившие в набор для студня – голова, губы и ноги), почки, желудок (рубец и сычуг), кишки, мозги. Наиболее дорого стоил очищенный «студень с губою» – 49 коп. за фунт 1-го сорта, неочищенный студень стоил 40 коп. (далее везде цены за фунт 1-го сорта), гусак – 34¼ коп., голова – 34¼ коп., язык и почки по 20 коп.⁵⁴

Таксы, то есть фиксированные цены, на мясо устанавливались еженедельно. Для этого на Скотопригонном дворе имелась бойня, где раз в неделю, по пятницам, в присутствии двух чиновников (одного из канцелярии генерал-губернатора и одного из МВД) и двух представителей города из трех разного качества гуртов выбирались три быка, которых здесь же убивали и разделывали.

Как определялась средняя цена, описано Д.Г. Горбуновым: «О запродажной цене живых быков узнавали от хозяина последних; справку о ценности кожи давал староста при ... Скотопригонном дворе; сведения о ценности, так называемого «сбоя», то есть внутренних органов, головы и ног и о цене сала получали от рядских старост». Вычтя из запродажной цены живого быка суммы кожи и «сбоя», результат делили на количество фунтов всего мяса, и так получали стоимость одного фунта. Затем то же самое проделывали еще с двумя «контрольными» быками, после чего выводили среднюю цену одного фунта. К полученной цене прибавляли полторы копейки на фунт («в барыш мяснику за содержание им лавки и рабочих») и так получали размер таксы среднего сорта. Цена высшего сорта определялась прибавлением одной копейки, а низшего – вычитанием одной копейки⁵⁵.

Сведения о ценах на съестные припасы довольно редко попадают в архивных документах, тем не менее, изыскания последних лет дают возможность получить представление о них. К примеру, согласно ведомостям о ценах, поданным торговыми старостами в ноябре 1833 г. в Московскую городскую шестигласную думу, цены на мясо в Москве в ноябре 1833 г. были следующими: говядина черкасская свежая парная (огузки и подбедерки) – 6 руб. 80 коп. за пуд, телятина свежая парная – 16 руб. и 8 руб. соответственно за пуд 1-го и 2-го сортов, баранина свежая парная накануне битая откормленная – 4 руб. 80 коп. за пуд, языки копченые – 1 руб. 60 коп. за пару, печень говяжья – 60 коп., 50 коп. и 35 коп. соответственно за пару 1-го, 2-го и 3-го сортов, телячьи ноги – 60 коп. за 4 ноги, говяжьи ноги на студень – 1 руб. 20 коп. и 1 руб. соответственно за пуд 1-го и 2-го сортов⁵⁶.

Центральным розничным рынком для торговли мясом был Охотный ряд, располагавшийся рядом с Красной площадью. По описанию города Москвы 1775 г. в Охотном ряду было лавок – 41, палаток – 7, цырюльня –

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Горбунов Д.Г. Московские городские бойни. С. 11.

⁵⁶ ЦГА г.Москвы. Ф. 14. Оп. 8. Д. 2812. Л. 41–42.

1, «кадь квасная» – 1, блинных – 2, «харчевенных и калашных амбаров» и прочих – 3, изб⁵⁷ – 8, итого 64 торговых заведения⁵⁸.

Помимо Охотного ряда горожане могли купить съестные припасы в мясных рядах на своих районных рынках. Например, в «Мясном ряду, что в Таганке» в 1775 г. лавок было 21, ларь – 1, итого – 22; в мясном ряду на Покровке лавок – 14, в мясном Смоленском ряду лавок – 32, в мясном Дмитровском ряду лавок – 22, в мясном Кожевническом ряду лавок – 11, в мясном Калужском ряду о лавках сведений нет, также в источнике упомянуты мясной и лесной ряды «на Каланче», Мясной ряд близ Крутиц, мясные ряды на Немецком рынке. Продавались мясо, ветчина и разная рыба и в мясном ряду Мытного двора в Зарядье⁵⁹.

В 1806 г. по запросу канцелярии военного губернатора Т.И. Тутолмина приставами всех частей города были представлены сведения «о торговых площадях и чем на оных торгуют»⁶⁰. Сведения эти сообщали о площадях, имевшихся в Москве на 1806 г. В сводной ведомости, поданной архитекторами Соколовым и Жуковым, было перечислено 19 торговых площадей и «чем торговля производится».

По торговле мясом было указано, что она производится в Серпуховской части, на Конной площади «тут же на пригонном дворе гуртовая продажа», «в зимнее время мясом и маслом», и в «Екиманской» части, о чем сказано – «Болото. В зимнее время мясом и маслом. Всяким хлебом»⁶¹.

Более подробные сведения содержат рапорты частных приставов, на основе которых была составлена сводная ведомость. В рапорте частного пристава Серпуховской части говорилось, что в третьем квартале – на площадях Конной и Сенной – «на оных площадях торговля происходит [нрзб.] товарами». Далее следует разъяснение: «Для пригону рогатого скота пригоняемого из разных губерний, где и распродажа бывает»⁶².

Приведем далее сведения, извлеченные из ведомостей о торговцах 1827–1828 гг. и дадим выборочные примеры по городским частям – городских частей было вначале 20, а с 1829 г. по именному императорскому указу «О новом разграничении городских частей в Москве», данному московскому военному генерал-губернатору, вместо 20 административно-полицейских частей было устроено 17⁶³.

⁵⁷ Обычно: хлебные и калачные избы, представлявшие собой пекарню с продажей хлеба и чайную, где можно было быстро перекусить калачом и напитком.

⁵⁸ Рубан В.Г. Описание императорского, столичного города Москвы, содержащее в себе: звание государских ворот, казенных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извозчиков и прочая. СПб., 1782. С. 127.

⁵⁹ Там же. С. 130–132.

⁶⁰ ЦГА г.Москвы. Ф. 105. Оп. 1. Д. 2172. Л. 1–31.

⁶¹ Там же. Л. 6–7.

⁶² Там же. Л. 12.

⁶³ ПСЗ-П. Т. IV. № 3230.

Ниже представлены факты и подсчеты по Арбатской, Сретенской, Рогожской, Таганской и Тверской частям за 1827–1828 гг.

По сведениям ведомостей о торговцах за 1827 г. в мясном ряду Арбатской части было всего 23 лавки⁶⁴. Из них восемь лавок так называемого «Тверского мясного ряда Арбатской части» располагались «в вотчине господина Спичинского», то есть владении премьер-майора Федора Никитича Спичинского в Мерзляковском переулке⁶⁵ (среди торговцев – четыре купца третьей гильдии и четыре мещанина, все москвичи). Еще 15 лавок находились в «Смоленском мясном ряду», во владении московского купца Николая Ивановича Троилина⁶⁶ («ул. Арбат, во втором квартале», сейчас на углу квартала, ограниченного с двух сторон Арбатом и Троилинским пер., переулок получил название Троилинский в 1752 г. по фамилии домовладельца, предка Николая Ивановича – купца Ивана Михайловича Троилина⁶⁷). Сословный статус торговцев Смоленского мясного ряда был следующим: купцов 3-й гил. – пять чел., помещичьих крепостных крестьян – пять чел., мещан трое, экономических крестьян двое.

В Сретенской части в 1828 г. мясной ряд включал 19 лавок, находившихся в переулках Сретенки, из которых две лавки располагались во владении купца Ивана Ливенцова (№ 356) в Верхнем Колосовом переулке, три лавки – во владении надворного советника Александра Долгова (№ 325) в самом начале Сретенки, пять лавок – во владении купца Андрея Петрова (№ 290), близ церкви Троицы в Листах, на улице Драчѣвке (с 1907 г. ул. Трубная) напротив входа в Последний переулок, и еще девять лавок – во владении купца Николая Захарова (№ 589) на Сретенке⁶⁸. Сословный статус торговцев Сретенского мясного ряда включал: одного купца 3-й гил., 14 мещан, 2 помещичьих крепостных крестьян, 1 экономического крестьянина (и еще 1 лавка стояла «впусте»).

Дисперсное расположение мясных лавок Сретенской части – очагами в четырех разных местах внутри района – показывает, что понятие «мясной ряд» было не столько топографическим, сколько институциональным. Торговцы мясом выделялись в отдельную ведомость, поскольку к их товару применялись особые требования санитарии.

В Рогожской части восемь мясных лавок также располагались в четырех разных местах. В двух лавках торговали купцы и в шести – мещане. Одна лавка, где продавались и мясо и рыба, находилась в церковном владении храма Сергия Чудотворца в Рогожской, а другие семь лавок – во владениях ямщиков Рогожской слободы⁶⁹.

⁶⁴ ЦГА г. Москвы. Ф.14. Оп. 9. Д. 255. Л. 36–39.

⁶⁵ Алфавитные списки всех частей столичного города Москвы домам и землям равно казенным зданиям, с показанием в котором квартале и на какой улице или переулке состоит. М., 1818. Арбатская часть. С. 27.

⁶⁶ Там же. С. 30.

⁶⁷ Мартынов А. Названия московских улиц и переулков. М., 1878. С. 191.

⁶⁸ ЦГА г. Москвы. Ф.14. Оп. 9. Д. 571. Л. 65–68.

⁶⁹ Там же. Д. 304. Л. 1, 25, 33, 38.

В Таганской части в 1827 г. всего было десять мясных лавок. Три лавки находились на Таганском рынке (на площади), в «вотчинах» купцов Ливенцова, Баулина, купчихи Ливенцовой, одна – во владении купца Якимова (расположение установить не удалось), шесть – в «вотчинах» купца Павлова (расположение установить не удалось). Среди торговцев – четыре купца и шестеро мещан⁷⁰.

Значительная торговля мясом производилась в Тверской части, где действовали Охотный ряд, а также отдельные лавки, где производилась торговля мясом, а торговцы входили в список Мясного ряда⁷¹. В ведомости Тверской части о торговцах на 1827 г. имеется несколько десятков упоминаний о торговцах мясными продуктами. Всего в Тверской части числилось в ведомости Мясного ряда, составленной старостой Евграфом Щенниковым, 37 торговых лавок с 43 торговцами⁷². Но, по нашему мнению, как и в случае с мясным рядом Сретенской части, «название Мясной ряд относилось даже не к конкретному, физически присутствующему в городском пространстве, торговому ряду, а к некой корпорации, объединяющей торговцев мясным товаром и собранных вместе ради санитарного контроля за торговлей скоропортящейся снедью – в пользу этой интерпретации говорит наличие в списке лиц, имевших лавки по всей обширной Тверской части»⁷³.

В январе 1827 г. смотритель Тверской части Андрей Мартьянов и староста мясного ряда Е. Щенников представили в торговую депутацию ведомость о торгующих в Мясном ряду Тверской части московских купцах, мещанах и крестьянах. Согласно ведомости из 43 торговцев мясом торговали 35 человек, маслом и телятиной – 6 человек и исключительно телятиной – 2 человека.

Среди торговцев преобладали московские мещане, которых было 18 чел. Купцов насчитывалось 9 чел., крепостных крестьян – 8 чел. (в том числе пятеро были крестьянами графа Шереметева), экономических крестьян – 5 чел., свободных хлебопашцев – два, дворовых один.

Вызывает интерес специализация восьми лавок (20 % от общего количества) только на телятине, которая была любимой и распространенной пищей в России. Как писал Н.А. Крюков в книге «Мясо и мясные продукты» про более поздний период: «Телята на рынке обыкновенно появляются в возрасте от 6 до 12 недель, и лучшую телятину можно получить только в Москве». Сюда привозили телят в весе 3–4 пуда из Углича Ярославской губ., где с начала XIX в. существовал промысел по выпаиванию телят чистым молоком, чтобы мясо было нежным. Тем же промыслом занимались жители окрестностей Троице-Сергиевского посада Московской губ., местности «Нагорье» Переяславского уезда и Покровского

⁷⁰ Там же. Д. 290. Л. 2–5.

⁷¹ Там же. Д. 412. Л. 72–81.

⁷² Там же. Л. 57.

⁷³ Ульянова Г.Н. Охотный ряд в Москве. С. 127.

уезда Владимирской губ., Калязинского уезда Тверской губ. и Клинского уезда Московской губ.⁷⁴.

* * *

Представленные данные позволяют прийти к некоторым предварительным выводам.

Мясо, за исключением дней постов, было предметом повседневного потребления горожан. Об этом свидетельствуют высокие цифры доставки мясной провизии. Согласно сведениям из «Военно-статистического обозрения Российской Империи» (1853) средние числа пригона скота в Москву составляли:

- в 1832 г. – крупного 112 497 голов, мелкого – 27 447 голов;
- в 1846 г. – крупного 118 131 голов, мелкого – 31 727 голов;
- в 1851 г. – крупного 117 359 голов, мелкого – 23 098 голов⁷⁵.

В литературе XIX в. дискутировался вопрос о том, было ли в России мясо деликатесом или предметом повседневного потребления?

Известный бытописатель Михаил Пыляев в книге «Старое житье» писал, что говядина, баранина и свинина, а также домашняя и дикая птица, были на столе не только у богачей, но и у обычного люда. При этом самым распространенным способом приготовления была варка мяса в одной воде с небольшим количеством соли, перцу и луку, и нередко даже разные сорта мяса варились в одном горшке. К мясным кушаньям ставили на стол «в приправу» соленые огурцы и соленые сливы⁷⁶.

Дворяне-аристократы славились изысканными кушаньями и хорошими поварами. Особенно знаменита этим эпоха последней трети XVIII в. Известно о лукулловых пирах графа Василия Валентиновича Мусина-Пушкина, который «выкармливал индеек на трюфелях, а телят отпаивал на сливках и держал их в люльках, как новорожденных младенцев»⁷⁷. К столу Григория Потемкина, фаворита императрицы Екатерины II, подавали такие удивительные блюда, как похлебку из рябчиков с пармезаном и каштанами, говяжьи глаза в соусе под названием «поутру проснувшись», говяжьей нёбную часть в золе, гарнированную трюфелями⁷⁸.

Статистик Василий Андроссов в своей книге, опубликованной в 1838 г., сделал попытку посчитать потребление говяжьего мяса на душу населения в Москве и пришел к таким общим выводам: «В последние пять лет волов в Москву круглым счетом пригонялось ежегодно 103 876, что составит, по показаниям мясников 19 пуд говядины кругом на быка, 1 973 644 пуда говядины, или, в других числах, 284 вола ежедневно,

⁷⁴ Крюков Н.А. Мясо и мясные продукты. С. 169–170.

⁷⁵ Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Московская губерния. М., 1853. С. 181.

⁷⁶ Пыляев М. Старое житье. СПб., 1892. С. 2.

⁷⁷ Там же. С. 15.

⁷⁸ Там же. С. 14.

почти 6½ пуд в год на каждого из жителей, или около 2/3 фунта в день на человека»⁷⁹.

Помимо пригнанного скота, мясная провизия приходила и в замороженном и охлажденном виде. Соотношение поступления пригнанного скота и битого мяса было следующим. Согласно отчёту московского обер-полицмейстера, за год, с февраля 1839 г. по январь 1840 г., было пригнано в Москву крупного рогатого скота 95 884 голов, мелкого – 15 911 голов, из них в Петербург дальше отправлено 24 286 голов (крупного скота), то есть в Москве осталось около 70 тыс. голов крупного рогатого скота⁸⁰.

За этот же период прибыло в Москву дичи разной 325 возов⁸¹, ветчины – 296 возов, сала – 4447 возов, свинины – 1445 возов, солонины – 975 возов, говядины – 1047 возов, баранины – 1002 воза, телятины – 4350 возов, поросят – 1622 воза, индеек – 1606 возов, гусей – 2535 возов, кур – 2688 возов, уток – 1348 возов. Всего 23 686 возов. В это время в Москве было 349 тыс. жителей⁸².

Интересно сопоставление цен на разные категории снеди. Так, стоимость фунта мяса в 1820-е – 1840-е гг. незначительно различалась от стоимости фунта высших сортов печеного хлеба (французской булки). Например, в 1825 г. в Москве фунт парной говядины 1-го сорта стоил 18–19 коп., фунт парной телятины – 20 коп., французская булка весом в 1 фунт – 16 коп., крупитчатый калачный хлеб (также из муки-крупчатки высшего сорта) – 12 коп.⁸³

Приведенные факты показывают, что изучение истории потребления требует дальнейшего пристального внимания исследователей.

⁷⁹ Андроссов В. Статистическая записка о Москве. М., 1832. С. 100.

⁸⁰ Краткий годовой отчет московского обер-полицмейстера за 1839 год. М., 1840. С. 73.

⁸¹ В среднем вес поклажи на возу составлял около 300–400 кг.

⁸² Краткий годовой отчет московского обер-полицмейстера за 1839 год. С. 5, 65.

⁸³ Примеры приведены по: ЦГА г. Москвы. Ф. 14. Оп. 8. Д. 1401. Л. 25, 42, 56.

К предыстории завещаний торговых людей: духовная
Феодосия Суморина 1567/68 г.

Торговля; промыслы; земледелие; монастыри; Вологда; Тотьма; Феодосий Суморин.

В статье рассмотрено духовное завещание основателя тотемского Спасо-Суморина монастыря Феодосия Суморина 1567/68 г. Выходец из посадской среды Вологды, он активно занимался торгово-промышленной деятельностью в Вологодском и Тотемском уездах и как частное лицо, и как агент Спасо-Прилуцкого монастыря, вовлекая в нее свой широкий семейно-родственный круг. Его завещание является ценным источником для изучения торговли и промыслово-земледельческой колонизации севера в XVI в.

Духовные завещания русских купцов в настоящее время плодотворно разрабатываются отечественными специалистами. Значительный вклад в их выявление и введение в научный оборот внесла осуществленная Н.В. Козловой фундаментальная публикация, в составе которой было представлено немало купеческих завещаний XVIII в.² Несколько купеческих духовных последней четверти XVIII в. были изданы Н.А. Четыриной из обширного фонда ратуши Сергиевского посада³.

Для более раннего времени исследованием купеческих духовных успешно занимается Л.А. Тимошина⁴. Она указала на восемь духовных, исходящих от купцов (некоторые – в выписях). В широком общественно-экономическом контексте положения высшей прослойки русского купечества ею было глубоко проанализировано и опубликовано духовное завещание гостя А.В. Гусельникова 1682 г.⁵ Укажем также на духовную старицы Улиты Босой с завещанием имущества своих умерших сыновей в монастыри и церкви 1658–1665 гг.⁶ Сошлемся еще на свой опыт изучения

¹ Черкасова Марина Сергеевна; доктор исторических наук, Вологодский государственный университет.

² Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002.

³ «...Помышляя о часе смертном». Семейно-правовые акты в документах ратуши Сергиевского посада (последняя четверть XVIII – середина XIX в.). Тексты и комментарии / Сост. Н.А. Четырина. М., 2022. № 1, 2, 4.

⁴ Тимошина Л.А. Две духовные торговых людей 80-х гг. XVII в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. IV Чтения памяти доктора исторических наук Александра Александровича Зимина. М., 2005. Ч. 2. С. 350–353.

⁵ Тимошина Л.А. Завещание гостя Афанасия Гусельникова и некоторые вопросы общественно-экономического положения гостей в Русском государстве XVII в. // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2007. С. 259–307.

⁶ Государственный архив Вологодской области. Ф.1260. Оп.1. № 1561. Архивный экземпляр духовной Улиты Босой представляет собой обширный документальный комплекс с данными о свидетельствовании этого важного документа в патриар-

и публикации завещания крупнейшего вологодского гостя Г.М. Фетиева 1683 г.⁷ Наиболее плодотворным путем разработки купеческих духовных следует признать взгляд на них в более широких рамках сохранившихся архивов торговых людей. Не вызывает сомнений возможность дальнейшего количественного увеличения этих источников и расширения их хронологических рамок.

В данной статье хотелось бы привлечь внимание специалистов к сравнительно раннему образцу духовной торгового человека XVI в. – завещанию основателя тотемского Спасо-Суморина монастыря св. Феодосия Суморина от 19 декабря 1567 г. Написано оно было за месяц с небольшим до его кончины 28 января 1568 г. Новейшая публикация этого обширного и многопланового источника была осуществлена нами в соавторстве с О.В. Полоцкой в 2016 г.⁸ И хотя в нем нигде напрямую не говорится, что Феодосий – торговый человек, все его содержание вкупе с дополнительные записями и включенными актами 1550–1560-х гг. рисует разнообразную торгово-промысловую деятельность и самого Феодосия как частного лица и как монастырского агента, в тесном взаимодействии с его широким семейно-родственным окружением.

О Феодосии известно, что он родился примерно во втором – начале третьего десятилетия XVI в. в Вологде, в посадской семье. Отца его звали Ульян Суморин. Еще в родительском доме он был обучен грамоте, хотя ни тогда, ни позднее книжными интересами и наклонностями особо не отличался. Понуждаемый родителями, Феодосий вступил в брак и имел дочь Марину. После смерти родителей он постригся в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре. С начала 1540-х и в течение 1550-х годов он был занят восстановлением разоренных в ходе набегов казанских татар монастырских сел в южной части Вологодского уезда, а еще прилуцких варниц и деревень на Тотьме⁹.

О значении для экономики Спасо-Прилуцкого монастыря его тотемских соляных промыслов свидетельствует царская грамота от 19 марта 1548 г. на варницы, двор, две деревни с правом не тянуть с местными посадскими людьми тягло и несудимая от наместников¹⁰. Тотемские варницы вообще составляли существенную часть солепромышленного комплекса Прилук, наряду с Солью Вычегодской и Уной на Онежском полуостро-

шем Разрядном приказе. Опубликованная версия духовной этой части не содержит (Русская историческая библиотека.. Т. XII (Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Т. 1). СПб., 1892. Стб. 316–324).

⁷ Черкасова М.С. Купец Г.М. Фетиев: Исследование и архив. Вологда, 2020. Ч. 2. № 95. С. 182–205.

⁸ Полоцкая О.В., Черкасова М.С. Духовное завещание прп. Феодосия (Суморина) 1567 г. // Вестник церковной истории. 2016. № 3–4 (43–44). С. 16–25.

⁹ Жития Феодосия Тотемского, Вассиана Тиксененского и Андрея Тотемского. Тексты и словоуказатель под ред. А.С. Герда. СПб., 2012. С. 60–61.

¹⁰ Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 129. № 61.

ве¹¹. Энергичным «актором» промыслово-земледельческого хозяйства монастыря на Тотьме и стал как раз Феодосий Суморин. Одновременно он активно взаимодействовал с местным торгово-посадским миром.

В ходе своей деятельности как прилуцкого приказного старца Феодосий основал и возглавил Спасо-Преображенский монастырь в непосредственной близости от Тотьмы. Датой этого события в литературе обычно указывается 1554 г., когда, по «жалобнице» посадской общины Тотьмы (30 чел.) к царю Ивану IV, по его приказу и благословенной грамоте митрополита Макария старцу Феодосию было разрешено основать в двух верстах от города между речками Ковдой и Песьей Деньгой церковь во имя Преображения Спаса и стать строителем в обители¹². Это было согласовано и с прилуцкими властями.

Непосредственное строительство нового монастыря осуществили сами посадские люди, которым царь разрешил обитель «соорудити и церковь воздвигнути». Судя по данной грамоте М.Г. Истоминой от 10 августа 1553 г., монастырь был построен «на трех местах» пустоши Симакинской, расположенной у речек Ковда и Песья Деньга «со всем угодьем, что к нам исстари потягло»¹³. Данный участок для М. Истоминой являлся «благословением отца» Григория, а тем когда-то был куплен. В момент передачи участка у Марьи Истоминой еще не было уверенности в основании Феодосием монастыря, поэтому в акте говорилось: «А не учнет Феодосий на трех местях тут монастыря пустынки строити, и мне, Марье своими детьми с Федором да с Петром да с внуком Иевом владети по старому пути и купчей».

Выбор места Феодосием не был случайным, поскольку в межах в данной М. Истоминой отмечен починок Чоботово, а в духовной Феодосия он же вместе с почином Воробьевым фигурирует как принадлежавший ему лично. По-видимому, предприимчивый прилуцкий старец скупал земли в этом районе на протяжении 1540-х – начала 1550-х гг. Упоминание починок свидетельствует о процессе первичного земледельческого освоения данной местности.

Владельческие права старца Феодосия были закреплены в ходе землеописательных работ устюжского писца Ю.И. Самсонова-Александрова 1555–1556 гг. (тотемские земли тогда входили в Устюжский уезд), выпись из которых была включена в состав приписок к духовной Феодосия. Писец зафиксировал, что пустынька Феодосьева с церковью Спаса-Преобра-

¹¹ Черкасова М.С. Спасо-Прилуцкий монастырь в XVI–XVII вв.: Экономика, демография, культура. Вологда, 2022. Раздел 2.

¹² Наиболее полное указание на дореволюционные публикации акта см.: Каиштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. № 690. Оригинал грамоты, которым, видимо, располагал Амвросий Орнатский, ныне неизвестен. Укажем лишь поздний, начала XIX в., список ее в принадлежавшем вологодскому преосвященному Евгению Болховитинову сборнике: Гос. архив Вологодской обл. Научно-справочная библиотека. № 8846. С. 87–89.

¹³ Полоцкая О.В., Черкасова М.С. Указ. публ. С. 20, 24–25.

жения «ставится ново» по царской грамоте на письменной пустоши Драчевской, к ней придана пустошь Чоботова на Песьей Деньге, мельница и берег этой реки, а еще половина Бабьего острова на Сухоне¹⁴.

Царской грамотой 1554 г. определялась несудимость монастырских людей и духовенства от агентов кормленной системы, за исключением традиционной «уголовной триады» – дел по наиболее тяжким преступлениям (душегубству, разбоем и татьбе с поличным), нормы сместного суда по делам, касающимся возможных конфликтов с волостными и городскими людьми, заповедный статус новой обители от въезда воевод и ратных людей. Этот документ имел подписи влиятельных правительственных лиц того времени — окольничего А.Ф. Адашева, дьяков П. Никифорова и Ю. Сидорова¹⁵.

Судя по следующей царской грамоте от 12 марта 1555 г.¹⁶, к этому времени в обители Феодосия было уже 6 монахов, а кормились они тем, что продавали у варниц высеченные ими дрова. В ответ на челобитную Феодосия царь разрешил обители завести соляную трубу и варить в ней безоброчно соль для последующей продажи в Тотьме. Практикуемый в то время оброк с одной варницы для посадских людей (согласно упомянутой вскользь, но неизвестной текстуально Тотемской уставной грамоте) составлял 18 алт. 3 ден. в год, однако для новой обители эти деньги было разрешено тратить на «свечи и ладон». В разбираемой грамоте интересны также сведения о годовой производительности одной варницы: 5 тыс. пудов доброго рассола, 4 тыс. пудов – среднего и 3 тыс. – худого. За торговлю солью монастырь должен был платить пошлыны на общих основаниях по 1 деньге с рубля¹⁷. С учетом рискованного характера севернорусского земледелия, небольших земельных и людских ресурсов новооснованного монастыря предоставленное ему право на солеварение и соляную продажу существенно расширяло источники дохода. О развитии торговли в Тотьме можно судить по упомянутой в духовной Феодосия «мытне» и осначе (сборщике таможенной пошлыны «осмничего») Ивашке Харине (возможно, он же в другом месте грамоты поименован как Иван Харитонов).

Духовная грамота Феодосия 1567/68 г. подвела итог начальному этапу истории Спасо-Суморина монастыря, рисует широкий социальный и родственный контекст деятельности отца-основателя. В ней упомянуты

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни, составленное П. Савваитовым. Вологда, 1896. С. 46–48 (первоначально грамота была издана в VI-й части Истории российской иерархии Амвросия Орнатского. М., 1815. С. 413–418, публ. по подлиннику). См. также: *Каиштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот... Ч. 2. № 690.

¹⁶ *Каиштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот... Ч. 2. № 714 (первое издание акта было осуществлено Амвросием Орнатским так же, видимо, по оригиналу, как и акта 1554 г.).

¹⁷ Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни... С. 49–50.

посадские люди Тотьмы и Вологды, крестьяне, черное и белое духовенство. Весьма содержательные приписки к ней отражают разнообразные линии его взаимодействия с местным сообществом и на фоне «семейного портрета».

В грамоте отмечены торгово-промышленные тотьмичи – Стефан Саблин с 4 сыновьями, Л. Козмин, П. Истомин, И. Носырев, И. Лабутин. Три представителя посадской общины Тотьмы непосредственно присутствовали при составлении завещания – П.Г. Добрынин, И.И. Киселев и И.В. Голузин, что характеризует тесные связи самого Феодосия с местным посадом. Писал же завещание не монастырский дьяк, а кто-то из местных – Игнаша Гостько Федоров, в присутствии духовного отца завещателя – черного попа Германа Ермолина и целовальника Г.Н. Сидорова. На подлиннике завещания имелась собственноручная подпись Феодосия: «На затыли ж у матицы у духовные рука начальника строителя Феодосия».

В структуре завещания на первый план выведена подробная инвентарная и хозяйственная опись основанного им монастыря. Данная черта роднит этот документ с духовными других основателей севернорусских монастырей – Кирилла Белозерского 1427 г.¹⁸, Дионисия Глушицкого 1436 г.¹⁹, Александра Свирского 1533 г.²⁰, Антония Сийского²¹ с той лишь разницей, что у Феодосия эта сторона более внушительна по масштабу. В самой Тотьме некоторую аналогию духовной Феодосия можно видеть в данной грамоте вдового попа Василия Михайлова («Остолопа») Троице-Сергиеву монастырю на монастырек Бориса и Глеба у Тотемской Соли на р. Ковде 1578/79 г. Обитель являлась «строением» дяди вкладчика, священноинока Серапиона. Данная несет на себе явные черты описи строений и имущества: двух церквей (холодной – Борисоглебской, с приделом Козьмы и Демьяна, и теплой – Иоанна Богослова), икон, свеч, сосудов, рукописных книг на бумаге и харатье. Вотчинная часть описи включает указание на хозяйственный двор, пашенную землю, луга и всякие угоды с традиционной формулой «куда соха ходила и плуг, и топор, и коса²². Таким образом, в XV–XVI вв. на севере складывается традиция фиксировать монастырское имущество в актовых источниках, а не только в специ-

¹⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1958. Т. 2. № 314. Здесь, правда, описи имущества как таковой нет, но Кирилл передает «монастырь – труд свой» удельному кн. Андрею Дмитриевичу и своему сыну духовному, преемнику, священноиноку Иннокентию.

¹⁹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 232.

²⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 135 (Александр Свирский признавался, что ему «розчитатися не о чем, казны монастырские нет»).

²¹ Описание Архангельской епархии 1795 г. / Сост. и автор предисловия В.И. Иванов. Краснодар, 2009. С. 24–26.

²² ОР РГБ. Ф. 303 (Архив Троице-Сергиевой лавры). Кн. 519. Л. 222–225 об. Оpubл. Н.И. Суворовым в Вологодских епархиальных ведомостях. 1869. Прибавления к № 12. С. 444–447.

ально составляемых описных книгах. В рамках этой традиции можно рассматривать и духовную Феодосия Суморина 1567/68 г.²³

В ней отмечены: деревянная шатровая трапезная церковь Спаса-Преображения, ее иконы, утварь, книги. Далее упомянуты 9 келий, состав монастырского стада, погреба, повалуши, амбары, житницы, «кирпичная печь» и другие хозяйственные строения, запасы «сухого хлеба», изготовленных кирпичей (в двух кирпичных сараях 20 тыс. плюс 70 тыс. для выплаты «кирпичным мастером»), железа, две мельницы под тотемским посадом на рч. Песье Деньге, четыре варницы у Соли Тотемской с «цренами» и пятая – без црена, несколько соляных труб и колодцев у старого Тотемского посада и в ближайшем предместье. Картину экономического подъема дополняли тысячи сажень высеченных дров (необходимое для работы соляных варниц топливо) и тысячи пудов соли.

В обширных перечнях хозяйственных объектов в завещании указаны и те, что принадлежат монастырю, и те, что Феодосий называет «моими». Это многочисленные наволоки, пожни, «поженки», починки, две деревни, «закосцы», «логи», острова на реках, соляные трубы и колодцы. Он как частное лицо владел еще горницей в тотемском кремле и двумя лавками в «большом ряду». Монастырю же принадлежали два дощаника «с парусы» и железный инструмент (крюки, заслоны). К числу несомненных «активов», оставляемых Феодосием своей обители, можно отнести и его кабальные записи (денежные и дровяные) на сумму 150 руб. Следовательно, какую-то часть своих денег он предоставлял в долг как местным посадским людям (пятерым братьям Саблиным – 7 руб.), так и жителям Соли Галицкой (И.Г. Лабутину – 40 руб.). Немалым было и стадо Феодосия – 20 лошадей, 2 жеребенка-назимка, 17 коров.

Если считать 1554 г. условной точкой отсчета в весьма энергичной деятельности Феодосия по устройству монастыря и его экономики, то продуктивные результаты ее к 1567 г. были налицо: ему удалось организовать несколько хозяйственных отраслей – земледелие со скотоводством (хоть и скромные по масштабам, они обеспечивали существование первых насельников), солеварение, торговлю, кредит, производство кирпича. О несомненном подъеме солеварения свидетельствуют внушительные цифры – 122 рогожи «соли тотмы» в одном дощанике, 100 пудов в 4 рогожах «соли тотмы не вешаной» в другом дощанике, 3 тыс. сажень дров в лесу и на трех пристанях («исадех») на Сухоне, 800 полиц железа цыренного. Не ограничиваясь соледобычей в Тотьме, Феодосий организовывал доставку из нижнего Подвинья еще большего объема «соли красной моря» – 3080 пудов. Она продавалась в Тотьме и Вологде.

В завещании упомянута также приписная к Спасо-Суморину монастырю Режская пустынь на Тотемско-Важском рубеже. По времени своего возникновения она была более ранней, чем Спасо-Суморин монастырь, и

²³ Подробнее см.: Черкасова М.С. Актовые источники описи церковно-монастырского имущества XVI–XVII вв. // VIII-е Ушаковские чтения. Сб. ст. Мурманск, 2012. С. 127–137.

к 1567 г. в ней действовали две церкви – Спасская и Николаевская. Имеется жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича ее игумену Леонтию от декабря 1538 г.²⁴ Однако после набега казанских татар на Устюжско-Тотемские земли маленькая обитель запустела и была возобновлена старцем Феодосием, согласно его утверждению в завещании, на свои средства (30 руб.) по благословению ростовского архиепископа Никандра. Эту сумму Феодосий вложил для восстанавливаемой обители «в строение, в кровли, в иконы, в книги, семена, скот и в люди». Местоположение пустыни определяется в 75 верстах к северо-западу от Тотьмы, у слияния рек Режи и Ваги, а название ее в краеведческой литературе приводится как Леванидова Ефремова Спасо-Николаевская. Основана она была в начале XVI в. старцем Ефремом «на Леванидовском займище и брата его Мисаила»²⁵. Упоминание в духовной некоего старца Леванида Власьева с. Суморина склоняет к предположению о возможных родственных связях и интересах обоих Сумориных в поддержании отдаленной пустыни, «вложении капиталов» в процесс монастырской колонизации и промыслово-земледельческого освоения Тотемского края. Набеги казанских татар на Вологодские и Устюжские земли в 1538–1542 гг. делали этот процесс неровным и неустойчивым.

Интересен родственный контекст духовной Феодосия, отраженный в приписках к нему. Среди душеприказчиков в нем названы три его постриженника, которым он поручает исправное поминовение своего рода и оставляет им оба монастыря, «весь быт монастырский», – старец Исайя Елизарьев с. Беляков, старец Тихон и старец Иона Белява. Феодосий исходил из срочного пребывания строителей на их посту, поэтому преемником Исайи сам назначил другого своего постриженника и, скорее всего, родственника упомянутого выше Леванида Суморина.

Судя по порядку приписок к духовной, ближайшими преемниками Феодосия по управлению обителью после его смерти стали одновременно старец Тихон и старец Исайя. Перед ними старец Иона Белява отчитывался в соледобыче и солепродаже – на Двине, Тотьме и Заозерье. Под последним могло иметься в виду Вологодское (за Кубенским озером, где действовала Петровская ярмарка, или Тотемское Заозерье, в сторону г. Вельска по р. Кулой, где имелись соляные озера). Ионой же были куплены по благословению Феодосия два колокола, облачения для священнослужителей и книга Апостол-тетр. Деятельность старца Тихона на посту строителя продолжалась недолго, судя по приписке на духовной Феодосия об оставлении строительства: «мне до ней дела нет».

²⁴ Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни... С. 44–46. Первоначально грамота была издана в «Истории российской иерархии» Амвросия Орнатского. Ч. 4. М., 1812. С. 88–95. См. также: *Каишанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 1 // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. № 387.

²⁵ Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни... С. 40. Здесь же указано 11 деревень, образовавших в XIX в. приход бывшей пустыни, а затем села Монастырского.

22 декабря 1569 г. последовало благословение-назначение строителем Исайей своего преемника Леванида Власьева с. Суморина. В благословенную запись было вставлено пожелание Исайи о том, чтобы его сын Богдан при желании («поволит») был принят в монастырь без вклада. Выше уже приводились аналогичные просьбы, которые для своих родичей высказывал сам Феодосий. Духовным отцом Исайи в этой записи указан черный поп Варлам Антропьев из церкви Дмитрия Солунского в тотемской волости Толшме, а писцом – дьячок церкви Василия Великого в вологодской волости Тошне Нечайко Иванов.

В духовной фигурирует сестра Феодосия Евфимья, получавшая от него по завещанию 5 руб., и его племянник Володя – тому предназначалось 4 руб. Еще один племянник – Андрюшка – отмечен как живущий в монастыре, при желании он мог уйти и тогда получил бы от властей 5 руб., а пострижение его оговаривалось без вклада. Так же должны были принять и брата Феодосия – Федора Ульянова с. Суморина. Третий племянник Феодосия, Иван Окулов с. Менщикова вместе со старцем Феогностом был послан в Москву для продажи красной мурманской рыбы. Мы видим активное вовлечение родственников Феодосия в торгово-промышленную деятельность основанного им Спасо-Суморина монастыря и восстановленной на его 30 руб. Спасо-Режской-Леванидовой пустыни а еще – его заботу о пополнении братии лицами из числа «родников». Статус Спасо-Сумориной обители с трудом можно определить как строго общежительный. Даже если она и была таковой, в ней весьма ощутимым оставалось частное, ктиторское начало, когда ктиторм выступает сам основатель и его родственный клан.

В одной из приписок к духовной упоминается дочь Феодосия Марина, умершая бездетной уже после него, и то, что она была замужем за неким Третьяком Ивановым Илатовским. Отпись на ее приданое в 50 руб. Феодосий оставил старцу-дяде Исайе. Тот, действуя как душеприказчик, взял на Третьяке приданое Марины в Спасский монастырь (при отсутствии у ее потомства – «отроду» денежная сумма приданого в 50 руб. играла роль вклада в обитель). Упомянутые при этом лица расширяют круг известных родственников Феодосия – это его упомянутый выше его брат Федор (брал какие-то кабалы у Феодосия на Вологде) и зять Третьяк Иванов сын Илатовский, причем они, как и священник вологодской Введенской церкви Василий Павлов и некий Малюта Григорев сын Илатовский, находятся на Вологде и ближайшей к ней округе. Илатовский приход располагался немного северо-западнее Вологды в сторону Кубенского озера²⁶. Связи с посадскими людьми вологжанами и у Феодосия, действовавшего в основном в Тотме, таким образом не прерывались и носили коммерческий характер.

Многочисленные приписи к завещанию связаны, в том числе, и с осуществлением поминального культа по Феодосии, согласно его пре-

²⁶ *Македонская Н.М.* Церковно-исторический атлас Вологодской области. М.; Вологда, 2007. Ч. 2. Квадрат 94-А.

дсмертной воле. На первое место здесь выведен изначальный для Феодосия монастырь – Спасо-Прилуцкий, которому предназначалось 10 руб. Духовную подписали получившие «сорокоустную полтину денег священники восьми тотемских церквей – Троицкой, Егорьевской, Клементьевской, Афанасьевской, Дмитриевской, Пречистенской, Ивановской и Никольской у варниц. Перечень этих храмов, если не ошибаемся, очерчивает вообще наиболее раннюю церковно-приходскую структуру Тотьмы.

Таким образом, завещание основателя и строителя Спасо-Суморина монастыря близ Тотьмы Феодосия является весьма содержательным источником об интенсивном промыслово-земледельческом освоении локальной территории русского севера в середине XVI в. В этом процессе тесно переплетались разносторонняя хозяйственная деятельность энергичного Феодосия как частного лица и как приказного старца соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря. Она была также связана с интересами местной посадской общины, разветвленного семейно-родственного клана Сумориных, а усилена поддержкой светских и церковных властей – великого князя, царя, митрополита Макария, ростовского архиепископа Никандра. Их заинтересованность в углублении христианизации слабо населенного края также не вызывает сомнений. В целом можно говорить о важности природно-климатического фактора и обусловленной им *ресурсно-присваивающей* составляющей в экономическом развитии данного края в простых координатах СОЛЬ-ЗЕМЛЯ.

**Интеллектуалы-предприниматели первой трети XVIII
столетия о смертной казни в России: «Книга устав
христианского жития» С.И. Дугина и «Книга о скудости и
богатстве» И.Т. Посошкова**

Смертная казнь в России; С.И. Дугин; И.Т. Посошков.

В статье рассматриваются «Книга устав христианского жития» С.И. Дугина и «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова. Предметом исследования являются взгляды авторов на смертную казнь. Анализ текстов позволяет сделать вывод, что для обоих авторов наиболее острыми проблемами были две – разбойники и несправедный суд.

Сочинения священника Саввы Ивановича Дугина (казнен в 1732 г.), служившего при церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Кузьминки Сокольского уезда², привлекло внимание исследователей в 1915–1916 гг., когда подготовку трудов Дугина к изданию начал князь Н.В. Голицын. Бурные исторические события начала XX столетия не позволили Голицыну завершить запланированный труд. Как отметила Т.В. Медведева, исследовавшая научное наследие князя, «В 1923 г., во время третьего ареста и заключения Голицына в Бутырскую тюрьму, рукопись вместе с другими бумагами историка попала на государственное хранение, и в дальнейшем он не имел возможности вернуться к теме»³. С тех пор исследователи время от времени упоминали в своих работах о священнике⁴, однако целенаправленный анализ сочинений Дугина начался лишь недавно⁵. Появилась предварительная публикация одного из сочинений Дугина – «Книги известительный доклад»⁶. Второе его произведение, «Книга устав христианского жития», остается не изданным.

¹ Шамин Степан Михайлович; доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

² Ныне село Большая Кузьминка Большекузьминского сельсовета Липецкого района.

³ Медведева Т.В. Неизвестный труд князя Н.В. Голицына о священнике Савве Дугине // Вестник церковной истории. 2022. № 1–2 (65–66). С. 348.

⁴ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 96, 465; Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 499–500; Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014. С. 139–140 и др.

⁵ Алтатов С.В. Фольклорные и литературные компоненты видений священника С.И. Дугина // Вестник церковной истории. 2019. № 1–2 (53–54). С. 221–227; Алтатов С.В. Мышь и икона: к проблеме фольклорных корней поэтики Ф.М. Достоевского // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 272–287; Шамина И.Н., Шамин С.М. «Учение», учитель и школа в трудах Саввы Дугина (в печати).

⁶ Шамин С.М. «Доношения» священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4 (39/40). С. 116–147. Здесь же кратко изложена краткая биография священника.

Почти четверть века назад А.С. Лавров отметил близость текстов мятежного священника и трудов И.Т. Посошкова. Характеризуя Дугина, ученый писал: «Оригинальный мыслитель, автор любопытной книги о русской церкви и обществе, вполне сопоставимой с трудом Ивана Посошкова, Дугин настолько незауряден, что менее всего поддается какой-либо типизации»⁷. Несмотря на очевидную «нетипичность» как Дугина, так и Посошкова, каждый из них был «человеком петровского времени», когда для умевших «попасть в случай» инициативных людей размывались социальные границы и возникали блестящие перспективы.

Социальная активность, попытки представить, как необходимо реформировать российское общество – это то, что в первую очередь объединяет авторов между собой. Но сходство это далеко не единственное. Оба они не принадлежали к привилегированным сословиям. Дугин был потомственным священником, а Посошков – выходцем из семьи непашенных крестьян, ремесленников серебряного дела. Каждый из них сумел подняться над собственным окружением и обзавестись крепостными: Дугин – в родных местах, а Посошков – в Устрецком погосте Бежецкой пятины Новгородской земли и Кашинском уезде С.-Петербургской губернии.

Оба автора занимались предпринимательством. Об операциях Посошкова мы знаем довольно много. О Дугине – только то, как он зарабатывал деньги на выплату штрафов, отдавая своих крепостных в рекруты вместо других душевладельцев. Однако уже сам факт приобретения Дугиным в более ранний период «деревеньки» показывает, что такую деятельность священник вел, хотя и не афишировал ее в своих позднейших сочинениях. Даже после того, как «деревенька» была потеряна в ходе борьбы с начальством воронежских верфей, у священника осталась «покупная» земля. Пожалуй, лучше всего характеризует Дугина в качестве предпринимателя то, как он описывает возможность введения натурального налога на эту землю: «Я, ниже имянованный, ныне нажал на покупной своей земли озимого с пятнатцати десятин сто шестьдесят копен ржи. А ис копны выходит по семи четвериков. А доведетца мне отдать с петнатцати десетин по полуосмины з десятины. И того три четверти с осминою. И того мне убытку ото ста шти десятин копен толко четыре копны. А ярового то ж число. И сие весма не тягосно. Ибо у нас болши того скот меж ног потолочит»⁸. Очевидно, что полученный урожай значительно превышал личное потребление семьи священника и предназначался на продажу. Обработать ее Дугин мог только при помощи наемных или крепостных работников.

Назвать изучаемых авторов полными единомышленниками царя-реформатора сложно: как у Дугина, так и у Посошкова, видим крайне негативное отношение к иноземцам, столь любимых Петром I. Каждый из них с трудом принимал церковные реформы царя-реформатора: Посошков «хрома недугом раскольничи болезни» (но в итоге отошел от старообряд-

⁷ Лавров А.С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000. С. 250.

⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 309. Л. 73.

чества), а Дугин резко выступал против Синода и требовал восстановления патриаршества⁹.

Активная социальная и экономическая жизнь вовлекала их в конфликтные ситуации. Им приходилось сидеть под стражей, участвовать в судебных тяжбах. В итоге же писатели оказались в поле зрения тайного сыска, что повлекло за собой трагические последствия. Авторы погребены на одном и том же кладбище у церкви св. Самсония странноприимца на Выборгской стороне С.-Петербурга с разницей в шесть лет. То, что один из них был казнен, а другой умер в заключении, принципиальной разницей не является¹⁰.

Широкий круг тем, затрагиваемых в «Книге устав христианского жития» Дугина и «Книге о скудости и богатстве» Посошкова, дает простор при выборе объектов для компаративных исследований. В данной статье мы остановимся на теме смертной казни, опираясь на эти сочинения, которые сами авторы рассматривали в качестве основных своих творений. Сразу отметим, что в исследуемых текстах о предании смерти за различные преступления говорится существенно меньше, чем в законодательстве того времени. Достаточно вспомнить, что по петровскому Военскому уставу 1716 г. смертная казнь назначалась в 122-х случаях¹¹. При этом военное законодательство применялось и к гражданскому населению¹². В Соборном же уложении 1649 г., на котором правосудие основывалось и в рассматриваемый период, исследователи насчитывают до 63 случаев назначения смертной казни (по минимальным подсчетам – до 20)¹³.

В силу этого вопрос о том, что думали о смертной казни сочинители исследуемых текстов, интересен тем, что позволяет выяснить, какие проблемы российской действительности рассматриваемого периода они воспринимали на столько остро, что требовали усилить репрессии, не смотря на крайнюю жесткость действовавшего законодательства. Это тем более важно, что статистические данные о характере преступности первой половины XVIII столетия в России отсутствуют¹⁴.

⁹ Козлова Н.В. Посошков // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 27. С. 252–253; Шамин С.М. «Доношения» ... С. 97–115.

¹⁰ Козлова Н.В., Вдовина Л.Н. Иван Тихонович Посошков // Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина. М., 2010. С. 5–18; Шамин С.М. «Доношения»... С. 97–115.

¹¹ Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России. Речь, читаная 5 ноября 1891 года, в торжественном годичном собрании Императорского Казанского университета ординарным профессором Н.П. Загоскиным. Казань, 1892. С. 43, 63.

¹² Бородин Е.В. Применение военного законодательства органами власти России в 1725–1734 гг. (на примере деятельности Сибирского обер-бергамта) // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 3. С. 33–48.

¹³ Рожнов А.А. Смертная казнь в Московском государстве по Уложению 1649 г. и законодательству второй половины XVII в. // Российский юридический журнал. 2008. № 1 (58). С. 160–161.

¹⁴ Акельев Е.В. Динамика и структура преступности в постпетровской России: источники и методы анализа // XIV Апрельская международная научная конфе-

Отталкиваться мы будем от размышлений Дугина. В сочинении священника смертная казнь впервые упоминается в контексте осуждения тех, кто замышляет зло против императора: «От вседержителя Бога даютца венцы верным служителем, яко мучеником. Ибо оное императорское ко-рононосящее величество и содержащее престол Россииского государства, преславной империи, имеетца и называется гнездо Святаго Духа. Да аще кто помыслит на их величество какое зло, да будет от всего освященного собора проклят анафема. А аще кто слово промолвит – бес пощады казнить смертью. Ибо единоначальствие россииское не разоритца во веки»¹⁵.

Внимание священника к этому вопросу вполне естественно, поскольку «Устав христианского жития» подавался Дугиным воронежским властям в комплекте с доносом на князя А.И. Шаховского: «Коломны города ямщик сказал при свидетелях Добринского уезда села Колыбельке при дыячке Алексее Григорьеве не тайно, что генерал де князь Алексей Иванов сын Шаховской ехал через Коломну по указу под себя подводы. И они де, ямщики, о прогонных деньгах ему били челом. И он, Шаховской, говорил де всенародно: “Или де вы не знаете, хто я! Ныне де у нас женской пол императрица, а я де и сам самодержавец”. И много денег им прогону не доплатил, а мы де о сем и доносить не смеем»¹⁶. Т. е. интерес Дугина к проблеме скорее всего ситуативен, а не вызван реальными проблемами повседневной жизни.

Обращает на себя внимание тот факт, что злоумышление на императора рассматривается Дугиным в том числе и как религиозное преступление, за которое виновный проклиняется. Объясняется это тем, что император содержит престол Российской империи, являющейся «гнездом Святаго Духа». Специальные же размышления о святотатстве в сочинениях и доносах Дугина попросту отсутствуют. Вместо них видим многочисленные упоминания о повседневных нарушениях норм благочестия, за которые полагаются менее жестокие наказания.

У Посошкова темы казни за посягательство на императора мы не встречаем. Очевидно, что этот вопрос просто не попал в поле зрения автора, поскольку не был для него злободневной проблемой. Богохульников же Посошков предлагает казнить: «А буде кои люди явятся богохульцы, иже Тело Христово и животворящую Ево Кровь в скверну вменияют и ругающиеся мерзостью запустения нарицают, то таковому не надлежит живу быть ни суток, но из застенка вышед, и вершить ево, потому что таковых сам Бог еще при Моисее повелел предавать смерти»¹⁷. Далее Посошков предусматривал возможность взятия таких людей на поруки до следующего преступления против веры, после чего их полагалось казнить немедленно¹⁸.

ренция по проблемам развития экономики и общества. Т. 1., М., 2014. С. 676–683.

¹⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 309. Л. 69.

¹⁶ Шамин С.М. «Доношения»... С. 116.

¹⁷ Посошков И.Т. Книга... С. 87.

¹⁸ Там же.

Возьмем на себя смелость предположить, что Посошков встречал на своем жизненном пути активно проповедовавших раскольников, целенаправленно оскорблявших Святые Дары. В целом же его повседневная профессиональная деятельность лежала в стороне от вопросов веры. Поэтому он столь резко реагировал на отдельные казусы. В окружении же Дугина старообрядцев не отмечено. Зато, судя по документам из следственного дела священника, в силу своей профессиональной деятельности он нередко встречался с ситуациями, которые могли быть рассмотрены в качестве прегрешений против веры. Здесь требовалось «учение» и мелкие наказания, а не казнь.

Следующая группа лиц, подлежащих, по мнению Дугина, казни – те, кто промышляет разбоем. При этом под разбоем он понимает не только открытое нападение с целью завладеть чужим имуществом, но и тайное хищение. Складывается впечатление, что для Дугина разбойники – это те, кто живет соответствующим промыслом. Разбойников, которые «кого ограбят, или обоз розобьют, или лошадь отоимут, или у спящего человека украдут» полагалось искать местным «обывателем от мала и до велика»¹⁹. Особое внимание кражам лошадей не случайно. В России рассматриваемого периода это было крайне распространенным преступлением, которым, в ряде случаев, занимались организованные группы²⁰.

Поиск разбойников следовало доводить до конца: «Искать прилежно всем целою неделю, покамест ево сыщут, а сыскав, отвести в город к воеводе. И те приводчики скажут подлинно, те поры поличное на них объявят. Того ж дня, собрав всего города обывателей. И среди торга их пытаться. И пытавши, ежели пожелают покаяние и причастие тела христово, дать им три дни сроку. И по прошествии трех дней казнить смертью, хотя бы он какого ни был звание или заслуженного чина безо всякой пощады, а далши трех дней казни отнюдь не продолжать»²¹.

Во время допроса по данному пункту священник уточнил, что, предлагая меры борьбы с разбойниками, он опирался на законы пророка Моисея: «И чаял он, Сава, что оное указам не противно, понеже де и в Бытеевской книге Моисееве законе о искоренении воровства напечатано имянно, а в которой главе, того не упомянет»²².

Посошков в отношении к разбойникам с Дугиным полностью солидарен. В этом он считает нужным полагаться на иностранный опыт: «А естли бы и у нас на Руси воров и разбойников вьскоре вершили и по иноземски и за малые вины смерти предавали без спуска и без отлагательства, то велми бы страшно было воровать»²³.

¹⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 309. Л. 79–79 об.

²⁰ Бородина Е.В. Конное воровство на Урале в 1730-е гг. // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 4(28). С. 155–171.

²¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 309. Л. 79–79 об.

²² Там же. Л. 120 об. Судя по всему, Дугина подвела память. Десять заповедей находятся в других книгах Пятикнижия: (Исх. 20: 2–17; Втор. 5: 6–21).

²³ Посошков И.Т. Книга... С. 156.

Как и Дугин, Посошков требует для таких людей скорой казни: «И аще такой краткостной суд будет вора́м и разбойникам, то им страшнее жестоких смертей будет, понеже кой разбойник ни попадетца, то уже взвороту ему не будет и по пре́ж нему долго жить не станет, что попал, то и пропал. А долгое сидение великая была им потачка, а и каторга им не великая угроза, потому что и с каторги уходят. А аще в неделю конец будет, то всякой вор и разбойник страшен будет²⁴. Если сравнивать священника и предпринимателя, то купец отводит на покаяние несколько больший срок, чем священник. Впрочем, требование авторов о скором «вершении» судебных дел связано не только, с желанием скорее и «страшнее» искоренить злодеев, но и с тем, что переполненность мест заключения была острой проблемой того времени²⁵. Достаточно отметить, что находившийся в центре Москвы Сыскной приказ занимал территории 30 на 20 сажень, где умещалось до 600 заключенных, а также охрана и приказные служащие²⁶.

К теме истребления разбойников Посошков возвращается неоднократно. Он предлагает казнить не только самих преступников, но и тех, кто о них знал: «А буде кто, ведая о разбойниках, да утаит, тому будет смертная казнь»²⁷. «Норовящий» злодеям человек, отправленный для поимки преступника также подлежал казни: «А буде посланной по воров учинит вора́м какую поноровку и поноровка ево буде явна будет, то, чаю, достоин будет смерти²⁸. Аналогичным образом незавидная участь ждала скрывающих преступление соседей: «а буде никакой прилики не сыщется, то соседей всех допросить накрепко, ведают ли за ним какое воровство, и чтобы сказали без утайки. И сказать тем соседям имянно, буде о воровстве ведаете и не скажете, а последи явитца, что ведали, то какова смерть вору, такова и вам будет»²⁹.

Как у священника, так и у предпринимателя для преступников этой группы были предусмотрены послабления. Дугин предлагал дать возможность исправиться «соседнему татю или домашнему». Для таких Дугин считал смертную казнь справедливой только после третьего преступления: «Хто у кого в своем доме ворует у отца своего, или у господина, или наемной работник у хозяина. Татю учинить за первое воровство десеть ударов плетью. Бить по нагому телу. Да у левой руки перст мезинец безо всякой пощады отсечь. За другую татбу учинить ему кнутом сорок ударов, отсечь одну ногу и освободить по-прежнему туда, где жил. За третью тат-

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ *Бородина Е.В.* «Случайные жертвы» суда и следствия: к проблеме содержания подозреваемых и ответчиков в Российской империи в 1725–1741 годы // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 397–418.

²⁶ *Очерки истории уголовно-исполнительной системы.* Иваново, 2019. С. 292.

²⁷ *Посошков И.Т.* Книга... С. 151.

²⁸ Там же. С. 88.

²⁹ Там же.

бу без пощады казнить смертию»³⁰. Можно предполагать, что в данном случае священник предусматривает разные подходы к тем, для кого присвоение чужого имущества – продуманное решение, источник дохода и теми, кто не выдержал искуса и взял подвернувшееся под руку.

По мнению Посошкова, избежать смерти разбойнику позволялось в случае, если он оказал помощь в истреблении своих соратников. Так пойманный на разбое крестьянин мог спастись от казни выдав участвовавших в разбое помещика или старосту: «А буде кой староста или и из рядовых крестьян скажет про себя, что был с помещиком своим или с прикащиком на разбое или на ином каком воровстве, то он в вине той прощон будет, токмо на лице его пятно положить, чтобы он впредь был знатен, а помещика иль прикащика казнить смертию»³¹.

Посошков полагал возможным простить и принять на государеву службу даже самого лютого разбойника, при условии, что он вступил на стязю истребления злодеев: «А буде кто и самой ведомой и знатной разбойник, да видя жестокой и твердой указ, своею волею явит себя и принесет повинную, то аще и человекоубийца был и разбойничьи станы у себя держал или и атаманом был, а обещается впредь того не делать и товарищей своих всех скажет и укажет, то такова человека не пытать и от наказания учинить свободна. А товарищей ево всех казнить по изложению, а у него толко на щеке и на руке положить знаки, чтоб всяк мог ево знать, еже был он самой явной вор и покался, и пустить ево свободна. А буде станет он и впредь великому государю радеть и воров проведывать и ево радением аще будут сысканы какие разбойники иных артелей, то надлежит ему дать и жалованье. А буде же тот вор по покаении своем да паки на тот же свой воровской промысл обратится, то уже ему жесточайшая казнь учинить колесовальная или реброповешение»³². Как видим, у Посошкова предлагаемые послабления для преступников связаны не с соображениями гуманизма, а со стремлением более эффективно преследовать других разбойников.

Следующую группу подлежащих казни злодеев составили неправедные судьи. В соответствии с предложенной Дугиным реформой суда, судебная власть была распределена между духовной и светской властью. Суд на уровне городов предполагалось передать в руки воевод и протопопов, а на уровне губерний – архиерею и губернатору. Священник предлагал всех их за неправедный суд казнить: «А ежели воевода не послушает, и погрешит, и возмет взятки, то протопопу самому, взяв того человека ехоть к губернатору и докладовать. А губернатор немедленно ехоть в тот город самому, или послать верных чиновных человека два или три. И розыскивать ими – кто дал и кто взял купно. И ежели воевода явитца виновен, что подлинно взял взятки, то в том же городе, где он был воеводою, среди торга казнить смертию при протопопу и при губернаторе или при пове-

³⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 309. Л. 82.

³¹ *Посошков И.Т.* Книга... С. 152.

³² Там же. С. 153.

ренных. А ежели протопоп полстясь взятку возмет купно с воеводою заодно, то губернатору и архиерею той области судить протопопу и воеводу вместе. И ежели явятца вины, то обоих, протопопу и воеводу казнить смертью бес пощады. А ежели в вышеписанных продерзостях явятца архиереи и губернатор, то доносить святейшему Синоду и правительствующему Сенату. И им по суду докладывать самодержавней. И чинить потому ж обоим смертная казнь»³³.

Столь большое внимание Дугина к берущим взятки судьям не случайно. С одной стороны, это было крайне распространенным злом. О нем крайне резко говорил старец Авраамий в своих «Тетрадах», адресованных Петру Великому: «И они де ныне со дьяки да с подьячими, прозабыв страх божий и крестное целование и смертный час, губят государство нагло, судят неправедно и с судимых емлют, кто даст почести посуленной, тот и прав. А буде друтой принесет хотя и меньше, и малое у него возьмут, и тем дело остановят, и ни тому, ни другому суда не вершат»³⁴. С другой стороны, «поминки» в XVII столетии были частью нормальной судебной практики. Взятничество как явление криминализировалось крайне медленно. Лишь в петровское время взятчиков стали казнить³⁵.

Для Посошкова суд это не только гражданское дело, но и Божье. Поэтому он считает, что: «Буде судья суд поведет неправой, то от царя примет временную казнь, а от Бога вечную не токмо на теле, но и на души казнь вечную понесет»³⁶. Необходимость казнить неправедных судий для предпринимателя очевидна: «А еще судей малых и великих не казнить и великими штрафы их не штрафовать, то, и правое изложение учиня, правды и праваго суда уставит будет невозможно. А еще ради установления правды правителей судебных и много падет, быть уже так. А без урону, я не чаю, установится в правде, а прямо рещи, и невозможно правому суду уставитися, аще сто другое судей не падет, понеже у нас в Руси неправда велми застарела»³⁷.

При этом мыслитель сразу сомневается в том, что к суровому суду возможно будет привлечь представителей знатных фамилий и предлагает их «поберечь». Чтобы избежать такого сценария, в судьи предлагается назначать людей из «ниских чинов»: «И аще великородных судей поберечи от жестоких казней, то лутши изъначала ради установления правды в судьи посадить из ниских чинов, а паче из приказных людей»³⁸. К этим же низкородным судьям Посошков предлагает принимать самые жесткие меры: «А буде из приказных людей в судьи выбрать некого, то бы из дво-

³³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 309. Л. 81 об.–82.

³⁴ Бакланова Н.А. «Тетради» старца Авраамия // Исторический архив. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 145.

³⁵ Серов Д.О. Петр I как искоренитель взяточничества // Исторический вестник. 2013. Т. 3. № 150. С. 70–95.

³⁶ Посошков И.Т. Книга... С. 76.

³⁷ Там же. С. 103.

³⁸ Там же.

рян мелких, кои остроумны и в делах искусны и боящиеся Бога. А за нарушение новоизложеннаго указа известная и неотложная им смерть объявить, дабы они судили, а о смерти своей помнили»³⁹. Посошков требует также жестких наказаний и для других участников процесса. В частности, он предлагает казнить виновных в повторном лжесвидетельстве⁴⁰.

Злоумышляющими на государя, разбойниками и нечистоплотными судьями у Дугина исчерпываются те, кто должен умерщвляться безусловно и немедленно. Смертная казнь упоминается священником также в главе «Аще хто к тем учинит драку». Однако в данном случае крайняя мера должна применяться только для рецидивистов после четвертого преступления. Первый же раз потери драчунов ограничивались телесным наказанием и покаянием: «Обеих бить в своем селе по вышеписанному. А аще един бил, а другой не бил, но поклонялся ему, то бить одного, да ему ж велеть убитому поклонитца, сто раз убитому, которого он оскорбил. И епитимию принять от священника по правилам. А буде учинитца священнику и обывателем противен, то по вышеписанному ж, свезав, отвесь к воеводе. И чинить над ним то ж, что и над сквернословцом»⁴¹.

Лишь за последующие преступления наказание усиливалось вплоть до смертной казни: «А будет тот человек учинитца в другои ряд драку, то за другои бои учинить ему то же. А за бои отсечь у руки большой палец, хотя бы он был и великого заслуженного чина. А будет в трети таков же явитца, что бьет людей напрасно, отсечь рука вовсе. А будет в четверты таков же явитца, казнить смертью»⁴².

Внимание Дугина к дракам не случайно. Он был не только частым свидетелем этого явления, но и непосредственным участником побоищ. Так капитан галерной эскадры Василий Муханов после конфликта с Дугиным выглядел следующим образом: «по осмотру ж явилось в правом боку ребры переломаны, знатно, что бито»⁴³. В «Книге о скудости и богатстве», напротив, особого внимания дракам и хулиганству не уделяется. Очевидно, что в окружении Посошкова эти проблемы не были особенно острыми.

На этом у Дугина целенаправленный разбор преступлений, которые необходимо карать смертной казнью, заканчивается. Убийцы, бунтовщики, убегающие из России за границу изменники, а также те, кто злобно не желает слушаться законов, упоминаются у священника в контексте возможного смягчения наказания в виде замены казни каторгой: «А на каторгу ссылать смертноубийцев, которой от смерти прощен будет, бунтовщиков, уходцов за границы в чюжие государства, не хотящих покориятися и

³⁹ Там же. С. 104.

⁴⁰ Там же. С. 84.

⁴¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 309. Л. 82 об.–83.

⁴² Там же. 83.

⁴³ *Шамин С.М.* Архивные документы о священнике Савве Дугине // Вестник церковной истории. 2022. № 1–2 (65–66). С. 337.

не желающих мирно жить в христианском законе»⁴⁴. В другом своем произведении, «Книге известительной доклад», Дугин вообще высказывает сомнения в правильности действовавших на тот момент законов о бунтовщиках, в соответствии с которыми зачинщиков бунта полагалось вешать: «Да в морском уставе написано: ежели где будет общая челобитная от градских людей, то причитают в бунт. И бить всех кнутом, а зачинщика повесить. И на то смотря толико ныне умножилась в народе слез от судебного грабления»⁴⁵. Как видим, священник считает, что столь жесткие наказания за бунт приводят к усилению злоупотреблений в суде.

На этом перечень преступлений, за которые полагалась смертная казнь, у Дугина исчерпывается. У Посошкова же он немногим более распространен. В его «Книге о скудости и богатстве» предлагается казнить дезертиров⁴⁶, а также канцелярских служащих, которые неоправданно раздувают делопроизводственные расходы: «А буде кто покусится взять излишнее в другой ряд, то и штраф на нем взять сугубой: за рубль по двести рублей, наказание на козле, а за третью вину либо смерть, либо в вечную работу к рудокопным делам»⁴⁷. В последнем требовании, надо полагать, отразилась укоренившаяся ненависть постоянно работавшего с казной купца к бюрократической волоките.

Систематизируя вышеприведенные данные, приходим к выводу, что для обоих авторов наиболее острыми проблемами были две – разбойники и несправедный суд. Именно им каждый из сочинителей уделил больше всего внимания. Для них в «Книге устав христианского жития» и «Книге о скудости и богатстве» требуется ужесточение наказания, хотя действовавшие на тот момент нормы и без того оставались крайне жесткими. В этом нет ничего удивительного. Дугин и Посошков поднялись над большинством тяглого населения страны, а также своим прежним окружением, но не попали в привилегированные слои общества. В результате они были особенно уязвимы как для разбойников, так и для несправедных судов. Впрочем, данная проблема характерна не только для изучаемой эпохи. Мелкие и средние российские предприниматели страдали от тех же проблем во все эпохи. Пожелания сочинителей не были реализованы никогда. Эпоха расширения области применения смертной казни к моменту составления анализируемых «книг» завершилась. В царствование же Елизаветы Петровны смертная казнь на практике вообще не применялась⁴⁸.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 309. Л. 86.

⁴⁵ Шамин С.М. «Доношения»... С. 123.

⁴⁶ Посошков И.Т. Книга... С. 73–74.

⁴⁷ Там же. С. 103.

⁴⁸ Марасинова Е.Н. Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII в. // Российская история. 2014. № 4. С. 53–69.

**Миграция и бегство крестьян в контексте мобильного
поворота в антропологии и «связанной» истории.
К постановке проблемы**

Мобильный поворот в антропологии; связанная история; миграция; бегство крестьян; способность к адаптации; социальный порядок.

Статья посвящена рассмотрению феномена миграций и бегства российских крестьян в свете одного из тех «поворотов», которые определили облик современного гуманитарного знания: «мобильного поворота», а также весьма влиятельного ныне течения в историографии – так называемой «связанной истории». Главное, что их объединяет, – рассмотрение социального движения во всех его разновидностях (от простого физического перемещения до смены социального статуса и вида деятельности) как фактора одновременно утверждения, сохранения и / или изменения социального порядка в зависимости от постоянно изменяющейся конкретно-исторической ситуации. В центре внимания автора – российский сельский социум, рассматриваемый как целостность, противоречивыми, но неразрывно взаимосвязанными частями которой были как крестьяне, так и помещики. Автор акцентирует мысль о том, что условием нормального функционирования этого социума являлось соблюдение баланса интересов крестьян и помещиков, в равной степени зависящих от успешной реализации сельскохозяйственных работ. Автор обращает внимание на пересечение систем ценностей тех и других, в основе которых лежал принцип социального порядка. Превышение определенного уровня насилия, связанного со стремлением выжать из крестьян больше, чем они могли дать, нарушало социальный порядок и вело к их бегству. Феномен бегства рассматривается в широком контексте традиции и постоянных перемещений сельского населения, обусловленного различными факторами.

Современный человек по справедливому замечанию антрополога А. Головнева, скорее сидящий и лежащий, чем прямоходящий². «Благодаря технологиям связи и транспорта случилась «смерть расстояний», а заодно кризис живой коммуникации»³.

Переход от динамики к статике означал переход к укоренённым, централизованным, стабильно организованным обществам. Оседлая культура по-другому видит мир и описывает его по законам статики глаголами совершенного вида и во имя государства⁴. Пространственный поворот в социальных науках, который произошел в 1980-е годы, выдвинувший на первый план значимость пространственных структур для социальных отношений, и последовавший за ним мобильный поворот, в котором социальные отношения представлялись как нефиксированные и локализованные⁵, изменили оптику исследования.

¹ Шемякина Ольга Дмитриевна; кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова.

² Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Очерки антропологии движения.

Новые подходы, включая «связанную», «совместную» и «перекрестную» истории создают предпосылки для нового осмысления прошлого, в котором изучаются самые разные виды движения – от физического перемещения людей в пространстве до трансфера идей, а также их мотивация. Решение этих задач невозможно без пересечения национальных границ, изучения взаимосвязанных процессов, объединяющих различные культурные общества. В рамках региональных историй этот поворот позволяет обратить внимание также на действия людей, которые выстраивали альтернативу жестким оппозициям, уменьшая социальные и идеологические дистанции. Так, например, история формирования наций изучается как связанная история власти, городов и крестьянства⁶, а в истории смыслов проявляется интерес к возникновению ситуативных самоидентификаций, смешанных культурных кодов и идеалов⁷.

Акцентуация на концепте движения, понятого максимально широко, нарушающего устойчивые оппозиции, позволяет рассматривать их во взаимодействии, в рамках дискурса единения и стратегии интеграции. В качестве примера можно привести историю капиталистов и рабочих как глобальную историю труда⁸ и историю нomaдизма, рассмотренную сквозь призму взаимодействия кочевников с оседлым населением, в результате которого появилось новая культура посредничества и управления большими пространствами⁹.

Идеи А. Головнева о характере взаимодействия магистральной культуры северных морских кочевников и локальных земледельческих славянских миров в период становления в Древней Руси в контексте рассматриваемой проблематики интересны тем, что в них поднимается тема изучения «пути», который представляется не расстоянием и не эпизодом, а пространством деятельности¹⁰.

Деятельностный подход рассматривает социальную активность, направленную на уплотнение и расширение социального пространства. Решать усложняющиеся задачи управления управляемыми невозможно без снижения рисков, связанных с прямым насилием, а это предполагало расширение зоны символического насилия, включающего традиции оседлого населения, использование ресурсов институциональной преемственности – общины и обычного права, повышения уровня оперирования знако-

СПб., 2020. С. 16.

⁶ Ионов И.Н. Связанная история: между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 215.

⁷ Ионов И.Н. Связанная история... С. 214; Он же. Идея «цивилизации» в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 27–50.

⁸ Ионов И.Н. Связанная история... С. 214.

⁹ См. подробнее: Абашии С.А. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007; Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Очерки антропологии движения.; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. 2-е изд., доп. М., 2022.

¹⁰ Головнёв А.В. Антропология движения... С. 23.

выми структурами различного происхождения и характера. Это создавало предпосылки для проницаемости границ тех основ социальной структуры, элементы которой находились в ситуации господства и подчинения, конфликта интересов и ценностей.

Оседлое земледельческое славянское население, столкнувшееся с нордической культурой морских кочевников и противостоявшее народам степи, для которых нomaдизм был способом существования, тоже было пронизано движением. Движением, имеющим иной масштаб и мотивацию в сравнении с кочевниками, но ставшим органической чертой жизненного уклада населения. С. Соловьев называл крестьянство жидким, текучим элементом русской истории.

В Европу земледелие пришло из передней Азии. Унаследованная из Средиземноморья культура земледелия в Средней и Северной Европе видоизменялась, приспособляясь к природно-климатическим и почвенным условиям. Несмотря на различия, общим было то, что вся территория Европы была покрыта густыми лесами, «прошли тысячелетия прежде чем возобладало полевое земледелие с использованием удобрения и тягловой силы»¹¹, поэтому подсечно-огневое земледелие в течение длительного времени было основным источником жизнеобеспечения. «Архаичная система земледелия – это не только определенный тип природного ландшафта, не только техника, орудия и навыки обработки земли, но и особый тип общественных отношений, социальной организации общества, определенный тип поселений, в широком смысле слова – определенный тип культуры. Земледелие, став основным источником жизнеобеспечения, формировало новую систему ценностей, идеологию общества, отношение к окружающему миру»¹².

Оседлый образ жизни пронизывали на капиллярном уровне простейшие формы миграции, связанные с необходимостью движения – поиска нового участка леса для подсеки. В Северной Европе, покрытой густыми лесами, с ее обширными пространствами, малой плотностью населения очень медленно шел процесс перехода от подсечного земледелия к переложной системе. В некоторых областях Швеции подсека просуществовала до конца XIX в.¹³ На Севере Европейской части России в северных, восточных и юго-восточных районах Новгородской области подсека существовала вплоть до 30-х годов XX в.¹⁴ «В исследованиях, проведенных на период 30-х годов XX в. отмечалось, что на Севере и за Уралом не менее 70–80 % лесных площадей расчищалось под сельское хозяйство с помощью пала, а в Западной и Восточной Сибири было получено таким способом не менее 80 % посевных площадей»¹⁵.

¹¹ Куркина Л.В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011. С. 4.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 43.

Для сравнения нужно отметить, что, например, во Франции при повсеместном существовании трехполья еще в XI в. «удерживалась и экстенсивная форма земледелия, основанная на применении огня ... особенно в гористых районах»¹⁶. Но уже в XIII в. появляются первые запреты на корчевание леса, и были они связаны с охраной и защитой леса для охоты¹⁷.

Колонизация огромных пространств России способствовала тому, что движение, начавшееся еще с расселением славян с дунайской прародины и сохранившееся как «привычка-память» в фольклорных памятниках¹⁸, и реальная практика жизнеобеспечения, связанная с палом леса, стала многовековым способом существования восточных славян. А сочетание пашни и леса, развитие лесных промыслов, сбор дикоросов, содействовали диверсификации деятельности. В сочетании эти факторы способствовали повышенной способности к адаптации, когда разрыв с прежней средой обитания и обретения нового места и его хозяйственного освоения был привычной жизненной практикой.

С одной стороны, граница, межевые знаки, образы, связанные с понятием границы были сакральными. Нерушимость границ доказывалась клятвой, при которой полагалось ношение земли на голове при обходе границы¹⁹. «В Вятской, Пермской губ. существовал обычай на меже сечь мальчиков с той целью, чтобы лучше помнилась граница владений. Сохранились поговорки, взятые из судебных разбирательств: Не рассказывай, я на меже сам сечен; Межа эта на моей спине кнутом записана. При решении спорных вопросов большое доверие вызывали показания того, кто на меже сечен»²⁰. С другой стороны, путь, сотканный из многих тысяч троп оставлял эти границы, открывая все новые и новые пространства. Для старообрядцев этот путь также был путем к «богоизбранному» месту, а какие трудности люди преодолевали в переселении/побеге можно понять, обратившись к монографии Е.Е. Дутчак, в которой приводится письмо старовера-часовенного Филимона, основавшего скит в томско-чулымской тайге: «Мы отправились в пустыню (тайгу) на лыжах, везущие на санях все необходимые припасы. Я, кажется, был впряжен в коренных и вез 10 верст вместо доброго коня по насту воз не маленькой, а затем наст растаил, мы около версты таскали на себе мокро и чижало все привезенное нами... Затем мы разгребли снег и устроили первый ночлег на мерзлой земле. А потом на второй день сделали балаган и жили в нем всю весну среди облаков комаров, мошки и всех кровожадных насекомых, и до самого июля мы боролись с кознями Египта, не лучше египтян при исходе Израиля... Целую избу или келию мы также перевозили на себе всю

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ Там же. С. 39.

¹⁸ Петрухин В.Я. «Дунайская прародина» и расселение славян // Концепт движения в языке и культуре. Сборник статей. М., 1996. С. 372–383.

¹⁹ Куркина Л.В. Культура подсечно-огневого... С. 229.

²⁰ Там же. С. 228.

из дубравы с корня... И все это в первое лето было у нас. А на третье лето мы устроили новую келию двухэтажную березовую, прожившее в ней 2 года, мы поехали в Москву исповедовать о священстве. По возвращении же из России мы более года прожили еще в старых келиях, а потом устроили настоящую обитель, имея уже в запасе большую часть материалов из прежних келий или обители нашей. И ознакомясь с местными условиями Сибирской жизни, мы уже особенных трудов здесь не ощущали, когда у нас было заведено все необходимое – кони, сбруя и все домашние хозяйственные принадлежности; но каково было прежде без сих ратовать нам с пустынным неудобством!»²¹.

Переселенцы в Сибирь приходили со знанием трехпольного хозяйства, которое под влиянием природно-климатическим условий таежной зоны было дополнено перелогом и гарями²², актуализируя исторический опыт хозяйствования, связанный с необходимостью движения в пространстве и диверсификацией деятельности как особого типа мобильности. Одной из причин успешной экономической деятельности томско-чулымских бегунов была высокая культурная лабильность, «готовность к изменениям в ведении хозяйства, постоянный поиск баланса между отраслями ... Одним из многочисленных примеров такого рода может служить описанное томским лесничим В. Рубчевским хозяйство скита оренбургского крестьянина Ксенофонта Быбина на р. Чузик. Потратив на расчистку пашни в 315 десятин 5 лет, община сделала источником доходов не хлебопашество, а скупку соболей у остяков»²³.

Эскапизм старообрядцев, связанный с религиозными гонениями, безусловно, был источником дополнительного импульса для движения и освоения нового пространства. Но без веками выработанных навыков совместных действий, снижающих риски экономического неуспеха, необходимости приспособления к меняющимся природным условиям, такой поразительной адаптации, которую достигли старообрядческие общины, трудно себе представить. В качестве совершенно удивительного примера можно привести промысловую деятельность староверов, оказавшихся в 30-е годы XX века в Маньчжурии, бежавших туда из разных регионов России, – они научились в течение непродолжительного времени отлавливать живых тигрят и продавать их в зоопарки²⁴.

Парадоксы соотношения покоя, статики и движения в крестьянской культуре заключались, с одной стороны, в ценности обжитого локального мира, и, с другой стороны, готовности покинуть этот мир родовой зем-

²¹ *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов- странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007. С. 179–180.

²² Там же. С. 181.

²³ Там же. С. 192.

²⁴ *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы-дальневосточники в Маньчжурии и на американском континенте: эмиграция и адаптация // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. ИИАЭ ДВО РАН, 2021. Т. 32. С. 199.

ли, когда нарушается социальный порядок. Очень тонко колеблющуюся границу между статикой и движением в крестьянской культуре понимает В. Кивельсон, изучая такой статичный источник, как карты. С одной стороны, карты буквально вписывали человека в пространство и лишали обществу мобильности²⁵. «Чернильные контуры деревень и пустошей служили для исключения чужих, охраняли человеческие поселения от вторжения и не допускали других претендентов на территорию собственности. В то же время их жесткие линии символически замуровывали крестьян внутри своих границ»²⁶. С другой стороны, «крестьяне не предстают на этих картах как рабы или имущество. На самом деле, благодаря такому нахождению в определенном месте, они получали подчиненную, но стабильную гражданскую идентичность, а вместе с ней некоторую степень экономической защищенности и местных прав. Они активно участвовали в судебных делах, и их показания служили фундаментом, на котором создавались карты»²⁷.

И хозяева, и крепостные крестьяне, заключает она, «должны были быть одинаково заинтересованы в земле и в первую очередь содействовать укреплению связи между крестьянином и землей. Их права на поля, леса и пастбища должны были скорее существовать одновременно и дополнять друг друга, чем быть несовместимыми или противоположными друг другу»²⁸.

Размеченный, дифференцированный ландшафт был частью социального порядка. Но этот порядок мог быть перевернут с ног на голову, когда крестьяне покидали свои закрытые круги и отправлялись к немаркированным пространствам приграничных областей²⁹. Это происходило тогда, когда «скрытые последствия опространствованных взаимоотношений власти оказывались слишком обременительными, бегство могло целиком подорвать базовую предпосылку власти, встроенную в определенные места в пространстве»³⁰.

«Дышащие» границы приграничных областей огромной по территории страны создавали условия для перехода от состояния покоя к движению. Карта отражала реальность до тех пор, пока оставалась в силовом поле «связанной» истории, в которой тонкие настройки взаимозависимости власти, землевладельцев и крестьян не обрывались пороговым уровнем насилия в реализации отношений господства и подчинения.

Бегство податного населения было глобальной проблемой аграрных государств, и русская история не является здесь исключением. Дж. Скотт отмечает, что «поскольку аграрные царства зависели от каприза погоды,

²⁵ Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 113.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 121.

²⁹ Там же. С. 138.

³⁰ Там же.

осадков, вредителей, болезней человека и растений, то их ежегодные урожаи были чрезвычайно изменчивы даже в самых надежных с аграрной точки зрения экологических условиях»³¹. Если элиты настаивали на стабильном притоке зерна и труда, т. е. «отказывались учитывать нормальные колебания прибыли, то аграрное население этой зоны было вынуждено брать на себя губительное бремя колебаний урожая, невзирая на свои и без того скудные средства существования. Во всех аграрных экономиках главный вопрос классовых отношений заключался в том ... какой класс обеспечивает собственную безопасность за счет других»³².

В архаичных государствах по мнению Дж. Скотта даже тонкая струйка беглецов превращалась в смертельное для государства кровотечение и восполнялось оно войнами для захвата рабов, покупкой их у работорговцев или принудительным переселением целых сообществ»³³. Способом поддержания и расширения зерно-трудового модуля в Уруке было появление подконтрольных государству крупных текстильных мастерских с использованием рабского труда. Государственное текстильное предприятие производило основной торговый товар, который можно было обменять на необходимые ресурсы, прежде всего металлы. Схожую компенсаторную логику можно проследить и в появлении такого института, как служебная организация в русской истории, основанного не на рабском труде, но также подконтрольного государству. Служебная организация возникла в ситуации низкой плотности населения, которое уходило на неподконтрольные территории в кризисной ситуации, и в отсутствии стабильного рынка профессиональной рабочей силы в городах.

Пороговый уровень насилия по отношению к подданным был связан с тем, что первые государства не обладали детальным знанием о фактических площадях и возможных реальных урожаях, чтобы менять стратегии присвоения в соответствии с платежеспособностью подданных³⁴. Как однажды выразился коллега Скотта, «первые государства – это руки, на которых есть «только большие пальцы и никаких иных для тонкой настройки»»³⁵.

Аграрный вопрос в Московском царстве и императорской России решался на принципиально ином уровне сложности управления. Проблема реализации налогового бремени для податного населения, сложность прогнозирования получения доходов государством, связанная с запустением земель и оскудением людских ресурсов вследствие бегства на окраинные территории как результата войн, эпидемий, неурожая и налогового бремени были типологически схожими. Развитие кадастровой системы, снижение уровня неконтролируемого хаоса, связанного с правом перехода

³¹ *Скотт Дж.* Против зерна: глубинная история древнейших государств. М., 2020. С. 232.

³² Там же.

³³ Там же. С. 178–179.

³⁴ Там же. С. 232.

³⁵ Там же. С. 233.

крестьян и переживая крестьян помещиками, повышение контроля за всем циклом сельскохозяйственных работ с ростом барской запашки снижало уровень рисков, связанных с недополучением ренты и налогов. Но эти тенденции к рационализации и унификации имели бесчисленные преломления, связанные с разным статусом владельческой принадлежности земель, региональных традиций землепользования и традиций и методов управления. Необходимо принимать во внимание и личностный фактор — управляли конкретные люди, а не «памяти», обычаи или помещичьи инструкции.

Разломы в историографии³⁶ являлись отражением этих противоречий, акцент либо на антагонизмах, либо на взаимодействии власти общины и вотчины администрации не объясняет всей сложности формирования социального порядка в сельском социуме, который не может быть рассмотрен в отрыве от помещичьей усадьбы в аграрной истории. «Связанная» история предполагает присутствие в жизненных практиках населения, включенного в аграрный сектор экономики, многочисленных петель обратных связей между легитимным и нелегитимным насилием, взаимосвязь народных сельскохозяйственных и культурных традиций с помещичьим бытом и т. п. Именно в этом направлении были развернуты исследования Л.В. Милова. Социальный порядок в аграрном обществе основывался на ценности иерархии, сложном разделении труда и в инвестициях в землю, что невозможно было в мире высокого уровня насилия, так как он не гарантировал получение плодов труда земледельцев³⁷. Крестьянский мир держался на тех же ценностях, но дополнен был корпоративной структурой сельского крестьянского мира и коммунализмом, который упорядочивал межличностные связи в процессе совместной деятельности в зависимости от статуса человека в группе³⁸. Отношение с землевладельцами, которые гасили конфликты, основывались на особом типе лояльности, который проводился не с помощью судов, воинских команд и полиции³⁹, а выполнением землевладельцем бременем забот по управлению управляемыми и включения в сельский мир, вплоть до участия в праздничном цикле сельскохозяйственного календаря⁴⁰.

³⁶ Тихонов Ю.А. *Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков: сосуществование и противостояние*. М.; СПб., 2005. С. 5–83.

³⁷ Моррис И. *Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности*. М., 2017.

³⁸ Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»... С. 193.

³⁹ Джонсон А., Эрл Т. *Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству*. М., 2017. С. 429.

⁴⁰ См. подробнее: Сумцов Н.Ф. *Хлеб в обрядах и песнях*. Харьков, 1885; Александров В.А. *Сельская община в России (XVII – начало XIX в.)*. М., 1976; Шангина И.И. *Русский народ: Будни и праздники: Энциклопедия*. СПб., 2003; Милов Л.В. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М., 1998; Козлов С.А. *Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии)*. М., 2002; Тихонов Ю.А. *Дворянская усадьба и крестьянский двор в России 17 и 18 веков: сосуществование и противостояние*. М.;

Установление социального порядка означало конец движения, и, хотя значительная часть беглых крестьян в европейской части России снова попадали в тяглое состояние, они оказывали сопротивление возврату в прежнее тягло⁴¹. Бежали от «скудости» жизни, но и на новых землях «скудость» была также реальность жизни беглых – беднейшие хозяйства преобладали⁴². И тем не менее масштаб бегства крестьян свидетельствует об устойчивости мотивации, которая помогла преодолевать трудности пути и обустройства на новом месте. Бегство останавливалось там, где восстанавливался определенный социальный порядок, который устанавливался не большими пальцами рук, а ткачеством со сложными траекториями движения рук ткача, нитей утка и основы. Принимающие беглых крестьянские семьи, укрывающие их помещики, получали неучтенные рабочие руки, но и рисковали штрафами. Однако там, где порядок был установлен, выстраивались линии защиты и даже оказывалось сопротивление воинским командам, а взятых крестьян «собравшись многолюдством с дубьем отбивали»⁴³.

СПб., 2005; *Хок Стивен Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993; *Литвинова Т.Ф.* «Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2019.

⁴¹ *Козлова Н.В.* Побег крестьян в России в первой трети XVIII века. М., 1983. С. 140–145.

⁴² Там же. С. 177.

⁴³ Там же. С. 142.

**«Лил де крест чюгунной Семен Иванов и зжог медной крест»
(Старообрядческий след в технологическом эксперименте на
демидовском заводе)**

Металлургия; промышленность; петровский период; старообрядчество; крест.

Рассмотрен необычный случай – расплавление медного креста жидким чугуном, произошедший в 1719 г. на Тульском заводе Н.Д. Демидова. Известие о нем, сообщенное после объявления «слова и дела государева», вызвало расследование в Преображенском приказе. Обвинение Семена Пальцова, главного приказчика завода, в ереси, иконоборчестве и принадлежности к старообрядчеству, им и свидетельствами было успешно опровергнуто. В статье обсуждается возможность интерпретации событий на основе предположения о том, что Пальцов все же был или тайным старообрядцем, или к старообрядчеству склонялся. Промежуточным звеном в обосновании этой версии выступает родственная и профессиональная связь Пальцова с заводовладельцами Демидовыми. Один из них, Акинфий Никитич (Пальцов приходился ему шурином), на протяжении многих лет со старообрядцами тесно сотрудничал и им помогал. Помимо прочего эпизод интересен тем, что отражает присутствие старообрядческого фактора в функционировании металлургических мануфактур в период, для которого его значение в предпринимательской среде изучено недостаточно.

Роль, которую в становлении и развитии российской промышленности и предпринимательства XVIII–XIX вв. сыграло старообрядчество, внимание исследователей привлекает давно. Подчас незаметное для внешнего наблюдения, в большей или меньшей степени его влияние проявлялось в разных сферах промышленной и торговой деятельности: в ее обеспечении рабочей силой, финансами, ресурсами, в организации управления, в атмосфере внутри производственных коллективов, в отношении их членов к своей деятельности². Становление предпринимательских династий подчас также происходило в среде, где активно действовал старообрядческий фактор, что косвенно влияло на характер складывавшейся в этой среде предпринимательской этики.

Но в разное время на разных территориях он играл, конечно, различную роль. Так, Н.В. Козлова, проанализировав статистику участия записных старообрядцев в торгово-ремесленной жизни города середины – второй половины XVIII в., пришла к выводу о неуместности преувеличения их экономического влияния для Европейской части России. По ее мнению, «превращение старообрядчества из сугубо конфессиональной в конфессионально-экономическую общность... проявило себя не ранее конца XVIII – начала XIX в.»³. Соглашаясь с этим в целом, отметим, однако, что

¹ Юркин Игорь Николаевич; доктор исторических наук, Институт истории естествознания и техники РАН.

² Ограничимся указанием на исследование, содержащее обширную библиографию по теме: Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.

³ Козлова Н.В. Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине

Российская империя не исчерпывалась ее Европейской частью – локальные очаги распространения старообрядчества существовали и за ее пределами. Кроме того, далеко не все старообрядцы были «записаны в раскол», и, если не учитывать «потаенных» старообрядцев, тем более лиц, сочувствовавших им, возникает риск не понять внутреннюю связь и логику некоторых фактов.

Излагаемый ниже исторический сюжет касается одного несколько необычного происшествия, случившегося в петровскую эпоху на металлургическом заводе в Туле, и последствий, которые оно повлекло. Цепь эпизодов содержит любопытные подробности, рисующие среду мануфактуры той поры и отношения в ней. Попытка уяснить их связь и смысл позволяет от интерпретации событий перейти к остающемуся открытым вопросу о степени и формах связи со старообрядчеством крупных промышленных династий той поры – в данном случае Демидовых.

В одной из опубликованных прежде статей мы уже касались обсуждаемых ниже событий⁴. Но в ней направления их осмысления и варианты объяснения были только перечислены. В настоящем исследовании подробно рассмотрено решение загадки, кажущееся нам наиболее вероятным. При этом выделены и проанализированы детали событий, прежде внимания не привлекавшие.

В работе использованы документы нескольких архивных фондов. Наиболее важны те, которые отложились в фонде Преображенского и Семеновского приказов в Российском государственном архиве древних актов. Они позволяют сопоставить описания инцидента, данные участниками и свидетелями в ходе расследования, проведенного в Преображенском приказе. Значимые различия в показаниях открывают возможность продуктивного их интерпретирования. Детали, полезные для реконструкции целостной картины произошедшего, сообщают также документы фонда Тульской провинциальной канцелярии Государственного архива Тульской области.

Начнем с эпизода, относящегося к весне 1720 г. В тот год, 18 апреля, прибывший в Тулу из Преображенского приказа солдат Никифор Семибратов явился на завод Никиты Демидова и потребовал от хозяина передать ему нескольких человек, нужных «в государеве великом деле». На месте удалось застать одного – Семена Иванова. Посадив его на заводе в избу и поставив караул, Семибратов отправился к тульскому воеводе стольнику Ивану Денисовичу Данилову, чтобы взять «в прибавку» солдат для сопровождения задержанного в Москву. Возвращаясь на завод, он неожиданно встретил того, кого там оставил. Иванова сопровождали, как

XVIII века // Отечественная история. 1999. № 4. С. 11.

⁴ Юркин И.Н. «...И тот крест розтаял»: О технологическом эксперименте, заинтересовавшем Преображенский приказ // Труды Государственного Эрмитажа. – [Т.] 107: Петровское время в лицах – 2020 : материалы науч. конф. / Государственный Эрмитаж. СПб., 2021. С. 394–400.

позже рассказал Семибратов воеводе, «незнаема какие люди два человека под короулом». Преображенец кинулся задержанного «отымать», неизвестные же «учели... дратца и, вынем наголо полоши, хотели рубить». Перевес сил оказался, однако, на стороне московского гостя. При содействии спутников он Иванова отбил и привел в провинциальную канцелярию. Там его и приставленного солдата допросили. Выяснилось, что Иванова забрали с завода драгуны, действовавшие на основании сыскной памяти, данной им из Оружейной канцелярии от полковника князя Никиты Матвеевича Вадбольского⁵. К нему его и вели⁶, хотя, заметим, Иванов принадлежал к тульскому посаду, в ведении канцелярии не состоял. Удивляло и то, что главе канцелярии он понадобился точно тогда, когда и Преображенскому приказу.

Для чего Иванова вели в Оружейную канцелярию, точно не знаем (предположения выскажем в конце этой статьи). Причина же внимания к его персоне Преображенского приказа известна. Это учреждение заинтересовало эпизод, имевший место на заводе в 1719 г. Выразительный по форме, он туманен по содержанию и сопротивляется однозначной его интерпретации. Но внимание тех, кто три сотни лет назад пытался в нем разобраться, свидетельствует о том, что значение ему они придавали немалое.

События развивались на металлургическом заводе, действующими их лицами были двое приказчиков и литейный мастер. Ключевая сцена была разыграна вокруг и по поводу медного православного креста.

Промышленность и предметы культа в пространстве событий сталкиваются нечасто. Одна из немногих областей, в которых они сосуществуют естественно – создание этих изделий. Но, медное художественное литье средневековой России изучают преимущественно искусствоведы, на технологические аспекты темы обращающие внимание редко. Эпизод, о котором узнаем из привлекаемых далее документов, выделяется тем, что относится к процессу именно изготовления, касается технологии.

Отметим, что сведения о бытовании в этой среде сакральных предметов довольно редки. В сохранившихся описаниях более ранних, XVII века, металлургических заводов России упоминания об иконах и других предметах культа отсутствуют. Не найти их даже в описаниях заводских церквей – на тот момент храмов при заводах не существовало. Единственное известное нам исключение – немецкая кирха на Ченцовском заводе⁷, описанная в отказной книге 1690 г. на Тульские, Каширские, Алексинские

⁵ Сенатским указом от 16 марта 1715 г. Тульские оружейные заводы и оружейная слобода были переданы в ведение генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса, при этом ведать оружейное дело непосредственно в Туле, будучи в подчинении у него, было предписано кн. Н.М. Вадбольскому. Последний оставался в этом качестве до 1720 г. (*Гамель И.Х.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 51, 52).

⁶ Государственный архив Тульской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 120. Л. 1–3, 7–8. (Далее – ГАТО)

⁷ Одно из предприятий, входивших в группу Каширских заводов.

железные заводы и на приписанную к ним Соломенскую волость. Здесь молились протестанты – кальвинисты и / или лютеране. При наличии довольно подробного описания в ней места для пастора (сообщен даже цвет сукна – темно-зеленый, которым был драпирован «кансиль столярного дела»), об убранстве храма в документе ничего не сообщается. Несомненно, этот интерьер был прост и скромн, живописных и скульптурных изображений не включал. Упомянуты «утварь и сосуды», но даже о них информация исчерпывается сообщением, что они – «строение иноземческое мирское», и сведениями, у кого хранятся⁸.

Лишь с ростом в первой четверти XVIII в. числа мануфактур и увеличением связанного с ними документооборота на страницы деловых бумаг просачиваются упоминания о присутствии в заводских постройках и этих ранее не замечавшихся там предметов. Некоторые примеры приведем ниже.

Обратимся к эпизоду с крестом, вклинившемуся в хронику Тульского завода Демидовых и позднее привлечшему внимание Преображенского приказа. Последнее произошло благодаря «слову и делу государеву», произнесенному сидевшим в приказе колодником Игнатием Меркулевым. Угодивший на каторгу за кражу «пожитков» Никиты Демидова, он с нее бежал, но в Туле в 1719 г. был задержан и отправлен в Москву, где от имени Демидова сдан властям. Просидев под караулом год, Меркулев объявил в Преображенском приказе «государево слово»: заявил, что, будучи на Тульском заводе Демидова, слышал от жившего там «для всяких записок» Семена Иванова смутившие его слова о государе и видел, как он «делает дурно» – отдает распоряжение расплавить медный крест⁹.

Произнесение «слова и дела» лицами, находившимися в тюрьме, к редким событиям не принадлежало – известны случаи, когда один и тот же узник об особо важных преступлениях объявлял таким способом несколько раз¹⁰. Следователи осознавали, что обвинение в произнесении *слов* может оказаться ложным, но игнорировать его не могли. В отношении *дела* обойтись без расследования было тем более невозможно. В расплавлении креста можно было усмотреть нечто странное и подозрительное, но также и вполне бытовое, идеологическими коннотациями не нагруженное – все зависело от деталей дела. Чтобы не упустить важного, в исходной точке заподозрили сразу многое: «еретичество», раскол и «ико-

⁸ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1: Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930. С. 117. Кресты в данной отказной книге упоминаются только в описаниях престолов сельских православных храмов Соломенской волости, на территории которой находились Каширские заводы. В одной церкви их было два, оба обложенные серебром; про крест во второй сказано, что он «крашенинный» (Там же. С. 160, 178).

⁹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 1–2.

¹⁰ Так, «демон Екатеринбурга» (выражение Н.С. Корепанова) Макар Воробьев по прозвищу Юла кричал с дыбы «слово и дело» трижды (Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 94).

ноборство». Приступили к «расспросам», для чего отыскиали и привезли в приказ всех действующих лиц, в том числе «героя торжества» – тульского посадского Семена Ивановича Пальцова¹¹, свойственника Никиты Демидова (шурина старшего его сына Акинфия), приставленного на его заводе «для смотрения... и ко всяким покупкам»¹².

Как выяснилось, Меркульев, если что и придумал, то не все. Крест на заводе расплавлен действительно был. «Литух» (литейный мастер) Ефим Городной рассказал: Семен, сняв в доменной избе со стены медный крест, положил его в песок и велел ему, зачерпнув «горячева железа», лить на него. Литух приказание исполнил – крест «ростопился». Но, в отличие от Меркульева, Городной выводов, бросающих тень на Иванова¹³, из этого факта не сделал. Напротив, дал Семену характеристику положительную: «раскола и иконоборства» за ним не знает, кресту и иконам в амбаре тот «кланялся», в церковь ходил, духовного отца имеет.

Свои и Иванова действия Городной объяснил просто: сказал, что хотели «зделать с того креста фурму и лить кресты чюгунные»¹⁴. Пальцов говорил в полном с ним согласии, при этом уточнил, что хотел те кресты отдать «для поклонения» в пострадавшие от пожара работные избы¹⁵. Объяснение выглядело правдоподобно. На предприятиях, где технологии включали использование высоких температур, возникнуть пожару было нетрудно. Не раз случались они и на Тульском заводе. Так что Иванова впору было не наказывать, а хвалить за заботу об удовлетворении насущных потребностей персонала.

Строго говоря, выяснять подоплеку манипуляций с крестом (если такая была) следовало духовному ведомству. Но дело сопровождали слова. По утверждению Меркульева, Иванов, указывая на крест, наедине говорил ему: «Чево де ему, государю, верить? Видишь де, какая в народе тягость стала. Будет де под чюгуном тот крест уцелеет, то де ему, государю, мочно верить». А после того, как крест расплавился, будто бы, прибавил: «Вот де чему молитца будет, веть де растаял весь»¹⁶.

Расследовать «непристойные» слова – это было уже по профилю Преображенского приказа. Указ от 23 декабря 1713 г. ограничивал компетенцию доносов о «слове и деле государеве» делами, «которые касаются о Их Государском здоровье и Высокомонаршеской чести, или уве-

¹¹ Родился в 1695 или 1700 г. Более ранний год получаем, опираясь на переписную книгу Невьянского завода 1710 г., более позднюю – на переписную книгу по Туле 1720 г.

¹² Подробней о С.И. Пальцове см. в книге *Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии*. М.; Тула, 1998. С. 164–170.

¹³ В документах, отразивших историю с крестом, его называют без «фамилии» – просто Ивановым.

¹⁴ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 1 об.–2.

дают какой бунт или измену»¹⁷. На первый взгляд, преступного деяния, подпадающего под первые два пункта, в том, что сообщил Меркульев, не содержалось. Но в выяснении с помощью физического (а возможно и магического) опыта, можно ли верить монарху, допустимо было усмотреть и недоверие высшей власти. Последнее же легко интерпретировать, как умаление ее чести.

Однако в отличие от происшествия с крестом факт произнесения опасных слов свидетель Городной не подтвердил – заявил, что сообщенного Меркульевым он не слышал. При этом на слабую память не ссылался, высказался вполне определенно. Если бы лгал – рисковал, пытка могла язык развязать. Его показания сочли правдивыми.

Поверили и Иванову, который операцию с крестом оправдывал благими намерениями, а неудачу сваливал на свою простоту и «недознание» («чаял, что не розтает»), утверждал, что предосудительного не говорил и «восточной церкви повинуетца»¹⁸. К тому же и доноситель сознался в оговоре – заявил, что «поклепал» Иванова напрасно. «Слово и дело» прокричал, мучимый голодом: «ево, утеклеца, оставили, и не поили, и не кормили, и милостины не присылавали»¹⁹.

Для Семена Ивановича Пальцова дело обошлось без последствий. Он был от обвинений очищен, о чем в начале сентября 1720 г. сообщил указ из Преображенского приказа в Тульскую провинциальную канцелярию²⁰. Оболгавшему его каторжнику по совокупности преступлений грозила смертная казнь²¹.

Как уже отмечалось, эта история, помимо прочего, интересна присутствием упоминаний о бытовании сакральных предметов в необычной для них пространственной среде – на крупном промышленном предприятии. К сожалению, облик доменного и передельного демидовского завода в Туле на интересующий нас момент представляем лишь в общих чертах. Ближайшее по времени его описание завода относится к 1706 г.²² – к периоду, когда он, находясь в ведении адмиралтейского ведомства, принадлежал уже не Демидову, а казне. В этом документе зафиксированы исключительно производственные постройки, а также казенное в них оборудование, инструменты, приспособления, материалы. Кроме того предприятие изображено на нескольких планах Тулы – всей или ее районов, но на дан-

¹⁷ ПСЗ. Т. V. № 2756. Именной, объявленный из Сената «О донесении Самому Государю только о таких делах, которые касаются до здоровья и чести Монаршей Особы и до бунта или измены».

¹⁸ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 3, 3 об.

¹⁹ Там же. Д. 1277. Л. 4, 5 об. Подробней о ходе следствия см. в нашей статье *Юркин И.Н.* «...И тот крест розтаял»... С. 394–400.

²⁰ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

²¹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1277. Л. 5 об.

²² Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 119. Л. 764–775 об.

ный момент известен единственный подробный план собственно завода²³. Он относится к первой половине 1750-х гг. – времени, когда предприятие уже не действовало.

Известная нам по истории с крестом домна отмечена в описи, показана и на плане. В описи упомянуты также трехсаженные (по фасаду) горница со слюдяными окошками и некая «изба»²⁴. Характер использования этих построек в тексте не указан. Обращаем на них внимание потому, что в обсуждаемых документах также присутствуют постройки, именуемые «избами»: одна точно жилого назначения (о приказчике Иване Боровке: «пришел он в ызбу, где жил с прочими работниками...»²⁵) и несколько, названных «работными», назначение которых не вполне ясно²⁶.

Недалеко от завода Демидова находилось пригородное село Чулково с деревянным храмом в нем во имя Рождества Христова. Работников, живших при заводе, духовно окормляли священники, приходившие, скорее всего, именно отсюда. Непосредственно на мануфактуре также были предметы, связанные с верой и церковью. Встречаем здесь два их рода – кресты и иконы.

Иконы упомянуты в избах, названных в документе работными²⁷; наверняка они были и в избе, где жил Боровок. Иконы – первое, что искал глазами человек, пришедший в дом, первое, в отношении чего выполнял предписанные этикетом действия. (Боровок о Пальцове: «Тот Семен, вошед к хозяйке в хоромы, образам маливался»²⁸.)

Но произошло несчастье – на заводе «избы погорели, и святые образы погорели ж»²⁹.

Попробуем определить время этого события. Предварительно уточним датировку происшествия с крестом. Доноситель рассказывал: «В 719-м году перед сырною неделю, как он бежал с каторги, пришел на железной завод... Семен Иванов»³⁰. Под сырной неделей понимаем сыропустную неделю – воскресенье после сырной седмицы. В 1719 г. Пасха

²³ Юркин И.Н. Тульский завод Демидовых. 1695–1782. Из истории становления и развития доменной металлургии России. М., 1996. С. 37, 178 и вклейка между с. 160 и 161.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 119. Л. 764.

²⁵ Там же. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 4.

²⁶ Если в этих избах жили работные люди, то они могли напоминать «общежития», подобные, например, существовавшим при некоторых уральских заводах (Голикова С.В. «Люди при заводах»: Обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2006. С. 60). Следует, однако, иметь в виду, что Тула была старым и довольно большим городом, имевшим резерв жилого фонда. В нем тех сравнительно немногочисленных заводских работников, которые не являлись его жителями, можно было расселить и без строительства казарм и бараков.

²⁷ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 5 об.

²⁹ Там же. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 1–1 об.

приходилась на 29 марта³¹. Едва ли ошибемся, если отнесем время перед сыропустной неделей к первой декаде февраля этого года. Из цитированных слов, однако, не понятно, к чему относится эта хронологическая метка – к побегу с каторги Меркульева или к приходу в доменный амбар Иванова (т. е. к происшествию с крестом). Примем к сведению, что Никита Демидов сдал Меркульева в Преображенский приказ 23 февраля 1719 г.³². Это позволяет уверенно отнести эпизод с расплавлением креста к той же первой декаде февраля, на которую выходим через показания Меркульева. Данный вывод вполне согласуется с показаниями Боровка, который, подразумевая время сразу после случая с крестом, рассказывал: «И в 719-м году, по зиме, а в которое время не помнит, пришел он в ызбу...»³³.

Связав обсуждаемое событие с февралем 1719 г., в хронике Тульского завода легко находим недавний пожар – такой здесь случился в 1718 г. Семен Пальцов вспоминал о нем даже годы спустя, сожалея о том, что тогда сгорели многие «письма» (заводские документы)³⁴. Полагаем, что именно это несчастье явилось причиной скорого появления на заводе его хозяина Никиты Демидова³⁵. Тула не отпускала заводовладельца долго: встречаем его тут даже в апреле 1720 г.³⁶. Едва ли ошибемся, в качестве одной из причин задержки представив работу по ликвидации последствий пожара.

Из того, что в работных избах сгорело имущество, заключаем, что они пострадали очень сильно, возможно, были уничтожены полностью. Восстановив их вместе с производственными постройками, немедленно заменить в них сгоревшие иконы новыми не сумели. Значительные потери понес и заводчик, и работники – и он, и они, спасая имущество, скорее всего выбирали другие приоритеты. Но в феврале 1719 г. Семен Пальцов, казалось, нашел способ решить один частный вопрос быстро и с минимальными затратами: приказал «лить чугунные кресты, и хотел те кресты ставить в работных избах для поклонения работником»³⁷. Такое его объяснение известным нам действиям хорошо вписывается в картину, какой она могла сложиться на заводе в 1719 году.

И если бы не некоторые «мелочи», мы бы вполне доверились этому объяснению.

Присмотримся к тому, что происходило у домны, внимательнее.

³¹ Определено по формулам Гаусса (*Климишин И.А.* Календарь и хронология. М., 1990. С. 133).

³² РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 1.

³³ Там же. Л. 3 об.–4.

³⁴ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 1071. Л. 10 об.

³⁵ Боровок: «Изветчик де пойман и приведен на тот завод, и был за караулом до приезде Микиты Демидова» (Там же. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 3 об.). Пальцов: «Ево, Игнатя, приняв, держал на заводе за караулом до приезде Микиты Демидова из Санкт-Питербурха» (Там же. Д. 1277. Л. 2–2 об.)

³⁶ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 120. Л. 3. Впрочем, в том, что он находился в Туле непрерывно с февраля 1719 по апрель 1720 г., сомневаемся.

³⁷ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 3.

По уверению участников происшествия, чугунными крестами (вероятно, распятиями) намеревались заменить иконы. Допустим, что так. Символично, что медно-чугунный слиток, который остался от технологического эксперимента Пальцова, принесли туда, куда рассчитывали принести чугунный крест – в работную избу. Увы, ожидаемого изображения на нем видно не было («...лежал слиток чугунного железа, подобием на крест, только на нем крестного воображения и³⁸ слитой меди было не знать»³⁹).

В качестве образца для отливки использовали, «взяв с стены в доменном анбаре, крест медной, которой стоял над дверми»⁴⁰. Откуда он там появился – известно: «выменил и поставил тот крест он, Иван (Боровок. – И.Ю.), и тому кресту он и Семен Иванов кланялись»⁴¹.

Выше отмечалось присутствие икон в работных избах Тульского завода. Но уместно напомнить, что сакральные предметы, прежде всего иконы, присутствовали почти всюду, где жил и молился православный человек. Больше всего их было в храмах и жилищах, но встречаем их и там, где он трудился. Иконы, некоторые в окладах и киотах, являлись обязательным элементом обстановки, например, московских приказов XVII века. На большие праздники перед ними служили молебн⁴². Были они и в производственных помещениях горно-металлургических предприятий. Очевидец в 1904 г. заметил икону в Луньевской каменноугольной копи⁴³. Есть и гораздо более ранние упоминания такого рода. В описной и отдаточной книге Невьянского завода 1702 г. читаем: «Божия милосердия святые иконы на государеве дворе, в доменном и в молотовой анбарех и в ыных местех поставлено: образ Всемиловитоваго Спаса Вседержителя, образ Всемиловитоваго Спаса на престоле, образ Всемиловитоваго ж Спаса Нерукотворенной, образ воскресения Господа нашего Иисуса Христа з дванадесятыми праз[д]ники, образ Благовещения пресвятыя Богородицы, образ Иоанна Предтеча, образ Николы Чюдотворца, образ неопалимыя купины з дванадесятыми праздники неокладные»⁴⁴.

Нам неизвестно, имелись ли иконы в доменном амбаре Тульского завода Демидовых. Знаем лишь, что там над дверями находился медный крест.

Разнообразные по материалу, формам и декору кресты различались типами и назначением. В нашем случае представляют интерес кресты ме-

³⁸ Вероятно, должно быть «из».

³⁹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Л. 1 об.

⁴¹ Там же. Л. 3 об.

⁴² Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов // Труды Государственного исторического музея. Вып. 3. Разряд общий исторический. М., 1926. С. 70.

⁴³ Голикова С.В. Указ. соч. С. 225.

⁴⁴ Очерки истории культуры и быта старого Невьянска. Люди, памятники, документы / Под общ. науч. ред. В.И. Байдина. Екатеринбург, 2001. С. 30. Выделение наше.

таллические, в частности медная художественная пластика. Уступая по распространенности живописной иконе, в повседневной жизни православного человека она была востребована весьма широко, тем более, когда казалась функционально уместнее. Рядом с раскаленной печью медный крест представляется предметом более естественным, чем икона на доске. Не вызывает удивления, что в тульском доменном амбаре он «прижился» настолько, что, как говорит официальная версия событий, его решили тиражировать. Эксперимент не удался – в работную избу принесли не копию, а застывшую металлическую массу, в которую превратился оригинал.

Можно, по меньшей мере, двояко интерпретировать произошедшее с крестом.

Вариант объяснения, предложенный Пальцовым – собственная его простота и «недознание» – достаточно правдоподобен. Отметим, впрочем, деталь, которая смущает. В 1726 г. Пальцов в одной из челобитных так описывал важнейшее для его карьеры событие, очерчивая при этом границы компетенции: «Камисар Никита Демидов определил меня для смотрения на тульских заводах за мастерами и работниками, и ко всяким покупкам, и к приходу и расходу прикащиком»⁴⁵. Судя по этой характеристике, перед нами едва ли не универсальный специалист. Мало, что он допущен к расходованию средств – он еще и контролирует мастеров. И этот блестящий знаток всего, включая, подразумевается, и технологию (а иначе как смотреть за мастерами?), допускает ошибку, в результате которой не только крест расплавляется, но и необратимо портится чугун. Спишем это на пока все же недостаточный опыт молодого управляющего, позже (в Преображенском приказе) в своей ошибке честно признавшегося? Или поверим словам, которые приписывал ему Меркульев? Словам, из которых следует, что Иванов *допускал* возможность того, *что крест расплавится* (если, говорил он, тот устоит, можно верить и т. д. – смотри выше).

Приговор вынесли, опираясь исключительно на то, что сообщенные факты в ходе следствия не нашли подтверждения. Но, не будучи подтверждены, и опровергнуты они не были. Не рано ли сбрасывать со счета подозрения изветчика?

Приглядимся более внимательно к его, Меркульева, видению событий. Оно позволяет предложить несколько объяснений действиям Пальцова⁴⁶. Выделим, на наш взгляд, наиболее перспективное.

Начнем с того, что в словах, приписанных Пальцову Меркулевым, можно усмотреть намеки на в чем-то особенное, критическое отношение Пальцова к вере в ее узаконенных государствам формах.

Сравним якобы сказанное им до и после расплавления креста. Слова, сказанные после, известны в двух передачах: Меркульева («И тот Семен

⁴⁵ РГАДА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 1030. Л. 14.

⁴⁶ Перечень их вариантов см. в работе: Юркин И.Н. «...И тот крест розтаял»... С. 399–400.

говорил: «Вот де чему молитца будет, веть де ростаял весь»⁴⁷⁾ и в последовавшей за ней версии самого Пальцова («И слов же «чему молитца, что розтаял» он же, Семен, не говаривал»⁴⁸⁾). По сути это один текст, вторая его фиксация – отрицание тех же слов в сокращенном их переложении. Если сравнить эти слова с произнесенными Пальцовым раньше, то можно заметить подмену темы. Предваряя «опыт», Пальцов предлагал собеседнику и зрителю узнать по его результату, можно ли верить государю. После события он о государе уже не упоминает, однако само молчание подсказывает: верить нельзя. В неявной форме ответив на первый вопрос, Пальцов идет дальше, смещая вопрос из сферы политической в идеологическую. Результат опыта интерпретируется им в обновленной постановке – в координатах «чему молитца». Крест огнем не очистился, был уничтожен – стало быть, не выдержал испытания на «мочно верить», стало быть, он неистинный. От неспособности такого креста сопротивляться пламени не так уж далеко до констатации неистинности официально насажденной веры.

Поскольку эти рассуждения опираются исключительно на слова изветчика, а доказать их ему не удалось, больше того, он от них отказался, к приведенному умозаключению можно отнестись скептически. Но вот свидетельство независимого источника, которое показывают большую значимость для Семена Пальцова всего, что связано с верой.

В 1735 г. Тульская оружейная контора, покупая железо на Тульском же демидовском заводе, потребовала проведения там пробы его качества, более жесткой, чем стандартная. Часть железа ее не выдержало – «переломалось многое число пуд». После этого Пальцов в письме с завода в Москву Прокофию Демидову жаловался на возглавлявшего контору артиллерии обер-комиссара Макария Половинкина: он, якобы, послал от себя человека, «не знающего в железе никакой опробации». Тот это железо, – передавал содержание пальцовского письма Половинкин, – «бутто ломал по научению моему *не по-христиански*»⁴⁹⁾. Обратим внимание на последние слова. Им можно не придавать значения: решить, что Пальцов использовал общеупотребительную лексику, стандартное для русского человека его времени сравнение, обращающее на себя внимание лишь потому, что употреблено в неожиданном контексте. Но можно усмотреть в них другое – склонность замечать проявление сакрального в обыденном, на основании чего предположить, что религиозная сфера занимала в его мировидении большее место, чем можно было бы ожидать.

Но почему Пальцов выбрал для огненного своего эксперимента крест, принесенный в доменный амбар Боровком? Почему именно его решил проверить на истинность? Полагаем, найти ответы на эти вопросы можно, уточнив конфессиональную принадлежность Пальцова. Выбор невелик и

⁴⁷⁾ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 2.

⁴⁸⁾ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁹⁾ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3724. Л. 1 об. Выделение наше.

наиболее вероятный выбор очевиден: Пальцов сочувствовал приверженцам старой веры, возможно, и сам был «потаенным» старообрядцем.

Медные старообрядческие кресты (распятия) могли отличаться от тех, которые принимались официальной церковью. Отмечается, что поморцы, признавая только восьмиконечные кресты⁵⁰, не принимали изображения на них Господа Саваофа и Духа Святого в виде голубя⁵¹; указывается и на другие отличия медных крестов из их мастерских⁵². Старообрядцы эти отличия осознавали и были к ним чувствительны. Некоторые не молились на чужие иконы, предпочитая им носимый с собой медный образок, ставившийся им на полочку или положенный перед собой⁵³. Такой образок мог представлять в основе тот же крест, обросший «подробностями» (дополнительными деталями и сюжетами) и ставший благодаря этому похожим на литую медную икону.

Если предположить наличие у Пальцова важной части того, что подозревал Преображенский приказ, а именно, «раскола», т.е. принадлежности к старообрядчеству, его слова и действия в доменном амбаре представнут в совершенно ином свете и приобретут иной смысл. Распятие, в нем висевшее, могло иконографически или по происхождению быть связанным с господствующей церковью. В этом случае не исключено, что, приказывая облить его чугуном, Пальцов отнюдь не стремился его тиражировать – напротив, намеревался уничтожить.

Это косвенно подтверждает его полемика с Иваном Боровком. Меркулев принес к последнему то, что осталось от креста, рассказал о происшедшем. По его показанию, «после де того тот Боровок, бранясь с тем Семеном, говорил: «Полно де ему, Семену, еретничать». А что еретичество – не выговорил, и за что бранились – не знает. А Семен говорил, какое ево, Семеново, еретичество, чтоб он сказал. И тот Боровок о том умолчал»⁵⁴. Обратим внимание: Боровок упрекает Пальцова не за то, что тот уничтожил его собственность (крест, как мы помним, «выменил и поставил» в амбаре Боровок). Единственное, что отложилось в памяти Меркулева из подслушанной словесной перепалки (если, конечно, он ее не придумал) – что Боровок увидел в действиях Семена «еретичество». Если считать, что память сохранила главное, то слова и действия участников приобретают логику: послушный господствующей церкви Иван приносит на завод но-

⁵⁰ Старообрядческое обоснование истинности «тричастного» креста см. в Беседе второй из «Книги бесед» протопопа Аввакума (Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н.К. Гудзия. М., 1960. С. 128–130).

⁵¹ Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М., 2000. С. 21.

⁵² Егошина Г. Медный киотный крест из бабушкиного сундука [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mednyobraz.ru/stat/2-statiyolitie/105-mednyj-kiotnyj-krest-iz-babushkinogo-sunduka.html> (Дата обращения 26.04.2020).

⁵³ Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Указ. соч. С. 7.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 1221. Л. 5–5 об.

вообрядческий крест, Семен некоторое время его терпит, даже ему «кланяется», но в подходящий момент уничтожает. Нетрудно объяснить и то, почему Боровок, обвинив Пальцова в «еретичестве», разговор скомкал. Подсказку находим в его же рассказе: «А про зjenje креста тому Семену он, Боровок, не говорил, для того, что на заводе тот Семен ево, Ивана, был больше, и смотрел за ним Боровком, и были у них ссоры»⁵⁵. Т.е. учтя, что у них уже случались конфликты (наверняка не всегда заканчивавшиеся победой Боровка), и то, что Пальцов его по должности старше, Боровок, сгоряча обозначив вопрос, остыв, рассудил за лучшее разговор на опасную тему свернуть.

Оставаясь в рамках старообрядческой гипотезы, нетрудно предложить объяснение и тому, почему Пальцов для уничтожения «неправильного» креста в качестве способа выбрал его сожжение. Понятно, что сам он пытался объяснить происшествие на уровне повседневного заводского быта: хотели как лучше, но промахнулись с технологией. Однако начинатный старообрядец мог вдохновляться еще и библейскими аллюзиями.

Старообрядческие писатели сравнивали патриарха Никона с носителями злого начала, названными в Откровении Иоанна Богослова: «О злый Никоне, душегубный пагубниче. Не ты ли конь и всадник самого сатаны. Не ты ли поспешник аньтихристов... О зверю проклятый... О блудница вавилонская, блудница всескверная беззаконная...»⁵⁶. Относительно судьбы Вавилонской блудницы автор Откровения сообщает: «...В один день придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет *сожжена огнем*»⁵⁷. Если отождествить никонианский крест с Никоном, Никона вслед за старообрядческими полемистами уподобить Вавилонской блуднице, то растворение креста в огне – событие, прямо предначертанное Писанием. Оскверненный крест исчез, побежденный поглощающим скверну пламенем.

Как мы убедились, гипотеза о старообрядческом следе в истории с крестом неплохо объясняет мотивы и содержание действий Семена Пальцова. Но это не доказывает саму гипотезу. Нужны не связанные с обсуждаемой историей факты, свидетельствующие о том, что герой принадлежал к старообрядцам или, хотя бы, был связан с ними и им сочувствовал.

Аргументов в пользу этого предположения немало, но все доказательства – только косвенные. Например, можно отметить, что в более позднее время (1775 г.) один из Пальцовых, Малафей Никифоров, в качестве записного старообрядца был учтен в исповедных росписях прихода тульской церкви Казанской Божией матери⁵⁸. Но допустимо ли экстраполиро-

⁵⁵ Там же. Л. 4 об.

⁵⁶ Цит. по: *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920. С. 27.

⁵⁷ Откр. 18: 8. Выделение наше.

⁵⁸ *Юркин И.Н.* Демидовы в Туле... С. 203.

вать этот факт (присутствие Пальцовых среди записных) на более раннее время?

Единственным по-прежнему косвенным, но, на наш взгляд, сильным аргументом, подтверждающим связь Семена Пальцова со старообрядчеством, являются его отношения с другим родом, в прочности связи которого со старой верой сомневаться не приходится. Подразумеваем Демидовых и, соответственно, ту родственную и профессиональную среду, которая их окружала. Известно, что А.Н. Демидов старообрядцам покровительствовал, разнообразно помогал и, по сути, создавал условия для их безопасной жизни и деятельности на его уральских заводах. Мы не знаем, был он сам, его отец и братья потаенными старообрядцами. Напрямую их в принадлежности к «расколу» не обвиняли. Но знаем многое, что позволяет утверждать, что старообрядчество в их жизни играло большую роль⁵⁹. Если положить эти факты на чашу весов, определяющих вероятность принадлежности к нему Семену Пальцову, она сильно потяжелеет.

Напомним некоторые значимые для темы статьи факты, отослав за подробностями к другой нашей публикации, включающей ссылки на источники и литературу⁶⁰. В начале каждого пункта – утверждения, позволяющие привязать перечисляемые факты непосредственно к Семену Пальцову.

Факт первый. Пальцов жил у Демидовых в Невьянске, позже долго служил на их заводе в Туле.

Присутствие старообрядцев на демидовском Урале известно, начиная с первой четверти XVIII в. В 1720 г., когда в Преображенском приказе разбирались в истории с крестом, в тобольской резиденции Демидова жил крупный деятель поморской ветви старообрядчества Гавриил Семенов (Украинцев). Упоминание поморцев важно здесь, в том числе потому, что из их мастерских выходило медное художественное литье, обладавшее особенно ярко выраженным своеобразием.

Старообрядцы работали и на Тульском их заводе. Так, в 1750 г. по промемории из Тульского духовного правления в Туле «во всенародное известие» публиковали о сыске и поимке раскольника Федора Иванова –

⁵⁹ Укажем на параллель, насколько нам известно, не отмечавшуюся. В одном из писем приказчикам А.Д. Демидов, требуя от них следования сложившимся правилам, использует библейский образ: «В пророческих книгах напечатано: «Не прелагайте предел, яже положиша отцы ваши». Это слегка измененная цитата из Книги Притчей Соломоновых: «Не прелагай предел вечных, яже положиша отцы твои» (Притч. 22: 28). То, что автор письма помнит эти слова, не дает основания говорить даже о том, что он хорошо знает Библию. Но, что интересно, их цитирует (с другой ссылкой, но обосновывая сходное требование) в одной из бесед и протопоп Аввакум «Что положиша и святии отцы, то тут да пребывает неизменно, якоже и Василий Великий рече: «не прелагай прелелы, яже положиша отцы!» (Житие протопопа Аввакума... С. 128). Не исключаем, что Акинфию сочинения Аввакума были знакомы.

⁶⁰ Юркин И.Н. Демидовы: Столетие побед. М., 2012. Гл. 8.

демидовского крестьянина, который жил «при Тульском оных Демидовых заводе»⁶¹.

Факт второй. Пальцов был доверенным приказчиком Демидова.

В среде демидовского менеджмента старообрядчество имело особенно широкое распространение. Не входя в подробности, ограничимся напомниманием часто цитируемых слов В.Н. Татищева, заявившего в 1736 г., что «на партикулярных заводах Демидовых и Осокиных прикащики едва не все, да и сами промышленники некоторые раскольники»⁶².

Факт третий. Пальцов входил в ближний родственный круг Никиты и Акинфия Демидовых – являлся братом второй жены А.Н. Демидова Евфимии Ивановны.

В довольно близком родственном окружении Демидовых были старообрядцы, причем нерядовые. Пример – двоюродная сестра А.Н. Демидова Анна Дмитриева в первом браке Лыскова (ее муж приходился братом невянскому приказчику Терентию Лыскову), во втором Прянишникова.

Возможно, старообрядцы стояли к Демидовым еще ближе. После смерти А.Н. Демидова велось расследование в связи с причастностью к расколу его вдовы Евфимии Ивановны и младшего сына Никиты. Следствие закончилось для них благополучно, но тень отбросило. Евфимия и Семен Пальцов поддерживали связь на протяжении всей жизни: существовавшая в юности, она восстановилась, когда вдова после смерти Акинфия вернулась в Тулу. Заметим, что Евфимия Ивановна со старообрядческой средой могла быть связана и безотносительно к таковой связи ее мужа, связана сама по себе, и сохраняться эта связь могла долго.

Акинфий Демидов исключительно высоко оценивал участие Семена Пальцова в обеспечении стабильного развития его обширного хозяйства. Сохранилось адресованное им детям меньше, чем за год до своей смерти, «определение», в котором заводчик завещал потомкам помнить о «знатных и ревностных» услугах, оказанных Пальцовым ему и отцу Никите Демидовичу⁶³. Несомненно, Пальцов входил в самый близкий к ним круг людей, как минимум, сочувствовавших приверженцам старой веры.

Именно это объясняет логику эпизода с арестом Пальцова на Тульском заводе, с рассказа о котором начиналась эта статья. Владелец завода Никита Демидов, увидев, что человек, принадлежащий Семье и близкий ему по вере, попал в беду, привлек свои связи для того, чтобы его спасти. Никита попытался переиграть Преображенский приказ. Воспользовавшись кратковременной отлучкой его посланца, Демидов-старший, можно предположить, заручился поддержкой первого лица Оружейной канцелярии: получил от него сыскную память и драгун для экстренной эвакуации

⁶¹ ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 548. Л. 337 об.

⁶² ПСЗ. Т. X. № 7663. Резолюция кабинет-министров на доклад Генерал-берг-директориума «О переписи раскольников, находящихся на заводах дворянина Демидова и о сборе с них двойного подушного оклада».

⁶³ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 592. Л. 141–142.

сидевшего под караулом Пальцова. Надеясь его защитить, хозяин завода рассчитывал для начала хотя бы помешать отправке его в Москву.

Осуществлению это плана помешала случайность. Демидову не хватило времени, чтобы укрыть Пальцова. Путь от демидовского завода до воеводского двора оказался слишком коротким.

Публикации источников

А.А. Голубинский, Д.А. Черненко¹

Описание Москвы конца XVIII века землемера Ф. Охтинского

История Москвы; социально-экономическая история России; история России XVIII в.; история Русской православной церкви.

В данной публикации представлены материалы архивного дела, составленного предположительно в начале 1780-х гг., по структуре и содержанию близкого к Экономическим примечаниям. Наиболее ценной частью этого дела является публикуемое впервые описание города Москвы, составленное землемером Ф. Охтинским. Данный источник содержит интересные сведения о храмах и монастырях Москвы, о составе, размерах и собственниках окраинных земель Москвы, а также об отраслевом составе, локализации и владельцах промышленных предприятий Москвы.

В научных кругах Н.В. Козлова давно известна как один из ведущих исследователей и публикаторов широкого круга исторических источников по истории Москвы XVIII века, результаты ее многолетней работы в архивах отражены в серии весьма значимых трудов по данной проблематике². В данной же публикации мы предлагаем вниманию читателя созвучный с ее трудами материал – описание Москвы конца XVIII века, характеризующее территорию и население города, хранящиеся в фонде 1355 «Экономические примечания» Российского государственного архива древних актов.

Представляемое читателю описание г. Москвы³ землемера капитана Охтинского является частью дела, содержащего несколько различных по тематике текстов, которые, видимо, были материалами к составлению подробного Экономического примечания павловского времени⁴. В описи отмечено, что это «копия XIX–XX в.», и его протограф относится к 1781 г. История этой части архивного дела в силу радикальной смены фондовой структуры комплекса межевых документов представляет известную загадку. Отметим, что вторая опись ф. 1355 «Экономические примечания Генерального межевания» описана с точки зрения датировки намного лучше, чем первая, но в отношении этого дела есть основания в ней усомниться.

Землемер Фадей Охтинский – один из первых набранных для проведения екатерининского Генерального межевания землемеров, его карьера началась в марте 1766 г., когда среди других в списке принятых мы видим

¹ Голубинский Алексей Алексеевич; кандидат исторических наук, РГАДА, Центр по изучению отечественной культуры ИРИ РАН.

Черненко Дмитрий Анатольевич; кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова.

² Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002; *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII веке. М., 2010; *Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени* / Составление, очерки и комментарии. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М., 2015.

³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 120. Л. 1–31 об.

⁴ См.: *Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия* / Подг. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. Тула, 2016. С. 321–366.

и его фамилию⁵. Он осуществлял и полевую работу, довелось ему поработать и в чертежной, но особо примечательно то, что в 1767 г. он был переведен на время в Академию наук для проведения астрономических работ – наблюдений за планетой Венерой⁶. Сохранилось поданное им в чине капитана «Доношение о выдаче ... жалованья»⁷ 1774 г., которое может рассматриваться как нижняя граница интервала возможной датировки источника.

Верхняя граница определяется тем, что в 1781 г. Фадей Охтинский уже оставил межевую службу⁸, непосредственно перед отставкой он был командирован к описанию границ землевладений Симбирского наместничества⁹. В конце своей межевой карьеры он определил на землемерную службу на должность ученика 2-го класса своего сына – Василия Охтинского¹⁰.

Таким образом, составленное им описание в общем и целом может быть датировано второй половиной 1770-х гг. Возможно, однако, что, когда в остальном текст был уже готов, часть его осталась незаполненной, как это видно на л. 2 об., где заголовок таблицы «Дома Ея Императорскаго Величества» игнорирует границы ее столбцов, а сама таблица, расчерченная до конца листа, заполнена не полностью. В тексте этой таблицы указана дата завершения постройки некоторых зданий – 1786 г.

Кратко охарактеризуем состав дела.

В начале этого дела размещено «Описание, сочиненное капитаном Охтенским к сочиненному им плану г. Москвы», приближенное по формату к Экономическим примечаниям¹¹. Оно структурировано следующим образом: сначала излагается описание Кремля, затем Китай-города, затем Белого и Земляного города. Преимущественно это характеристика монастырей, соборов и приходских храмов. Также здесь располагается сплошная таблица на 17 страниц, в которой характеризуются «в предместьях за Земляным валом на градской выгонной земле казенные публичные строения, слободы, заселенные и незаселенные земли». В этой таблице предместья Земляного города предстают в виде 129 отдельно обмежеванных дач (из них 22 населенные) площадью от 1,1 до 906,6 десятин. Среди них встречаются села, слободы, монастыри и разнообразные пашенные и сенокосные угодья. Завершается данное описание характеристикой «разных фабрик и заводов, состоящих внутри города Москвы и в предместьях за Земляным валом на градской выгонной земле, с показанием местоположения их, за кем оныя в содержании, и в которой части города». Промышленные предприятия сгруппированы по отраслевому принципу. Эта часть

⁵ РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Д. 42.

⁶ Там же. Д. 295. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 3109, старая нумерация. Дело не сохранилось, уничтожено.

⁸ Там же. Д. 4981.

⁹ Там же. Д. 4585.

¹⁰ Там же. Д. 4682.

¹¹ Там же. Д. 120. Л. 1–17 об.

источника содержит интересные сведения о размещении промышленных предприятий Москвы в конце XVIII в. и персональном составе их владельцев.

На этом завершается та часть данного архивного дела, которая посвящена собственно описанию Москвы конца XVIII века, представленная в нашей публикации.

Затем следует «Краткое описание о первоначалии и создании Москвы» Александра Петровича Сумарокова¹². Этот текст ко времени составления данного архивного дела был давно опубликован¹³. Это не единственный случай привлечения текстов А.П. Сумарокова к подготовке описания Москвы в конце XVIII в. В частности, оно было использовано при составлении «исторического и топографического описания первопрестольного града Москвы с приобщением генерального и частных ея планов»¹⁴.

Продолжает текст дела «Реестр гербам»¹⁵, содержащий описание государственного герба и гербов 85 городов Российской империи. В конце этого реестра сказано: «сий реэстр выписан из Гербовника в Москве Августа 26 дня 1781 года Землемером Капитаном Фадеем Охтенским»¹⁶.

Завершает дело копия указа Правительствующего Сената Нижегородскому наместническому правлению по вопросам составления планов городских земель¹⁷.

¹² Там же. Л. 23–25 об.

¹³ Сумароков А.П. О первоначалии и созидании Москвы // Трудолюбивая Пчела. В Санктпетербурге: [Тип. Акад. наук]. СПб., 1759. С. 48–58.

¹⁴ Салмина М.А. Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А.П. Сумарокова // ТОДРЛ. М., 1958. Т. XV. С. 382.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 2. Д. 120. Л. 26–29 об.

¹⁶ Там же. Л. 29 об.

¹⁷ Там же. Л. 30–31 об.

(Л. 1) Описание, сочиненное капитаном Охтенским к сочиненному им плану.

Город Москва во общем знаменовании есть древняя столица Российския империи; селением расположена по обе стороны рек Москвы, Яузы и Неглинной, а главное крепостное строение оной состоит по левую сторону одной Москвы реки и имеет вокруг три каменные крепости, между собою взаимно примыкающиеся, из коих первая или внутренний замок называется

А. Кремль

В 1300^м при великом князе Данииле Александровиче построен был в Москве деревянный Кремль на том же месте, где великий князь Дмитрий Иоаннович Донский в 1367^м году заложил каменный, который 1488 и следующими годами при великом князе Иоанне Васильевиче распространен и в совершенство приведен Италианскими мастерами.

Положение свое имеет на высоком гористом месте по течению Москвы реки с левой стороны, обнесен высокими и толстыми каменными стенами с круглыми и четверугольными башнями, из них Спасская и Троицкая сверх отменной архитектуры от протчих отличаются и тем, что на верху обеих государственные позлащенные гербы, а внутри оных немецкие боевые часы, играющие колокольною музыкою. С Южной и с Западной¹⁸ стороны мимо Кремлевскаго замка течет река Москва, с Восточной проведен глубокой и широкой сухой ров, выстланной кирпичем; от городской стены прикрыт бастионами, чрез которой сделаны два каменные моста: один при въезде в Спасские ворота, а другой против Никольских ворот. С северной стороны окружает замок река Неглин-(Л. 1 об.) ная, чрез которую против Троицких ворот сделан каменной мост, а подле онаго на реке состоит мушная мельница, а другой мост у Боровицких ворот деревянной. Как Спасские, и Никольские ворота устроены для проезду из Кремля в Китай город, так напротив того Троицкие и Боровицкие ведут из оного же замка в Белый город. Внутри Кремлевскаго замка

Соборы

Большой Успенской есть первопрестольная в Российской империи церковь, в которой сверх драгоценнаго украшения святых икон, златых и серебряных утварей церковных, обретается риза Христа Спасителя нашего, нарицаемая Хитон.

Образ Пресвятыя Богоматери Иерусалимския и другой Владимирския в серебряном кивоте, оба писаны святым апостолом и евангелистом Лукою. Сверх того в серебряных раках почивают нетленные мощи святых Петра, Ионы и Филиппа, Фотия, Киприана и Феогнота – митрополитов московских – и еще некоторыя части мощей святых из Греции и других стран собранныя. Между протчими великолепными украшениями внимания достойно:

¹⁸ «и с Западной» – вставка тем же почерком.

Большое среди церкви серебряное паникадило о 48 подсвешниках, в котором весу до 70^{ти} пудов.

Стены Храма сего сооружены из одного дикого камня, а над церковью в средней главе сделана небольшая церковь же Похвалы Пресвятыя Девы.

А что в сем соборе было обыкновенное погребение прежних патриархов и митрополитов, оное доказывают их гробницы с надписанием имен их. Наконец, в сем соборе как прежние цари, так и нынешние государи императоры и императрицы по принятому от Греческой Восточной церкви узаконению святым елеем помазываются и коронуются.

(Л. 2) Архангела Михаила, в нем положены мощи святых Димитрия царевича, на Угличе убиеннаго. На поле написано: месяца мая 15 число. Благовернаго князя Михаила и боярина его Феодора Черниговских чудотворцов в великолепных серебряных раках, на поле написано: зри мес-
ящеслов 20 число сентября. В сем же соборе состоят гробницы царския и княжеския, между которыми государя императора Петра II, отличаема великолепным убранством.

Благовещенской, в котором хранится множество частиц от мощей разных угодников Божиих.

Спаса Преображения Господня, что на Бору, в нем хранятся мощи Св. Стефана епископа Пермскаго, который преставился в 1396 году в Москве, памяти оному совершается априлия¹⁹ в 20 день.

Сретения Господня, что во дворце.

Николая Чудотворца, завомого Голстунскаго.

Ивановская колокольня, называемая Иван Великий, при ней церковь, при ней церковь Св. Иоанна Спасителя лестницы, снабдена великим числом колоколов различного весу, построена царем Борисом Федоровичем Годуновым в 1600 году, что самое доказывает надпись внизу под главою оной колокольни золотыми словами изображенная.

Дом патриарший, что ныне Синодальный дом с церковью Дванадесяти Апостолов, во оном хранится древняя патриаршая библиотека, и чрезвычайно богатая патриаршая ж ризница.

Монастыри

Чудов, в котором почивают мощи Святаго Алексия митрополита, основателя сея обители.

Вознесенский девичий, в соборной онаго церкви хранятся под спудом мощи благоверныя княгини Евфросинии, супруги великаго князя Димитрия Иоанновича Донскаго, которая и основала сию оби-(Л. 2 об.)тель. А сверх того сей монастырь погребением прежних великих княгинь, цариц и царевен примечания достоин, так же и потому, что великая инокиня Марфа Иоанновна, мать государя царя Михаила Феодоровича, последние годы жизни своей в нем препроводила.

¹⁹ Так в тексте.

Приходския церкви
Благовещения Пресвятыя Богородицы, что на Житном дворе.
Мученика Уара.

Дома Ея Императорскаго Величества

1. Каменной старинной дворец, при нем Грановитая палата и Красное крыльцо.
Потешной дворец, построен во время государя царя и великаго князя Алексея Михайловича для потех его величества, коим званием разумелись тогда музыка иностранная, комедии, художественныя хитрости и сему подобное.
- 2.
3. Конюшенной.
4. Житной двор.
Состоящее между Троицкими и Никольскими воротами огромное здание Цейггауз, которое не совсем еще к концу приведено, в 1786 возобновлять начали.
- 5.
6. Наместнической дом противу Цейггауза у Никольских ворот возле Чудова и Вознесенскаго девичь монастырей для помещения Московской губернии присутственных мест построением окончен в 1786 году.

(Л. 3) В. Город Китай

Построен во время владения царя Иоанна Васильевича и есть второй замок к Кремлевскому примыкающий; укрепление сей части города состоит из претолстых каменных и высоких стен с 12^ю круглыми и четвероугольными башнями и болверками. Начало стен ведено от Воскресенских и кончено у Москворецких ворот. С Северной стороны около сего города течет река Неглинная, с Южной река Москва, с Восточной выкопан глубокой сухой ров, а пред оным подле городской стены выведен земляной вал, по которому в пристойных местах поделаны бастионы; для проезде в сей город с разных сторон устроены следующие ворота:

Воскресенские, они ж и Курятные называются, двойные, над ними две нарочито высокие башни с позлащенными наверху обеих государственными гербами, при въезде во оные чрез реку Неглинную сделан каменной мост, а между ворот в середине против мосту в нарочно сделанной часовне хранится образ Иверския Пресвятыя Богородицы великолепно украшенный.

Никольские²⁰.

Ильинские²¹.

Варварские.

²⁰ Объединены общей фигурной скобкой: «Противу обоих чрез ров поделаны деревянные мосты».

²¹ Объединены общей фигурной скобкой: «Противу обоих чрез ров поделаны деревянные мосты».

Москворецкие, против оных чрез реку Москву в летнее время на столбах наводятся деревянной мост, которой в большую весеннюю воду и осенью перед заморозом разбирается.

Четыре главные улицы: Никольская, Ильинская, Варварка и Москворецкая, ведут от площади к вышепомянутым того же звания воротам.

Внутри Китая города соборы

Казанской, в нем обретается список с Чудотворного образа Казанския Пресвятыя Богородицы, в честь (Л. 3 об.) которого из Успенского собору уставлены крестные хождения июля 8 и октября 22 чисел.

Живоначальные Троицы, что на рву, в нем почивают мощи Святых Василия и Иоанна Христа ради юродивых московских чудотворцов. На поле написано: месяцеслов августа 2 число²². В сей собор октября 1го повсягодно из Успенского собора бывает крестное хождение; из 19^{ти} приделов между прочими в сем соборе есть один во имя Входа в Иерусалим, откуда в прежнии времена в Вербное Воскресение уставлены были крестные ходы, Спасителей Вход во Иерусалим представляющие.

Монастыри

Богоявленской.

Спасской, в нем есть преизрядное училище, учрежденное для духовенства, на казенном иждивении, и состоит в ведомстве Святейшаго Правительствующаго Синода, в нем кроме Латинскаго, Греческаго и Еврейскаго языков обучают Философии и Богословии для снабдения²³ святых церквей учеными людьми.

Николаевской греческой.

Знаменской, в нем почивают под спудом мощи Карпа Христа ради юродивого.

Подворья

Новгородское, Казанское, Воскресенское, Иосифовское Волоцкое, Пафнутиевское, Калязинское, Вологодское, Ипатское, Иверское, Прилуцкое, Ростовское, Нижегородское, Воронежское. При них толикое ж число каменных церквей.

Приходския церкви.

1. Владимирския Богородицы, что у Никольских ворот, знаменита для явленной иконы того ж имени, которая стоит против алтаря под башнею городской стены.

2. Живоначальные Троицы, что на Полях.

3. Жен мироносиц.

4. Иоанна Богослова.

5. Николая Большого Креста.

6. Косьмы и Дамиана.

7. Введения Богородицы.

(Л. 4) 8. Воскресение, зовомое Булгаково.

9. Климента папы Римскаго и Пятницы у Гостиного двора.

²² «На поле написано: месяцеслов августа 2 число» – вставлено выше текста.

²³ В первоначальном варианте – «снабдевания».

10. Грузинския Богородицы.
11. Великомученика Георгия.
12. Максима Исповедника, на Варварском крестце, в ней хранятся мощи Святого Максима Христа ради юродивого Московского чудотворца, на поле написано: зри месящеслов ноября 11 числа.
13. Варвары Христовой мученицы.
14. Николая Чудотворца, что у Москворецких ворот.
15. Спаса Преображения у тех же Москворецких ворот.
16. Николая Чудотворца, что слывет Мокрое.
17. Зачатие, что в углу.
18. Николая Чудотворца, что в углу.

Публичные строения

Монетный двор, при нем Берг-коллегии Контора.
Типография Московскаго Университета с книжною лавкою, в том самом дому, где прежде была Главная Аптека.

Гостинный Двор и при нем таможня, построен в 1665 году июня в 30 день, а от создания мира в 7153^{м (х)}²⁴

Прежний Посольский двор, который отдан под разные шелковые фабрики, состоящая ныне в содержании за разными московскими купцами.

Печатный двор Синодальнаго ведомства, где хранится древняя библиотека, построен в 1645 году июня в 30 день, при нем разные мастерския палаты.

(Л. 4 об.) Сверх того Мытный двор.

Ряды торговые, занимающие великое пространство и состоящие из 6000 по большей части каменных лавок со сводами и весьма глубокими погребями, в которых как богатство и всякие товары российские и иностранные всего московскаго купечества хранятся, так и торги всего города Москвы производятся.

Перед рядами Лобное место и Красная площадь, где поставлена Артиллерия, из которой в торжественные императорские праздники пальба бывает.

Примечание

В 1785 году в Китае городе наперед старому Гостинному двору рядов и лавок заложено новое каменное строение, имеющее в себе заключать так же Гостинный двор в два этажа, которое и по другую сторону площади по сухому рву параллельно с стеною Кремлевскаго замка продолжится имеет.

(Л. 5) С. Белой городской

Построен в 1587 году при царе Феодоре Иоанновиче и по повелению его сперва назван Царевым, которое имя по времени забвению предано и составляет третью каменную крепость с Восточной стороны к Китаю городу, а с Западной при устье реки Неглинной к Кремлю примыкающуюся, подле которой со внутренней стороны выведен земляной вал нарочитой высоты, а со внешней выкопан глубокой сухой ров.

²⁴ «(х) В этой статье года 1665 (1753) так в подлиннике написаны».

Ведущие в сей город ворота хотя почти все уже сломаны, однако звание мест по оным удержано и называются:

Всесвяцкие, у реки Москвы против Каменного мосту.

Пречистенския.

Арбатские.

Никитские.

Тверские.

Петровские.

Сретенские.

Мясницкие.

Покровские.

Яузские, против коих чрез Яузу для всегдашняго сообщения на столбах наведен деревянный мост.

Главнейшия внутри Белаго города улицы:

Пречистенка.

Знаменка.

Арбатская.

Никитская.

Тверская.

Дмитревка.

Петровка.

Рождественка.

Сретенка.

Мясницкая.

Покровка.

Варварка

Яузская.

(Л. 5 об.) Монастыри

Воздвиженской.

Петровской.

Сретенской, в сей монастырь мая 21, июня 23 и августа 26 чисел из Успенскаго собора по вся годно бывает крестное хождение. В соборной онаго церкви обретается большой крест и на нем распятие, при котором все страсти Христа Спасителя искусною резною работою изображены.

Златоустовской.

Алексеевской.

Никитской.

Моисеевской²⁵.

Георгиевской²⁶.

Рождественской.

Ивановской.

²⁵ Рядом отметка иным почерком карандашом «— Упразднен».

²⁶ Рядом отметка иным почерком карандашом «— обращен в приходскую церковь».

Варсонофиевской²⁷.

Последние семь женские, а Моисеевской и Варсонофиевской упразднены и из них ныне расположены в Варсонофиевском – первого, а в Моисеевском – второго и третьего Московских баталионов канцелярии.

Подворья

Савинвское, Суздальское, Тверское, Рязанское, Вятское, Псковское, Коломенское, Переславское. При них толикое ж число каменных церквей.

Приходские церкви

Всех Святых, у Всесвятских ворот²⁸.

Николая Чудотворца в Башмакове.

Иоанна Предтечи на Ленивке²⁹.

Николая Чудотворца на Знаменке.

Антипы Чудотворца.

Николая Чудотворца в Таругине³⁰.

Ржевския Богородицы.

Пятницы на Нарышкине дворе³¹.

Луки Евангелиста³².

Знамения Богородицы.

Иоанна Предтечи³³.

Савва Стратилата³⁴.

(Л. 6) Тихона Чудотворца.

Благовещения Богородицы³⁵.

Михаила Малеина³⁶.

Николы в Ваганькове.

Николая Чудотворца, у Старого Каменного мосту.

Ирины Христовой мученицы на Нарышкиной дворе.

Димитрия Селунского³⁷.

Знамения Богородицы на Нарышкине дворе.

Бориса и Глеба.

Ризположения³⁸.

Иоанна Милостиваго³⁹.

²⁷ Рядом отметка иным почерком карандашом «— обращ. в приходскую церковь».

²⁸ Рядом отметка иным почерком карандашом «Упразднена».

²⁹ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

³⁰ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

³¹ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

³² Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

³³ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

³⁴ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

³⁵ Рядом отметка иным почерком карандашом «[Не прочитано]».

³⁶ Рядом отметка иным почерком карандашом «[Не прочитано]».

³⁷ Рядом отметка иным почерком карандашом «[Не прочитано]».

³⁸ Рядом отметка иным почерком карандашом «[Не прочитано]».

³⁹ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

Косьмы и Дамиана в Кисловке⁴⁰.
 Дионисия Ареопагита⁴¹.
 Георгия на Красной горке.
 Прорка Илии на Тверской⁴².
 Леонтия Ростовскаго⁴³.
 Вознесения Господня.
 Пророка Елисея^(х)⁴⁴.
 Воскресения Христова⁴⁵.
 Иоанна Предтечи у Никитских ворот⁴⁶.
 Воскресения на Вращке.
 Успения Богородицы.
 Георгия на Тверской⁴⁷.
 Николая в Гнездниках.
 Димитрия Селунскаго у Тверских ворот.
 Воскресения у Охотнаго ряду⁴⁸.
 Спас на Тверской⁴⁹.
 Косьмы и Дамиана за Гагариным двором.
 Воскресения на Дмитровке⁵⁰.
 Анастасии Премудрости у Охотнаго ряду⁵¹.
 Алексия Митрополита.
 Сергия Чудотворца на Дмитревке.
 (Л. 6 об.) Спас, что слывет на Китае⁵².
 Словущее Воскресение у Кузнецкаго мосту⁵³.
 Рождество Христово в Столешниках.
 Сергия Чудотворца.
 Сергия, что на Трубе⁵⁴.
 Иоакима и Анны⁵⁵.

⁴⁰ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁴¹ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁴² Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁴³ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁴⁴ «(х) Создана по притчине победы, полученные над Мамаем в день сего святого в 1386 году (так в тексте – А.Г., Д.Ч.) от Рождества Христова июня 14 числа, зри ниже в сей книге о первоначалии и создании Москвы».

⁴⁵ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁴⁶ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁴⁷ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁴⁸ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁴⁹ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁵⁰ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁵¹ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁵² Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже?».

⁵³ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁵⁴ Рядом отметка иным почерком карандашом «?».

⁵⁵ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

Николы, что в Звонарях.
Софии Премудрыя.
Введения Богородицы на Сретенке⁵⁶.
Иоанна Предтечи на Лубянке.
Мученика Евпла.
Фрола и Лавра у Мясницких ворот.
Гребенския Богородицы.
Георгия, что в Старых тюрьмах.
Николы, что в Блинной⁵⁷.
Николы, что в Столпах.
Архангела Гавриила.
Успения Богородицы, что на Покровке.
Троицы, что на Грязях.
Косьмы и Дамиана⁵⁸.
Покрова Богородицы⁵⁹.
Спас на Глинищах.
Всех Святых на Кулишках.
Благоверного князя Владимира.
Петра и Павла.
Троицы, что на Хохловке.
Трех Святителей.
Петра и Павла у Ильинских ворот⁶⁰.
Николай Подкапай⁶¹.
Рождество Христово.
Кира и Иоанна⁶².
Николая в Мыльниках⁶³.

Публичные строения

Дом блаженных памяти государыни царевны Екатерины Иоанновны.
(Л. 7) Главная Аптека, учрежденная в доме бывшего генерала адмирала Федора Матвеевича Апраксина, а напротиву оной по другую сторону Никитской улицы.

Императорской Московской Университет с гимназиею, учрежденный в 1753 году, при нем содержится комплет, состоящий из 50 человек дворян и толикаго ж числа разночинцов на казенном иждивении.

Запасной Колымажной двор.

⁵⁶ Рядом отметка иным почерком карандашом «?».

⁵⁷ Рядом отметка иным почерком карандашом «Тоже».

⁵⁸ Обе церкви объединены фигурной скобкой с подписью: «На Покровке обе».

⁵⁹ Обе церкви объединены фигурной скобкой с подписью: «На Покровке обе».

⁶⁰ Рядом отметка иным почерком карандашом: «Тоже».

⁶¹ Рядом отметка иным почерком карандашом: «Подворье Александрийское».

⁶² Рядом отметка иным почерком карандашом: «Подворье Сербское».

⁶³ Рядом отметка иным почерком карандашом: «Тоже».

Межевая Канцелярия, при ней Архив, в котором как специальные владельческие, так равно уездные, становые и градские планы с межевыми книгами в своих оригиналах на обмежеванные провинции и города не токмо всей Московской губернии и новоучрежденных Тверского и Смоленского наместничеств хранятся, но и других впредь к размежеванию принимаемых губерний или наместничеств же к соблюдению вносимы быть имеют.

Ветошные ряды.

Охотный ряд.

Кузнецкой мост.

Пушечный двор, при котором разные мастерския и художественныя палаты, где также состоит Контора от Артиллерии и Фортификации.

Императорский Воспитательный дом под знаком (х)⁶⁴ построен на том самом месте, которое прежде Васильевским садом называлось, и есть здание огромностию, пространством и великолепием все города Москвы строения превосходящее, начатое с 1764 г., в нем принимаются обоего пола несчастно-рожденные младенцы, содержатся во всяком довольствии, воспитываются добродетельно и обучаются всяким мастерствам и художествам.

Рыбной соляной двор.

Впротчем каменное и деревянное строение господских домов и разного звания обывательским дворов числом и красотою ежегодно умножается и в цветущее состояние приходит.

(Л. 7 об.) D. Земляной город.

Сей вал с бывшим по оному деревянным острогом сделан был при царе Феодоре Иоанновиче в 1591 и 1592 годах после Крымскаго на город Москву нападения, который как вышеписанныя три крепости, так и все селения по обе стороны рек Москвы и Яузы лежащая пространством своим объемлет, чем вся обширность города Москвы делается наподобие циркула кругловатою и имеет насыпной земляной вал нарочитой высоты, а пред оным выкопан был местами широкой и довольно глубокой ров. Самый вал от долговременности во многих местах обсыпался, а в иных с поверхностию земли совсем сравнялся.

Ведущие в сей город ворота:

Триумфальные по Санктпетербургской столбовой дороге.

При въезде по большой Троицкой дороге каменные, над ними пре-высокая башня, имянуемая Сухорева, внутри под оною математическая и географическая морская школа и государственной Адмиралтейской коллегии Контора.

Красные каменные украшенные живописными картинами и статуями.

За Москвою рекою

Серпуховские каменные и

Калужские.

⁶⁴ (х) – вписано карандашом.

Внутри Земляного города монастыри
Зачатейской⁶⁵.
Страстной⁶⁶.

Приходския церкви
Николы, что в Киевцах⁶⁷.
Пророка Илии Обыденнаго.
Воскресения Новаго.
Воскресения Стараго.
(Л. 8) Успения на Остож[ье].
Троицы, что в Зубове.
Покрова Богородицы у Пречистенских ворот.
Пятницы Божедомской.
Иоанна Предтечи в Старой Конюшенной.
Успения на Могильцах.
Покрова Богородицы в Левшине.
Власия Чудотворца.
Благовещения Богородицы на Сивцевом вражке⁶⁸.
Афанасия и Кирилла.
Николы в Плотниках.
Троицы на Арбате.
Бориса и Глеба у Арбатских ворот.
Николы Явленного.
Николы на Песках.
Спас на Песках, на Арбате.
Иоанна Предтечи в Кречетниках.
Симеона Столпника.
Николы на Курьих ножках.
Ржевской Богородицы, что на Поварской.
Бориса и Глеба на Поварской.
Рождества Христова в Кудрине.
Федоровския Богородицы у Никитских ворот.
Вознесения Господня на Никитской.
Георгия, что на Всполье.
Воскресения, что в Бронной.
Иоанна Богослова в Бронной.
Спиридона Чудотворца на Патриаршем пруду.
Ермолая Чудотворца на Козьем болоте.
Рождества Христова в Палачах.
Благовещения Богородицы, что на Тверской.
Пимена Чудотворца на Тверской.

⁶⁵ Оба монастыря объединены фигурной скобкой с надписью «оба женские».

⁶⁶ Оба монастыря объединены фигурной скобкой с надписью «оба женские».

⁶⁷ Рядом отметка иным почерком карандашом «Упразднена».

⁶⁸ Рядом отметка иным почерком карандашом «?».

(Л. 8 об.) Рождества Богородицы⁶⁹.
Успения Богородицы⁷⁰.
Знамения Богородицы на Петровке.
Спас на Песках.
Сергия, что в Пушкарях.
Николы в Грачах.
Троицы, что на Сретенке⁷¹.
Успения Богородицы в Печатниках.
Спаса Преображения Господня на Сретенке.
Панкратия Чудотворца.
Николы в Дербинском.
Николы на Мясницкой.
Трех Святителей у Красных ворот.
Харитона исповедника в Огородниках.
Воскресения Господня⁷².
Введения Богородицы⁷³.
Иоанна Предтечи в Казенной.
Иакова Апостола.

Пророка Илии на Воронцовском поле, в сию церковь июля 20 числа из Успенского собора повсягодно бывает крестное хождение.

Грузинския Богородицы.
Николы, что в Воробине.
Николы в Кошелях.

За рекою Яузою

Архидиакона Стефана.
Симеона Столпника.
Покрова Богородицы, что на Горке.
Николы на Болвановке.
Никиты Христова мученика.
Николы, что в Котельниках.
Косьмы и Дамиана новаго.
Косьмы и Дамиана Старого.
Спаса в Чигасах.
Воскресения⁷⁴.
Введения⁷⁵.

(Л. 9) За Москвою рекою

Георгия в Ендовах.
Николая Заяицкого.

⁶⁹ Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «на Дмитровке».

⁷⁰ Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «на Дмитровке».

⁷¹ Рядом отметка иным почерком карандашом «?».

⁷² Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «в Барашах».

⁷³ Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «в Барашах».

⁷⁴ Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «в Гончарах».

⁷⁵ Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «в Гончарах».

Косьмы и Дамиана в Нижних Садовниках.
Николы на Пупышах.
Архангела Михаила в Овчинниках.
Пятница, что на Пятницкой.
Никиты Христова мученика⁷⁶.
Николая Чудотворца⁷⁷.
Троицы в Больших Лужниках.
Спаса, что на Болвановке.
Словущее Воскресение.
Троицы в Вешняках.
Софии Премудрая в Средних Садовниках.
Иоанна Предтечи на Пятницкой.
Черниговских Чудотворцов на Пятницкой.
Климента Папы Римского.
Варлаама, что на Ордынке.
Николы, что в Пыжеве.
Покрова Богородицы в Пыжеве.
Георгия, что на Ордынке.
Николы в Толмачах.
Воскресения в Кадашеве.
Григория Кессарийского⁷⁸.
Успения Богородицы⁷⁹.
Екатерины Мученицы на Ордынке.
Спас, что в Наливках.
Казанския Богородицы, у Калужских ворот.
Иоанна Воинственника.
Марона Чудотворца.
Петра и Павла в Большой Якиманской.
Николы в Голутвине.
Иоакима и Анны в Якиманской.
Косьмы и Дамиана в Кадашеве.
Николы в Берсеневах.

Публичные строения и другия знатныя места⁸⁰

Каменный мост на реке Москве повыше устья реки Неглинной и Кремля, построен, как сказывают, во время государя царя Алексея Михайловича, по указанию некоторого монарха, бывшего в Праге, и взявшего пример с тамошняго моста. Но подлинных о том известий не сыскано. При нем Камер Коллежский питейный отдаточный двор и Контора от Кампании.

Царицын луг.

⁷⁶ Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «в Кузнецкой».

⁷⁷ Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «в Кузнецкой».

⁷⁸ Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «на Полянке».

⁷⁹ Церкви объединены фигурной скобкой с надписью: «на Полянке».

⁸⁰ В оригинальном тексте не имеет выделения расположением по центру.

Конюшенный Остоженный двор.
Суконный двор.
Полковой Артиллерийский двор.
Житный двор у Калужских ворот.

(Л. 9 об.) В предместиях за Земляным валом на градской выгонной земле казенные публичные строения, слободы, заселенные и незаселенные земли, на плане отделены по дачам и здесь описаны под особливými номерами⁸¹.

1. Тверская Ямская слобода владения оной слободы ямщиков и поселившихся на той земле разного звания людей, при ней церковь Василия Кессарийского, каменная. 384 д.м.п.; 388 дес.; 1565 саж.

Внутри дачи Тверской Ямской слободы в двух местах писцовая церковная земля владения оной слободы священно и церковно служителей, обе под одинакою литерою Е. 4 дес.; 1366 саж.

2. Внутри оной же дачи на земле Тверской Ямской слободы Оружейная слобода владения разных чинов людей. 1 дес.; 148 саж.

3. Ново Дмитровская слобода владения московских купцов и разночинцов, церковь Николая Чудотворца, каменная. 12 дес.; 2366 саж.

4. Новая слобода владения разного звания людей. 9 дес.; 78 саж.

5. Воротническая слобода прежде бывших Белаго и Китая города воротников, а ныне ведомства Главной Артиллерии и Фортификации, владения артиллерийских служителей и разночинцов. Церковь Пимена Чудотворца, каменная. 9 дес.; 1348 саж.

6. Земля кремлевских воротников Воротнической слободы. 2 дес.; 843 саж.

7. Суцевская слобода Новгородской сотни с принадлежащею к ней землею владения разного звания людей. Церкви 1-я Тихвинская, 2-я Казанская Пресвятыя Богородицы. 77 дес.; 1181 саж.

(Л. 10) 8. Белая земля, состоящая за Тверскими вороты владения разных чинов людей. 39 дес.; 527 саж.

9. Земля так называемой Сретенской полусотни владения разного звания людей. 12 дес.; 69 саж.

10. Казенные Неглинные пруды ведомства Главной Дворцовой канцелярии. 7 дес.; 2000 саж.

11. Земля Заиконоспасского училищного монастыря владения разного звания людей. Церковь Иоанна Воина, что на старом убогом дому. 32 дес.; 892 саж.

12. Отхожая земля Переславской Ямской слободы владения оной слободы ямщиков, на которой также поселение имеют разночинцы. 78 дес.; 1230 саж.

⁸¹ В оригинале текст до «Описания разных фабрик и заводов...» организован в виде сплошной таблицы, включающей в себя столбцы «Номера», «Звания дач», «Мужеска полу душ», «Десятины», «Сажени».

13. Белая земля, состоящая за Петровскими вороты владения разнаго звания людей. 12 дес.; 1262 саж.

14. Государева Коровинская земля, на которой состоит церковь Лазаря Праведнаго деревянная, при ней кладбище и дворы священно и церковнослужителей. 21 дес.; 1046 саж.

15. Напрудная слобода, состоящая за Петровскими вороты владения разных чинов людей, при ней церковь Чудотворца Трифона. 77 дес.; 288 саж.

16. Мещанския слободы владения разных чинов людей, при них церкви.

1-я Троицы, что в Троицкой.

2-я Андриана и Наталии.

3-я Филиппа Митрополита.

4-я Троицы, что на Капельках.

5-я Спаса Преображения Господня, что в Спасском. Все пять каменные.

6-я Великомученицы Екатерины, что в Черкасском саду и

7-я Спас, что на Шеине дворе, последняя обе деревянные. 163 дес.; 1817 саж.

17. Переславская Ямская слобода с принадлежащими к ней землями (Л. 10 об.) владения той слободы ямщиков, в том числе и разночинцов. Внутри оной дачи состоит полевой Артиллерийский двор, на плане под знаком ♂. 234 д.м.п.; 63 дес.; 2000 ½ саж.

18. Внутри оной же дачи писцовая церковная селидебная земля владения Переславской Ямской слободы священно и церковнослужителей, на которой и церковь Знамения Пресвятыя Богородицы каменная. 2 дес.; 1030 саж.

19. Красносельской пруд ведомства Вотчинной Ея Императорскаго Величества конторы. 22 дес.; 1451 саж.

20. Отхожая церковная земля той же Переславской Ямской слободы владения священно и церковнослужителей. 57 дес.; 336 саж.

21. Слободы Старая и Новая Басманные владения разных чинов людей, при оных церкви:

1-я Святых Апостол Петра и Павла в Новой Басманной.

2-я Никиты Христова мученика в Старой Басманной.

В слободе Новой Басманной подле Красных ворот состоит обширный Ея Императорскаго Величества Запасной дворец, при котором церковь Святаго мученика Ианнуария и Главной Дворцовой канцелярии конторы. 114 дес.; 1864 саж.

22. Красное Село владения того села дворцовых крестьян, в сем церкви:

1-я Покрова Пресвятыя Богородицы, что на Ольховце.

2-я Воздвижения Креста Господня с приделом Тихвинския Пресвятыя Богоматери, обе каменные. 95 дес.; 617 саж.

23. Внутри дачи села Красного Конюшенной двор и при нем караульные светлицы. 3 дес.; 1775 саж.

(Л. 11) 24. Земля Суконной фабрики содержателя капитана Василья Андреева сына Выродова. 9 дес.; 169 саж.

25. Сокольничья слобода с принадлежащими ко оной землями ведомства Обер-Егермейстерской конторы. 67 дес.; 602 саж.

26. Село Покровское Рубцово тож ведомства Главной Дворцовой канцелярии крестьян, в той даче каменный дворец с регулярным садом. Церкви:

1^я Богоявления Господня, что в Ехалове⁸²;

2^я Собор Покрова Пресвятыя Богородицы;

3^я Николая Чудотворца, что в Покровском селе. 553 дес.; 1680 саж.

27. Земля старого Преображенского дворца, при котором церковь Преображения Господня. 52 дес.; 2085 саж.

28. Слобода Московской парусной фабрики ведомства Государственной Адмиралтейской коллегии конторы. 29 дес.; 1102 ½ саж.

29. Лейб-гвардии Преображенского полку Солдатская слобода, при ней церковь Преображения Господня, а подле оной цейггауз. 127 д.м.п.; 96 дес.; 2220 саж.

30. Лейб-гвардии Семеновского полка Солдатская слобода, при ней церковь Введения во Храм Пресвятыя Богородицы каменная и цейггауз. 270 д.м.п.; 85 дес.; 802 саж.

31. Немецкая слобода владения поселившихся иностранных людей разных наций. При оной каменный дворец, называемый Лефортовской, на плане под знаком , построенный генералом Францом Яковлевичем Лефортом, после коего смерти взят в казну, две лютерские церкви, одна реформатская и одна римская. 115 дес.; 899 саж.

(Л. 11 об.) 32. Кобыльская, что прежде была Стрелецкая слобода владения разнаго звания людей, при ней церкви:

1^я Николы, что в Кобыльском.

2^я Иоанна Предтечи.

3^я Троицы, что в Сыромятниках, все три каменные. 57 дес.; 105 саж.

33. Тяглая купеческая земля Сыромятной слободы владения разных чинов людей. 18 дес.; 747 саж.

34. Двор графа Ефимовского. 1 дес.; 840 саж.

35. Главная генеральная госпиталь, при ней церковь Воскресения Христова, есть обширное каменное строение с деревянными обывательскими домами, учрежденное по высочайшему государя императора Петра Великого монаршему повелению в 1706 году для пользования военнослужащих. А притом велено молодых людей обучать лечебной науке, Анатомии, Ботанике, Рисованию и Латинскому языку. 10 дес.; 980 саж.

36. Лефортовская слобода, в коей жительство имеют Первого Московского полку отставные солдаты, при ней церковь Святых Апостол Петра и Павла, каменная. 256 д.м.п.; 77 дес.; 608 саж.

⁸² Видимо, Елохове.

37. Ея императорскаго величества Головинской дворец и сад, при нем церковь Успения Пресвятыя Богородицы каменная. 192 дес.; 764 саж.

38. Пашенная земля, взятая из дач села Карачарова в выгонную землю. 906 дес.; 1407 саж.

39. Двор вдовствующей генеральши Настасьи Александровны Нарышкиной. 2 дес.; 1290 саж.

(Л. 12) 40. Двор Суконной фабрики содержателя Журавлева. 0 дес.; 1290 саж.

41. Место бывшего двора генерал-майора и Медицинской коллегии президента барона Александра Ивановича Черкасова. 1 дес.; 1680 саж.

42. Сенокосный луг ведомства Главной Дворцовой канцелярии конторы, отдаваемый из оброку. 3 дес.; 875 саж.

43. Двор генерал-аншефа и кавалера Николая Ивановича Леонтьева, что ныне действительной статс-дамы и ордена Святыя Екатерины кавалера Екатерины Романовны Дашковой. 1 дес.; 980 саж.

44. Двор обер-директора и шелковой фабрики содержателя Василья Макарова сына Кастота. 1 дес.; 2385 саж.

45. Андрониев монастырь, в нем соборная церковь Спаса Нерукотвореннаго образа. Началом своим долженствует Святому Сергию Чудотворцу, игумену и основателю Троицкия Лавры, посредством ученика его Андроника. 3 дес.; 60 саж.

46. Того Андрониева монастыря бывшия служебныя строения. 9 дес.; 2316 саж.

47. Воронья слобода владения разных чинов людей. 40 д.м.п.; 3 дес.; 990 саж.

48. Николо-Ямская слобода, что прежде была Стрелецкая, Сухорева полку земля владения разнаго звания людей. 22 дес.; 92 ½ саж.

49. Фабрика суконная заводчика Ивана Михайлова сына Полуярославцева. 2 дес.; 714 саж.

50. Писцовая Ямская Рогожской слободы селидебная земля. 1 дес.; 583 саж.

51. Старая Алексеевская купецкая слобода владения московских купцов и разночинцов, при ней церкви:

1^я Алексея митрополита в Алексеевской Малой.

2^я Мартина Исповедника в Большой Алексеевской, обе каменные. 17 дес.; 771 ½ саж.

52. Новая Алексеевская Купецкая слобода владения московских купцов, в том числе и разночинцов, при ней церкви:

1^я Воскресения Господня, что в Таганке.

2^я Николая Чудотворца, что на Студенце, обе каменные. 13 дес.; 1192 ½ саж.

53. Семеновская Купецкая слобода владения московских купцов и разнаго звания людей. 13 дес.; 556 саж.

54. Дворовая и огородная земля владения разных чинов людей. 4 дес.; 992 саж.

55. Выгонная земля, взятая от Покровского Божедомского монастыря во 158 году, в 1650 г. от Рождества Христова, на которой поселение имеют разночинцы. 1 дес.; 331 саж.

56. Фабрика и сад московского купца и ценинной фабрики содержания Гребенщикова. 3 дес.; 374 саж.

57. Ямская Рогожская слобода владения оной слободы ямщиков, при ней церковь Преподобного Сергия Чудотворца каменная. 163 дес.; 698 саж.

58. Земля, взятая под выгон из дачи Рогожской Ямской слободы в силу 7158 г. указу. На поле написано: в 1650 году от Рождества Христова. 133 дес.; 1497 саж.

59. Земля, вырезанная в силу состоявшегося во 158 году указу по присланным из Государственной Вотчинной коллегии межевым книгам из дачи Симонова монастыря. На поле написано: в том же 1650 году. 108 дес.; 992 саж.

60. Покровской Божедомской монастырь. 22 дес.; 1420 саж.

61. Воронцовская тяглая слобода владения разных чинов людей. 31 д.м.п.; 9 дес.; 546 саж.

62. Воронцовская слобода, называемая Таганка, владения разных чинов людей.

От слободы Таганки под Красным Холмом чрез реку Москву летним (Л. 13) временем наводится мост, называемый Живой, который осенью перед заморозами опять разбирается. 11 д.м.п.; 0 дес.; 1653 саж.

63. Слободы Больших и Малых Каменщиков владений разных чинов людей. 106 д.м.п.; 10 дес.; 273 саж.

64. Огородная земля, состоящая между Коломенской и Кожуховской дорог, на коей поселены разночинцы. 10 дес.; 658 саж.

65. Огород князей Урусовых, который ныне состоит за купцами. 1 дес.; 1603 саж.

66. Огород Крутицкого Архиерейского дому. 4 дес.; 1621 саж.

67. Земля оброчная ведомства Государственной Коллегии Экономии, взятая под выгон, на которой ныне поселение имеют разночинцы. 14 дес.; 2177 саж.

68. Ставропигиальный Новоспасский монастырь с его садами, прудами и прочим строением. 20 дес.; 1400 саж.

69. Земля того ж Новоспасского монастыря, на которой поселение имеют разных чинов люди, при селении церковь Сорока мучеников каменная. 107 д.м.п.; 20 дес.; 279 саж.

70. Слободка Крутицкая, в которой жительство имеют Кафедрального Крутицкого Успенского собора священно- и церковнослужители, Крутицкого Архиерейского дому штатные служители, в том числе и разночинцы. 4 дес.; 2078 саж.

71. Дом и подворье Преосвященного Крутицкого Архиерея, устроенные на подобие монастыря с каменною оградой, Крутицы называе-

мые, лежащие на высоком и Крутом месте, с левой стороны реки Москвы. 6 дес.; 948 $\frac{1}{2}$ саж.

(Л. 13 об.) 72. Слободка Арбатец владения Крутицкого Архиерейского дому штатных служителей, в том числе и разночинцев. 5 дес.; 1052 саж.

73. Артиллерейский пороховой магазейной двор ведомства от Артиллерии и над фортификациями Конторы. 22 дес.; 2177 саж.

74. Московская выгонная земля, взятая из дач деревни Кожуховой и слободки Дубровки. 131 дес.; 1890 саж.

75. Казенной сенной покос ведомства государственной Коллегии Экономии. 2 дес.; 2168 саж.

76. Сенной покос Крутицкого Архиерейского дому. 3 дес.; 1050 саж.

77. Сенной покос Покровского Божедомского монастыря. 9 дес.; 835 саж.

78. Симонов Успенский монастырь с подмонастырскою слободою, при которой церкви:

1-я Николая Чудотворца;

2-я Рождества Пресвятыя Богородицы.

Сей монастырь построен по благословению преподобного Сергея Радонежского Чудотворца племянником его и учеником Федором, который потом возведен на Архиепископство Ростовское. 295 дес.; 900 саж.

79. Земля Кожевнической полусотни владения Московских купцов и разночинцов, при оной слободе церковь Успения Пресвятыя Богородицы каменная. 128 д.м.п.; 59 дес.; 1322 саж.

80. Часть укосного лугу бывшего ведомства Дворцовой Конюшенной Канцелярии, на которой земле нынче поселение имеют разного звания люди, церковь Живоначальныя Троицы каменная. 29 д.м.п.; 27 дес.; 1191 саж.

(Л. 14) 81. Часть укосного лугу ведомства Дворцовой Конюшенной Канцелярии, которого часть состоит в ведомстве оной же Канцелярии, а часть заселена разных чинов людьми, и на которой находится Клейной завод на планах под знаком Л, в содержании княгини Екатерины Ивановны Прозоровской. 20 дес.; 70 саж.

82. Часть укосного лугу ведомства Коллегии Экономии⁸³.

83. Земля, взятая под выгон из дачи Данилова монастыря, на которой поселение имеют разных чинов люди, церковь Вознесения Господня, что за Серпуховскими воротами каменная.

Внутри сей дачи Данилова монастыря так называемая Павловская больница на плане под знаком 2.

Основана в 1763 году Его Императорским Высочеством Государем цесаревичем и великим князем Павлом Петровичем, которая и содержится на собственное Его Высочества жалованье. Во оную всякого звания больные принимаются числом до 50 человек, и сколько оных вылечивается – тоlikое ж число вновь наступает. 25 дес.; 1815 саж.

⁸³ Данные о количестве земель в тексте отсутствуют.

84. Земля, взятая из дачи Данилова монастыря, которая и отдана под поселение разных чинов людей. 77 д.м.п.; 122 дес.; 815 саж.

85. Коломенская Ямская слобода владения оной слободы ямщиков, в том числе и разночинцов, при оной слободе церкви.

1-я Троицы, что на Шаболовке.

2-я Петра и Павла, обе каменные. 80 д.м.п.; 120 дес.; 548½ саж.

86. Земля, взятая под выгон во 158⁸⁴ году из дач Коломенской Ямской слободы, которая отдана под поселение разночинцам, при селениях, церковь Положения Риз, что слывет за Калужскими вороты каменная. 155 дес.; 1847 саж.

(Л. 14 об.) 87. Выгонная земля, взятая во 158⁸⁵ году из дач Донского монастыря, которая отдана под поселение разнаго звания людям. 49 дес.; 1728 саж.

88. Ставропигиальный Донской монастырь, в который августа 19 числа из Успенского собора повсягодно крестное хождение установлено в честь иконы Пресвятыя Богородицы, нарицаемые Донские, и на тот день празднества ей совершаемого. Чудотворный образ Донской Пресвятыя Богородицы принесен в Москву к великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскими казаками, пришедшими к нему на помощь во время ополчения его на войну против Мама в 1380 году июня 14 числа, которая в том же 1380 году происходила Московской губернии Тульской Провинции у реки Непрядвы близь вершины реки Дона на урочище Куликово поле имянуемом. (Географический лексикон стран. 153).

Монастырь же Донской строением начат при царе и великом князе Федоре Иоанновиче в 1592 году в знак и воспоминание двоекратно одержанной победы в 1591 году над Крымским ханом Нарадыном и братом его Муратом Киреем на том самом месте, где во время сражения вынесен и посреди полков поставлен был образ Пресвятыя Богородицы Доской, который до построения сего монастыря со времени принесения в Москву Донскими казаками хранился в Благовещенском соборе. В сем монастыре страдальческую кончину принял Преосвященный Архиепископ Московский Амвросий сентября 16 числа 1771 года. 55 дес.; 806 саж.

89. Выгонная земля Андреевского монастыря, что в Пленницах, на которой поселения имеют разных чинов люди.

90. Андреевский монастырь, что ныне приходская церковь. 51 дес.; 172 саж.

91. Село Васильевское владения его Сиятельства Генерал аншефа и разных орденов кавалера князя Василья Михайловича Долгорукова-Крымского. 31 дес.; 92 саж.

(Л. 15) 92. Выгонная земля, взятая из дач Ставропигиального Донского монастыря, на которой состоят Кирпичные заводы разных содержателей от сельца Семеновского и Посевьева⁸⁶. 6 дес.; 1338 саж.

⁸⁴ Так в тексте.

⁸⁵ Так в тексте.

⁸⁶ Данных о земле в источнике нет.

93. Данилов монастырь.

Создан во имя Даниила Столпника Великим Князем Даниилом Александровичем, четвертым сыном Святого благоверного Великого Князя Александра Невского, в котором и сам пострижен и погребен.

94. Дача села Даниловскаго бывшего владения монастыря крестьян, что в Москве, а ныне ведомства Государственной Коллегии Экономии, на которой поселением состоят дворы разнаго звания людей, а именно:

1. Двор его Сиятельства генерал фельдмаршала и разных орденов кавалера графа Захара Григорьевича Чернышева. 5 дес.; 1458 саж.

2. Суконная фабрика московскаго купца Петра Андреева сына Носырева. 3 дес.; 1374 саж.

3. Двор корнета Василья Федорова сына Ржевскаго. 1 дес.; 1340 саж.

4. Дворы разночинские. 5 дес.; 552 саж.

5. Слободки штатных служителей Данилова монастыря в двух местах. 2 дес.; 1050 саж.

6. Два кладбища для погребения раскольников. 0 дес.; 1200 саж.

(Л. 15 об.) 95. Дача Новодевичьего монастыря с заселенными землями

На ней приходские церкви.

1-я Иоанна Предтече у самага монастыря.

2-я Саввы Освященнаго.

3-я Возведения Честнаго Креста Господня, что на Вражке.

Все каменные.

Построен при владении Великаго князя Василия Иоанновича в 1525 году на том самом месте, до котораго при Великом князе Василии Васильевиче в 1396 году с Москвы обратно в Смоленск образ Смоленския Пресвятыя Богородицы, нарицаемая Одигитрия, препровожден был, взятый прежде в плен Юргою, и отпущен с Смоленским епископом Михаилом по его просьбе. С того образа одинакой меры и величины в том же 1396 году на Москве оставлен список и поставлен был в Благовещенском соборе, который ныне хранится в соборной того монастыря церкви, освященный во имя Смоленския Пресвятыя Богородицы. Со времени ж построения монастыря месяца июня 28 числа из Успенскаго собора повсягодно крестное хождение установлено, которое и поднесь свято наблюдается.

В сем монастыре соборная церковь Смоленския девы с приделами. 1. Св. Архистратига Гавриила в алтаре; 2. в ризнице Св. мученицы Софии и ее дочерей Веры, Надежды и Любви сентября 17 числа; да на паперти Св. Апостол Прохора и Никанора, Тимона и Пармена; внизу Успения Пресвятыя Богородицы; наверху Сошествия Св. Духа; на колокольне Св. Иоанна Богослова; под колокольней Св. Варлаама и Иоасафа царевича; над воротами с приезду от города церковь Преображения Господня; над задними воротами к реке Москве Покрова Пресвятыя Богородицы; в больнице Св. Амвросия епископа Медиоланскаго теплая; в башне Св. Николая Чудотворца.

В сем монастыре есть образ Св. Первомученика Стефана, изображенный на камне из числа тех, каковыми он при кончине страдания своего побит был. Камень цвету песочного, длиной пол аршина, шириною 5 вершков. Под монастырем и с оградой, церквями и разным внутри онаго строением четыре десятины $2347 \frac{5}{6}$ квадратных сажень, по межеванию межевщика капитана Никифора Збродова в 1761 году. 234 дес.; 1816 саж.

(Л. 16) 96. Дача государева Конюшенного Васильевского лугу, коея одна часть лежит в пусте. Другая заселена дворовыми разного звания людей, а именно:

97. Двор с садом и луговою землею бывшего Платона Мусина-Пушкина, который описан на Ея Императорское Величество и состоит в ведомстве Канцелярии Конфискации. 12 дес.; $666 \frac{1}{2}$ саж.

98. Посадская слобода, называемая Малые Лужники, при ней церковь Тихвинския Пресвятыя Богородицы, что слывет в Малых Лужниках. 12 дес.; $1572 \frac{1}{2}$ саж.

99. Двор с садом его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметьева. 25 дес.; 119 саж.

100. Двор с садом его сиятельства генерал аншефа и разных орденов кавалера князь Василья Михайловича Долгорукова-Крымского. 9 дес.; 2240 саж.

101. Огород с прудом Андреевского монастыря. 2 дес.; 282 саж.

102. Двор с огородом полковника Петра Племянникова. 0 дес.; 1021 саж.

103. Дворовой пустырь с прудом и луговаго землею Коллежского Ассесора Михайла Цыклера. 1 дес.; 2208 саж.

104. Двор с садом бывшего генерал полицмейстера Алексея Даниловича Татищева. 1 дес.; 1527 саж.

105. Двор с огородом и прудами Вознесенского девичьего монастыря. 6 дес.; 1260 саж.

106. Двор с садом и прудами капитана князя Михайла Черкасского. 4 дес.; 390 саж.

107. Пруды и луговая земля Высокопретровского монастыря, что в Москве. 14 дес.; 943 саж.

108. Двор и огородное место фабриканта в ранге коллежского Ассесора Ивана Тамеса. 5 дес.; 155 саж.

(Л. 16 об.) 109. Луговое место отписнаго двора графа Михайла Головина, состоящее в ведомстве Канцелярии Конфискации. 5 дес.; 1500 саж.

110. Луговое место, на котором состоит полотняная фабрика Директора Ивана Тамеса. 10 дес.; 359 саж.

111. По жалованной грамоте к посадской слободе Малых Лужников из Конюшенного Васильевского луга отмежевано. 10 дес.; 1422 саж.

112. Государева белая земля, отданная под поселение разночинцам, на оной земле церкви:

1-я Николая Чудотворца, что в Хамовниках;

2-я Знамения Пресвятыя Богородицы, обе каменные.

113. Дача Чудова монастыря. 7 дес.; 4 саж.
114. Выгонная былая земля, отданная под поселение разночинцам. Церковь Неопалимая Купины каменная. 198 д.м.п.; 48 дес.; 1128 саж.
115. Земля Ростовского митрополита, заселенная разночинческими дворами. 146 д.м.п.; 13 дес.; 1967 саж.
116. Земля церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы, что на Бережках владения поселившихся на оной разнаго звания людей. Церковь того ж имени каменная. 26 д.м.п.; 2 дес.; 345 саж.
117. Государева земля, на которой построен Конюшенный Запасный двор. 1 дес.; 1065 саж.
118. Дорогомиловская ямская⁸⁷ слобода владения оной слободы ямщиков и разночинцов, церкви:
- 1-я Смоленская Богородицы;
 - 2-я Успения Богородицы;
 - 3-я Живоначальныя Троицы.
- Все каменные. 260 дес.; 1644 саж.
- (Л. 17) Внутри той дачи в двух местах писцовая ц[ерковная] з[емля] владения той слободы священно- и церковно служителей.
- Против оной слободы чрез реку Москву летним временем наводится деревянный мост для всегдашняго сообщения, а наипаче для отправления почты от Москвы в Можайск и Смоленск. 4 дес.; 2324 саж.
119. Земля, взятая под выгод во 158 году, яснее в 1650 году от Рождества Христова из дачи Ямской Дорогомиловской слободы в дву местах, на которой состоит каменная ломка и разделена на две дачи, из коих одна во владении купца Кондратя Кузнецова, другая за разночинцами. На той земле учреждено в 1771 году кладбище, при нем церковь деревянная. 29 дес.; 1480 саж.
120. Земля и пруды лейб гвардии Семеновского полку секунд майора князя Матвея Алексеевича Гагарина. 29 дес.; 625 саж.
121. Загородный двор Титулярнаго советника Бориса Петрова сына Струговщикова. 2 дес.; 1895 саж.
122. Земля Дворцоваго дровяного двора ведомства Главной Дворцовой Канцелярии, на которой поселением состоят разночинские дворы. Церковь Николая Чудотворца, что на Щепях каменная. 58 д.м.п.; 9 дес.; 1500 саж.
123. Бывший Новинский монастырь, что ныне приходская церковь и онаго монастыря земля, которая отдана под поселение разночинцам. Внутри монастыря состоит городова школа для солдатских детей, во оной даче церкви:
- 1-я Покрова Богородицы, что в Кудрине;
 - 2-я Девяти мучеников;
 - 3-я Рождества Иоанна Предтечи, что за Преснею, камынные;
 - 4-я Николая Чудотворца, что на Ваганькове, деревянная.

⁸⁷ Слово «ямская» вписано сверху.

Внутри сей дачи состоят и государевы так называемые Пресненские пруды, населенные разных родов мелкою рыбою, ведомства Главной Дворцовой Канцелярии. 467 д.м.п.; 152 дес.; 163 саж.

(Л. 17 об.) 124. Внутри той же дачи Новинского монастыря пруд, проданный от Коллегии Экономии лейб гвардии Семеновского полку секунд майору князь Матвею Алексеевичу Гагарину. 3 дес.; 335 саж.

125. Былая стрелецкая земля, на которой поселение имеют разночинцы. 17 д.м.п.; 44 дес.; 202 саж.

126. Пресненская дача их светлости Грузинских царевичей Бакара и Георгия Вахтангеевичев, на которой поселены дворы Грузинских князей, дворян, армян и разнаго звания людей. Церковь Трех Святителей каменная. 62 дес.; 1665 саж.

127. Земля, взятая под выгон из дач бывшего Новинского монастыря, на которой поселением состоят дворы разных чинов людей. 41 д.м.п.; 467 дес.; 238 саж.

128. Земля, взятая во 158 году под выгон из дач Тверской Ямской слободы, на которой местами поселились разночинцы. 83 д.м.п.; 83 дес.; 372 саж.;

129. Пустошь Маслова, взятая под выгон по указу во 158 году из дачи сельца Петровского Зыково тож, ведомства Государственной Коллегии Экономии, что прежде было во владении Московского Высокопетровского монастыря. 48 дес.; 470 саж.

Итого. 2916 д.м.п.; 6953 дес.; 982 саж.

(Л. 18) Описание разных фабрик и заводов, состоящих внутри города Москвы и в предместиях за Земляным валом на градской выгонной земле, с показанием местоположения их, за кем оныя в содержании, и в которой части города, что показывают красныя цифры.

І. Суконныя.

1. У Каменного мосту в приходе Николая Чудотворца, что в Берсеневке в содержании Ильи Докучаева с товарищи 11 части.

2. Близ Яузы реки в приходе Николая Чудотворца, что на Ямах, у них же в содержании, купленная от Полуярославцова, 10 части.

3. За Москвою рекою близъ Донскаго монастыря Григорья Серикова, 10 части.

4. За Каменным мостом на Кадашевском дворе в приходе Косьмы и Дамиана содержателей Ивана Журавлева, Алексея Еремеева, Семена Бабкина, Директора Медовщикова, наследников вдовы Носыревой, 11 части.

5. За Даниловым монастырем у нее ж Носыревой, 11 части.

6. За рекою Яузою в приходе Симеона Столпника, 10 части.

7. Близ Андрониева монастыря, обе в содержании Алексея Иванова, 10 части.

8. В Коломенской Ямской слободе, 12 части.

9. В Кожевниках, обе Федора Васильева опекунов, 12 части.
10. За Москвою рекою в приходе Николая Чудотворца, что в Берсеевке, иноземца Егора Иванова сына Грунты, 11 части.
11. Близ Сакольников Капитана Василия Андреева сына Выродова.
12. На Веденских горах, содержатели Петра Гребенщикова, 13 части.
13. В Красном селе в приходе Покрова Пресвятыя Богородицы полковника Ивана Самарина, 13 части.
14. За Серпуховскими вороты в приходе Вознесения Господня подпоручика Матвея Зиновьева, 11 части.
- (Л. 18 об.) 15. В Кожевниках вдовы Перемышлевой, 12 части.
16. На Веденских горах близ Яузы реки Степана Калинина, 13 части.

II. Каразейныя.

1. У Красных ворот в приходе Трех Святителей вдовствующей княгини Ирины Михайловны Юсуповой в доме ее, 7 части.
2. Близ Донскаго монастыря в приходе Риз положения Ивана Кушашникова, у него ж и Кушашная, 11 части.

III. Шелковыя.

1. В Китае на Посольском дворе Ассесора Ивана Евреинова, 1 части.
2. На Сретенке его ж Евреинова в собственном его доме, 1 части.
3. На Посольском дворе Матвея Евреинова с братьями, 1 части.
4. За Сухоревою башнею в приходе Андриана и Наталии, что в Мещанской, его ж Евреинова с братьями, в собственном их доме, 8 части.
5. В Китае на Посольском дворе, 1 части.
6. В старой Басманной в приходе великаго мученика Никиты, 9 части.
7. В Новой Басманной в приходе Святых Апостола Петра и Павла, 9 части.
8. У Троицы в Сыромятниках, все четыре в содержании Андрея Бабушкина, 9 части.
9. В Китае на Посольском дворе Панкрата Колосова наследников, 1 части.
- 10, 11 и 12. В Земляном городе близ Сухоревой башни в собственных их трех домах, 7 части.
13. На реке Яузе близ Землянаго города у церкви пророка Ильи, что на Воронцовском поле его ж Колосова наследников, 9 части.
14. В Белом городе в приходе Архидиакона Евпла, что на Мясницкой, Михаила Милютина, 1 части.
- (Л. 19) 15. За рекою Яузою в приходе Архидиакона Стефана, Василия Демидова с братьями в собственных их домах, 10 части.
16. За Яузою ж рекою в приходе Никиты мученика Якова Коломнинова, 10 части.
17. В Красном селе в приходе Покрова Пресвятыя Богородицы Семёна Иванова сына Турченинова, 13 части.
18. В том же селе Красном содержания Якова Васильева сына Тулинова, 13 части.

19. В том же сем Красном Семена Андреева сына Бабушкина, 13 части.
 20. 3 Москвою рекою в приходе Спаса, что слывет в Наливках Федора Шелковникова обще с армянином Степаном Фитоновым, 11 части.
 21. За Преснею у него ж Фитонова собственная, 5 части.
 22. При реке Яузе близ Андрониева монастыря обер Директора Василия Хастатова, 10 части.
 23. В Семеновской слободе, 13 части.
 24. У Богоявления в Елохове, обе Перешивкина наследников, 13 части.
 25. Близ Донскаго монастыря в приходе церкви Риз положения, 11 части.
 26. За Арбатскими воротами у Спаса на Песках, обе Якова Леонова наследников, 3 части.
 27. За рекою Москвою в приходе Чудотворца Мирона, содержателя Тихона Сулова, 11 части.
 28. В Мещанской слободе в приходе Адриана и Наталии, Дмитрия Жукова и Ильи Суроженинова в общем их содержании 8 части.
 29. В селе Покровском Ерофея и Косьмы Дудышкиных 13 части.
 30. Там же содержателя Алексея Антонова, 13 части.
 31. За Петровскими вороты в Земляном городе у Спаса на Песках Ивана Татаринова и Алексея Скорнякова, 6 части.
 32. В Семеновском Зиновья Иванова, 13 части.
 33. Там же Андрея Андреянова, 13 части.
 34. (Л. 19 об.) В Преображенском Ивана Полетаева, 13 части.
 35. В Немецкой слободе Петра Белавина, 9 части.
 36. За Москвою рекою в приходе Воскресения Христова в Кадашеве, 11 части.
 37. За Покровскими вороты в приходе церкви Введения Пресвятыя Богородицы, что в Барахах, обе Ивана Мочалова, 7 части.
 38. За Арбатскими воротами в приходе Николая Чудотворца, что на Щепях, Григорья Леонова и Алексея Венедиктова в общем содержании, 4 части.
 39. За Арбатскими ж вороты в приходе Николы Явленного, 3 части.
 40. У Троицы в Сыромятниках, обе в содержании Ивана Мыльниковы с товарищи, 9 части.
 41. За Ильинскими вороты в приходе Николая Чудотворца, что слывет в Столпах, содержателей армян Лазаря и Петра Лазаревых, 1 части.
4. Делания шелку под золото и серебро.
 1. В Немецкой слободе Николая Иванова, 9 части.
 2. За Ильинскими вороты в приходе Николая Чудотворца, что в Столпах, 1 части.
 3. За Яузою у Успения в Гончарах, 10 части.
 4. За Преснею. Все три в содержании Степана Халдарова, 5 части.

5. Голунные.

1. На Покровке у Воскресения в Барахах Алексея Плавильщикова, 7 части.

6. Полотняные.

1. На реке Яузе близ Преображенского села ведомства Государственной Адмиралтейской Коллегии, 13 части.

2. В приходе Николая Чудотворца, что в Хамовниках Директора в ранге Коллежского Ассесора Ивана Тамеса, 4 части.

3. (Л. 20) В Старой Басманной в приходе Никиты мученика, 9 части.

4. В Новой Басманной в приходе Святых Апостола Петра и Павла, 9 части.

5. У Троицы в Сыромятниках. Все три в содержании Андрея Бабушкина, той же части.

6. В Кожевниках Ивана Овошникова, 12 части.

7. Близ Яузы реки в приходе Грузинския Пресвятыя Богоматери Гаврилы Ключева наследников, 7 части.

8. За Яузскими вороты в приходе Живоначальныя Троицы, что в Серебренниках, Ассесора Афанасья Гончарова, 7 части.

7. Плащильные и волочительные, золота и серебра.

1. Близ Варварских ворот Ильи Докучаева с товарищи, 1 части.

8. Трубочные и ценинные.

1. За рекою Яузою в старой Алексеевской слободе, в приходе Исповедника Мартина, содержателя Андрея Гребенщикова, 10 части.

9. Красочные.

1. Близ Донского монастыря в приходе церкви Риз положения Ивана Сухорева, 11 части.

10. Сусального листового золота и серебра.

1. В приходе Николая Чудотворца, что слывет в Кобыльском, Федора Ямщикова с товарищи, 9 части.

11. Сургучные.

1. На Пятницкой за рекою Москвою Ассесора Косьмы Матвеева наследников в собственном их доме, 12 части.

2. За рекою Яузою в приходе Косьмы и Дамиана старого, в содержании заводчика Ивана Хилкова, 10 части.

3. В Кожевниках Андрея и Тимофея Шеколютиных, 12 части.

(Л. 20 об.) 12. Суриковые и белильные.

1. В Мещанской слободе за Земляным городом в приходе у Спаса, что слывет во Спасской Михаила Шорина, 8 части.

13. Картные.

1. Внутри Земляного города за Арбатскими вороты в приходе Николая Чудотворца Явленного, вдовы Марьи Можентиновой, 3 части.

2. На Самотеке за Земляным городом в приходе у Троицы в Троицкой, Сергея Воропьянова, 8 части.

3. За рекою Яузой в приходе Косьмы и Дамиана старого, купца Луки Девятого, 10 части.

4. На Мясницкой в приходе Николая Чудотворца, Тита Зайцева, 7 части.

5. За Москвою рекою у Троицы в Лужниках, Поликарпа Долгова, 12 части.

6. В Новой Басманной иноземца Крейс Баума, 9 части.

14. Пуговичные.

1. За Мясницкими вороты в приходе Харитона исповедника в Огородниках, Ивана Струговицкова, 7 части.

15. Проволочные на шпажные ефесы.

1. В Зарядье близ Москворецких ворот Алексея Ворошатины, 1 части.

16. Красильные.

1. За рекою Яузою в приходе Симеона Столпника, вдовы Шелковниковой, 10 части.

2. В приходе церкви Живоначальной Троицы, что слывет в Сыромятниках, Семена Турченинова, 9 части.

3. За Мясницкими вороты в приходе церкви Харитона исповедника в Огородниках, генерал аншефа и кавалера Ивана Симоновича Генрихова, 7 части.

(Л. 21) 17. Кожевенные.

1. Василья Яковлева;

2. Тимофея Шеколютина;

3. Алексея Сабуровскаго;

4. Вдовы Сабельщиковой;

5. Федора Богданова;

6. Семена Вавилова;

все шесть заводов состоят в Кожевниках, 12 части.

18. Сафьянные.

1. За Преснею в Грузинах, Армянина Павла Аинса, 5 части.

19. Замшенные.

1. За Петровскими вороты внутри Земляного города в приходе у Спаса на Песках, Михаила Стулова, 6 части.

2. За Тверскими воротами внутри Земляного города в приходе церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы, Леонтья Симонова, 6 части.

3. В селе Покровском, Ивана Лукьянова, 13 части.

20. Беления воску.

1. У Богоявления Господня, что в Ехалове, Григорья Манатейникова, 13 части.

2. Там же Дмитрия Андреева, 13 части.

3. У Пречистенских ворот в Земляном городе в приходе пророка Илии Обыденнаго, Матвея Шигонина, 14 части.

21. Купоросные.

1. В Кожевниках Егора Емельянова, 12 части.

22. Латунные.

1. Александра Шмаков, в Кожевниках, 12 части.
2. Егора Емельянова в Кожевниках, 12 части.
3. В Китае городе Александра Карунина 1 части.

23. Шумишные.

1. В Кожевниках Егора Емельянова, 12 части.

(Л. 21 об.) 24. Шпалерные.

1. На Дмитровке у Пимена в Воротниках, иноземца Мартына Готлера 6 части.

25. Зеркальные.

1. В Немецкой слободе иноземки Юдифи Ахиллесовой 9 части.

26. Яри Винецейской и медянки.

1. В Немецкой слободе близ Гошпитального мосту Григорья Ямщикова, 9 части.

27. Шляпные.

1. Обер директора Михайла Гусятникова в Кожевниках, 12 части.
2. Данилы Сахарова в Кожевниках, 12 части.
3. В Старой Басманной Ивана Абросимова, 9 части.
4. Близ Немецкой слободы в Старой Басманной иноземца Клипеля, 9 части.

28. Ситцовая и полуситцовая.

1. В селе Покровском Ивана Иконникова, 13 части.

29. Часовые.

1. В Немецкой слободе иноземца Марка Фавия, 9 части.

30. Клейные.

1. Княгини Екатерины Ивановны Прозоровской, о местоположении онаго зри в статье описания градской заселенной и незаселенной выгонной земли под № 81.

31. Колокольные.

1. За Земляным валом в Мещанской слободе, в приходе у Спаса во Спасской, содержателя Можжухина наследников, 8 части.

2. Асона Петрова сына Струговщикова, московскаго 1 гильдии купца, 8 части.

32. Кирпичные заводы, состоящие на земле Переславской Ямской слободы в приходе Знамения Пресвятыя Богородицы все (Л. 22) под одинаким на планах знаком 1.

1. Константина Слизова наследников.
2. Поручика Семена Данилова сына Посникова.
3. Экономическаго крестьянина Семена Данилова.

33. Кирпичные заводы, состоящие внутри

писцовой дачи Ставропигиального Донскаго монастыря зри № 88, в статье описания градской выгонной земли.

1. Московский шелковой фабрики содержательницы вдовы Настасьи Милютиной.

2. Московскаго купца Алексея Никитина сына Икорникова.

3. Московскаго купца Якова Исакова сына Павлинова.
4. Московскаго купца Петра Лукьянова сына Маргорина.

34. Кирпичные заводы, состоящие на земле

Андреевскаго монастыря, что в Пленицах, внутри писцовой того монастыря дачи, зри № 89, в статье описания градской выгонной земли.

1. Купца Петра Федорова сына Скорнякова, он же и Кушашников.
2. Дмитровскаго купца Петра Зорина.
3. Московскаго купца Осипа Силина.
4. Его ж купца Осипа Силина.
5. Московскаго купца Григория Силуянова.
6. Первой гильдии московскаго купца Митрофана Переплетчикова.

35. Кирпичные заводы, состоящие

за Крутым врагом, на государеве выгонной земле, взятой из дач от сельца Семеновскаго и Посевьева бывшаго владения (Л. 22 об.) Ставропигиальнаго Донскаго монастыря, а ныне ведомства Государственной Коллегии Экономии крестьян зри № 92, в статье описания градской выгонной земли.

1. Петра Курочкина;
2. Федора Токарева;
3. Алексея Щадрина, купцов московских.
4. Купца Ивана Лаврентьева жены его Марьи Еремеевой дочери.
5. Анфиногена Юрцова;
6. Ивана Кушашникова, московских купцов.
7. Обер Директора Михаила Гусятникова.
8. Княгини девицы Марьи Алексеевой дочери Долгоруковой.
9. Алексея Петрова;
10. Ивана Емельянова;
11. Алексея Икорникова, московских купцов.

1799 год: великая миссия А.В. Суворова в Европе в переписке отца и сына Болотовых

А.Т. Болотов; П.А. Болотов; А.В. Суворов; эпистолярное наследие; Итальянский поход 1799 г.

Переписка тульского помещика, писателя и мемуариста А.Т. Болотова с сыном Павлом – уникальный документальный комплекс, позволяющий изучить психологию провинциального дворянства в исторической перспективе. Переписка велась на протяжении тридцати лет (1796–1826) и насчитывает 1100 писем. Драматизмом наполнены письма об участии русской армии под командованием А.В. Суворова в Итальянском походе 1799 г. Болотовы с восторгом писали о А.В. Суворове, на которого, по их словам, устремлены глаза всей Европы. Корреспондентов терзали мысли о несправедливости войн и их чудовищных последствиях для народов. Однако Болотовы не сомневались в великой освободительной миссии суворовской армии в Италии в 1799 г. Переписка А.Т. и П.А. Болотовых представляет большой интерес для изучения восприятия современниками личности А.В. Суворова и его побед, а также природы возникновения прижизненных легенд и анекдотов о великом полководце.

Литература о великом русском полководце Александре Васильевиче Суворове обширна. У научного сувороведения есть свои вершины – Д.А. Милютин, А.Ф. Петрушевский, И.И. Ростунов, В.С. Лопатин².

Впечатляет объем эпистолярного наследия А.В. Суворова, состоящий из служебных (реляции, ордера, рапорты, приказы и др.) и личных материалов и насчитывающий, по подсчетам В.С. Лопатина, более 5500 документов. Даже по меркам XVIII в. – века эпистолярной литературы, это представляется весьма значительным³. Основной комплекс документов А.В. Суворова был опубликован в четырехтомнике, изданном в 1949–1953 гг.⁴ Наиболее полное собрание суворовских писем вышло в 1986 г. в серии «Литературные памятники»⁵.

Особое место в изучении наследия А.В. Суворова занимают воспоминания, которые начали публиковаться сразу после смерти полководца и на протяжении XIX в. В.С. Лопатин условно их разделил на четыре типа: 1) специально написанные людьми из близкого круга полководца; 2) рас-

¹ Козлов Сергей Александрович; доктор исторических наук, Высшая школа технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

² Милютин Д.А. История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I. 2-е изд. Т. 1–3. СПб., 1857; Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов: в 3 т. Т. 1–3. СПб., 1884; Ростунов И.И. Генералиссимус А.В. Суворов. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1989; Лопатин В.С. Суворов. 3-е изд. М., 2018. Краткий обзор литературы о А.В. Суворове см.: Замостьянов А.А. Гений войны Суворов: «Наука побеждать». М., 2013. С. 519–533.

³ Лопатин В.С. Суворов в своих письмах // Суворов А.В. Письма / Издание подготовил В.С. Лопатин. М., 1986. С. 460.

⁴ Суворов А.В. Документы / Под ред. Г.П. Мещерякова. В 4 т. Т. 1–4. М., 1949–1953.

⁵ Суворов А.В. Письма / Издание подготовил В.С. Лопатин. М., 1986.

сказы сподвижников о А.В. Суворове другим лицам, записанные и затем изданные; 3) воспоминания современников, оставивших о А.В. Суворове как значительные отрывки, так и несколько строк; 4) устные предания (анекдоты). При этом воспоминаний первого и второго типов сохранилось по десяти, третьего – более сорока, четвертый тип насчитывает более 200 анекдотов, большая часть из которых анонимна⁶.

Наряду с мемуарами важным источником для изучения жизни и деятельности полководца является частная переписка русского дворянства последней четверти XVIII в. Однако эпистолярный частный лиц не получил еще должного внимания в научном сувороведении.

Письма, как ни один другой источник, позволяют день за днем проследить частную жизнь людей в контексте эпохи. Поэтому семейная переписка А.Т. Болотова с сыном Павлом, которая велась на протяжении тридцати лет (1796–1826) и насчитывающая 1100 писем (4238 л.)⁷, представляет несомненный интерес для изучения восприятия современниками личности А.В. Суворова и его блистательных побед, а также природы возникновения прижизненных легенд, слухов и анекдотов о великом полководце.

Тульский помещик Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) был писателем, агрономом, основателем журналов «Сельский житель» (1778–1779) и «Экономический магазин» (1780–1789). Широко известны автобиографические записки А.Т. Болотова, содержащие богатейший материал о культуре и быте России XVIII в.⁸ Сын Павел (1771–1850) стал надежным и преданным помощником отца во всех его делах. В октябре 1796 г. П.А. Болотов покинул родовую усадьбу в Дворяниново Тульской губернии и занял место ассесора уголовной палаты в Туле. Началась переписка отца и сына Болотовых о семейных и хозяйственных делах, а также о текущих событиях.

В первых письмах отцу П.А. Болотов уже упоминает о А.В. Суворове. 29 декабря 1796 г. он писал, что фельдмаршал в Тавриде, но уже 3 января 1797 г. сообщал «важную новость»: «Разнесся очень слух о смерти графа Суворова». Наконец, 18 февраля П.А. Болотов поведал отцу, что в «прошедших газетах» напечатано: «фельдмаршал Суворов лишен команды и призывается в Петербург»⁹. Как и все российское общество, Болотовых встревожил приказ, отданный Павлом I 6 февраля 1797 г., об увольне-

⁶ Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками / Сост. В.С. Лопатин. М., 2001. С. 46.

⁷ ОР РНБ. Ф. 89 (Болотовы А.Т., П.А. и М.П.). Ф. 608 (Собрание И.В. Помяловского). Оп. 2; НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова); Отдел рукописей Института русской литературы РАН. Ф. 537 (А.Т. Болотов); ОР РГБ. Ф. 475 (А.Т. Болотов); Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 349 (А.Т. Болотов).

⁸ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793: в 4 т. Т. 1–4. СПб, 1870–1873.

⁹ ОР РНБ. Ф. 89 (Болотовы А.Т., П.А. и М.П.). Д. 111 (Болотов П.А. Письма отцу. 1796–1797 гг.). Л. 51 об., 66, 95.

нии в отставку фельдмаршала графа А.В. Суворова, «так как войны нет и ему делать нечего»¹⁰.

Интерес к личности и деяниям А.В. Суворова был обусловлен у А.Т. Болотова и благодарной памятью об отце полководца – Василии Ивановиче Суворове (1705–1775), с которым его связала судьба в кенигсбергский период жизни (апрель 1758 – март 1762). 5 января 1761 г. В.И. Суворов был назначен губернатором Восточной Пруссии¹¹, и его предшественник Н.А. Корф рекомендовал поручика А.Т. Болотова, охарактеризовав его деятельность в кенигсбергской канцелярии с самой лучшей стороны. При первой встрече В.И. Суворов «уверял», что «родителя», Т.П. Болотова, «знал довольно» и подробно расспрашивал «о некоторых до фамилии касающихся обстоятельствах»¹².

А.Т. Болотов пользовался особым доверием у губернатора, который вызывал его к себе в кабинет для составления важных бумаг. При этом положение А.Т. Болотова при кенигсбергской губернской канцелярии «оставалось ничем официально не подкрепленным»¹³. В «Записках» А.Т. Болотов так вспоминал «о времени пребывания под командою» губернатора: «не мог на него ни в чем маленьком пожаловаться и кроме ласки и благоприятия ничего от него не видал»¹⁴. 27 декабря 1761 г. В.И. Суворов был уволен с губернаторства; при отъезде он проговорил полчаса с А.Т. Болотовым «о разных материях», посоветовал продолжать «свои науки» и распрощался с ним, «как отец с сыном»¹⁵.

Возвращаясь к переписке отца и сына Болотовых, следует отметить, что больше всего упоминаний в письмах о фельдмаршале А.В. Суворове относится к 1799 г. Их насчитывается 93. Это был год величия и славы российского полководца, которого называли спасителем Европы.

Сохранившаяся переписка за 1799 г. включает: 20 писем А.Т. Болотова (3 мая – 8 сентября)¹⁶ и 18 писем П.А. Болотова (2 мая – 30 августа)¹⁷. Письма отчасти восполняют утраченную 34-ю часть знаменитых мемуаров А.Т. Болотова, в которых излагались события 1799 г.¹⁸

¹⁰ Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. С. 430.

¹¹ См. подробнее: *Кретинин Г.В., Мегем М.Е.* Прусский губернатор В.И. Суворов // *Вопросы истории.* 2021. № 4. С. 144–151.

¹² *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 2. Стб. 34.

¹³ *Милютин М.П.* К вопросу о служебном положении А.Т. Болотова в Кенигсберге // *Слово ру: балтийский акцент.* 2020. Т. 11. № 2. С. 102.

¹⁴ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 2. Стб. 54.

¹⁵ Там же. Стб. 129.

¹⁶ НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2 (Сборник писем к П.А. Болотову за 1799, 1803 годы). Л. 9–132.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 608 (Собрание И.В. Помяловского). Оп. 2. 88/XXIV, в-1 (Болотов П.А. Письма к А.Т. Болотову. 1799 г.). Л. 1–93.

¹⁸ *Веселова А.Ю., Милютин М.Н.* О составе корпуса мемуаров А.Т. Болотова // *Русская литература.* 2020. № 1. С. 71.

В приложении к статье публикуются письмо П.А. Болотова, отправленное отцу из Тулы в Дворяниново 2 мая 1799 г. и два письма А.Т. Болотова, отправленных сыну в село Гнилое Болото Кромского уезда Орловской губернии из Дворянинова 15 мая и из Тулы 23 мая.

П.А. Болотов сообщал отцу первые известия о подготовке Итальянского похода фельдмаршала А.В. Суворова 1799 г.¹⁹, пересказывая «списочек», с полученного анекдота о полководце. Речь в нем шла о военном совете австрийского генералитета (гофкригсрате), на котором его председатель барон И.А.Ф. де Паула фон Тугут «неохотно соглашался на полное доверие графу в разсуждении военных действий и старался разбить его в словах в знании войны». На это А.В. Суворов ответил ему так: «Знаю ли я войну, сие предоставляю судить другим, но что я известен войне, сие все знают, и следовательно, могу утвердительно сказать, что одною минутою часто теряют баталию, один час решает судьбу кампании, одним днем может погибнуть целое государство»²⁰.

Исторический анекдот прочно вошел в русскую литературу с конца XVIII в. и стал частью мемуарной и биографической литературы²¹. Как верно заметил Н.Г. Рогулин, «для определения достоверности важнейшим становится вопрос о происхождении анекдота»²². Суворовское изречение стало афоризмом, и, к примеру, в апреле 1806 г. его привел в письме Александру I министр иностранных дел князь А.Е. Чарторыйский: «Одна минута решает исход битвы, один час – успех кампании, один день – судьбы империи. Этого изречения никогда бы не следовало бы забывать тем, кто имеет влияние на управление государства»²³. В 1884 г. А.Ф. Петрушевский в фундаментальном труде о полководце употребил афоризм при характеристике его военной системы, приписав А.В. Суворову фразу: «Я действую не часами, а минутами!»²⁴. Однако обстоятельства появления анекдота даны только в письме П.А. Болотова. А.В. Суворов «въехал» в Вену, где состоялся гофкригсрат 15 марта, но уже «чрез несколько дней» отбыл «к войскам», куда прибыл 28 марта²⁵. Вероятно, по результатам го-

¹⁹ Итальянский поход А.В. Суворова (апрель – август 1799 г.) являлся частью войны Второй коалиции (1799–1802), состоявшей из Великобритании, Австрии, России, Неаполитанского королевства, Турции против революционной Франции.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 608 (Собрание И.В. Помяловского). Оп. 2. 88/XXIV, в-1 (Болотов П.А. Письма к А.Т. Болотову. 1799 г.). Л. 3 об. (см. также приложение № 1).

²¹ Чекунова А.Е. Российский исторический анекдот екатерининской поры // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 138–145; Тархова Н.С. «Бить стремительно вперед, маршируя без ночлегов...». Источники суворовских афоризмов // Родина. 2010. № 11. С. 53.

²² Рогулин Н.Г. Суворов: анекдоты, мифы, заблуждения. СПб., 2020. С. 92.

²³ Император Александр Павлович и князь Адам Чарторыжский. Их переписка в русском переводе с предисловием и примечаниями издателя // Русский архив. 1871. № 4–5. С. 725, 726.

²⁴ Петрашевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов: в 3 т. СПб., 1884. Т. 3. С. 33, 34.

²⁵ Суворов А.В. Документы. Т. 4. № 7. С. 6; № 15. С. 12.

фкригсрата барон И.А.Ф. фон Тугут писал 20 марта австрийскому генералу И.М. Коллоредо: «Не утверждая вперед, достигнет ли Суворов успеха или нет, несомненно лишь то, что все <...> взятые вместе, не имеют за собою и половины тех славных или счастливых деяний, которые составили военную карьеру старого полководца»²⁶. Как видим, «истинность описываемого» представлена в анекдоте, но, как верно заметил, Е.Я. Курганов: «не следует доверяться этому в высшей степени коварному жанру», его ценность в другом – в живом, убедительном, достоверном показе картины нравов»²⁷.

П.А. Болотов писал о том, что А.В. Суворов стал «фельдмаршалом обеих армий». Имелось ввиду, что 23 марта 1799 г. император («цезарь») Франц II прислал русскому полководцу «патент» генерал-фельдмаршала Священной Римской империи²⁸.

Письма А.Т. Болотова сыну, отправленные 15 и 25 мая были «наполнены известиями» из газет «о Суворове и его делах и предприятиях». По словам адресанта, «читая оныя, по чувствительности своей не одним раз утирал текущие из глаз слезы удовольствия»²⁹. А.Т. Болотов «не жалел денег» и выписывал периодические издания. Особый интерес проявлял он к «немецким газетам», из которых еженедельно получал «уведомления» обо всем, что происходило «во всем свете и во всех землях и государствах, и известия о том были полные, а не такие сокращенные, какие сообщались нам через русские газеты»³⁰. Обычно А.Т. Болотов читал любимые «Гамбургские газеты» (*Staats- und gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten*) за утренним чаем, выкуривал трубку табака и записывал «особенно занимательное» в тетрадь под названием «Магазин достопримечательностей и достопамятностей». Тульский дворянин получал «Минерву» (*Minerva. Ein Journal historishen und politischen Inhalts. Berlin; Hamburg*) и выходивший в Москве «Политический журнал», который состоял из переводных статей издаваемого ежемесячно в Гамбурге «*Politisches Journal nebst Anzeige von gelehrten und andern Sachen*».

В письмах А.Т. Болотов подробно описывал Итальянский поход А.В. Суворова от его начала 8 апреля до военных событий мая 1799 г. Адресант с восторгом сообщал о том, что русско-австрийская армия «шагнула по-исполински», и отмечал в ландкарты (т. е., географические карты) места сражений и города Северной Италии, освобожденные от французов. Первой капитулировала крепость Брешиа (Бресчия), так как на французов «напал страх великий» и «цесарцы» (как называли в XVIII в. подданных

²⁶ Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. С. 458.

²⁷ Курганов Е.Я. Анекдот как жанр русской словесности. М, 2014. С. 82.

²⁸ Суворов. А.В. Документы. Т. 4. № 11. С. 10.

²⁹ НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2 (Сборник писем к П.А. Болотову за 1799, 1803 годы). Л. 43 (см. также приложение № 3).

³⁰ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова... Т. 3. Стб. 651; Т. 4. Стб. 845.

австрийской монархии) потеряли только одного канонира³¹. В донесении А.В. Суворова Павлу I 11 апреля 1799 г. сообщалось: «Войски императорские королевские и вашего императорского величества <...> под жестокими пушечными выстрелами крепостью завладели, а неприятель, не взирая на то, с замка производил пушечную пальбу 12 часов и по упорном сопротивлении сдался»³².

А.Т. Болотов перечислил осаждаемые или блокируемые союзными войсками в апреле-мае 1799 гг. итальянские крепости Феррару, Пескьеру и, наконец, Мантую, которую называли «ключом к Аппенинам».

Особо адресант остановился на характеристике военачальников, командовавших австрийскими войсками в Северной Италии. Великим полководцем и героем, назвал А.Т. Болотов барона Пауля фон Края (1735–1804), «родом из Трансильвании», 64 лет (в письме ошибочная дата – 59). А.В. Суворов также считал его «храбрым воином», «проложившим путь к победе»³³. Как явствует из письма, русский полководец привез П. Краю «диплом» о присвоении звания фельдцейхмейстера, т. е. генерала от артиллерии в императорской австрийской армии³⁴. Упомянул А.Т. Болотов и главнокомандующего «над цесарскою армиею» генерал-фельдцейхмейстера, барона Михаэля Фридриха Венедикта фон Меласа (1729–1806). Интерес представляет письмо А.В. Суворова барону М.Ф. Меласу от 11 апреля 1799 г., в котором русский полководец «отчитывал» его за то, что оставил австрийские полки, чтобы они смогли обсохнуть после проливного дождя: «У кого здоровье плохо, тот пусть и остается назади. Италия должна быть освобождена. <...> Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают. Глазомер, быстрота, стремительность — на сей раз довольно»³⁵.

А.Т. Болотов писал о том, что А.В. Суворов во главе 50-тысячного войска «положил гнать неприятеля без отдыха и принудить дать баталию», вошедшую в историю как сражение на реке Адда, длившееся три дня – с 15 (26) по 17 (28) апреля. Все попытки главнокомандующего французской армии генерала Ж.В. Моро контратаковать потерпели неудачу и, по словам А.Т. Болотова, союзная армия нагнала на французов такой страх, «что они со всяким почти днем переносят свою главную квартиру далее и далее»³⁶. Результатом битвы стало взятие Милана 17 (28) апреля донскими казаками под командой походного атамана А.К. Денисова и освобождение Ломбардии.

³¹ НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2 (Сборник писем к П.А. Болотову за 1799, 1803 годы). Л. 28, 28 об. (см. также приложение № 2).

³² *Суворов. А.В. Документы*. Т. 4. № 34. С. 27.

³³ Там же. № 38. С. 30; *Суворов А.В. Письма*. № 630. С. 349.

³⁴ НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2 (Сборник писем к П.А. Болотову за 1799, 1803 годы). Л. 28 об. (см. также приложение № 2).

³⁵ *Суворов. А.В. Документы*. Т. 4. № 35. С. 27, 28.

³⁶ НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2 (Сборник писем к П.А. Болотову за 1799, 1803 годы). Л. 44. (см. также приложение № 3).

Болотовы были приверженцами самодержавного правления и отвергали любые революционные потрясения в обществе. По убеждению А.Т. Болотова, «бешенство французских революционистов» стало результатом отпадения людей от веры, приведшего к массовому безумию, пробудившему самые низменные чувства³⁷. Примером «ига безбожников» считали Болотовы арест по приказу Наполеона Бонапарта папы римского Пия VI, которого уже «перевезли в Парму»³⁸. Поэтому А.Т. Болотов с восторгом писал, что Цизальпинская республика (образованная летом 1797 г. со столицей в Милане) «при последнем уже издыхании», и надеялся, что «за нею полетят и новоиспеченные» Римская и Партенопейская, провозглашенная в январе 1799 г. в Неаполе. Адресат приводил слухи о том, что французским войскам «велели оставить и Неаполь, и Рим, и спешить подкрепить армию свою против нас в Италии».

А.Т. Болотов также сообщал: австрийские войска взяли под контроль «коммуникацию меж[ду] миланскою и неаполитанскою фран[цузскою] армиею, а в Неаполь и в Калабрию стали с турками, зделали десант и там пойдет также потеха, ибо и там все бунтуют»³⁹. Действительно, 8 апреля дивизионный генерал Э.Ж. Макдонольд получил приказ Директории готовиться к выступлению на север Италии. Французы, оставив небольшой гарнизон, покинули Неаполь. В это же самое время кардинал Ф.В. Руфф объявил о создании армии Святой Веры для освобождения Неаполя от французов и республиканцев. За несколько месяцев ему удалось набрать боеспособные отряды, в том числе из команд русских и турецких военных кораблей. В начале июня начался штурм Неаполя, остатки французской армии и республиканцев капитулировали.

А.Т. Болотов писал и о действиях австрийской армии в Швейцарии, где 15 апреля «цесарцы овладели Шафгаузенном», столицей северного кантона, расположенного в долине Рейна, там французы сожгли «тамошней мост» через реку⁴⁰. Адресант уверял: французы не знают, что делать, «везде на них беды по бедам», и они «поручили» «команду на Рейне» военачальнику французских республиканских войск А. Массене. А.Т. Болотов «читал известие» о том, что эрцгерцог Карл Людвиг Иоанн, командующий союзной Рейнской армией, «позанемог» «простудной лихорадкой», а его армия испытывает «крайней недостаток в хлебе и в фураже», что «останавливает все дело»⁴¹. Действительно, А.В. Суворов 11 мая с огорчением писал генерал-адъютанту П.А. Толстому о бездейственности эрцгерцога Карла, которому, по его мнению, «надлежало давно завоевать Швейцарию и с помощью тамошних храбрых народов, даровав им вольность,

³⁷. Щерблыкина И.В. А.Т. Болотов. Гармония мира и души: Ценностные ориентации и творческие интересы. М, 2003. С. 180, 181

³⁸ НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2 (Сборник писем к П.А. Болотову за 1799, 1803 годы). Л. 30. (см. также приложение № 2).

³⁹ Там же. Л. 29, 29 об., 44, 44 об.

⁴⁰ Там же. Л. 29.

⁴¹ Там же. Л. 29, 29 об.

учинить себя господином Рейна – тако сею вернейшею иных чертою огранить цесарские владения»⁴².

В письмах А.Т. Болотов кратко «рассказал» сыну о наделавшем много шума «во всей Европе» дипломатическом инциденте, так называемом раштаттском убийстве послов. Предыстория этого события такова. В декабре 1797 г. в немецком городе Раштатте открылся конгресс для урегулирования территориальных вопросов между Австрией и Францией. Однако после вступления Австрии во вторую антифранцузскую коалицию ее войска окружили Раштатт. Все решения конгресса объявили недействительными и 23 апреля 1799 г. он был распущен. 28 апреля при выезде из Раштатта французские посланники подверглись нападению, на них «нечаянно на дороге наехали цесарские гусары и двух (А. Бонье д'Алько и К. Робержо – С.К.) убили, а третей (Ж.А. Дебри – С.К.) насилу спасся»⁴³.

С тревогой А.Т. Болотов отслеживал в «гамбургских газетах» информацию о «великих успехах» Наполеона Бонапарта в ходе египетской военной экспедиции. «Успокоив» Египет, «проклятой Буанопарт» «перебрался в Сирию и, овладев Палестиною, разбил турецкую армию и чудесит там ужасно». Адресант с уверенностью писал, «как скоро слух дойдет туда о европейских наших успехах, то и там дела переменятся»⁴⁴.

А.Т. Болотов поведал сыну последнюю светскую хронику. Прежде всего рассказал об устроенном посланником А.К. Разумовским «обеде и бале», который «удивил всю Вену». Среди приглашенных был и великий князь Константин Павлович, прибывший 26 апреля в союзную армию. Как отмечал адресант, «в Вене представляли ему на смотре цесарских войск и примечено де в нем превеликое знание военного дела»⁴⁵. В свите великого князя был и 15-летний сын А.В. Суворова Аркадий.

А.Т. Болотов сообщал о том, что «в нынешних гамбургских газетах» пишут о «Павловнах», т. е. об обручении дочерей Павла I. 2 февраля 1799 г. великая княжна Александра Павловна была обручена с Иосифом Антоном Иоганном, австрийским эрцгерцогом, палатином Венгрии, которого одарили «миллиона на два алмазами в Петербурге»⁴⁶. Получено было и «верное известие» об обручении 5 мая великой княжны Елены Павловны и «красавца собою» наследного принца Фридриха Людвига Мекленбург-Шверинского. Венчание их прошло в Гатчине 19 и 12 октября 1799 г. соответственно. В немецких газетах также сообщалось о приезде в Лейпциг великой княжны Анны Федоровны (урожд. принцесса Юлиана Генриетта Ульрика Саксен-Кобург-Заальфельдская), супруги цесаревича Кон-

⁴² Суворов А.В. Документы. Т. 4. № 123. С. 90.

⁴³ НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2 (Сборник писем к П.А. Болотову за 1799, 1803 годы). Л. 29, 30, 44 об. (см. также приложение № 2, 3).

⁴⁴ Там же. Л. 45.

⁴⁵ Там же. Л. 44 об.

⁴⁶ НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2 (Сборник писем к П.А. Болотову за 1799, 1803 годы). Л. 29 об., 44 об., 45 (см. также приложение № 2, 3).

стантина Павловича⁴⁷. А.Т. Болотов не без иронии пересказал сыну столичные слухи о том, что находившемуся в опале «бриллиантовому князю» А.Б. Куракину было «велео въезжать в Москву и жить где он хочет», и сразу же отправится в Петербург для «препоручения ему важной должности», а опальному графу В.А. Зубову, наоборот, повелели «тотчас из Москвы выехать» в свои имения в Курляндии⁴⁸.

Тема войны и мира пронизывала всю переписку Болотовых за 1799 г. Корреспонденты убеждены: «Европа в изумлении от успехов» А.В. Суворова, успевшего «своею непостижимою скоростью и проворством» «возстановить многия престолы, перековеркать все ковы, освободить целую Италию от злочестивых французов» и, наконец, склонить «дело к гибели Франции»⁴⁹. Болотовы размышляли о том, когда война, «истребляющая человечество», может быть справедливой. Драматизмом наполнено письмо П.А. Болотова отцу от 25 мая 1799 г.: «Дочитывая вчерашния газеты, переносился я мыслями из деревенскаго уединения и от сельских упражнений к кровавым зрелищам Европы. Как мы здесь спокойны и как не чувствуем того нимало, когда столько людей находятся в ужасных безпокойствах, страхах или болезнях от меча и огня, и когда течется, может быть, кровь ручьями и наших самых русских. Но что делать, одно зло избавляет от другаго страшней шага, а особливо при нынешней войне можно сказать: какия кровопролития не были бы зделаны от Суворова, но все может служить в пользу!»⁵⁰

Как видим, письма отца и сына Болотовых, будучи достоверными свидетельствами повседневных событий, отражают восприятие современниками освободительной миссии русской армии под командованием А.В. Суворова в Итальянском походе 1799 г.

⁴⁷ Там же. Л. 29 об.

⁴⁸ Там же. Л. 30, 45 об.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 608 (Собрание И.В. Помяловского). Оп. 2. 88/XXIV, в-1 (Болотов П.А. Письма к А.Т. Болотову. 1799 г.). Л. 20 об; НИОР БАН. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2. (Сборник писем к П.А. Болотову за 1799, 1803 годы). Л. 104 об. Поход русской армии в Италию в 1799 г. остается предметом оживленных дискуссий. Российские историки не сомневаются, что суворовская армия выполняла освободительную миссию в Италии. Большинство современных итальянских исследователей считают, что поход «не стал символом освобождения: на смену оккупантам-французам пришли оккупанты-австрийцы». (см. подробнее: Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками. С. 18, 19; Талалай М.Г. Русская армия в Италии в 1799 г.: освобождение или оккупация? // Россия – Италия: культурные и религиозные связи в XVIII–XX веках. Материалы международной конференции (Неаполь, 3–4 октября 2011 г.) / Под ред. М.Г. Талалай и А. Милано. М., 2013. С. 45–50; Итальянский поход Суворова: взгляд из Италии / Сост., пер. с итальянского языка М.Г. Талалай. СПб., 2021).

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 608 (Собрание И.В. Помяловского). Оп. 2. 88/XXIV, в-1 (Болотов П.А. Письма к А.Т. Болотову. 1799 г.). Л. 20 об.

В публикуемых в приложении письмах А.Т. и П.А. Болотовых сохранена орфография рукописи, текст разделен на абзацы, исходя из содержания. Сохранены также восклицательные и вопросительные знаки, скобки и подчеркивания в тексте писем. Сокращенные слова восстановлены в квадратных скобках. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами. Примечания к тексту обозначаются буквами русского алфавита. При публикации писем опущены тексты, касающиеся семейных и хозяйственных дел Болотовых; сокращения отмечены косыми скобками.

№ 1

П.А. Болотов – А.Т. Болотову

Тула, 2-го мая 1799, в понедельник перед вечером
Милостивый государь батюшка!

<...> Получил тут некоторой портрет в подарок, от которого не хотел много отговариваться, ибо человек очень славной, а именно, великаго пройдохи нынешняго времени Буонапарте, которой к вам при сем и посылаю вместо гостинца. <...>

Еще хочу вам сообщить для любопытства полученной мною здесь списачек об одном анекдоте Суворова, которой вас верно поинтересует. Когда на совете барон Тугут, императорской министр, неохотно соглашался на полное доверие графу в разсуждении военных действий и старался разбить его в словах в знании войны, то Суворов ему отвечал сими словами: «Знаю ли я войну, сие предоставляю судить другим, но что я известен войне, сие все знают, и следовательно, могу утвердительно сказать, что одною минутою часто теряют баталию, один час решает судьбу кампании, одним днем может погибнуть целое государство». Сие заставило всех молчать, и он после сего испросил позволение зделать некоторыя перемены в одежде солдат, соразмеря всио климату.

P. S. Он пишется «фелдмаршал обеих армий».

А портрет Боанарттов я передумал посылать с прикащиком, чтоб в трубочке не измял, а оставлю его лучше в Головлине, куда вы верно поедете.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 608 (Собрание И.В. Помяловского). Оп. 2. 88/XXIV, в-1. Л. 1, 3 об. Автограф. 11,5x19.

Без филиграни.

№ 2

А.Т. Болотов – П.А. Болотову

Из Дворенинова, в воскресенье поутру, мая 15 дня 1799
Друг мой Павел Андреич.

<...> И ко мне принесли писмы, к сидящему в милом и любезном своем флигеле под окошечком и любующемуся прекрасною натурою и прелестными нашими сирингами. И как же приятны мне были сии ми-

нуты! <...> И также чувствительное удовольствие произвели мне газеты. В них находилась уже первая реляция от Суворова и известие о первом и весьма удачном шаге, зделанном им по приезде. Он в самом деле шагнул по-исполински, и ежели все так шагать будет, то недолго ему шагать и до Милана и далее, и далее послал, и города Бресчия у французов, как ни бывало. Я бросился скорее в ландкарты и как же удивился, увидев, что город сей далеко, далеко уже за озером Гарда и за Мантуею. «Ба! Ба! Ба! – воскликнул я, – где уже наши. Ну, спасибо!» А прочитав и дальнейшия венския известия, обрадовался еще более, что завоевание сие не только нам действительно ничего не стоило, но что и цесарцы потеряли одного толко канонера, и что подействовал при всем сем деле единой страх от нашего войска. Как крепость и замок ни крепок, не стали дожидаться нашего приступа, и как скоро узнали, что хотят наши итти на приступ, то давай, давай скорее здаваться и писать капитуляции, но правду сказать, и напал на них теперь и страх велик.

Цесарцы после последней и важной победы разсеялись, всюду и везде их гонят, бьют, берут в полон, отнимают всея все, и разъезды их доежали уже до Кремоны и прервали комуникацию между Ферарою и Мантуею. Я как предугадывал, так и зделалось, что они Мантую оставят позади и за нею не раздумают итти далее вперед. Однако пишут в газетах, что как цезарь подарил Суворову еще одну богатую лошадь, то он обещал в благодарность за нее прислать клячи Мантуи генералу Краю, которой так скоро и так много прославился, которой родом из Трансильвании и 56 лет, и из которого выходит великой полководец и герой. Привез Суворов и фельдцеймейстерской чин, и орден важной с пенсиєю, и шефство над полком одним, и дипломы. На все сие поручил цесарь Суворову для вручения сему новому герою, которого сам генерал Мелас, приехавшей до Суворова, еще для принятия главной команды над цесарскою армиею так уважил, что команду хотя принял, но все распоряжения военныя оставил в полной воле его, Краю, и я думаю, что Суворову он пра то полюбится и будет ему друг. Словом, известиев о италианских произшествиях без удовольстивиев теперь читать не можно. Французы не знают от трусости, что делать, везде на них беды по бедам, и не знают, за ково приняты, поручили уже команду тут Моро, а на Рейне Масене. Там также все идет хорошо и благоуспешно, цесарцы овладели Шафгаузенем, и французы от трусости сожгли самую редкость и тамошней мост чрез Рейн. И Директория их не знает, что и делать, в превеличайшем находится смущении, уже уничтожила свою швейцарскую армию, уже слух есть, что будто велела войскам своим оставить и Неаполь, и Рим, и спешит подкрепить армию свою против нас в Италии.

И смешно теперь читать известия их из Парижа. Прости, что теперь вся их каналская пышность и надменность, уже не словечка о военных произшествиях, а только и твердят, что нет об них никаких официальных известий, и что Директория желает и усерднейше желает мира, и что охотно хочет хоть и уступки зделать, да помирится, и что напрасно разъежа-

ются из Растата. При всех сих благоприятных происшествиях жаль толко и очень жаль, что позанемоглось ерцгерцогу Карлу, и что в тех местах, где его армия в Швабии и в Швейцарии, крайней недостаток в хлебе и в фураже, раскрывают даже соломенные кровли для кормления скота и лошадей, и все нужное надобно подвозить сзади. Это останавливает все дело. Рановато начались военные действия, но простудная лихорадка, которою болен Карл, проходит и ему уже стало становится лутче. Впрочем, у французов и дома беспокойно, а в Швейцарии того хуже, да и везде, и везде, и все на них поднимаются. И ежели так все пойдет, что скоро Цизалпинская республика скончается, а за нею полетят и новоиспеченная и Римская, и Партенопская, и куда б это все так хорошо было. Уже из многих мест новья начальники уходят и скрываются, такая трусость на них вдруг напала, да и нелзя и не так, цесарцы полетели, как на крылах, и везде, и везде им удача, все генералы зделались героями и друг пред другом надрываются.

Далее пишут, что посланик наш в Вене, Разумовской, в день коронации государя зделал руской обед и такой бал, что удивил всю Вену. И были у него в гостях там император, и Константин Павлович, и е[рц]г[ерцог] Иосиф, и множество других принцов и знаменитых людей. Еще пишут, что государь за великою нашею княжною опять Павловною дает 2 милиона денгами приданова да по 300 тысяч ежегодного дохода с уделных вотчин. Великая княгиня Анна Федоровна приехала уже в Лейбциг. Кроме сих, нет почти никаких важных известий в нынешних гамбургских газетах, и в русских сообщено уже болше, и все новейшия известия италианские. Папу перевезли в Парму, наших войск идет еще множество в Италию, и государь прямым делом принялся и хочет себя прославить нешуточным вспоможением. Здешния ж новости состоят толко в том, что князю Алекс[андру] Борисовичу Куракину велено въезжать в Москву и жить где он хочет, а есть слух, будто призывается в Петербург для препоручения ему какой-то важной должности. А Валериану Алек[сандровичу] Зубову и двум каким-то другим, очень к нему въежим, велено тотчас из Москвы выехать, и он и выехал.

Вот все, что по сие время мне известно, теперь скажу тебе слова два и о себе, и о домашнем. Вчера овсом мы отсеелись, сады цветут, хорошо и свежо в поле, в саду более ста сильных больших яблоней. <...>

Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2. Л. 27–30. Автограф. 11x19.

Без филиграни.

№ 3

А.Т. Болотов – П.А. Болотову

Тула, в понедельник в обед, мая 23 дня 1799

Друг мой Павел Андреевич.

Ты, приехавши в Орел, справлялся тотчас, когда идет в Тулу почта, а я, подражая тебе, зделал тоже, приехав севодни в Тулу и узнав, что почта в Орел отходит завтра или принимают туда письма, спешу к тебе писать

и что-нибудь с тобою говорить, покуда готовить нам обедать и лошадей кормить будут. <...> В Федяшеве нашли мы учителя, господина Ровоама <...>. Я ему во весь вечер рассказывал все иностранные новости, о которых он ничего не знал, и давно уже я так много по-французски не говорил, как вчера, а теперь таким же образом хочу рассказать и тебе оныя в возмездие за твои уведомления. Никогда еще газеты так интересны и любопытны ни были, как ныне. Читая оныя, по чувствительности своей не один раз утирал я текущие из глаз слезы удовольствия. Все они наполнены известиями о Суворове и о его делах и предприятиях, и нельзя без особенного удовольствия читать их. Приписывают ему и, Бог знает, какую деятельность и геройство. Еще как подъезжал он к войскам, то объезжая наши войска, которые ему до безумия обрадовались и кричали, его встречая, уговаривал он их, чтоб они поспешали и придал им тем власть как крылья. Из Вероны все жители вышли ему навстречу за 4 миль, и при въезде в город народ отпряг лошадей и на себе привез его в его квартиру, отведеную в доме великолепном графа Емиля, у которого французы растреляли брата, и он сделал хозяину весьма приятной комплимент. Весь народ заглушил криком: «Виват, Суворов», но он и тут спал на сене и всякой день по два раза купается. А более всего удивил он всех прошением благословения у тамошняго епископа и поцеловал его руки, что там в великую диковинку.

По принятии команды его первое деяние было — сесть на лошадь, подхватить несколько козачков и цесарских гусар и ехать рекогносцировать неприятеля. Тут, как нарочно, случилось наткнуться ему на французской пикет из 60 человек. Козаки наши и гусары в один миг, по его приказанию, дали им всем карачун, и он оставил только двух живых и сих отпустил и велел сказать своим французам: «Суворов-де приехал». А вмиг после сего и послал секретно Края брать Бресцию, о взятии которого города я к тебе уже писал. Теперь, отправив в разные стороны австрийских генералов с отделенными корпусами, иных осаждают крепость Пичеру, иным блокировать Мантую, иным Ферару, иным занимать далее и далее места нужные, а сам с 50000 решился и положил гнать неприятеля без отдыха, и принудить дать баталию, и нагнал на них такой страх, что они со всяким почти днем переносят свою главную квартиру далее и далее назад, и теперь она уже в Милане, а Мирандолу и Кремону давно уже цесарцы взяли, новая Цызалпинская республика при последнем уже издыхании. Везде французов бьют, везде гонят, везде, и все, и все отнимают, все народы на них возстали, везде бунтуются, пристают к цесарцам и вместе с ними ополчаются на французов, а про наших толко и пишут, что они не дают французам никакой пощады, а казаки всюду и всюду летают, как ястребы и везде нагоняют страх и трепет.

Наконец, газеты пишут даже уже из Берлина, что сей же час получено известие, что крепость Пичера хотела уже сдаваться, но требовала выпуска гарнизона в Милан, но как в том отказано, то вздумали обороняться, но Суворов велел ее взять приступом, и что будто приступ продолжался 7 часов и удался, наконец, по желанию, и что все бывшие под ружьем до

единого нашими перерублены, таковой то задает он им перец, но сие еще требует подтверждения. Однако и кроме того пишут, что он велит сделать несколько тысяч приступных лесниц для взятия противящихся городов, и французы Мантую давно уже оставили, самим себе закупливаться и обороняться, где провианта доложить^a на 14 пуд иметь соли и дров. Теперь она далеко позади и окружена цесарскими, и они почти пересекли коммуникацию между миланскою и неаполитанскою фран[цузскою] армиею, а в Неаполь и в Калабрию стали с турками, зделали десант, и там пойдет также потеха, ибо и там все бунтуют. В самой Франции проявились новья шуаны, и везде бунты, и в Париже из 100 человек 98 радуются о наших успехах и желают опять короля.

Ерцгерцог враз выздоровел и собирает[ся] переходить чрез Рейн и ожидает, что произойдет в Италии. Конгрес Раштата разъехался и французские посланики также поехали, и нечаянно на дороге наехали на них цесарские гусары и двух убили, а третей насилу спастся.

О Константине Павловиче пишут, что в Вене представляли ему на смотре цесарских войск и примечено-де в нем превеликое знание военного дела. Ерцгерцог Иосиф одарен миллиона на два алмазами в Петербурге, оба они поехали к Суворову в армию, и с ними вместе многие драг-принцы волонтирами учатся у нашего посевевшего славнаго героя.

Насколько дела идут в Европе благоуспешно, столь худо они идут в Азии. Там щастие все еще благоприятствует Буанопарту, он, действительно успокоив Египет, перебрался в Сирию и, овладев Палестиною, разбил турецкую армию и чудесит там ужасно. Сам верховной визирь отправляется против его, но я думаю, что как скоро слух дойдет туда о европейских наших успехах, то и там дела переменятся.

Что касается до наших новостей, то получено верное известие, что великую княжну Елену Павловну действительно уже обручили мая 5 дня за принца меклебургского, красавца собою, также что князь Алекс[андр] Борисович Куракин проехал уже чрез Серпухов в Петербург. <...>

Еще сообщу тебе перевод с письма государя к Суворову, еще в деревне сообщенного, ныне в петерб[ургских] газетах: «Я решился отправить вас в Италию для вспоможения его величеству императору и королю, моему союзнику и брату. Суворову не нужны триумфы и лавры, но Отечеству нужен Суворов. Желания мои согласны с желаниями Франца II в том, чтоб вы приняли на себя главную команду над его армиею, которую он вам вверяет и о принятии очень вас просит. Итак, зависит то от Суворова, чтоб исполнить желание Отечества и Франца II».

Ответ-де Суворова известен и сообщен уже прежде. Вот он: «Команду над армиею в Италии принимаю. В Петербург сей час отправляюсь, упаду к стопам вашего император[ского] вели[чества] и буду бить неприятеля».

Вот сколько в немногия минуты успел я к тебе, мой друг, написать, писал бы еще более, но запрягают уже лошадей и более писать некогда. <...>

Ну, прощайте, друзья мои, до предбудущаго заочного с вами разговора. Целую вас мысленно и остаюсь вас много любящим отец, Андрей Болотов^б.

Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук. Ф. 69 (Собрание А.Т. Болотова). Д. 2. Л. 41, 43–46. Автограф. 11х19. Без филиграни.

П р и м е ч а н и е: ^а В ркп часть слова подтерто. ^б В ркп написано на нижнем поле другим почерком, вероятно, рукой П.А. Болотова Получено сие вместе с предпоследующим 31 маяя.

Лекционные курсы и материалы к ним

Писцовые книги XVII века.

Материалы для лекционного курса «Источниковедение проблем истории России до начала XIX века»

Московское государство; сошное письмо; Поместный приказ; налогообложение; землевладение.

В методической разработке, посвященной одному из наиболее сложных источников по русской истории XVII в. – писцовым книгам – показано значение этих документов, разобраны обстоятельства их возникновения, степень сохранности документов, подходы писцов к землеописанию, манера организации материалов описаний в книги. Специально рассматривается использование писцовых книг в целях учета землевладения и организации налогообложения приказной администрацией того времени.

Курс «углубленного» источниковедения, одним из создателей которого является Н.В. Козлова, занимает ключевое место в магистерской программе кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ. Публикуемый ниже текст является методической разработкой к одной из лекций этого курса, посвященных XVII веку.

Введение

Как известно, централизованная монархия раннего Нового времени сложилась в России к концу XV в. Возникшее Российское государство сталкивалось с серьезными вызовами – низкая продуктивность сельского хозяйства, связанная с суровым климатом, приводила к низкой плотности населения и небольшой численности подданных, а открытые границы и наличие сильных соперников как на западе, так и на востоке, требовали значительных военных усилий для обеспечения безопасности и роста. Успехи, достигнутые Россией в XVI–XVII вв., связаны с ранним возникновением единой системы поземельного налогообложения и обязательной, основанной на владении землей, военной службой светских землевладельцев. Единый учет земельных ресурсов в таком обществе был важнейшим условием успешного функционирования государства.

Между тем создание земельного кадастра в России должно было встретиться со значительными сложностями.

Прежде всего, речь идет о том, что система землепользования здесь существенно отличалась от той, которую мы видим в Западной Европе. Почва в Центральной России сильно истощается при постоянном использовании ее под посевы, и поля периодически приходилось оставлять, чтобы, вернувшись через много лет, снова расчистить лес или распахать целину. Таким образом, вокруг каждого поселения имелся значительный резерв пашенных угодий, а фактический размер и расположение пашен

¹ Хитров Дмитрий Алексеевич; кандидат исторических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова.

варьировались год от года². Более того, в условиях низкой плотности населения даже в центральных районах страны оставались значительные массивы земель, вообще не вовлеченных в хозяйственный оборот. До определенного момента крестьяне использовали столько земель, сколько им было нужно, и тем не менее между альмендами соседних поселений могли оставаться свободные пространства: в актах XIV–XV вв. при определении границ альменды часто используется формула «куда топор, соха и коса ходили»³.

Во-вторых, землевладение, учет которого был одной из главных задач описания, находилось еще в состоянии становления. До XV в. основной фонд земель оставался в руках князей, а их военные слуги обеспечивались путем пожалований из княжеской казны; в XV веке князья начинают в массовом порядке жаловать своим приближенным отдельные села, требуя при этом несения военной службы. Однако особенностью уклада жизни русского крестьянства была сильная крестьянская община. В большинстве регионов она распоряжалась землей и периодически перераспределяла земельные угодья между дворами пропорционально количеству работников в них; такому же перераспределению подвергалось и налоговое бремя. Община играла большую роль не только в том случае, когда речь шла о государственных землях, но и тогда, когда земля принадлежала светскому землевладельцу или монастырю. В этом случае, чаще всего, к сфере ее регулирования относились и обязательства крестьян по отношению к землевладельцу, что избавляло его от многих сложностей, связанных с управлением имением.

Таким образом, землевладельцу, в сущности, передавалось право сбора оброка с крестьян и, частично, право суда над ними. Его власть над селом не проистекала из личной зависимости крестьян, она была основана на владении землей (до конца XVI в. крестьяне могли свободно покинуть место жительства, а землевладелец имел право приглашать новых жителей со стороны), но фактически он чаще всего не контролировал использование земли.

В-третьих, несмотря на важность задачи составления кадастра, правительство не могло привлечь к ее решению большие административные ресурсы. Подсчеты Н.Ф. Демидовой показывают, что даже в конце XVII в. количество профессиональных управленцев в стране не превышало 4000 человек, причем большая часть из них была сосредоточена в столице⁴. Поддерживать постоянный учет земель в огромной стране со столь ограниченным штатом не было возможностей.

² Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006. С. 45–59.

³ Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси в XIV–XVI вв. М.; Л., 1935.

⁴ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

В-четвертых, несмотря на достаточно сложную и развитую налоговую систему, Россия до начала XVIII в. не имела единого бюджета. Каждое ведомство само определяло свои нужды и само, получив санкцию властей, организовывало, при помощи местной администрации, сбор прямых налогов. Когда в 1680 г. правительство впервые попыталось составить общий перечень доходов, выяснилось, что имеется более 10 приказов, собирающих собственные налоги и подати, а крупные новые налоги сочетаются с небольшими суммами сборов, которые продолжают собираться «по старине». Кроме того, собираемые суммы сильно изменялись в зависимости от текущей ситуации, например, возрастая во время войны и сокращаясь при наступлении мира. Из этого следовало, что необходима была простая и действенная схема раскладки этого обложения.

Ответом на все эти требования стало создание системы сошного письма – своеобразного кадастра, который, конечно, имел значительные отличия от подобных систем в западноевропейских странах.

Поскольку значение этих документов для русской истории очень велико, имеется обширная литература, посвященная особенностям их составления и использованию получаемых из них данных⁵. В то же время, работ по сопоставлению этой системы учета земли с системами, существовавшими в других частях Европы, пока нет. Цель данной статьи – систематически описать ее устройство, что может стать основой для сравнительного исследования.

Формирование системы сошного письма

Завершив в начале XVI в. политическое объединение русских княжеств, московское правительство столкнулось с тем, что жизнь в них во многом определялась институтами и традициями, сложившимися в период независимости. В частности, в разных частях государства использовались разные единицы обложения, такие как выть, обжа, лук, сохи различной природы и размера. По-разному учитывался и фонд земель, который принадлежал светским землевладельцам и с которого должна была нестись военная служба. Например, благодаря работам А.А. Фролова можно считать установленным, что наиболее ранние из дошедших до нас книг, относящиеся к концу XV в. и содержащие описания Новгородской земли, были скомпилированы с использованием документов, возникших еще в период независимости Новгорода, и отражали местные традиции землевладения и налогообложения⁶.

Устойчивость местных традиций поддерживалась сохранением системы средневекового административного деления. Страна делилась на

⁵ В особенности: *Веселовский С.Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1–2. М., 1915–1916; *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Источник, компьютер и методы исследования. М., 1986.

⁶ *Фролов А.А.* Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования. М.; СПб., 2017.

уезды, которые, как правило, формировались из присоединяемых к Москве княжеств или уделов: город и его сельскохозяйственная округа. Они были очень различны по территории и населению, и самые большие из них, такие, как уезды Москвы или Владимира, превосходили самые маленькие в десятки раз. Уезды, в свою очередь, имели сложную и неодинаковую внутреннюю структуру. Большинство из них делились на станы или волости (эти единицы воспринимались как одноуровневые и часто соседствовали в одном уезде). Большие уезды иногда дополнительно разделялись на половины или их эквиваленты (пятины в Новгородском, дороги в Казанском). В ряде случаев встречается и более сложное, многоуровневое деление.

В течение XVI в., однако, государство предпринимает значительные усилия для унификации этих сфер социальной жизни. Утверждается правило, что при проведении описания в уезд направляется руководитель работ, писец, или писец, с группой помощников, подьячих, из которых выделяется «подьячий с приписью», то есть с правом подписывать документы, который выступал в качестве со-руководителя работ и отвечал за их результат вместе с писцом. Писец, как правило, был дворянином с определенным административным и военным опытом, и такое назначение считалось весьма достойным для представителей столичного дворянства среднего ранга. Подьячие представляли Поместный приказ, ведомство, сложившееся в первой половине XVI в. и отвечавшее за контроль за землевладением во всем государстве. Их работа регулировалась типовой инструкцией, наказом; большую роль играла и традиция проведения таких работ, сложившаяся в Поместном приказе. Таким образом, уже в первой половине XVI в. возникла единая система земельного кадастра, которая в очень небольшой степени учитывала местные особенности и сама стала важнейшим инструментом унификации социальных институтов в различных регионах.

Периодичность описаний и сохранность материалов

Как правило, решение о новом описании принималось, когда прежнее явно переставало отвечать реальности. Чаще всего проблема имела общегосударственный характер, и в этом случае объявляли о начале общегосударственного, «валового», описания. Иногда также возникала необходимость описать какой-то уезд специально — такое случалось, как правило, после войны или стихийного бедствия, после которых налогообложение по старым нормам становилось невозможным.

Описание было очень трудоемким проектом. Даже в небольших уездах описание требовало нескольких лет, а в больших работало по несколько писцовых бригад, и тем не менее работы иногда растягивались более чем на десятилетие. Таким образом, точно определить даты «валовых описаний» сложно — между моментом принятия решения о его проведении и появлением первых книг проходило несколько лет. Кроме того, квалифицированных кадров не хватало, чтобы одновременно организовать рабо-

ты во всех уездах, и они описывались один за другим, в разные годы. Тем не менее, сами составители книг считали, что отстоящие друг от друга на несколько лет книги представляют собой единую перепись, «одно письмо», и исходили из этого при налогообложении и учете военной службы. Нам известно несколько таких масштабных описаний – в конце 1530-х – 1540-х гг., в 1560-х – 1570-х, в 1590-х, в 1620-х – 1630-х, незавершенное описание 1680-х.

К сожалению, далеко не все из них сохранились. Причина этого – в утрате значительной части архивов. Основная и наиболее ценная коллекция писцовых книг сейчас находится в фонде Поместного приказа в РГАДА (Москва). Однако архив Поместного приказа полностью погиб в пожаре 1626 г., и большая часть дошедшей до нас коллекции писцовых книг предшествующего периода – результат усилий приказа по восстановлению архива, которые были предприняты после пожара⁷. В первую очередь, приказ стремился получить копии тех книг, которые на момент пожара имелись у местных администраций. Однако на местах книги тоже часто погибали в пожарах, и восстановить удалось меньшую часть. В результате коллекция книг по периоду до 1626 г. разрознена, от ранних описаний сохранились всего лишь по несколько книг. Несколько лучше обстоит дело с описанием 1592–1594 гг., но и здесь до нас дошли книги менее чем по четверти уездов.

Значительно лучше обстоит дело с «послепожарным» периодом. Из описания 1624–1636 гг. сохранилось подавляющее большинство книг, многие из них – в нескольких копиях, и лишь по одному уезду описание утрачено, видимо, полностью (Юрьевец Повольский, небольшой уезд в Средневолжском регионе). Правда, сохранность книг не означает полной сохранности материалов, поскольку, как это будет показано ниже, книги не обязательно включали все материалы по данному уезду. Тем не менее, это огромный общегосударственный кадастр, общий объем которого (исключая дубликаты) превышает 140 000 листов. Неплохо сохранились также перепись населения 1678/1679 гг. и материалы неоконченного писцового описания 1686 г., которые, правда, охватывают только часть земель.

Описание поселений и земель

Как уже было сказано, крестьянская община выступала посредником в отношениях между государством и крестьянским двором, перераспределяя налоговое бремя между своими членами. Соответственно, государство не стремилось зафиксировать владения отдельных крестьянских дворов, достаточно было определить количество облагаемой налогами и службой земли в каждой из общин.

Плотность населения, даже в самых заселенных районах, оставалась сравнительно небольшой, и между альмендами поселений чаще всего имелись большие неосвоенные массивы земель, чаще всего лесов (на

⁷ К сожалению, местные архивы за этот период пострадали еще сильнее столичных, и в них сейчас совсем немного писцовых документов.

севере) и степей (на юге). Поэтому, вплоть до конца XVIII в., перед кадастром не ставилась задача описать все земли и четко определить границы земельных участков – это будет сделано только Генеральным межеванием. Вместо этого, писец представлял территорию как совокупность локаций, с которыми была связана хозяйственная деятельность. Они могли быть населенными (поселения) или ненаселенными (пустоши, которые представляли собой либо оставленные людьми по каким-то причинам поселения, либо просто участки земли, отдаленные от того поселения, жители которого ими пользовались). Такое видение территории очень зримо представлено на планах XVII века, которые иногда составлялись подьячими, хотя и не входили в основной набор кадастровых документов⁸.

Писцы используют довольно сложную номенклатуру этих локаций. Село – это, по общему правилу, центр прихода; близкими к селу по статусу поселениями являются приселок и слобода; сельцом именуется владельческий центр, чаще всего здесь находится усадьба землевладельца (но при этом нет церкви); деревня – рядовое сельское поселение, без церкви и без господской усадьбы; наконец, погост – отдельно стоящая церковь, при которой имеются только дворы клира. Пустошь, незаселенная локация, часто (но не всегда) называется с комментарием «что было сельцо» или «что была деревня»; если запустение недавнее, и есть надежда на скорое восстановление поселения, то оно может фигурировать как «деревня пустая» или «сельцо пустое». Впрочем, номенклатура поселений далеко не всегда соответствует этим формальным признакам. Отчасти причина в преемственности описаний, о которой будет сказано ниже: если в предшествующей книге населенный пункт был записан как сельцо, с высокой степенью вероятности он сохранит этот статус и при новом описании, даже если землевладелец больше не обитает в нем, а в описании пустоши упоминание о когда-то существовавшей на ее месте деревне будет повторяться раз за разом, иногда – на протяжении столетий. Кроме того, для современников, видимо, статус поселения ассоциировался с целым набором признаков, и отличия села, значительного местного центра, от обычной деревни были им более или менее очевидны.

Церковь, если она расположена в селе, описывается в самом начале и отдельно, как особое небольшое поселение: само церковное здание, дворы клира и нищих, церковная земля.

В поселениях перечисляются дворы и люди. Первой упоминается усадьба землевладельца и живущие в ней слуги (но не сам землевладе-

⁸ Огромная работа по локализации и публикации коллекции таких чертежей была осуществлена авторами проекта «Геоинформационная система «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.»». <http://rgada.info/geos2/> См. также: *Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.* Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» (<http://rgada.info/geos2/>) // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 75–84. DOI: 10.7256/2017.1.22025; *Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.* Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI–XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2015. С. 379–385.

лец и не члены его семьи – будучи служилыми людьми, они не подлежали переписи). Затем идут дворы приказчиков, за ними следуют крестьяне и бобыли, в последнюю очередь перечисляются дворы лично зависимых людей. В историографии имеются значительные разногласия по вопросу о том, имена какой части населения записывали писцы – высказывались мнения, что писцы записывали взрослых мужчин, женатых мужчин, способных нести полную налоговую нагрузку и др.⁹ Работа Д.А. Черненко показывает, что единого подхода к этому вопросу не было: светские землевладельцы, стремившиеся привязать рабочие руки к своим владениям, фиксировали значительно больше имен, чем монастыри, с их более стабильным хозяйством¹⁰.

За каждой локацией записывались расположенные на ней угодья. Внимание писца сосредоточивалось на тех землях, которые были вовлечены в хозяйственный оборот. Для писца территория выглядела как набор локаций, населенных (поселений) или ненаселенных (пустошей). Подсчеты показывают, что даже в староосвоенных районах сумма описанных в книгах земель составляет существенно менее половины от общей территории.

Таким образом, между описанными в книгах землях оставалось значительное количество неописанных. Местные жители, вероятно, имели представления о том, жители каких поселений имеют право пользоваться ими и где проходят границы, однако в документах это чаще всего не отражалось. В некоторых случаях, например, если земли локаций непосредственно соприкасались, владельцы могли обратиться к писцу с просьбой описать межу, однако в подавляющем большинстве случаев потребности в этом не возникало. Описание межей иногда выносятся в отдельную книгу по уезду, а иногда просто следует за основным описанием. Имеются археологические исследования, которые показывают, что в тех случаях, когда границы была официально демаркирована, она оставалась стабильной на протяжении очень долгого времени – межевые знаки XIV–XV вв. (чаще всего – заполненные углем ямы) указывают на ту же линию, что и знаки XVII и XVIII вв.¹¹.

⁹ Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962. С. 31; Аграрная история Северо-Запада России конца XV – начала XVI в. Л., 1970; Шапиро А.Л. Живущая четъ и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIX. Л., 1987. С. 117.

¹⁰ Черненко Д.А. К вопросу о «людях» писцовых книг первой трети XVII в. (по материалам писцовой книги Суздальского уезда 1628–1630 гг.) // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. Вологда, 2003.

¹¹ См.: Чернов С.З. Рекомендуемые форматы исторических карт уезда и волости (стана) средневековой России XIII–XVII вв. (по материалам Взада, Волока Ламского и московских волостей Воря и Пехорка) // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 344–361.

Интересно, что, используя локацию как базовую единицу описания, писцы не имели общего термина, который бы включал в себя различные типы поселений и пустоши. Это, видимо, говорит о том, что они не противопоставляли описанные ими земли и те, которые пока не были вовлечены в хозяйственный оборот: вся территория виделась им как совокупность таких локаций, а окружающие их земли – не как особые земельные участки (например, принадлежащие государству), а просто как резерв для возможного их расширения. В дальнейшем, по мере роста населения, эти незанятые земли были фактически освоены жителями поселений. В XVIII веке такие занятые без юридических оснований территории называли «примерными», т. е. «дополнительными», и вопрос об их судьбе стал предметом серьезных дискуссий в тогдашнем обществе. В результате Генеральное межевание во второй половине XVIII в. передало их фактическим держателям, поставив условием «бесспорное» размежевание владений между ними¹².

Учет сельскохозяйственной земли велся в «четях в поле, а в дву потому ж». Четъ, половина десятины, основной меры площади, сохранявшейся в России вплоть до 1917 г., составляла 0,54 гектара; таким образом, писцовая «четь в трех полях» составляла 1,62 гектара.

Пригодные для пашни земли, с точки зрения писцов, делились на три основные категории – «пашня паханая», перелог, пашня, лесом поросшая; вторая и третья иногда объединялись, и иногда, наоборот, выделялись разные категории внутри них – например, «пашня лесом поросла в руку» или «пашня лесом поросла в бревно». Кроме того, учитывались сенокосы (которые считались в копнах сена), и также леса – «пашенные» и «непашенные», которые, в отличие от лесной поросли, считались в десятинах, без деления на три поля. Разделение типов угодий, которое не очевидно для нас, было, видимо, вполне понятным для современников. Дело в том, что традиционные сельскохозяйственные техники той эпохи предполагали периодическое забрасывание части полей, поскольку при постоянном использовании в почве истощались микроэлементы, необходимые для развития злаков. В результате у поселения, как правило, помимо действующей пашни имелся резерв полевых земель, который также был важным фактором земледелия.

В литературе конца XIX в. неоднократно задавался вопрос, производились ли писцами фактические измерения земли и можно ли доверять их результатам¹³. Он был специально исследован В.Н. Седашевым, который обнаружил в источниках ясные свидетельства фактических работ по измерению полей. Будучи землемером по образованию, он также показал,

¹² Герман И.Е. История русского межевания. 2-е изд. М., 1910. Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: (К истории русского крестьянства и сел. хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

¹³ Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины. XVII век. М., 1894. С. 43–46; Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 18–19.

что объемы измерений, которые производились писцами, вполне соответствовали их физическим возможностям, а ошибки, которые возникали при вычислении площадей неправильных фигур, в большинстве случаев не превышают статистической погрешности¹⁴.

Прямое значение для оценки обязательств перед государством имел только размер пашни паханой, однако учет остальных угодий был важен по двум причинам. Во-первых, пашня должна была быть «угожей», то есть снабженной необходимыми для нормального ведения хозяйства угодьями, и их нехватка могла быть основанием для снижения налогового бремени в рамках процедуры «одабривания», которая будет описана ниже. Во-вторых, в случае, если в хозяйстве уезда происходили изменения, сюда мог быть послан «дозор» - небольшая бригада, которая не измеряла заново земли, а только фиксировала изменение соотношения действующих и недействующих полей.

Организация книги

Таким образом, первичным итогом работы писцов становилось описание множества локаций, и первоначально, они, видимо, располагались в том порядке, в каком описывались – то есть по концентрической спирали от центра уезда к его окраинам. Однако организация этого материала в книгу предполагала его глубокую переработку.

Помимо описания земель, описание также должно было зафиксировать землевладение – сегодняшнего владельца, прежнего, который фигурировал в приправочной книге, и, если владелец поменялся – основание владения, например, грамоту о продаже или передаче ему земли. При этом деление земли на локации не соответствовало делению на владения: одному владельцу часто принадлежало по несколько локаций, а локации могли быть разделены между владельцами. Владение землей оформлялось как владение локацией (или ее долей), несмотря на то, что сами границы этой локации, как было сказано выше, могли оставаться неопределенными.

В России существовало несколько основных форм землевладения. Прежде всего, это владения общин лично свободных крестьян, большая часть которых была сосредоточена на окраинах государства, особенно на Севере. Обязательства жителей этих земель перед государством сводились к уплате налогов и несению некоторых натуральных служб; их положение приближалось к положению горожан, они имели достаточно сложные представительные институты. Значительная часть земель в разных частях страны, особенно в ее центральных уездах, принадлежала дворцовому хозяйству монарха – эти земли обладали экстерриториальным управлением, платили налоги и несли службы в рамках собственного ведомства. Большим земельным фондом обладали патриарх, архиерейские кафедры и монастыри, причем владения крупнейших из них, таких как Троице-Сергиев, имелись по всей стране. Дворяне могли быть держателями земли в

¹⁴ *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в. М., 1912. С. 91 и сл.

двух основных формах: поместье, условное держание, размер которого был прямо связан с успешностью службы и которое вплоть до середины XVII в. не было наследственным, и вотчина, наследственное владение, причем разделялись унаследованные, полученные за службу и купленные вотчины. Особой категорией земель были «порозжие», то есть поместья, у которых в данный момент не имелось владельца; государство, разумеется, настойчиво стремилось учесть их. На окраинах крупными землевладельцами были общины мелких военных, таких как стрельцы, и коренных народов.

Для удобства использования книг писцы организовывали свои данные в ином порядке, чем они собирались. Материалы раскладывались по станам и волостям, и описание каждой такой единицы становилось отдельным разделом книги. Затем внутри каждого из этих разделов вводились подразделы – описания поместий, вотчин (чаще всего, вотчины различных типов описывались отдельно – родовые, выслуженные и купленные), владения церковных иерархов, монастырей, «черные» (государственные) земли и земли общин мелких служилых людей. Наконец, внутри каждого из подразделов описывались земли землевладельцев; если владелец имел несколько имений в разных частях стана, и они были описаны в разное время, то на стадии создания книги они объединялись; если его владения были расположены в разных станах, писец делал отметку: «за ним же поместье в Каменском стану». На каждом уровне – по владению, по типу владения, по стану или волости, наконец, по уезду целиком, писцы подводили итоги.

Это подведение итогов создает впечатление цельности и законченности книги, однако оно, как правило, ложное. Писцы не имели в виду, что книга непременно содержит описание всех земель уезда, и это, как правило, не так.

Прежде всего, в общие тома практически никогда не включались дворцовые земли. Поскольку Дворец сам собирал со своих земель налоги и сам требовал с них служб, не имело никакого смысла включать их в общеуездные книги, и писцы, видимо, создавали по дворцовым владениям особые книги. Несколько примеров таких описаний известно, но они, к сожалению, сохранились очень плохо, как и дворцовые архивы в целом. Более того, есть основания думать, что такая практика распространялась не только на дворцовые владения – например, известны особые, выделенные из общего описания уездов, книги владений касимовских царевичей или Троице-Сергиевой лавры, самого влиятельного из русских монастырей. Таким образом, работая с книгой, нужно иметь в виду, что какие-то формы землевладения могли просто не войти в нее, и далеко не всегда просто установить, какие именно.

В случае, если уезд был большим, он обычно делился между несколькими писцовыми бригадами «по половинам» или даже более подробно; более того, если по каким-то причинам часть земель оказывалась пропущенной в основном описании, могло быть организовано дополнительное.

Налогообложение

Списки взимаемых налогов и размеры важнейших из них в Московском государстве часто менялись: тягло возрастало в кризисные и военные времена и сокращалось в мирные. Из этого следовало, что необходима была простая и действенная схема раскладки обложения. Инструментом для такой раскладки стала большая московская соха, единый налоговый индекс, внедренный во всю систему сошного письма с середины XVI в.

Поскольку речь идет о земледельческом обществе, соха была прежде всего мерой земли (о чем говорит и ее название). Однако этим ее функция не исчерпывалась, она использовалась для оценки любой хозяйственной деятельности: писец пересчитывал в сохи определенное количество дворов в каждом городе, пашни в сельской местности, а при необходимости, если основой хозяйства было не земледелие, а какая-то иная деятельность, в сохи могли «клясться» охотничьи угодья, црены для выварки соли, рыбные ловы и т. д.

Размер сохи для каждого уезда определялся в Поместном приказе и прописывался в писцовом наказе. При этом учитывались как природные факторы – малопродуктивная северная пашня облагалась легче, чем плодovitая южная, и, следовательно, «в соху» в северных уездах зачислялось больше пашенных угодий.

Различные формы землевладения облагались по-разному. Жители «черных» государственных земель несли обязательства только перед государством, и, соответственно, облагались тяжелее всего. Крестьяне монастырских владений также имели обязательства перед монастырем, и, следовательно, их обложение было легче. Наконец, крестьяне поместий и вотчин светских землевладельцев должны были обеспечивать хозяев, несших тяжелую и разорительную военную службу, и для них налоговое бремя снижалось еще заметнее.

Кроме того, существовали и локальные различия в продуктивности почв. По общему правилу, земля определялась писцом как «добрая», «средняя» и «худая». Нормы обложения исходили из «доброй» земли, а «средняя» и «худая» пересчитывалась в «добрую». Эта процедура называлась одабриванием. Другим основанием для одабривания земли мог быть недостаток сопутствующих пашни угодий – перелогов, лесов и сенокосов.

Таким образом, количество земли, которое клалось в соху, зависело от формы землевладения и от пригодности самой земли для ведения хозяйства. Норма расчета могла выглядеть так:

Качество земли \ Форма землевладения	Черные	Монастырские	Светские
Добрая	400	600	800
Средняя	480	720	960
Худая	600	900	1200

В этом примере черносошные добрые земли обложены втрое тяжелее, чем худые светские. Впрочем, как уже было сказано, нормы обложения определялись для каждого уезда индивидуально.

Большая московская соха была, как мы видим, достаточно крупной единицей, в ряде случаев речь шла более чем о 1000 гектаров пашни. Это было удобно для расчетов на уровне всего государства, но лишь немногие владельцы имели такие латифундии, тем более в пределах одной волости или стана. Таким образом, высчитывая индекс сошного письма для одного владения, писец должен был оперировать дробями. Писцы использовали недесятичные дроби и с их помощью могли передать весьма некруглые значения – например, «четы без полполтрети» (0,167) или «полчети с полтретью» (0,291). Проверка их вычислений показывает, что они проводились довольно точно; о том же говорят и документы Поместного приказа – жалобы на писцов чаще всего связаны с отказом провести одабривание (писец записывал пашню, которую владелец считал «средней», как «добрую») или с учетом части перелогов как действующей пашни. С другой стороны, в недавней работе Е.В. Камараули о южном пограничном Воронежском уезде в 1620-х гг. показаны массовые искажения в вычислении сошных окладов, как в меньшую, так и в большую сторону, взаимно компенсирующие друг друга¹⁵. На данный момент у нас мало данных, чтобы сказать, связано ли это с недобросовестностью писца, или же речь идет о какой-то неочевидной особенности землевладения и обложения в этом дальнем и малозаселенном уезде.

Вычисленные для отдельных владений доли затем суммировались вместе с другими показателями на уровне станов и волостей, а затем уездов. Итог сошного письма для всего уезда был основой для территориальной раскладки податей между частями государства. Именно с этим, видимо, была связана вводящая многих исследователей в заблуждение практика вычисления итогов для неполных описаний – речь шла не о том, чтобы собрать статистические данные для определенных территорий, а о том, чтобы определить, сколько должны платить описанные в данной книге владения.

При сборе того или иного налога сначала приблизительно определялся размер необходимой суммы, затем, исходя из него, норма платежа с одной сохи. Платежи могли заметно варьироваться, так, известно, что в периоды войн налоги, идущие на содержание армии, сильно возрастали. Затем составлялась платежница – перечень владений, их сошное письмо и следующая к оплате сумма; часто в ней же делались и пометы об оплате. Таких документов сохранилось не очень много – очевидно, их считали временными и не стремились хранить.

¹⁵ Камараули Е.В. О применении норм «живущей четверти» в период писцового описания Воронежского уезда в 1627–1629 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2(72) (июнь). С. 28–40

Таким образом, несмотря на отсутствие общего бюджета, система сошного письма позволяла взимать многочисленные налоги, более или менее ровно раскладывая их по территории государства.

Упадок системы сошного письма и переход к подворному обложению

Уже в 1620-х гг. становится ясно, что традиционная система сошного письма находится в кризисе. В условиях серьезного разорения страны после гражданской войны писцам было сложно оценить истинные темпы восстановления хозяйства. Жители скрывали пашню или показывали ее как непостоянную («наезжую»), не подлежащую обложению; нередко и сами подкупленные писцы «прописывали» пашенные земли. Между тем в условиях, когда описание должно было стать основой обложения на много лет вперед, такое положение дел не могло устроить правительство. Поэтому начиная с 1626 г. писцам, помимо вычисления сошного письма, предписывалось вычислить еще один индекс – т. н. «живущую четь». Она рассчитывалась исходя из определенного количества дворов крестьян и бобылей (разоренных хозяйств, несущих половинное тягло). Чаще всего она составляла 8 крестьянских и 4 бобыльских или 12 крестьянских и 6 бобыльских, также варьируясь от уезда к уезду. Здесь тоже могли иметь место злоупотребления, например, запись крестьян как бобылей, но значительно меньшие, чем при учете пашни.

Введение этого второго индекса вызвало неожиданную и, видимо, не предполагавшуюся законодателями путаницу, связанную с совпадением его названия и названия меры земли – чети. Многие писцы, особенно работавшие на южных окраинах, где учесть пашню было особенно сложно, поняли дело так, что пашню теперь вообще не следует измерять, а размер облагаемого участка следует вычислить исходя из этой нормы. В их книгах неправдоподобно малые пашенные участки не являются результатами измерений, они просто выведены из числа дворов¹⁶.

Изначально, видимо, живущая четь виделась как временная мера, вызванная текущими сложностями с учетом земли, и использовалась в основном для взимания экстраординарных налогов. Однако время показало, что дворы учесть значительно проще, чем пашню. Кроме того, в XVII в. значительно возрастает контроль землевладельцев за крестьянами, они постепенно прикрепляются к земле. Это приводит к тому, что владельцам становится важнее зафиксировать за собой людей, и потребность в описании земли отпадает. Сыграло свою роль, видимо, и расширение границ, активно происходившее в XVII в., поскольку оценить все более диверсифицирующееся хозяйство в «московских сохах» становилось сложным, сопряженным с злоупотреблениями делом.

В результате в 1646 г. была проведена первая перепись, которая учла только население, без земли; подобные описания были повторены в 1678–1679 и 1707–1710 гг., а попытка все-таки провести новое письмо в 1685–1686 гг. не увенчалась успехом. В XVIII в. подушная подать стала един-

¹⁶ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Указ. соч.

ственным прямым налогом, а подушные переписи, ревизии, основой для власти дворянства не только над крестьянами, но и, опосредованно, над принадлежащей им землей. Новое описание земель будет проведено уже только в 1760-х – 1790-х гг., по совершенно иным принципам и с использованием совершенно иной техники измерений.

Выводы

Таким образом, можно говорить о нескольких характерных чертах писцовых книг, которые были ответом на вызовы, стоявшие перед системой учета земли в Московском государстве.

Не имея возможности зафиксировать все земли, кадастр был сфокусирован на фиксации хозяйственных угодий, прежде всего – пашенных земель. В определении принадлежности земель он в большой степени опирался на землепользование крестьянских общин и обычное право.

Описание было организовано не путем деления территории на участки, а через определение точек хозяйственной активности, локаций (поселений или пустошей), с каждой из которых связывалось определенное количество земли. При этом границы между принадлежащими к ним территориями демаркировались лишь при возникновении такой необходимости, что бывало нечасто. В большинстве случаев они продолжали регулироваться обычным правом, а между поселениями нередко оставались значительные массивы «ничейных» территорий.

Землевладение было представлено как права владельцев на эти локации, и, таким образом, было как бы «надстроено» над крестьянским землепользованием. При этом структура самой книги отражала именно структуру землевладения на определенной территории, и, поскольку отношения крестьян с государством были опосредованы землевладельцем, служила закреплению его прав.

Использование писцовых книг как налоговых документов основывалось на вычислении для каждого владения единого налогового индекса – «сошного письма», исчисляемого в сохах. Этот индекс определял пропорцию, в которой между отдельными владениями должно раскладываться налоговое бремя, и использовался при взимании различных платежей и не зависел от изменений их размера.

Русский кадастр XVI–XVII вв. отличался значительной спецификой; принципы его организации не находят прямых параллелей в европейских странах (в отличие от, например, материалов Генерального межевания XVIII в., которые типологически очень близки к другим кадастрам этого времени).

Служебная организация и ее традиции в историческом развитии России²

Служебная организация; социальная история; историко-сравнительные исследования; особенности российского исторического процесса.

В курсе рассматриваются исторические судьбы социальной структуры, которая получила в исторической литературе название служебная организация, от древнерусского периода до начала XVIII в.

От автора

Одной из задач, решения которых должна была добиться в эпоху раннего Средневековья служебная организация, истории которой посвящены эти лекции, было снабдить социальную элиту общества изделиями, которые в более развитых обществах доставляло торгово-ремесленное население города. Так со времени ее возникновения история служебной организации оказалась тесно связанной со становлением и развитием древнерусского города. В эпоху позднего Средневековья «служебные» люди с их особым статусом составляли важную часть городского населения Русского государства и серьезно влияли на развитие городов.

Представляется поэтому закономерным помещение этих лекций в книге, посвященной Наталии Вадимовне Козловой, замечательному исследователю исторических судеб русского города.

Вступление

Предмет курса – исторические судьбы определенной социальной структуры, которая получила в исторической литературе название служебная организация. Как увидим в дальнейшем эта конструкция, меняясь с течением времен, существовала достаточно долго, и по терминологии современной европейской историографии это так называемая структура большой длительности.

Цель курса – опираясь на результаты имеющихся работ по истории различных групп населения, очертить проблематику места служебной организации в структуре общества и его функционировании.

Лекция 1. Служебная организация в обществе стран Центральной Европы в эпоху раннего Средневековья и в домонгольской Руси

Существование служебной организации было установлено исследователями стран Центральной Европы при изучении документов раннего Средневековья второй половины XI–XIII вв. Наиболее подробная и раз-

¹ Флоря Борис Николаевич; член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН.

² Спецкурс был прочитан автором в Российском государственном архиве древних актов осенью 2021 г. Подготовка текста спецкурса к печати осуществлена И.А. Панкратом, О.А. Поболь, Е.В. Савченко, А.А. Сорокиной; координатор работы – Д.А. Хитров.

носторонняя характеристика этого института дана в ряде работ выдающегося польского медиевиста Кароля Модзелевского.

Уже исследователи второй половины XIX в., изучая эти источники, обнаружили, преимущественно в крупных церковных владениях, занятые людьми одного рода деятельности поселения, которые часто получали название от этого занятия. Подобных поселений было много, профессии их жителей также были достаточно разнообразны. Исследователи первоначально рассматривали их как часть хозяйства крупного церковного землевладельца, отмечая его развитой и сложный характер.

Последующие исследования показали, однако, что появление в составе владений епископских кафедр и монастырей поселений с такого рода населением явилось результатом княжеских пожалований, и новая церковная власть в ряде случаев добивалась отмены особого статуса их жителей, связанного с их родом занятий. В источниках не обнаружилось поселений такого характера, происходящих не из княжеских пожалований. Отсюда последовал вывод, что такие «профессиональные» поселения были частью княжеского хозяйства и удовлетворяли разные потребности княжеского двора.

Однако сбор свидетельств о «профессиональных» поселениях и их наложение на карту привели к несколько иным выводам. Выяснилось, что сеть таких поселений охватывала всю территорию страны, и они четко группировались вокруг укрепленных градов – административных центров отдельных территорий. В ряде случаев данные о размещении этих поселений дали возможность археологам найти остатки градов, заброшенных в древние времена. В наиболее крупных из этих градов княжеский двор останавливался на краткое время, а многие другие не посещал вообще.

Принимая во внимание все эти моменты, исследователи пришли к конечному выводу, что эти поселения должны были обеспечивать потребности представителей элиты общества раннего Средневековья находившихся в градах – центрах власти и управления.

Создание такой служебной организации было связано с двумя важными особенностями социальной структуры общества стран Центральной Европы в эпоху раннего Средневековья. Социальную элиту в этих странах в X–XII вв. образовывало сообщество подчиненных княжеской власти вооруженных воинов, которое исследователи обозначали термином «большая дружина». Лишь часть членов такого сообщества составляла непосредственное окружение князя – главы одного из крупных государств, сформировавшихся в то время на землях Центральной Европы (Венгрии, Чехии, Польши). Другие отряды воинов размещались в укрепленных градах на разных территориях страны, откуда они осуществляли суд, управление и сбор налогов. Эти отряды воинов были одновременно и главной вооруженной силой государства, и его административным аппаратом.

Вместе с тем это сообщество воинов не было сообществом землевладельцев, живших на доходы от своих владений. О дружине польского

князя второй половины X в. Мешко I, состоявшей из 3 тыс. воинов, Ибрагим-ибн-Якуб, еврейский путешественник, записал в 60х гг. X в.: – «дает он этим мужам одежду, коней, оружие и все, что им нужно».

С образованием первых крупных государств в странах Центральной Европы численность такой «большой дружины» росла. В «Хронике» Анонима Галла (начало XII в.) говорится, что дружина сына Мешко I Болеслава Храброго составляла 3,9 тыс. конных и 13 тыс. пеших воинов. Обеспечение разнообразных потребностей значительного войска, размещенного на обширной территории, составляло большую проблему для власти, особенно в условиях господства натурального хозяйства, когда города как центры ремесла и торговли только зарождались и, даже получая жалование, дружинники не могли бы приобрести на городском торге все, что им нужно. Обычные крестьянские хозяйства многих продуктов и изделий не производили или производили их в недостаточном количестве.

В этих условиях власть создала на территории страны сеть поселений, жители которых должны были удовлетворять самые разные потребности живущих в укрепленных градах воинов-дружинников. Так как потребности эти были разнообразными, то и специальностей разных групп такого населения было немало. В польских документах XII–XIII вв. отмечается 40 видов занятий таких групп населения.

По характеру занятий можно было бы сгруппировать это население по следующим занятиям:

1. охота и промыслы, доставка дружинникам мяса, меда, мехов;
2. выращивание боевых коней для дружины;
3. изготовление для дружинников разнообразных ремесленных изделий;
4. обслуживание дружинников (пекари, повара, прачки и др.)

Люди каждой конкретной специальности жили в определенных поселениях, часто обозначавшихся по профессии их обитателей. На карте Польши раннего XIII в. насчитывается 430 названий таких поселений.

Поселения, как уже отмечалось, располагались вокруг укрепленных градов – мест пребывания дружины. Ряд моментов в этой картине остается неясным. Совсем неизвестно, как отдельные группы служебного населения овладевали разными видами ремесла. Такое обучение могло требовать наличия наставников, большого времени и напряженных усилий.

В общественном сознании того времени появление государственной власти четко связывалось с таким делением населения на группы по роду занятий. В так называемом пророчестве Либуше чешский хронист начала XII в. Козьма Пражский писал, что, когда у чехов появится князь, он превратит людей «в поваров и пекарей», заведет «кузнецов оружия, мастеров по коже и меху» (Козьма, I, 5).

Полного представления о статусе таких групп населения центральноевропейские источники не дают, так как среди них отсутствуют грамоты, которые выдавались бы группам служебного населения, но ряд данных, касающихся их статуса, исследователям все же удалось собрать.

По своему социальному положению эти люди не отличались от обычных членов сельских соседских общин и образовывали такую же общину в своем собственном поселении. На своих наделах они вели обычное земледельческое хозяйство.

Каждая такая группа отличалась тем, что на нее была возложена определенная постоянная (вечная) служба (*perpetua servitus*) по отношению к граду, к живущим в нем воинам, от которой служебный мог быть освобожден только решением власти. Одновременно люди, приписанные к исполнению той или иной службы, освобождались от многих налогов и повинностей, лежавших на обычных крестьянских хозяйствах – как говорилось в одном из латинских текстов, «*ab omnibus servitutibus sunt liberi*». Это не означало, как полагают исследователи, полного освобождения, но льготы, судя по всему, были значительными и предоставлялись для того, чтобы соответствующие люди могли успешно выполнять возложенную на них службу.

С этой же целью служебному населению был обеспечен ряд различных привилегий. Такими привилегиями обладали, например, группы служебного населения, занятые промысловым хозяйством. Так, на землях обычных соседских общин им предоставлялась своеобразная монополия на их род деятельности: только княжеские рыболовы могли ловить рыбу с помощью неводов и только бобровники могли бить бобров. Одновременно население должно было обеспечивать таких служебных людей ночлегом и кормом, следить за исправным состоянием угодий, которые они использовали. Можно отметить, таким образом, две главные особенности в положении служебных людей: постоянная связь с наложенной на них службой и освобождение от налогов и повинностей, лежащих на обычном крестьянском хозяйстве.

К началу XIII в. на территории стран Центральной Европы обозначился упадок служебной организации, что уже в первой половине XIII в. нашло выражение в ряде пожалований отдельных групп служебного населения вместе с землями, на которых оно проживало, епископским кафедрам и монастырям. При этом выполнение соответствующих служб прекращалось, связанные с этим права и привилегии со временем аннулировались, и эти люди превращались в обыкновенных крестьян – подданных землевладельца. Очевидно, государственная власть переставала нуждаться в их службах, землевладельцам они тем более не были нужны.

Исследователи отмечают следующие причины происходивших перемен в положении служебного населения. Один из главных факторов — начавшийся в XII в. и усилившийся в XIII в. рост светского землевладения, приводивший к тому, что дружинники превращались в землевладельцев и службы служебных людей становились им не нужны. Более того, они были заинтересованы в том, чтобы права и привилегии служебных людей не распространялись на их владения. Положение дел, когда служебный человек может входить во владения представителя социальной элиты и там заниматься своей деятельностью, вызывало недовольство, что отчет-

ливо проявилось в польской хронике Винцента Кадлубка начала XIII в. Упадку служебной организации способствовал усиливавшийся на протяжении указанного периода рост городов, их превращение в важные центры ремесла и торговли, когда уже многие товары можно было по доступной цене приобрести на городском торге. Этому же способствовал интенсивный рост товарообмена с соседними европейскими странами. Наконец, с развертывавшимся процессом внутренней колонизации падала роль промыслов как важного компонента служебной организации и возрастала стоимость земли, доходы с которой власть в полной мере не могла использовать из-за наличия у служебных людей особых привилегий.

Пример таких перемен дает относящееся к XVI в. податное описание села Медыки в районе Перемышля (Западная Украина). Здесь с большим хронологическим опозданием происходило то, что имело место в Европе в XIII–XIV вв. Жители с. Медыки «владеют большим количеством земли, луговой и пашенной», но, «живя около королевского стада, привыкли не выполнять никаких повинностей и не давать никаких податей, только для корма скота косили траву и убирали сено», из-за чего владение не приносит дохода. Поэтому такие порядки ликвидируются и для жителей выделяются земельные наделы, устанавливается оброк и двухдневная барщина.

К XIV в., за немногими исключениями, сведения о служебном населении в странах Центральной Европы исчезают из источников.

Служебная организация в домонгольской Руси. Исследование этой темы сильно затрудняется тем, что для Руси отсутствуют те документальные источники, из которых исследователи стран Центральной Европы извлекали сведения о служебной организации. Между тем о существовании в домонгольской Руси такой организации говорит уже ряд соображений общего порядка, связанный с тем, что, судя по всему, в Центральной и Восточной Европе в эпоху раннего Средневековья существовала очень сходная социальная организация общества, в отличие, например, от Скандинавии. Сообщения древнерусских летописей ясно показывают, что элиту древнерусского общества образовывала княжеская дружина, которой противостояли массы простого населения. Важно, что свидетельства летописей и сводов древнерусских законов – Русской правды пространной и краткой редакций – говорят о том, что эта дружина была именно «большой дружиной», единым сообществом воинов на территории государства. Рассказы о междукняжеских конфликтах XII в. (особенно подробные записи в известиях Ипатьевской летописи середины XII в.) рисуют постоянно одну и ту же картину: на территории отдельных княжеств, на которые разделилось Древнерусское государство, имеется сеть укрепленных городов, в которых находятся представители княжеской власти – посадники, принадлежащие к «старшей» дружине князя. (См. в летописи такое выражение, как «посла посадники своя в городы», «посажа посадники свои», с приближением неприятеля посадники «выбегоша» из «градов»). В Рус-

ской правде такой посадник выступает как управитель и судья, которому помогают рядовые дружинники – отроки и детские. Для решения важных вопросов дружинники собираются из разных градов в центр земли, как это имело место в Ростовской земле после смерти Андрея Боголюбского.

Для темы спецкурса очень важны сообщения летописей об отношениях дружины и князей после образования Древнерусского государства. Рассказывая о событиях 40-х гг. X в., летописец приводит известные слова дружинников Игоря: «отроки Свенельжи (дружинники киевского воеводы – Б. Ф.) изodelись суть оружием и порты, а мы – нази». Таким образом, как и дружинники Мешко I, дружинники Игоря получали от князя одежду и оружие.

Имеют значение и рассказы о княжении Владимира Святославича, о пирах, которые он устраивал для своих дружинников, где «бываше множество от мяс, от скота и от зверины, баше по изобилию от всего». Кто-то должен был все это добывать, доставлять и готовить. Показательна деталь рассказа: дружинники выразили недовольство тем, что князь дал «нам ясти деревянными лжицами, а не серебряными» и Владимир «повеле исковати лжице серебряны» для дружинников. Эта колоритная деталь показывает, что дружинники имели разные потребности, удовлетворения которых они активно добивались. Из рассказа также определенно следует, что князь шел навстречу таким желаниям, и имел в своем распоряжении мастеров, которые могли это сделать. О его сыне Мстиславе в летописи говорится, что он «любяше дружину по велику, именья не щадяше». При этом общим правилом были дары дружинникам за успешную службу, а союзникам за помощь. В середине XII в. Изяслав Мстиславич одарил союзников-венгров «и съсуды, и порты, и комонми и паволоками».

Все эти общие соображения определенно говорят о том, что в распоряжении княжеской власти должен был быть слой населения аналогичный служебной организации стран Центральной Европы, который обслуживал потребности «большой дружины» как главной опоры княжеской власти.

В нашем распоряжении имеется, однако, и прямое свидетельство о существовании в домонгольской Руси служебной организации. Один из немногих сохранившихся документов домонгольского времени, грамота князя Ростислава Мстиславича смоленской епископии (1136 г.), содержит перечень поселений, с которых десятина от доходов передается епископской кафедре. Здесь читается, что княжеская власть взимает «в Бортницех ... 40 гривен ... в Бобровницех дани 10 гривен, в Солодовницех 20 гривен». Перед нами поселения с «профессиональными» названиями. И бортники (собиратели меда) и бобровники (ловцы бобров) фигурируют в центральноевропейских источниках XII–XIII вв. как особые группы служебного населения. Как увидим в последующем изложении, в древнерусских источниках XV–XVI вв. бортники и бобровники также фигурируют с целым рядом особенностей, характерных для статуса служебного насе-

ления. В другом месте читается: «в Лодейницах 10 гривен дани». Упомянуты здесь, таким образом, и ремесленники – строители судов.

Более того, несмотря на всю скудость сохранившихся древнерусских свидетельств, одно из них существенно дополняет сведения центрально-европейских источников о генезисе служебной организации. Имею в виду рассказ о преобразованиях, осуществленных в середине X в. княгиней Ольгой после покорения земли древлян, которую она объехала «уставляючи уставы и уроки». И, как далее отмечает летописец, «суть становища ее и ловища». Становища (или станы) – это места, куда население должно было привозить дань. Ловища – места для ловли крупного зверя. Теперь здесь появлялись ловища, принадлежащие княгине, которыми до этого пользовалось население.

В следующей летописной записи говорится, что Ольга устроила «по всей земли» – по Днепру и по Десне – «ловища ея суть по всей земли, знаменья ... и по Днепру перевесища и по Десне». Перевесища – это сети для ловли мелкого зверя, а знаменья – пограничные межевые знаки. Эти записи говорят о важной реформе, проведенной Ольгой, когда охотничьи угодья были отделены от земель проживающих здесь соседских общин. Теперь это были княжеские земли, и в них могли охотиться, доставляя княжеским властям плоды своей деятельности, только группы служебного населения, одной из которых были упоминавшиеся выше бобровники. Это были важные перемены в жизни общества, и именно поэтому о них нашел нужным сообщить летописец. Вероятно, неслучайно реформы были проведены после завоевания земель древлян, когда, по-видимому, увеличились размеры дружины и расширилась территория, которой она должна была управлять.

Свидетельства о существовании в домонгольской Руси служебной организации закономерно приводят к постановке вопроса, возможно ли искать следы ее существования в древнерусских сводах законов – Русской правде в обеих редакциях. В составе так называемой Правды Ярославичей, в краткой редакции Русской Правды, исследователи давно обнаружили комплекс статей, ограждавших особыми штрафами людей, связанных с княжеским хозяйством. В статье 23 упоминается «конюх старый у стада», убийство которого карается двойной вирой. Она была установлена при убийстве конюха жителями Дорогобужа на Волыни. Имелось в виду, очевидно, хозяйство, выращивавшее коней около одного из волынских градов. Такое хозяйство в Северской земле описано в Ипатьевской летописи: в нем было 3 тыс. «кобыл стадных» и 1 тыс. коней (середина XII в.). Рядом с этой статьей следует поставить упоминание в статье 28 штрафа, если украден «княж конь иже той с пятном», который противопоставлен «смердъему» – крестьянскому коню. «Княж конь» этого источника – это боевой конь, на котором ездил дружинник. Таких коней выращивало упомянутое выше коневодческое хозяйство. Статья 32 устанавливает штраф за ущерб, который нанесен «княжей борти» – части тех угодий, которые выделены из земель сельских общин для собирателей меда. Все это – чер-

ты княжеских хозяйств, обслуживающих потребности социальной элиты — дружины.

Эти тексты привлекали к себе внимание исследователей, которые, так же как и исследователи стран Центральной Европы, рассматривали их как свидетельства о существовании княжеского хозяйства, обслуживавшего потребности княжеского двора. В свете тех исследований, о которых говорилось ранее, совершенно очевидно, что речь идет о таком хозяйстве, которое обеспечивало потребности всей социальной элиты древнерусского общества в целом.

Ряд норм, которые представляют интерес для темы спецкурса, содержит и Пространная редакция Русской правды. Здесь в статьях 11–12 упоминаются виры за убийство княжеского конюха, повара и «конюшего» тиуна, который в каком-то поселении (или группе их) ведает этой отраслью хозяйства. Статьей 15 устанавливается вира за «ремесвенника и за ремесвенницу». Это говорит о том, что в составе древнерусской служебной организации, также как и в Центральной Европе, существовал слой ремесленников, занятых изготовлением самых разнообразных изделий.

Особого внимания заслуживает статья 69: «аже украдет кто бобр, то 12 гривен». Появление этой статьи очевидно связано с тем, что ловля бобров была в домонгольской Руси монополией служебных людей — бобровников. Без разрешения власти ни простые жители, ни появившиеся землевладельцы не могли ловить бобров в собственных владениях. Сохранилась грамота начала XIV в., в которой рязанский князь разрешал епископу «бобры бити в купли своей и в уезде». Даже в Великом княжестве Литовском, где привилегии дворянства сложились достаточно рано, лишь в привилее Сигизмунда I Киевской земле 1529 г. предписывалось: «бобров ... по боярским селам не гонити нашим бобровником».

Таким образом, можно констатировать, что в Русской правде обнаруживаются явные следы существования служебной организации, типологически сходной с такой же центральноевропейской структурой. Выше уже шла речь о факторах, которые привели в XIII в. к упадку служебной организации в странах Центральной Европы. Есть основания говорить о том, что действие аналогичных факторов может быть прослежено и в домонгольской Руси. Конечно, проследить процесс становления светского землевладения на Руси весьма трудно при отсутствии документальных источников, но ряд свидетельств говорит о том, что этот процесс на древнерусской почве, несомненно, развивался. На это указывают упоминания боярских сел в летописных текстах, статьи Пространной Русской Правды о зависимом населении первых светских владений (закупы и др.) и упоминания в них боярского тиуна. Заслуживают внимания в этом контексте такие литературные тексты, как некролог Всеволоду Большое Гнездо (умер в 1212 г.), где покойному ставилось в заслугу, что он вершил суд, «не обинуяся лица силных своих бояр, обидящих меньших и роботящих сироты», и «Моление Даниила Заточника», где в обращении к князю говорилось: «сироты худые от богатых потопляеми, аки к заступнику теплomu».

к тебе прибегают», и содержались резко отрицательные отзывы о службе «на боярstem дворе».

Наблюдалось на Руси в XII – раннем XIII в. и заметное развитие городов и городской жизни. Об этом говорит появление в Пространной Русской правде целого ряда статей, регулировавших разные стороны городской жизни, и в еще большей мере исследования археологов, отметивших увеличение за это время городских площадей в несколько раз. Укрепленные грады X в. превратились к XIII в. в города – центры ремесла и торговли.

Однако исторические судьбы служебной организации в странах Центральной и Восточной Европы оказались разными. В Центральной Европе к XIV в. служебная организация сошла со сцены. Служебное население, за немногими исключениями, в источниках больше не фигурирует. На территории Восточной Европы различные группы служебного населения упоминаются в источниках не только XIV, но и XV–XVI вв. Причиной этих различий стало, как представляется, татаро-монгольское завоевание и установление господства Золотой Орды над древнерусскими землями.

Важными последствиями завоевания и ордынского господства стало запустение значительной части обрабатываемых земель, убыль населения, гибель части светских землевладельцев и разорение других ордынскими данями, упадок городов (в одних жизнь прекратилась, в других археологи констатируют значительное сокращение городских площадей) и городской жизни. В какой-то мере жизнь общества возвращалась в некоторых его сферах к прежнему, более раннему состоянию, и это не могло не сказываться на судьбах служебной организации. Возникало сложное взаимодействие сохранявшихся старых и возникавших новых форм организации общества.

Лекция 2. Служебная организация на землях Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв.

Для периода второй половины XIII – начала XVI в. в истории земель Северо-Восточной Руси в распоряжении исследователей уже имеются документальные источники для изучения положения отдельных групп служебного населения, аналогичные тем, которыми располагали для XI–XIII вв. исследователи служебной организации в странах Центральной Европы. Это, главным образом, жалованные грамоты церковным и светским землевладельцам. Они говорят о сохранении здесь целого ряда важных компонентов служебной организации, в то время как в странах Центральной Европы они сходят со сцены. Среди сохранившихся свидетельств, как и в польских документах, преобладает материал, характеризующий положение тех групп служебного населения, которые были заняты промысловым хозяйством, так как именно их деятельность могла сталкиваться с интересами светских и духовных получателей жалованных грамот. К сожалению, имеющиеся сведения не позволяют судить о положении других слоев служебного населения в целом.

Следует, однако, иметь в виду, что после татаро-монгольского завоевания деятельность групп населения, занятых промыслами, в условиях сильного запустения земель заметно расширилась.

Рассматривая вопрос об исторических судьбах служебной организации после татаро-монгольского завоевания, следует принять во внимание, что наиболее сильно его последствия сказывались на южных областях Руси. Для XIV–XV вв. можно говорить о важных особенностях путей исторического развития этих земель. В Северо-Восточной Руси такой южной областью была Рязанская земля.

Служебная организация в Рязанской земле XIV – начала XVI вв.
В южных областях Древней Руси, соседствовавших со степью, запустение земли было особенно значительным. Выдающийся польский медиевист Г. Ловмянский, изучая материалы податных описаний Киевской земли середины XVI в., пришел к заключению, что «Украина представляла еще почти пустыню». Земля была плодородной, но ее не распахивали «за непокоем от татар». Значительная часть населения занималась промыслами – добычей зверя и птицы, меда и мехов. Из этих людей многие ходили на юг в лесные угодья бассейна Днепра промысловыми ватагами на несколько месяцев. Такую обстановку в Киевской земле рисуют материалы еще и середины XVI в.

Есть основания полагать, что подобная ситуация сложилась и в граничившей со степью Рязанской земле. В пользу этого говорят наблюдения археологов, с одной стороны, установивших высокую степень запустения земли, а с другой, обнаруживших остатки многочисленных промысловых стоянок в бассейне Дона.

Все это должно было способствовать укреплению тех компонентов служебной организации, которые были связаны с промыслами.

Некоторую общую характеристику этой части рязанской служебной организации позволяют дать тексты договора 1496 г. о разделе Рязанской земли между братьями Иваном и Федором. Обращает на себя внимание, что как один из важных объектов раздела в договоре фигурируют группы служебного населения. Прежде всего речь идет о содружествах бортников «с оброки», расположенных как на севере Рязанской земли в районах Переяславля Рязанского, Пронска, Перевитска, так и на юге в долинах Дона и Воронежа. Разделу подлежали и ряд других групп служебного населения без развернутой территориальной привязки (вероятно, не столь многочисленных, как бортники) – «ловчане», «неводчики», «садовники», «бобровники», «конокормы». Таким образом, специальным объектом раздела выступают группы служебного населения, которые доставляют пищу для княжеских дворов и администрации и для их коней, а также мед и меха. Поступления эти были, очевидно, весьма значительными, так как среди групп служебного населения, подвергавшихся разделу, фигурируют также «подвозники меховые», «подвозники кормовые», «подвозники медовые», доставлявшие эти продукты и материалы. По-видимому, в услови-

ях, когда уже существовали земельные владения церковных и светских лиц, соответствующие поступления лишь частично потреблялись на месте, а в главной части поступали на княжеские дворы, и княжеская власть могла ими распоряжаться по своему усмотрению. Такова была практика Великого княжества Литовского во второй половине XV – начале XVI вв., как это выяснено в работах М.К. Любавского. Другие группы служебного населения (кроме гончаров) в договоре как объект раздела не упоминаются, следовательно, они не имели в жизни рязанского общества особого значения.

Обращаясь к другому типу источников – жалованным грамотам рязанских князей – мы видим, что в них также фигурируют группы служебного населения, занятого промыслами, причем выполнение этими людьми службы сталкивалось с интересами духовных и светских землевладельцев.

Знакомство с такими документами показывает, что уже в конце XIV в. рязанские духовные землевладельцы, подобно их коллегам из стран Центральной Европы более раннего времени, добивались от власти двух вещей: во-первых, они стремились обеспечить за собой право эксплуатировать промысловые угодья разных видов (борти, рыбные ловли, бобровые гоны и др.), расположенные на территории их владений. Эти хлопоты говорят, как представляется, о том, что ранее люди, не принадлежавшие к служебному населению, не могли этими промыслами заниматься, даже если имелись соответствующие объекты деятельности. Эти хлопоты были необходимостью в условиях, когда такие угодья занимали значительную часть запустевших владений духовных и светских землевладельцев.

Во-вторых, получив право эксплуатировать промысловые угодья на собственной территории, землевладельцы стремились закрыть доступ в свои владения занятым соответствующими промыслами служебным людям. Уже в одной из грамот великого князя Олега Ивановича Солотчинскому монастырю конца XIV в. указывалось, что в данное владение не должны въезжать «ни боровщик, ни бобровник», а в другой запрещался въезд во владения даже великокняжеским ключникам и чашникам, ведавшим великокняжеским бортным хозяйством. Правда, надо отметить, что такой запрет в грамотах последующего времени не повторяется и в нем надо видеть акт особой милости великого князя Олега Ивановича по отношению к любимой обители, Солотчинскому монастырю, где он позже был похоронен.

Обращение к жалованным грамотам, выдававшимся церковным и светским землевладельцам Рязанской земли преемниками Олега, показывает, что в XV в. запрет ряду групп служебного населения въезжать на территорию данного частного владения стал постоянной частью формуляра таких документов. Такие запреты, сужая сферу действия служебных людей, могли бы привести к упадку одной из наиболее важных частей служебной организации, как это произошло в странах Центральной Европы. Однако обращает на себя внимание ограниченный характер этих за-

претов. В формулах грамот присутствуют «боровщик» и «бобровник», в ряде случаев рядом с ними помещается «закосник» (закосники, вероятно, снабжали сеном конокормов). Стоит отметить, что ни боровщики, ни закосники в качестве важных объектов раздела в договоре 1496 г. не упоминаются. Напротив, там фигурируют названия целого ряда групп служебного населения, на которых установленные запреты не распространялись. Особенно следует отметить отсутствие в документах, за единственным исключением (грамота Солотчинскому монастырю), запрета на въезд в частное владение великокняжескому бортнику. Таким образом, запрет не распространялся на наиболее значительную часть промыслового служебного населения Рязанской земли.

В Киевской земле подобного общего запрета местные землевладельцы добились в начале XVI в. Киевским воеводам предписывалось в дворянских имениях «медов себе не брати ... не мают бобров гонити, а не по луком их осетров брати, ни по ловом великого зверу ловити». Такого полного запрета в Рязанской земле, судя по всему, принято не было.

Во-вторых, такого рода запреты могли иметь значительные последствия, когда в условиях интенсивной внутренней колонизации площадь промысловых угодий сокращалась, как это имело место в Центральной Европе XIII–XIV вв. В условиях, когда большая часть земельного фонда, как в Рязанской земле, эксплуатировалась занятым промыслами служебным населением, речь могла идти лишь об ограждении некоторых элементарных интересов церковных и светских собственников, и принятые меры никак принципиально не влияли на судьбу служебной организации, которая, судя по договору 1496 г., и в конце XV в. занимала важное место в жизни рязанского общества.

В условиях, когда значительная часть территории княжества находилась в руках служебного населения, доставлявшего княжеской власти немалые доходы, это явно укрепляло позицию власти в отношениях с духовными и светскими землевладельцами. Ведь получить доступ к этим немалым доходам можно было только сотрудничая с властью. Неслучайно рязанские землевладельцы, как правило, не обладали в своих владениях высшей юрисдикцией и освобождением от «тягости» – государственных налогов и повинностей.

Иначе складывалось положение в Великом княжестве Московском XIV–XV вв.

Служебная организация в Великом княжестве Московском XIV–XV вв. Последствия разорения не были здесь так значительны, как на юге, и уже середина XIV в. в истории Великого княжества Московского стала временем очевидного усиления внутренней колонизации и оживления городской жизни. Уже это позволяет предполагать, что в этой части Северо-Восточной Руси служебная организация не могла занимать в жизни общества такого значительного места, как в Рязанской земле.

Характерно, что в духовных Ивана Калиты сообщества служебного населения не выступают как один из главных объектов раздела имущества между его сыновьями. Вместе с тем в завещаниях Калиты и его сыновей обнаруживаются явные следы существования служебной организации. В духовных Калиты упоминаются как объекты раздела «оброк медовый городьский» и «бортники Васильцева ведания». Ряд таких общих указаний встречается и в договорах и завещаниях его преемников. Более конкретные представления дают сведения об отдельных группах служебного населения и их положении в жалованных грамотах.

Сохранился ряд свидетельств о положении такой группы служебного населения, занятой промысловым хозяйством, как бобровники. В отличие от положения в Рязанской земле сведения о бобровниках содержатся в немногих отдельных документах, но они дают определенное представление об особенностях их статуса.

При получении промысловых угодий землевладельцы и здесь прилагали старания, чтобы бобровникам было запрещено ловить бобров на их территории. Очевидно, не будь такой грамоты, бобровники могли бы беспрепятственно это делать. Но этим хлопоты не ограничивались, землевладельцам приходилось добиваться освобождения от обязанностей давать бобровникам корм, подводы и проводников. Выясняется также, что в случае необходимости они «емлют крестьян на дело». Эти наблюдения весьма важны, так как обнаруживают явные черты сходства с положением бобровников в странах Центральной Европы в XII–XIII вв. И в том, и в другом случае такие широкие права восходят к тому времени, когда доставляемые бобровниками меха служили снабжению княжеских дружин, и поэтому они могли требовать самых разных услуг от простого населения.

В ряде грамот содержатся сведения и о такой группе служебного населения, как бортники. Их сообщества во главе с бортными старостами подчинялись власти и суду великокняжеских чашников. По отношению к простому населению они обладали такими же правами, как и бобровники, могли требовать корма и подвод, мобилизовывать жителей «на дело». Очевидно стремление землевладельцев закрыть от них свои земли и освободить население от обязанностей по отношению к бортникам.

Эти свидетельства документов XIV–XV вв. (главным образом XV в.) говорят одновременно и о сохранении в Северо-Восточной Руси в это время традиционных элементов служебной организации, и о том, что они функционировали уже в иных условиях под воздействием тех же причин, которые содействовали упадку служебной организации в странах Центральной Европы в более ранний хронологический период. Действие таких факторов в Рязанской земле было серьезно ослаблено, но существенно иначе обстояло дело на более северных землях Северо-Восточной Руси.

И свидетельства письменных источников, и результаты исследований археологов говорят о начавшемся здесь уже в середине XIV в. процессе внутренней колонизации, который резко усилился в XV в., о чем

говорит явный рост земельных конфликтов к концу столетия. Территории для промыслов в этих условиях сокращались, а сами хозяйства не могли выполнять своих служб. В начале XVI в. С. Герберштейн записал, что «в Московской области не найти меда и не водятся звери кроме зайцев».

Одновременно с внутренней колонизацией уже в XIV в. началось оживление городской жизни и превращение ряда сельских поселений в города (примером может послужить Серпухов). Здесь на торгах можно было купить меха, которые в большом количестве привозили из Сибири и с русского Севера.

Приведенные свидетельства говорят об изменении в Великом княжестве Московском отношений социальной элиты и служебного населения, об обозначившемся конфликте интересов.

К XIV в. бывшие дружинники и здесь превратились в землевладельцев, живущих за счет доходов от своих владений. Тем самым традиционная служебная организация утрачивала одну из своих главных функций. Правда, по инерции сохранялись и многие «профессиональные» поселения, и их особый статус, но, как показывают документы из архива одного из наследников Древней Руси – Великого княжества Литовского, они теперь обслуживали только потребности представителей власти в замках и их подчиненных, но для этого не требовалось такое большое количество служебных людей и такого изобилия их специальностей.

Для бывших дружинников по отношению к служебному населению главной целью стало закрыть для служебного населения свои владения и освободиться от каких-либо обязанностей по отношению к ним.

С серьезным хронологическим опозданием в Великом княжестве Московском компоненты традиционной служебной организации претерпевали те же трансформации, что и в странах Центральной Европы.

Особенность исторического развития на землях Московского Великого княжества состояла в том, что в то самое время, когда начинался упадок традиционных форм служебной организации, великокняжеская власть стала принимать меры по ее укреплению в других сферах.

В договоре 1348 г. сыновей Ивана Калиты указывается, что каких-то «людей» еще их отец «выимал» «во иные службы», и сыновья подтверждают их новый статус – пусть «знают свою службу, в которую кто уряжен». Очевидно, что великий князь «выимал» из среды простого населения достаточно заметное количество людей и «урядил» их в различные службы.

По всей видимости, речь шла, как и в эпоху раннего Средневековья, о принудительном прикреплении людей к определенному кругу занятий, которые они не могли по своей воле оставить. Налицо совершенно очевидные свидетельства укрепления служебной организации, но из этого свидетельства нельзя узнать, из каких слоев населения «выимались» люди и какие компоненты служебной организации великий князь хотел укрепить.

Некоторые свидетельства междукняжеских договоров второй половины XIV в. дают определенную информацию для ответа на этот вопрос.

Свидетельства эти давно привлекали внимание исследователей, но под данным углом зрения не рассматривались.

В договоре, который в 1389 г. заключил Дмитрий Донской с Владимиром Андреевичем, читается: «А гости, суконьников и городских людей блюсти ны с одного, а в службу их не приимати». Грамота – важное свидетельство развития городской жизни в Великом княжестве Московском XIV в. Городское население уже выделилось из состава тяглого населения, сформировалась его сложная структура, когда верхний слой московской городской общины образовывали купеческие организации гостей и суконников. Гости-сурожане вели торговлю с итальянскими колониями в Крыму. Суконники торговали английским и нидерландским сукном, приходившим по Балтийскому морю.

Важно отметить, что, очевидно, имелась возможность «принимати в службу» людей этого слоя общества. Правда, в договоре 1389 г. такая практика запрещалась. Но уже через год, в 1390 г., в договоре нового великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем этот запрет отсутствовал. Вместо него здесь читается противоположный по содержанию текст, который заслуживает особого внимания и который надо прямо связывать со свидетельством в договоре сыновей Ивана Калиты: «А кого собе вымемь огородников и мастеров, и мне, князю великому, два жеребья, а тебе, брате, треть». Этот текст повторялся затем в договорах Василия II с Василием Серпуховским (начало 50-х гг. XV в.). Следовательно, установления сохраняли актуальность и в середине XV в.

Из этого текста ясно следует, что практика «выимания» людей на службу в великокняжеском хозяйстве, характерная для традиций служебной организации, продолжала оставаться реальностью и в конце XIV в.

Что касается огородников, очевидно, снабжавших своими продуктами великокняжеское хозяйство, то как особая группа в составе населения Москвы они вместе с садовниками великого князя упоминаются в «записи о душегубстве» середины XV в. Огородников, как представляется, могли набирать из среды как городских, так и сельских жителей, учитывая тесную связь населения древнерусских городов с сельскими занятиями. Иначе обстоит дело с мастерами. Здесь речь должна идти прежде всего о квалифицированных ремесленниках из среды городского населения.

В завещании Ивана III упоминаются дворы в Москве «за конюхи и за мастера за моими», и двор, «где мои портные мастера живут».

К сожалению, имеющиеся источники не дают ответа на вопрос, какие именно потребности великокняжеского двора (или государственного хозяйства) должны были обслуживать мобилизованные и прикрепленные к службам мастера, но два важных вывода выявленные свидетельства позволяют сделать.

Во-первых, очевидна сильная зависимость городского торгово-ремесленного населения от государственной власти, которая имеет возможность распоряжаться его отдельными группами в своих интересах. Конечно, этому содействовало отсутствие у городских общин Северо-Вос-

точной Руси признанного властью самоуправления. Этим развитие Северо-Восточной Руси отличалось от развития стран Центральной Европы, где уже в XIII в. формировалось городское самоуправление на «немецком праве».

Во-вторых, очевидное развитие городов и городской жизни в данном случае не приводит к уходу с исторической сцены тех компонентов служебной организации, которые связаны с городской жизнью, напротив, они не только сохраняются, но власть принимает меры к их укреплению.

О том, что в XIV–XV вв. судьбы разных составляющих служебной организации оказались в Северо-Восточной Руси различными, говорит, как представляется, важное распоряжение князя Владимира Андреевича в его духовной грамоте (ок. 1401–1402 гг.). Владимир Андреевич передавал старшему сыну «в Москве и в станех» «бортники, садовники, псари, бобровники» (группы населения, занятые охотой и промыслами – Б.Ф.) с пояснением: кто из них «не всховет жити на тех землях, ин земли лишон, поиде прочь».

По отношению к перечисленным группам населения ликвидировался такой важный признак принадлежности к служебной организации, как наследственная прикрепленность к службе. Бóльшую ценность начинала представлять земля, на которой сидели, и которую уходя со службы они могли утратить. Вместе с тем в духовной грамоте никак не отмечалась возможность ухода от княжеской службы «выиманных» из среды городского населения мастеров.

В определенной мере и на территории Северо-Восточной Руси в XIV в. наблюдаются факторы, связанные с колонизацией и сокращением промысловых угодий, которые привели к упадку служебной организации в странах Центральной Европы в XIII–XIV вв. Однако реакцией на происходящие перемены стали усилия власти по укреплению контроля над функционированием компонентов служебной организации, связанных с городской жизнью.

При всей скудности сведений источников XIV–XV вв. они позволяют установить такой бесспорный факт, как создание не позднее XIV в. на землях Северо-Восточной Руси особой новой группы служебного населения, занятой организацией ямской гоньбы – службы, связанной с передачей сообщений, перевозом людей и имущества. Она была создана на русских землях властями Золотой Орды для обеспечения их потребностей (см. упоминание в грамотах середины XV в., что земли различных монастырей освобождаются от всяких повинностей «опроче татарского яму»). Уже в XIV в. в различных русских княжествах была создана такая служба, обеспечивавшая местные потребности. Ее организацией должны были заниматься особые лица – ямщики, которые упоминаются уже в документах второй половины XIV в.

К сожалению, за исключением самого этого факта, о характере службы ямщиков или их статусе документы конца XIV в. не сообщают. Однако

об этом позволяет достаточно точно судить целый ряд грамот, относящихся к княжению Ивана III. Находясь на ямах — почтовых станциях на важных дорогах — ямщики должны были обеспечивать проезд и кормление разных лиц, направлявшихся из Москвы с разными поручениями от власти, а также персонал иностранных посольств. Из центра направлялись «подорожные грамоты» с точными указаниями, какое количество подвод и телег, а также корма должно быть предоставлено соответствующему лицу вместе с проводником.

Приписанное к ямам крестьянское население обязано было все это доставлять по требованию ямщиков, которые в случае необходимости должны были применять силу. Они отвечали за функционирование этой структуры, и по установленным ставкам должны были платить владельцам подвод, проводникам и тем, кто доставлял корм. В источниках XVI в. упоминаются грамоты, определявшие, как им следует «на яму стряпати».

Эти документы позволяют одновременно выяснить и ряд особенностей их статуса: ямщики обитали на ямском дворе, который должно было строить и чинить приписанное к яму население. К ямскому двору приписывалась пашенная земля и угодья, где ямщики могли вести свое хозяйство, освобожденное от тягла на время несения службы (см. упоминание в писцовой книге — после перечня повинностей — «а ныне пашут ямщики»).

Важной особенностью их статуса было освобождение от юрисдикции местных властей (в одном из источников XVI в. упоминается их «грамота жаловальная несудимая» и «грамота проезжая о мытях» — очевидно, она освобождала от проезжих пошлин). Ямщики подчинялись главам финансового ведомства казначеям и их помощникам — ямским дьякам. От казначеев они получали деньги на оплату проводников и возчиков и должны были подавать отчет о произведенных расходах.

Все эти особенности занятий ямщиков и их статуса позволяют определенно говорить об организации в Великом княжестве Московском, в связи с появлением у власти новой важной потребности, новой общности служебного населения, предназначенной для несения особой службы.

Таким образом, в XIV–XV вв. служебная организация в Великом княжестве Московском не только не сошла со сцены, но и ее состав становился более разнообразным в соответствии с возникавшими перед властью новыми задачами, которые она решала, обращаясь к традиционным способам.

Источники XVI в. позволяют отметить важную особенность в положении ямщиков, которая отличает их от других групп служебных. В грамоте 1548 г. в город Тотьму, — важный центр солеварения на Севере, — говорится о выборе ямщиков и других обитателей ямского двора. В выборах участвуют духовенство, «городские люди и сельские». К сожалению, нельзя установить, когда появилась такая практика и насколько широко она была распространена, и не следует ли видеть в ней определенное проявление реформ правительства Избранной рады. Надо при этом отметить другую сторону медали — участники выборов давали за избранных поруч-

ные записи и в случае нецелевого расходования ямщиками полученных из казны денег понесенный убыток должны были возмещать поручители.

Лекция 3. Служебная организация в Русском государстве XVI в.

Свидетельства XVI в. дают возможность гораздо конкретнее, чем ранее, представить себе положение разных групп служебного населения в Русском государстве и происходившие с течением времени перемены в их положении. Источники позволяют зафиксировать такое важное явление, как перестройка служебной организации во второй половине XVI в.

К первой половине XVI в. относится появление нового вида источников по истории служебной организации – жалованных грамот целому ряду групп служебного населения. С одной стороны, они дают представление о статусе этих людей, показывают специфику их положения; с другой стороны, дают возможность судить о характере их служб в XVI столетии.

Обозрение следует начать, как представляется, с характеристики грамот таким традиционным группам служебного населения, занятым в промысловом хозяйстве, как бобровники и бортники.

Сохранилась грамота бобровникам Ильмехотского стана Владимирского уезда 1537 г. Речь шла о значительной общности, охватывавшей десятки деревень. Эта общность достаточно четко выделялась из среды остального тяглого населения – ей предоставлялась свобода от каких-либо служб и от кормов владимирским наместникам и их служащим. Вместе с тем бобровниками должен был управлять волостель. В грамоте подробно определялись взаимоотношения с бобровниками, и нормы эти ничем принципиально не отличались от норм отношений волостеля с жителями обычной крестьянской волости. Очевидно, что для властей это были обычные сельские жители, и лишь для того, чтобы они могли успешно нести службу, власть обеспечивала их особое положение. Так, в частности, они освобождались от уплаты проезжих пошлин при промысле бобров и их перевозке в Москву. С успешным выполнением службы была связана и привилегия в случае вызова в великокняжеский суд являться туда только в определенные сроки два раза в году. Вместе с тем, хотя бобровники должны были ловить бобров на определенном участке Клязьмы, предусматривалось, что, если они не добудут бобров, им следует платить денежный оброк определенного размера – яркое свидетельство кризиса традиционных элементов служебной организации, связанных с промысловым хозяйством. Об этом, вероятно, говорит и появление в волости обычного волостеля, не подчиненного великокняжескому ловчему.

Этот документ интересно сопоставить с грамотой князя Юрия Ивановича Дмитровского бобровникам Каменского стана Дмитровского уезда. Особенность статуса этих «бобровых деревень» связана только с тем, что они подчиняются суду и управлению княжеского ловчего. О выполнении ими какой-либо службы или о привилегиях, связанных с ее несением, в грамоте не говорится. Фактически эти «бобровые деревни» уже представляют собой обыкновенное крестьянское владение, – еще одно свиде-

тельство упадка элементов служебной организации, связанных с промышленным хозяйством.

Однако необходимо отметить, что и в XVI в. мы наблюдаем в этой сфере группы служебного населения, которые успешно несут свою службу. Сохранилась жалованная грамота 1 декабря 1540 г. бортникам волости Тальша во Владимирском уезде. В ней были расположены десятки деревень, на попечении которых были тысячи бортных деревьев. Из описания волости 1550 г. видно, что служба бортников была реальной – оброк медом в десятках пудов вносился в большей части ключнику во Владимире, а часть отправлялась в Москву погребному ключнику.

С реальной службой был связан ряд реальных привилегий. Бортники освобождались от уплаты проезжих пошлин при доставке меда в Москву. Медовый оброк вносился «з земли за дань и за посошной корм и за мелкой доход», то есть он заменял основные финансовые обязательства по отношению к государству. Бортники освобождались и от подводной повинности. Наконец, они получали судебно-административную автономию. Они освобождались от кормов и поборов владимирских наместников и их служащих, которые могли судить жителей бортных деревень только по делам об убийстве. По всяким другим делам их могли вызывать в суд только недельщики дворцовые, а судьей должен был выступать дворецкий Большого Дворца. Как представляется, именно в тексте этого документа сохранились в значительной мере те большие права, которыми пользовалось служебное население на первых этапах функционирования служебной организации. Главными признаками такого статуса было освобождение от тягла и прямое подчинение органам центральной власти.

Важно отметить, что ни в этой, ни в других грамотах XVI в. разным группам служебного населения ничего не говорилось о возможности их деятельности на частновладельческих землях и помощи им со стороны жителей этих земель. Очевидно, к XVI в. владения церковных и светских землевладельцев были ограждены от вступления на их территории служебного населения. К статусу бортников волости Тальша близок статус рыболовов Борисоглебской слободы в Ярославском уезде «против Романова городка». По грамоте Федора Ивановича 1584 г., повторявшей жалованные грамоты Василия III и Ивана IV, рыболовы, вносившие оброк рыбой, освобождались от налогов и повинностей в пользу государства и от «проторов» и «розметов» с «городскими и волостными людьми». Они также освобождались от кормов и суда ярославских наместников, кроме дел об убийстве, а по всем другим делам они подлежали суду дворецкого Большого дворца. Очевидно, что основной комплекс норм в обоих документах совпадает, что говорит о существовании некоторых общих норм, некогда регулировавших положение служебного населения и предоставлявших ему широкие права. Эта довольно широкая автономия имела своей целью обеспечить эффективное выполнение службы. В грамоте отмечается, что в определенное время рыболовам не следует назначать судеб-

ные сроки, так как «те мои рыболова в то время на наш обиход ловят рыбу».

Таким образом, некоторые группы служебного населения, генетически связанные со служебной организацией, еще и в XVI в. продолжали успешно функционировать, теперь как части дворцового хозяйства, пользуясь достаточно широкими правами. Источники рисуют и другую ситуацию. Показательным примером может служить грамота 1507 г. сокольникам «столянича пути, что живут в городе Переяславе на посаде». Эти люди, как и другие группы служебного населения, были освобождены от «проторов» и «разметов» с «черными людьми» и подчинялись суду сокольничего. Вместе с тем, никакой службы они не несли и уплачивали денежный оброк за «соколы». Некоторые из них были уже ремесленниками разных профессий. Особый правовой статус сохранялся за этой группой людей явно по инерции. Характерно, что в грамоте была сделана важная оговорка, что сокольники освобождаются от обязанностей, лежащих на обычных тяглецах «опричь яму и городовоу дела и посошные службы», то есть на них уже распространялся ряд важных обязанностей обычных тяглецов по отношению к государству.

В условиях кризиса традиционных форм служебной организации, когда одни ее группы оказывались неспособными нести службу, или в этих службах власть оказывалась незаинтересованной, стало происходить включение служебных в состав тяглого населения. Сведения об этом обнаруживаются в ряде документов середины XVI в. и более позднего времени. Так, в середине XVI в. в Тверской волости Рокитно были отданы на оброк 29 деревень и 30 починков сокольников.

Наиболее ярким примером может служить описание Серпухова 1552 г. Еще до составления описания к городской посадской общине были приписаны слободы Зелейная и Сокольничья. Уже при составлении описания «тягло тянути всякое с одно» к посаду были приписаны слободы Подключничья, Бобровников и Конюшенная. В более позднем описании Можайска отмечена приписка к посаду слобод Огородничьей и Кожевничьей. При описании Твери в 80-х гг. XVI в. горожанам были переданы «псарские» земли «ловчего пути».

Другие группы служебного населения, вероятно, присоединялись к крестьянским волостям или становились объектом пожалований. Так, в 1550 г. бортная волость Тальша была пожалована Иваном IV Покровскому Суздальскому монастырю.

Во всех этих примерах проявлялось действие факторов, которые привели к распаду и исчезновению служебной организации в странах Центральной Европы. Нельзя не отметить, что процессы эти проходят по сравнению с Центральной Европой со значительным хронологическим опозданием, не в XIII–XIV вв., а в XVI–XVII вв.

Вместе с тем, имеющиеся свидетельства говорят об успешном функционировании в России XVI в. ряда других групп служебного населения. Ярким примером может служить деятельность ямщиков. В записках ав-

стрийского дипломата С. Герберштейна, посетившего Россию в правление Василия III, описывается целая сеть почтовых станций на дорогах, ведущих к Москве. Они обладали привилегированным статусом: как следует из писцовых описаний, ямщики жили в особых слободах, выделенных для них властью. Они «с посадскими людьми не тянут ни во что, а служат государю службу». Эти сообщения существенно пополняют сведения грамоты Ивана IV 1556/1557 г., где указано, что помимо освобождения от разных повинностей ямщики «с посацкими и с уездными людьми ни в какие подати тянуть ... велено же гонять ямская гоньба». Пример реформирования ямской службы в Русском государстве второй половины XVI в. представляет особый интерес, так как наглядно показывает, какой комплекс мер использовался государственной властью, чтобы сделать эффективной нужную государству службу.

Со значительным расширением объема почтовых перевозок оказывалась малоэффективной практика периодических выездов на ям крестьян со своими подводами, и к 60-м гг. XVI в. было принято решение выделить из сельского населения группу людей, которая не от случая к случаю, а постоянно будет заниматься ямской гоньбой – общность так называемых ямских охотников. Они должны были выбираться из крестьян «лучших» по определенной разверстке (два человека с сохи) из сельского населения приписанных к определенным ямам округов.

Для их поселения организовывались особые ямские слободы, где им выделялась земля для строительства дворов, устройства огородов и пашни. Соответствующий надел сохранялся за ямским охотником, пока он нес службу. Население должно было оказывать охотникам «подмогу» «на подъем» и на строительство дворов. Жители слободы избирали старосту, а управлять ими должен был ямской приказчик из числа местных детей боярских.

Жителям такой слободы выдавалась жалованная грамота, определявшая условия службы и особый статус ее жителей (см. грамоту ямской слободы Касимова 1567 г. – публ. Гурлянда).

Поселявшимся в слободе полагалось «государево жалование на лошади и на дворы». Указывалось, какое количество лошадей должен иметь ямской охотник и по какой цене будет оплачиваться его служба – «на десять верст по три деньги»; в свободное от выполнения распоряжений власти время охотник мог заниматься наймом обычных людей по той же цене. «А мимо охотников подводы в найм никому не давати». Так обеспечивалась их своеобразная монополия на транспортные перевозки («прогоны», «из казны законные деньги, сколько хто загоняет»).

Ямские охотники одновременно приобретали особые права, которые должны были помочь им нести службу и заинтересовать их в ее исполнении. Они освобождались от плат и повинностей, лежавших на городском и сельском тяглом населении с единственной обязанностью «гонять ямскую гоньбу». Одновременно «во всяких делах опричь разбою» охотников должен был судить «приказчик ямской». Более высокой инстанцией

должен являлся царский казначей или особый судья, «кому будет приказано ямские дела судити; а опричь ямского судьи не искати, ни отвечать ни перед кем». Ямские охотники получали и ряд более мелких привилегий, таких как освобождение от постоев или уплаты пошлины при покупках лошадей. На этом конкретном примере совершенно очевидно, как во второй половине XVI в. для удовлетворения сложившейся потребности (организации эффективных транспортных перевозок) создается новая общность служебного населения с использованием приемов организации и управления, которые власть применяла в предшествующие столетия для решения других задач.

Реформа ямской гоньбы в России XVI в. не была уникальным актом – в XVI в. имело место явное расширение деятельности других традиционных компонентов служебной организации. Этому способствовало воздействие ряда факторов.

Наследие служебной организации в России середины – второй половины XVI в. С образованием единого Русского государства Москва стала местом постоянного пребывания элиты дворянского сословия, а урегулирование отношений власти с разными частями этой элиты постоянно требовало больших и разнообразных расходов.

Помимо постоянно устраиваемых великокняжеских (затем – царских) «столов» для укрепления отношений, необходимы были щедрое пожалование за успешную военную службу. В записях официальной летописи и наградах после взятия Казани отмечаются на первом месте не деньги, а шубы, кубки, ковши, платья, кони и доспехи. После похода 1558 г. в Ливонию воеводы получили от царя сходные дары. Пожалования получали также и дети боярские. Соответствующие изделия должны были подготавливать мастера разных специальностей, которых еще в конце XIV в. «выимали» в службу из городского населения Москвы.

Услуги такого населения стали особенно важными, когда к концу XVI в. элита дворянского сословия оказалась прочно связана с Москвой. Внимательный наблюдатель, польский шляхтич С. Немоевский, отметил в своих записках, что каждый знатный человек, пока он не имеет военных или административных назначений, должен находиться в Москве (для поездки в имение требовалось специальное разрешение). Такие люди, как он отметил, постоянно получают пищу и напитки из царской кухни. Для обслуживания потребностей этого дворянского слоя потребовалось своеобразное возрождение некоторых традиционных компонентов служебной организации. Все это способствовало развитию в Москве и ее округе многоотраслевого дворцового хозяйства обслуживавшего разнообразные потребности не только царского двора, но и собравшейся в Москве элиты дворянского сословия. Размеры такого хозяйства увеличивались, а его состав усложнялся. Целый ряд пригородных сел в XVI–XVII вв. превратились в поселения со специальным родом занятий. В середине XVII в. в Москве имелось 50 дворцовых и казенных слобод, в которых насчитыва-

лось такое же количество дворов (3 400), как и во всем московском посаде. По своим функциям это служебное население приближалось в известной мере к функциям служебной организации раннего Средневековья. Часть населения таких слобод выполняла работы по доставке продуктов, приготoвлению пищи и обслуживанию. Но заметное место занимали среди них и ремесленники, изготавливавшие разнообразные изделия.

Для пополнения их рядов в XVI в. власть изымала ремесленников разных специальностей из числа городского населения не только Москвы, но и других городов. О существовании такой практики говорят записи в сохранившемся фрагменте податного описания Новгорода начала 80-х гг. XVI в. О бывших владельцах запустевших дворов здесь неоднократно отмечается «взят ко государю в портные мастера», «взят ко государю в серебряные мастера», «взят к Москве в государевы столичные мастера». Понятно, что существование такой практики было возможно лишь в условиях сильного подчинения городского торгово-ремесленного населения государственной власти.

В данном случае мы имеем дело с приспособлением к изменившимся условиям существующих форм организации уже несущего определенные виды службы населения. Источники середины – второй половины XVI в. зафиксировали и другое явление – формирование на принципах характерных для функционирования служебной организации определенных групп населения для решения новых вставших перед государственной властью вопросов. Ряд таких задач был связан с необходимостью для Русского государства отстоять свое место в окружающем мире.

Создание одной из таких групп было связано с потребностью обеспечить армию Русского государства артиллерией, необходимой для военных действий и для осады крепостей. Ее образование следует отнести к последним десятилетиям XV в. Уже 80-ми гг. XV в. датируются наиболее ранние изготовленные пушечными мастерами орудия, а под 1500 г. летопись сообщает о пожаре пушечных изб у реки Неглинной. Более поздние источники говорят о существовании на этом месте Пушечного двора, который в конце XVI в. подчинялся Пушкарскому приказу (упоминается с 1577 г.). На Пушечном дворе отливали пушки и колокола. Процесс литья был сложен, разделялся на разные этапы, выполнявшиеся ремесленниками разных специальностей. В этом плане налицо было определенное сходство с раннекапиталистическими мануфактурами, создававшимися в это время с аналогичной целью в разных странах Западной Европы.

Был, однако, и ряд существенных различий, связанных с особым статусом работников Пушечного двора, прежде всего такой важной группы, как пушечные мастера и их ученики. Об их положении позволяют судить документы из архива Пушкарского приказа конца XVI – раннего XVII вв. Обязанностью этих людей была «государева пушкарская служба». Они были освобождены от тягла и за службу получали жалованье, в состав которого входили деньги, хлеб, овес, соль. Кроме того, раз в год мастера и ученики получали отрезы сукна. Жалованье было постоянным, раз-

мер его устанавливался царским указом в зависимости от места мастера или ученика в системе иерархических отношений на Пушечном дворе. Не было никакого постоянного изменения жалованья в связи с объемом и качеством работы. Правда, мастера и ученики могли рассчитывать на награды в виде мехов и сукон за успешное выполнение крупных заказов, но в целом принципиальное различие между ними и работниками мануфактуры сохранялось. Связано оно было, как представляется, с тем, что целью работы Пушечного двора было не получение прибыли, а удовлетворение определенной потребности государственной власти. Мастера и ученики селились в особой Пушкарской слободе.

Рассмотрение данных о положении пушечных мастеров и учеников позволяет выявить характерные признаки их принадлежности к служебной организации: постоянная связь со службой, предполагающей изготовление определенных изделий, освобождение от тягла, подчинение определенному центральному государственному учреждению.

Изготовление орудий, одним из важных назначений которых было обеспечить оборону городов, способствовало тому, что в этих городах появились пушкарки, которые должны были следить за состоянием орудий и стрелять из них при защите города. Они также находились в ведении Пушкарского приказа, и положение их было во многом сходным с положением работников Пушечного двора: они также освобождались от тягла.

В связи с мерами по укреплению обороны городов были созданы для защиты городских укреплений и такие группы служебных людей, как затынщики (стрельцы из крепостных ружей), воротники (стражи у городских ворот), кузнецы и плотники. В Коломне в 1577 г. было 17 пушкарей, 27 затынщиков, 5 воротников, 10 кузнецов, 30 плотников. Обязанностью всех этих людей было содержать артиллерию и городские укрепления в боевом состоянии. Как и пушкарки, люди этих категорий освобождались от тягла и находились в ведении Пушкарского приказа.

По мере того, как усиливались роль и значение артиллерии, ее сила воздействия на городские укрепления, актуальной становилась задача создания мощных каменных фортификационных сооружений во многих русских городах.

XVI в. стал временем постоянного строительства крупных каменных крепостных ансамблей, значительных храмов и светских сооружений. Возникла необходимость участия в строительстве большого количества профессиональных мастеров-каменщиков, что было нелегко в стране, где исторически преобладали традиции деревянного зодчества. При проведении действительно больших работ возникали трудности, мастеров было немного, и они были рассеяны по большой территории. Первоначально каждый раз собирали такую группу строителей из какого-то крупного города и отправляли их на производство определенной работы. Так, в 1555 г. 200 мастеров из Пскова были отправлены «к весне новый город Казань камен делати». Местные кузнецы должны были изготовить для них «всякие снасти».

В дальнейшем были предприняты более систематические меры. В грамоте 1575 г. упоминаются «каменщики, которые написаны к нашему делу». Таким образом, в стране был проведен учет мастеров, приписанных к исполнению важной службы – строительству по приказаниям власти. Как видно из грамоты 1575 г., учету подлежали и мастера, проживавшие на частновладельческих землях. Особенность их положения состояла в том, что строители мобилизовались от случая к случаю, а постоянно могли работать над выполнением разных других заказов. Однако их служба была признана столь необходимой, что уже в конце XVI в. особый правовой статус разных групп строителей был оформлен в жалованных грамотах Ивана IV и Федора Ивановича, тексты которых сохранились в подтверждениях XVII в.

Мастера-строители отделялись от остального городского посадского населения. Они освобождались и от уплаты податей и «от черных от тяглых от всяких дел». В описании Тулы 80-х гг. XVI в. о местном кирпичнике отмечено, что ранее он «бывал черной человек». Освобождались они, как некогда возившие в Москву мед бортники, от проезжих пошлин, когда «пойдут к нашему каменному и кирпичному делу». Наконец, они изымались из юрисдикции местных властей, подчиняясь управлению и суду центрального государственного учреждения – Приказа каменных дел, который упоминается как учреждение, которое «ведает каменьями и кирпичами для государева строительства» в английском описании России 1599 г.

Все эти характерные черты их статуса позволяют охарактеризовать русских строителей второй половины XVI в. как вновь созданную ветвь служебной организации с использованием характерных для нее традиционной структуры и управления. Служба их состояла в том, что они должны были в любой момент по требованию из Приказа каменных дел являться в указанное место и работать там, пока строительство не будет закончено. Речь могла идти о достаточно долгих сроках. Так, строительство стен Белого города в Москве в 80-х гг. XVI в., когда в широких масштабах производилась мобилизация строителей, продолжалось в течение четырех лет. Чтобы каменщики могли в этих условиях выполнять свою службу, им назначалось содержание из царской казны, но оно не было связано с объемом и характером проделанной работы, устанавливалось заранее, и было достаточно скромным – как отметил в XVII в. Г. Котошихин, «чем им сытим быти мочно». В лучшем положении были кирпичники, которым платили определенные деньги за 1000 кирпичей.

Функционирование отдельных ветвей служебной организации обеспечивалось тем, что заинтересованные в сохранении особого привилегированного статуса люди старались особенно исправно нести свою службу. По-видимому, задуманная система в предложенных условиях давала сбой, а квалифицированных специалистов было мало.

В этих условиях уже в конце XVI в. при строительстве Смоленского кремля государственная власть прибегла к самым суровым и разнообраз-

ным санкциям, чтобы достичь участия каменщиков и мастеров других специальностей в строительстве.

Отправленный на место в Кашин в 1600 г. царский посланец должен был, прежде всего, с помощью записных мастеров поставить на учет всех других людей «и учеников, и казаков, которые те дела имеют делать», но еще не внесены в списки. Тому, кто утаит такого мастера-строителя, угрожала смертная казнь. Одновременно посланец должен был установить в том уезде, куда он прибыл, запрет на строительство «церквей каменных и полат, и погребов, и иных каменных дел». Очевидно, не имея заказов, мастера оказались бы вынуждены принять участие в работах в Смоленске. Нарушителю запрета «быть казненным смертью». Такая же санкция угрожала и землевладельцам, которые «тех людей государеву посланнику не дадут».

Поражает суровость этих санкций. Согласно главе VII Соборного уложения стрельцу, бежавшему со службы во время войны, угрожало только наказание кнутом. Такие особенности отношений представителей власти и каменщиков, вероятно, говорят о том, что в данном случае традиционные способы управления оказывались неэффективными. Несмотря на предоставление каменщикам особых прав, у них не появилась заинтересованность в несении службы, и очевидно, что они разными способами пытались от нее уклониться. Таким образом, предпринятая трансформация служебной организации на основе традиционных правил ее функционирования стала наталкиваться на существенные трудности уже в конце XVI в.

Приведенные факты показывают, что в XVI в. происходит серьезная перестройка служебной организации: если одни ее традиционные элементы теряют свое значение, то другие, напротив, переживают определенный подъем, а главное – образуется ряд групп служебного населения, занятых решением новых задач, но в их структуре и управлении прослеживаются традиции служебной организации. Как увидим далее, приведенными примерами такая перестройка в XVI в. не исчерпывалась.

Лекция 4. Служебная организация в Русском государстве XVI в. (продолжение)

Преобразования военного дела, о которых была речь на предшествующей лекции, не ограничивались организацией общностей служебных пушкарей и каменщиков. К середине XVI в. перед русской государственной властью встала серьезная задача перестройки такой важной части армии, как пехота, вооруженная огнестрельным оружием. Реорганизация была связана с двумя важными обстоятельствами. Во-первых, государственная власть была недовольна профессиональным уровнем тех отрядов вооруженных огнестрельным оружием людей, пищальников, которых выставляли города для участия в военных походах. Во-вторых, вспыхнувшие в 1547 г. волнения в Москве показали правительству непрочность его положения при отсутствии в городе прямо подчиненной ему профессиональной военной силы.

Первой реакцией стала неудачная попытка найма 5 000 солдат в Германии. Решение было найдено в 1550 г., когда Иван IV учредил «выборных стрельцов ис пищалей 3 000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе» (на территории, прилегающей к Москве), а «головы у них учинил детей боярских». Из среды пищальников, жителей посада, таким образом, были выбраны люди, образовавшие новую группу служебного населения — стрельцов. Первоначально такой трехтысячный отряд был создан только в Москве, но к середине 50-х гг. XVI в. подобные особые отряды имелись уже во многих русских городах. В Ливонском походе Ивана IV 1577 г. участвовало 6 470 стрельцов. Их положение отличалось от обычных групп служебного населения. От них ничего не требовалось, кроме постоянной военной службы. В отличие от пищальников, мобилизовавшихся от случая к случаю, стрельцы должны были нести военную службу постоянно. Значительную часть времени, когда они не участвовали в военных действиях, они должны были проводить в военных занятиях (сохранился рассказ 1579/1580 гг. о таких занятиях стрельцов в Астрахани).

Прикрепление к службе было наследственным (по свидетельству Г. Котошихина второй половины XVII в., «бывают в стрельцах вечно и по них дети и внучата»). Именно с выполнением этой службы был связан их особый статус. За службу стрельцы получали жалование, прежде всего — денежное. По свидетельству английского посла Д. Флетчера, представитель отборной части войска, являвшейся охраной царя, стремянной стрелец, получал 7 рублей в год. Жалованье обычных стрельцов было в два раза меньше. Помимо денег им выдавалось также хлебное жалованье (о посылках хлеба с этой целью указывается в документах 70-х гг. XVI в.), а также сукно на кафтаны. Стрельцам в южных городах Веневе и Елифани в 70-х гг. XVI в. помимо хлеба давали рожь, овес и соль; шубу и сермягу — раз в два года; но хлеб давался лишь в течение четырех лет, пока они не распадут землю. По свидетельству начала XVII в., им также выдавались металлические части для пищалей.

Одновременно набранные из посадской среды люди отделялись от остального посадского населения. Они поселялись в особых стрелецких слободах и освобождались от тягла. Как устанавливалось в Соборном уложении 1649 г., — «с посадскими людьми тягла им не платити и с тяглых служеб не служить».

Стрельцы делились на приказы, а те на сотни. Приказами командовали головы, а сотнями — сотники из детей боярских. Стрельцы подчинялись их судебной-административной власти, а те — боярину, «у кого будут в приказе стрелецкие дела», а с 1571 г. — центральному государственному учреждению — Стрелецкому приказу. Только дела о разбое рассматривались в Разбойном приказе.

Стрельцы располагали и рядом других небольших привилегий. Так, они и члены их семей освобождались от уплаты пошлин при рассмотрении ряда судебных дел. В свободное от службы время они могли изго-

товлять изделия и продавать их в лавках, на торгу, но в этом случае им следовало «пошлины всякие давати в государеву казну, как и торговым людям». В статусе стрельцов четко прослеживается целый ряд признаков, характерных для общности служебного населения: принудительная мобилизация, наследственное прикрепление к службе, привилегированный статус, который делает членов общности заинтересованными в выполнении службы, и связанное с выполнением этой службы освобождение от юрисдикции местных властей и подчинение центральному государственному учреждению. В данном случае такая общность была создана для организации профессиональной военной силы, способной решать военные задачи и быть опорой власти в случае народных волнений.

На этом ярком конкретном примере снова видно, что новая общность служебного населения создается для выполнения новых, ранее неизвестных функций, но при ее формировании последовательно используются нормы организации и управления, выработанные в предшествующий период существования служебной организации.

Наряду со стрелецким войском, в разных регионах России, особенно в пограничных областях, сложился обширный слой так называемых «служилых людей по прибору». Само это название говорит о мобилизации таких людей властью, которая «прибрала» их для исполнения различных обязанностей. Представляло бы интерес выяснить, в какой мере традиции служебной организации сказались при формировании этого слоя русского общества. В предварительном порядке хотелось бы отметить, что, налагая на таких людей различные обязанности, власть очень скупо предоставляла им особый привилегированный статус.

Источников XVI в. значительно больше, чем источников XIV–XV вв., но все же и они не проливают полного света на различные аспекты этого исторического явления. Представляет интерес вопрос, с помощью каких мер и каких организаций обеспечивалось всестороннее снабжение служебных людей, что обеспечило бы исправность несения ими службы. На эту тему сохранились лишь отдельные отрывочные сведения. Так, известно, что в 70-е гг. XVI в. стрельцам и пушкарям русских крепостей в Ливонии хлеб доставлялся из Житного двора Большого Дворца. В английском описании России, составленном около 1599 г., указывалось, что в Казенном дворе «забирают в государеву сокровищницу ткани на форму для гвардии и для солдат». Какой-то орган должен был снабжать служебных людей и оружием, но никаких сведений на этот счет источники XVI в. не сохранили.

Важно отметить, что предпринятая перестройка служебной организации охватила во второй половине XVI в. и область, связанную с духовной жизнью общества – книгопечатание. В Европе раннего Нового времени (XVI в. – начало XVII в.) книгопечатание было одной из первых отраслей производства, где зарождались капиталистические отношения. Типографии с их оборудованием были собственностью издателей, у ко-

торых «местные бедняки работают за низкую плату». За книжный рынок шла острая борьба между издателями.

Первые попытки издания Евангелия, Псалтыри и Триоди были приняты в Москве уже в 50-х гг. XVI в., но кроме самих изданий никаких сведений об организации работы по их подготовке не имеется. Однако в документах середины 50-х гг. XVI в. упоминается мастер печатных книг Маруша Нефедьев, которого Иван IV отправил в Новгород с какими-то поручениями.

В послесловии к «Апостолу» 1564 г. ситуация рисуется, однако, вполне определенно. Здесь отмечается, что «святые книги на торгах» оказались «растлены от переписующих». Когда это печальное положение вещей было осознано, царь по благословлению митрополита Макария принял решение «како бы изложити печатные книги». После этого «его повелением начаша изыскивати мастерства печатных книг». Царь приказал построить здание типографии «со своея царския казны» и «нещадно даяше от своих царских сокровищ... на составление печатному делу».

Таким образом, Печатный двор в Москве был создан по инициативе высшей духовной и светской власти для решения важной государственной задачи – издания исправных богослужебных книг. Связь деятельности типографии с царской властью прослеживается и в послесловиях к последующим изданиям. В 1567 г. типография была «благодатию и щедротами» Ивана IV перенесена в его опричную резиденцию – Александрову слободу, где «составися штанба». Особенно показательны в этом плане высказывания «Сказания известна о воображении книг печатного дела» о восстановлении Печатного двора после событий Смуты. Царь Михаил Федорович разбежавшихся типографских работников «повеле... взяти... в царствующий град Москву», затем «повеле... дом печатный вновь построить и повеле... мастеру Никите вновь же штанбу составить» и «повеле книги печатати». Хотя у нас нет документов XVI в., характеризующих положение работников Печатного двора, приведенные тексты позволяют с серьезным основанием предполагать, что в конце XVI в. – начале XVII в. они представляли собой не коллектив наемных рабочих, эксплуатируемых предпринимателем, а людей, выполняющих важную службу по подготовке к изданию богослужебных книг. Понятно, что им не надо было вести борьбу за книжный рынок, так как Печатный двор был единственным в России учреждением, которому высшей государственной и церковной властью было доверено издание проверенных текстов богослужебных книг.

Есть основания также полагать, что в данном случае целью производства не было извлечение прибыли. Как отмечено в Октоихе 1594 г., книга издавалась «ко спасению душам Христианского народа многочисленного словенского языка... всяя Великия Росия Московского царства и прочих государств». Религиозное просвещение народа было задачей, которая решалась с помощью приемов традиционной социальной организации и новых технических средств.

Следует отметить важную особенность русского исторического процесса: при регулировании отношений с верхами формирующегося городского сословия государственная власть во второй половине XVI в. использовала нормы организации и управления, выработанные в длительном взаимодействии со служебным населением. К середине XVI в. верхушку посадских жителей составляли купеческие организации (в Москве – гости и суконники), члены которых по своему положению заметно отличались от простых горожан. Согласно 26 статье Судебника 1550 г. «гостю большому» «за безчестье» выплачивалось 50 рублей, «посадским человеком средним» – 5 рублей, а «младшим» – 1 рубль. Однако при всех различиях богатое купечество и простые горожане объединялись в одну городскую общину и несли общие обязательства по отношению к государству. Так, в 1545–1546 гг. в Новгороде сбор пищальников для участия в походе на Казань производился (хотя и по разным нормам) одновременно с гостиных и обычных дворов. Купеческий староста был одновременно и главой городской посадской общины. В 70-е гг. XVI в. структура населения крупных городов серьезно изменилась, изменился и характер отношений верхов посада с государственной властью и с посадской общиной. Теперь, верхний слой городского населения образовывали немногочисленные гости, не имевшие своей организации, и стоявшие ниже их на лестнице сословной иерархии такие объединения как гостиная сотня и суконная сотня. Большую часть этих людей составляли представители купеческой верхушки, переселенные из многих городов в Москву после ее разорения татарами в 1571 г. Вошел в состав этих чинов и ряд представителей местной верхушки, оставшихся на местах, но их было сравнительно немного.

Создание этих новых чинов сопровождалось, конечно, и оформлением их особого статуса. К сожалению, жалованные грамоты, выданные соответствующим чинам в XVI в., не сохранились, и о них приходится судить по подтверждениям XVII в. Поэтому нельзя точно установить, обладало ли в последней трети XVI в. привилегированное купечество всей той суммой прав, которая зафиксирована в грамотах XVII в.

Однако некоторые черты нового статуса могут быть прослежены уже по документам конца XVI в. Так, зачисленному в 1599 г. в гостиную сотню немецкому подданному А. Витту предоставлялось право «с посадскими с тяглыми людьми ни во что не тянути». Позднее эта норма повторяется в грамоте Михаила Федоровича 1625 г. суконной сотне («с черными сотнями никаких дел не делать») и в грамоте Алексея Михайловича 1648 г. гостям и гостиной сотне («с черными сотнями никаких им дел не делати и не тянути ни в чем»).

Одновременно с освобождением от тягла А. Витт получил и право со своего московского двора «никаких податей... не давати». Воспроизведение этих норм присутствует в грамоте Алексея Михайловича гостям и гостиной сотне, в ней указывалось, что «с их со всех дворов тягла... денег и никаких податей имати не велели... а велели им жити в нашем царском жалованье на лготе».

К этому следует добавить, что, если А. Витт, часто ездивший за границу, был подчинен юрисдикции Посольского приказа, то в грамоте Василия Шуйского 1606 г. члену гостинной сотни Андрею Окулову указывалось, что он был освобожден от юрисдикции местных властей и подчинялся только суду самого царя или главы финансового ведомства – казначея. По грамоте Михаила Федоровича 1625 г. и суконная сотня получила такое право. Эта норма была затем воспроизведена в общей грамоте Алексея Михайловича.

Все это – освобождение от тягла и оплат, подчинение верховному суду, – означало разрыв традиционных связей между привилегированным купечеством и посадской городской общиной. По коллективным грамотам XVII в. привилегированное купечество освобождалось также от постоев, подводной повинности, проезжих пошлин, – привилегии, которыми простые горожане не обладали, – и это усиливало отчуждение между купеческой верхушкой и простыми горожанами. Наметившееся противостояние укреплял и усиливал объективный конфликт интересов, обозначившийся между ними после проведения соответствующих преобразований. Привилегированный статус предоставлялся купеческой верхушке потому, что на нее одновременно были возложены важные и ответственные службы. В этом плане в отношениях между властью и привилегированным купечеством был использован один из главных принципов, характерных для служебной организации. В жалованных грамотах эта сторона дела была обойдена молчанием, но есть основания предполагать, что служба была постоянной и достаточно тяжелой обязанностью. В середине XVII в. выдаче жалованной грамоты предшествовало челобитье членов гостинной сотни с ходатайством о ее пополнении, связанным с тем, что «многие от твоих государевых служб оскудели и до конца разорились и промыслов своих отбыли». Таким образом, даже обладая привилегированным статусом, купцы далеко не всегда могли успешно выполнять возложенную на них службу. Судя по их подчинению административно-судебной власти казначея, имелась в виду служба, связанная с деятельностью финансового аппарата государства. Контакты между богатыми купцами и финансовым аппаратом государства имели место и ранее. При поездках за границу купцы возили на продажу казенный товар и производили нужные закупки. Так, в 1567 г. Иван IV отправил «с своею благодатью от своей казны» купцов в Анверпен, Ормуз, в Англию, «а велели есмя им во граде Антропе и в тамошней стране купити к нашей казне потребная». В 30-х гг. XVI в., при проведении денежной реформы правительством Елены Глинской, один из гостей руководил работой Денежного двора в Новгороде. Еще в 50-х гг. XVI в. московский гость Ю. Глазов возглавил таможду в Нижнем Новгороде, но это были единичные поручения отдельным лицам. Теперь же служба в финансовом ведомстве становилась постоянной и обязательной для всех членов новых чинов. Если ранее сбором пошлин занимались головы и целовальники, избиравшиеся посадской общиной и ей подчинявшиеся («голова наш посажен миром, что ему велим, то и делает»), то те-

перь сбором пошлин занимаются люди, не принадлежащие к посадской общине и не связанные с ней.

О характере служб четко и определенно говорится в описании России 60-х гг. XVII в. Г. Котошихина. По его словам, гости «бывают в царских службах» «у зборов царские казны» – «в верных головах» – «в таможенных и на кружечных дворах» (иное наименование кабаков), а члены сотен «бывают у зборов царские казны з гостми в товарищах, в целовальниках». Если «збор» бывал большим, чем раньше, то следовала «похвала» и «жалованье». В противоположном случае, «счетчи против иных рядов прибылей, берут с них самих» «да сверх того бывает наказание кнутом», если человек принесет убыток «своим нерадением, гулянием или пьянством». Таким образом, и в данном случае наблюдается сочетание привилегированного статуса, который предоставлялся для успешного выполнения службы с суровыми санкциями за нарушения.

Итак, главной обязанностью представителей привилегированного купечества была организация работы по наполнению государственной казны в таможенных и кабаках. О значении этой деятельности говорит следующее наблюдение: в 20-х гг. XVII в. эти сборы составляли 2/3 от всех государственных доходов. Этим положение в России отличалось, как показал П.Н. Милюков, от ситуации в западноевропейских государствах раннего Нового времени, где первое место в структуре доходов занимали прямые налоги. Судя по росписи доходов 1680 г., почти половину (49 %) составляли таможенные и кабацкие сборы. Это показывает важность служб, возложенных на гостей и членов сотен в условиях долголетней Ливонской войны, когда в 1575 г. Иван IV даже забрал на свои нужды часть казны Троице-Сергиева монастыря.

Почему правящие круги полагали, что осуществленная реформа приведет к пополнению казны? Ответ на этот вопрос может дать рассмотрение перемен в организации сбора таможенных пошлин в XVI в. В середине XVI в., после имевших место серьезных волнений, государственная власть была вынуждена в значительной мере отказаться от практики отдачи сбора таможенных пошлин на откуп, и их стали главным образом собирать таможенные целовальники – лица, выбранные для такой работы из среды местного посадского населения. Понятно, что люди, выбранные местным обществом и тесно связанные с ним, в первую очередь заботились об интересах местной посадской общины, несшей ущерб от уплаты таможенных пошлин. К годам Смуты относится весьма выразительное свидетельство: «голова наш посажен миром – что ему велим, то и делает».

Для решения проблемы правительство Ивана IV прибегло к инструментам, характерным для функционирования служебной организации. Из состава городского населения была выделена общность людей, хорошо профессионально подготовленных для занятий финансами, ее члены были наделены особыми привилегиями, которые сохранялись бы за ними при активном и успешном выполнении службы. Целям политики власти отвечала и иерархическая структура этой общности, где именно верхний слой

обладал наибольшим объемом привилегий (включая право иметь землю с крестьянами), а войти в его состав можно было благодаря успешному несению службы. Стоит отметить, что и здесь не обошлось без введения санкций, так что предоставление одного особого статуса для достижения поставленных целей виделось недостаточным. Так создавалась важная часть финансового аппарата государства, которая должна была способствовать пополнению государственной казны.

В последней трети XVI в. в различные города направлялись из Москвы таможенные головы и их товарищи, которые должны были руководить работой местных целовальников и осуществлять контроль за их деятельностью. Эти люди, не связанные с местным обществом и заинтересованные в сохранении особого сословного статуса, должны были добиться достижения поставленной властью цели. Тем самым создавались объективные предпосылки для конфликта между пришельцами из Москвы и представителями местной верхушки, вошедшими в состав финансового аппарата, и местными посадскими общинами, члены которых платили таможенные пошлины.

Как и для некоторых других групп служебного населения, для привилегированного купечества сохранялось право наряду со службой, которая осуществлялась «по переменам», в определенные сроки, заниматься торговой деятельностью в крупных размерах, используя при этом полученные привилегии. Сочетать торговлю и службу было делом нелегким. Если одним удавалось быстро разбогатеть и составить крупные состояния, то другие разорялись и были не в состоянии выполнять службу.

В итоге в 1600–1602 гг. был, например, пересмотрен состав гостиной сотни. Несколько десятков человек было исключено, а сотня была пополнена купечеством из населения не только Москвы, но и других русских городов. У нас нет точных данных о том, как формировались новые чины в 70-х гг. XVI в., но данные 1600–1602 гг. говорят о том, что и в это время, и позднее имела место принудительная мобилизация зажиточных представителей городского населения.

При общей оценке отношений важно иметь в виду, что деятельность привилегированного купечества на службе не ограничивалась только сбором доходов разного происхождения (таможенных пошлин, пошлины при чеканке монет и др.). Показательны в этом плане записи в приходе-расходной книге Новгородской четверти 1620 г. о деятельности в Архангельске московских выборных голов во главе с гостем Григорием Твердиковым. Здесь отмечено, что они производили закупки талеров – ефимков для чеканки русской монеты, а также «пушечных запасов, зелья и свинца, и олова, и железа». Цветные металлы были необходимы для производства вооружения и в России в то время не добывались. В записях также отмечено, что они «покупают на государя смолу и продают иноземцам». Таким образом, наряду со сбором доходов они вели разностороннюю торговую деятельность, направленную на удовлетворение разных государственных нужд.

Разумеется, привилегированное купечество нельзя рассматривать вместе с другими группами служебного населения хотя бы потому, что они образовывали важную часть государственного аппарата власти, их верхушка, гости, имела право владеть землей с крестьянами, и в разных ситуациях Соборное уложение 1649 г. последовательно объединяло их в одну общность с детьми боярскими. Однако очевидно и использование в отношениях этого купечества и власти ряда норм, характерных для взаимодействия государственного аппарата со служебным населением. Это говорит одновременно и о сильной позиции власти по отношению к городским жителям, и о ее заинтересованности в том, чтобы городская верхушка участвовала в решении стоявших перед ней задач. К достижению этой цели государственная власть стремилась, обращаясь к нормам отношений, выработанных в процессе взаимодействия со служебным населением.

Все сказанное позволяет говорить об особом этапе в существовании служебной организации в России XVI в. Если ряд ее традиционных компонентов пришел в упадок, то другие сохранили и укрепили свои позиции, а главное – сформировался ряд новых групп служебного населения для решения задач, стоявших перед государством и обществом. Их функции являлись новыми, но при их формировании использовались общие нормы, определявшие характер отношений власти и служебного населения и сложившиеся в более ранний период.

Вопрос о причинах долгого сохранения и использования таких традиций в практике власти и жизни общества должен быть предметом дальнейшего сравнительно-исторического исследования. Представляет интерес вопрос, всегда ли государство в отношениях с общностями служебного населения могло добиться своих целей и с чем были связаны имевшие место неудачи. Интересный материал для ответа на этот вопрос дают рассказы о событиях, происходивших в годы Смуты в таком крупном центре, как Псков.

Создавая стрелецкое войско, власть, как уже отмечалось, стремилась добиться двух важных целей – создать квалифицированную военную силу и обеспечить себе опору на территории города. Особый привилегированный статус, полученный от власти, отделял стрельцов от остального городского населения, побуждая их эту власть поддерживать. Это, однако, было успешно, пока такой статус приносил стрельцам осязаемые выгоды. Однако в годы Смуты с этим возникли осложнения. Уже в годы трехлетнего голода начались перерывы в уплате жалованья. В 1606 г. элитная часть войска – стремянные стрельцы – сетовали, что третий год не получают жалованья и не могут купить себе сапог. На некоторых территориях жалованье не выплачивалось вплоть до начала 1620-х гг. В этих условиях на первый план выступала общность интересов с посадскими людьми, вместе с которыми стрельцы продавали на торгу изделия, произведенные в свободное от службы время.

В рассказах Псковской третьей летописи о событиях во Пскове в годы Смуты четко обозначается, когда на одной стороне выступают духовенство, дети боярские, «большие люди», а на другой посадские «маленькие люди», стрельцы и казаки. Благодаря участию стрельцов «мелким людям» в годы Смуты неоднократно удавалось захватить власть во Пскове.

Как представляется, власть извлекла уроки из сложившейся ситуации. В 1622 г. был введен новый прямой налог на крестьян и посадских людей – стрелецкие деньги, поступления от которого должны были пойти на содержание стрелецкого войска, размеры которого по завершении Смуты увеличивались. К 1630 г. в составе русской армии насчитывалось 28 тыс. стрельцов. Сбор этого налога должен был осуществлять Стрелецкий приказ.

Одновременно события во Пскове в годы Смуты показали беспомощность привилегированной купеческой верхушки, утратившей поддержку центральной власти и уже не располагавшей влиянием на население городского посада. Псковские летописи позволяют сделать еще одно интересное наблюдение: во Пскове имелась группа представителей привилегированного купечества, о которой летописец писал как о «мужах богатством кипящих», но при серьезных социальных конфликтах оказалось, что это группа никакой поддержкой в среде городского населения не обладает и влиять на ход событий не может.

Лекция 5. Служебная организация в Русском государстве первой половины XVII в.

В русском обществе первой половины XVII в., потрясенном событиями Смуты, служебное население, как и другие группы жителей, несло немалый ущерб, распадалась его организации. Как яркий пример можно указать Печатный двор, который был разрушен, а работавшие там «хитрые люди» «розбегошася».

С прекращением Смуты началось постепенное восстановление пострадавших структур, но этот процесс коснулся не всех компонентов служебной организации. Есть основания полагать, что именно после Смуты ряд ее традиционных компонентов окончательно сошел с исторической сцены.

Предполагать это позволяют собранные в работе Ю.В. Готье данные о массовой раздаче дворцовых земель на территории Замосковского края. Только в 1612–1613 гг. участникам освобождения Москвы от поляков было роздано 45 500 десятин дворцовой земли; затем последовал целый ряд таких же крупных раздач. Такие примеры определенно говорят о том, что службы населения этих земель перестали быть для власти необходимостью. К сожалению, в составленных Ю.В. Готье таблицах не отмечается род занятий населения земель, раздававшихся боярам и детям боярским, но есть и некоторые сообщения, на которые стоит обратить внимание. Так, в 1620 г. во Владимирском уезде 300 детям боярским был роздан целый ряд волостей ловчего пути. Известны и пожалования рыбных ловцов. Раздавались в большом количестве и бортные села в Нижегородском

уезде. На этих примерах видно, как окончательно сходили со сцены группы служебного населения, генетически связанные с промысловым хозяйством.

Вместе с тем, уже при анализе материалов о положении служебного населения в XVI в. неоднократно шла речь о грамотах Михаила Федоровича, подтверждавших пожалования государей до Смутного времени.

Таким образом, в предварительном порядке можно утверждать, что целый ряд структур, созданных властью в XVI в. в результате перестройки служебной организации, продолжал успешно функционировать в первой половине XVII в. Это и стрелецкое войско, составлявшее в первой половине XVII в. очень важную часть военных сил Русского государства, и каменщики-строители, и персонал Пушечного и восстановленного Печатного дворов, и ямские охотники, и персонал многоотраслевого дворцового хозяйства, удовлетворявший разнообразные потребности собранной в Москве социальной элиты, и, наконец, привилегированное купечество. Источников первой половины XVII в. сохранилось гораздо больше, чем источников XVI в., и обращение к ним может помочь полнее представить и особенности положения отдельных таких групп, и характер их отношений с другими частями общества и с властью.

Своеобразным путеводителем по этому комплексу источников может служить описание России, написанное в 60-е гг. XVII в. в Швеции беглым подьячим Посольского приказа Григорием Котошихиным. В этом сочинении, написанном по заказу шведских политиков, он знакомил их с особенностями социально-политического строя России. Ценность этого источника для данной темы состоит в том, что Котошихин старался показать шведским политикам те особенности русских социальных структур, которые их отличают от институтов Шведского королевства.

Как увидим в дальнейшем, сочинение Г. Котошихина, написанное в 60-е гг. XVII в., отразило одновременно и важнейшие традиционные особенности функционирования рассматриваемых структур, и определенные кризисные явления, обозначившиеся во второй половине XVII в.

Какова была политика власти по отношению к структурам служебного населения после бурных событий Смуты, позволяет судить пример такой сформировавшейся во второй половине XVI в. группы служебного населения, как ямские охотники. Об их положении свидетельствует ряд документов, и прежде всего уложение, подготовленное в 1620–1621 гг. Д.М. Пожарским.

Были приняты энергичные меры для восстановления положения, существовавшего до Смуты. Ямские земли, которые раздавали в вотчины и поместья, были «взяты и отданы к ямом попрежнему». Был предпринят также сыск ушедших со службы «охотников и охотничьих детей». Их следовало «сыскивать и вывозить в ямские слободы попрежнему». Беглеца следовало «бити кнутом за то, чтоб тому охотнику неповадно было с яму бегать». Так выясняется, что статус «ямских охотников» был наследственным, в чем нельзя не видеть еще один явный признак их принадлежности

к служебной организации. С ямщиков следовало брать поручные записи «с яму не бежать», «в пусте тое службу не покинуть».

Но дело не ограничивалось карательными санкциями. Уложение, подробно регулируя порядок предоставления подвод людям разного положения и для разных надобностей, одновременно подтверждало привилегии ямских охотников, выработанные во второй половине XVI в.: освобождение от тягла и подсудность ямским приказчикам и, как более высокой инстанции, Ямскому приказу в Москве. Имелись у них и более второстепенные привилегии, например, освобождение от уплаты пошлин при покупке лошадей и когда «учнут в городех, отъезжая, покупать на себя хлеб и овес и сено».

В Уложении отмечается размер земельного надела («выти»), предоставлявшегося ямскому охотнику. За службу выплачивалось и жалованье. Как отмечено в сочинении Котошихина, «дается им царское жалованье по 20 рублей и болши человеку на год». Оплачивались, как и ранее, и прогоны по традиционной ставке «на 10 верст по 3 деньги».

Власть, таким образом, прилагала серьезные усилия, чтобы обеспечить ямским охотникам условия для успешного выполнения их службы. Вместе с тем, как отметил исследователь ямской гоньбы И.Я. Гурлянд, власть стремилась четко отделить, обособить эту группу от остального населения. Сельские жители больше не пополняли ряды ямщиков, а средства на содержание, которые ямщики ранее получали по разверстке с остального населения, теперь собирались в царскую казну, и уже оттуда выплачивались «на жалованье, на прогоны». Так эта группа служебных отделялась от остального населения и укреплялась ее связь со властью.

Переписи ямских слобод показывают значительный рост численности их жителей на протяжении XVII в. Таким образом, после Смуты соответствующая структура при активном участии власти восстанавливается в традиционном, сложившемся во второй половине XVI в. виде, и успешно функционирует в первой половине XVII столетия.

Представляет интерес вопрос, каков был статус этой привилегированной группы населения в структуре русского общества. Определенный ответ позволяют дать некоторые нормы Соборного Уложения 1649 г. Один из разделов VIII главы Уложения устанавливал нормы выплаты денег на выкуп пленных представителями разных общественных слоев. Единая норма выплаты – 8 денег со двора – устанавливалась для «всяких жилецких людей» – ямщиков, посадских людей и крестьян, принадлежавших церкви. «С крестьян, черных и дворцовых, и с помещиков и вотчинников» – 4 деньги; «с служилых людей» – «с стрельцов и с казаков и с пушкарей... и со всяких служилых людей» – 2 деньги.

Таким образом, ямщики не принадлежали к служилым людям по прибору, приравниваясь по своему статусу к обычным горожанам. Отделение ямщиков от служилых людей отмечается и в других статьях Уложения. При установлении санкций они объединяются в одну группу с посадскими людьми и приказчиками во владениях светских землевладель-

цев. «Бесчестье» для ямских охотников устанавливалось в 5 рублей, как посадскому человеку «меньшой статьи». Но это не исключало придание этой группе особого статуса, связанного с исполняемой ею службой.

Со служебной организацией генетически было связано обширное дворцовое хозяйство, приобретшее во второй половине XVI в. новые функции. Можно надеяться, что хранящиеся в архивах документальные источники XVII в. позволят со временем дать комплексное исследование входивших в состав такого хозяйства групп служебного населения. К сожалению, в настоящее время серьезно исследованы лишь некоторые части этого хозяйства, так что при общей его характеристике следует отталкиваться от описаний Г. Котошихина.

В них дворцовое хозяйство выступает как сложное многоотраслевое целое, состоящее из поселений и слобод, снабжающих царский двор разнообразным продовольствием и изделиями. Важно, что Г. Котошихин сообщает, как расходуется все то, что доставляется в дворцовые службы в Москве (речь при этом идет не только о социальной элите). Так, отмечается, что рыба и мясо идут «в расход дворовым людям... и стрельцом, и мастеровым людям» и питье раздается «царским ремесленным всяких чинов людям поденно». Так удовлетворялись потребности занятых в этом хозяйстве групп служебного ремесленного населения и стрелецкого войска. К этим высказываниям Г. Котошихина следует добавить наблюдения исследователей, что поступавшие во дворец ювелирные изделия и ткани использовались как вознаграждения служилым людям за службу.

Дворцовое хозяйство явно сохраняло характер, сложившийся во второй половине XVI в. Благодаря имеющимся работам есть возможность составить достаточно полное представление об одном из его компонентов – значительной группе служебного населения, занятой изготовлением полотна для царского двора. Местом поселения такой группы людей была подмосковная Кадашевская слобода.

В 60-х гг. XVII в. Г. Котошихин писал о слободе, как о большом богатом поселении, в котором насчитывалось более 2 тыс. дворов. С них «доходов нет никаких», а поступают «полотна и скатерти и убрусы». Уже в 1584 г. кадашевские полотна упоминаются в казне царицы. Жители слободы имели и жалованную грамоту Ивана IV. Для XVI в. этим круг сведений и ограничивается. Важная особенность отношений власти и жителей слободы состояла в том, что изготовлением полотен занимались главным образом женщины, а мужчины могли избирать другие занятия. «Девок» поэтому не разрешалось выдавать замуж за пределы слободы, а для пополнения персонала мог производиться принудительный набор из окружающего населения «девок... которые к делу годны». Дворы в слободе могли иметь только люди, занятые «хамовным делом». Мастерницам выдавался лен для работы и задания (иногда с образцами) с указанием количества и видов изделий из полотна. Задание при этом давалось на отдельный двор с определенным земельным наделом. Полотно поступало в «царицыну мастерскую палату», которой жители слободы подчинялись. Мастер-

цы, как правило, работали на дому в собственных мастерских. За работу выдавалось годовое денежное и хлебное жалованье, которое не соотносилось с объемом и качеством работы.

Об особом статусе жителей слободы позволяют судить жалованные грамоты Михаила Федоровича 1623 г. и Алексея Михайловича 1648 г. Как и другие группы служебного населения, жители слободы освобождались от каких-либо обязанностей по отношению к государству («тягла им и всяких податей не давати опричь нашего наличного дела»). Жители слободы освобождались и от суда различных властей — «опричь душегубства, разбоя и татьбы с поличным». Судил их на три срока в году постельничий царя. Освобождались они и от уплаты пошлин «через Москву реку как они повезут полотно», а свою ткань они могли продавать беспошлинно в Житном ряду московского торга.

Особенностью жалованных грамот жителям слободы является освобождение от уплаты целого ряда проезжих пошлин и перекупной пошлины, взимавшейся при продаже товаров. Как представляется, и здесь речь шла о возможности для жителей слободы изготавливать полотно из закупленного ими льна и продавать его на стороне. Такие преимущества должны были побуждать жителей слободы стремиться сохранить свой особый статус, а, следовательно, исправно нести службу.

Как показывает этот пример, и в XVII в. власть последовательно придерживалась традиций служебной организации — человек нес службу самостоятельно, а к ее хорошему исполнению должен был стимулировать особый привилегированный статус.

Традиционной частью дворцового хозяйства была также организация мастеров-ювелиров в Москве, изготавливавших разные изделия по дворцовым заказам. Уже в источниках второй половины XVI в. упоминались серебряные мастера, которым выплачивалось жалованье из казны и которых вызывали из других городов для работы в Москве. Для XVI в. круг сведений этим и ограничивается.

В XVII в. мастера эти были связаны с Серебряной палатой и находились в ведении «Серебряного приказа для золотого и серебряного дела», откуда получали материал для работы. Как показывают сведения источников XVII в., деятельность и этой дворцовой мастерской была направлена не только на удовлетворение нужд собственно царского двора. Мастера изготавливали различные изделия (кресты, оклады и др.) для храмов, а также ковши и чарки, которые служили наградами служилым людям и купцам.

Мастеров, постоянно работавших в палате и получавших жалованье из казны и «снасти» (орудия труда), а также награды сукном за успешную работу, было немного — несколько десятков. Для пополнения персонала, также по свидетельству Котошихина, «емлют в Москве и из городов добрых мастеров в вечную службу и дают погодное жалованье». Таким образом, и здесь имела место принудительная мобилизация, а прикрепление к службе было бессрочным. Но этим дело не ограничивалось. При прове-

дении масштабных работ происходила и временная мобилизация мастеров-серебряников, часто из московского посада. В отличие от постоянных мастеров они работали «за поденный корм» (8 денег в день). В начале 50-х гг. XVII в. проводился сыск по разным городам «серебряного дела чеканщиков» для работ в Москве в Успенском соборе.

Таким образом, в этой сфере, наряду с группой служебных, постоянно работавших в дворцовом учреждении в Москве, существовала система учета соответствующих кадров на территории страны, которые могли быть временно мобилизованы для удовлетворения конкретных потребностей власти (ср. в источниках XVI в. мобилизацию каменщиков для временных работ на схожих условиях, однако они получали меньше – «на день человеку по четыре денги»; ср. о корме каменщикам у Котошихина: «чем сытим быти мочно»).

Политика власти после Смуты не ограничивалась реставрацией структур служебного населения, существовавших или сформировавшихся в XVI в. Имело место и создание новых структур для решения важных возникших перед властью задач. Это происходило и в рамках дворцового хозяйства. В этом плане рассмотрения заслуживают свидетельства об Оружейной палате и связанных с ней группах населения.

В царском дворцовом хозяйстве в XVI в. наряду с другими специалистами имелись и ремесленники, изготавливавшие разные предметы вооружения. В 1573 г. в списке людей двора Ивана IV они фигурируют как мастера, находящиеся в ведении Бронного приказа. В XVII в. они оказались в ведении Оружейной палаты и Оружейного приказа. Мастеров в ведении приказа было немного – в 1614 г. не более 20 человек, после 1627 г. – 66 человек.

Уже в 1616 г. «самопальным мастерам» Оружейного приказа выдавалось сукно за успешно выполненную работу. Их состав пополнялся людьми, вызванными из других городов. В 1613 г. прибыл «самопальный мастер» из Муромы «с женою и с животы».

Об организации работы и отношениях разных групп ремесленного населения в соответствующих мастерских позволяет судить исследование о работниках Оружейной палаты. Характер отношений обнаруживает определенную близость к хорошо известным в Средневековье различным организациям ремесленного населения. Ремесленники делятся на мастеров и учеников, обучение которых может быть достаточно длительным. Повышение ученика связано с предоставлением им результатов своей работы и их компетентной оценкой. Как и в других случаях, сыновья мастеров имеют преимущество и часто наследуют положение своих отцов. Все это близко к порядкам ремесленного цеха. Вместе с этим, налицо и качественные отличия, связанные с тем, что и мастера, и ученики находятся на службе в Оружейной палате, не обладая каким-либо самоуправлением.

Сам набор учеников (часто из жителей Бронной слободы) производился администрацией Оружейной палаты. Иногда будущего воспитанника приводил и мастер, однако, для его утверждения необходима была

санкция администрации. После этого он поступал мастеру в учение. Сохранился документ о награждении такого ремесленника, который «многих учеников... выучил в Оружейную палату к государевым делам». Таким образом, мастера выполняли «государевы дела», а воспитанники готовились к их выполнению. Во время обучения, сроки которого точно не определялись, ученикам выдавалось денежное и хлебное годовое жалованье. Кроме того, их обеспечивали казенной одеждой и обувью, чтобы они, «видя себе государево жалованье, учились с радением». После успешного освоения ремесла ученик мог стать мастером и получать положенный ему хлебный и денежный оклад, который устанавливался администрацией. Оклад мог со временем меняться в размере, если администрация была довольна работой мастера, но он представлял собой жалованье за службу, а не оплату проделанной работы.

Таким образом, коллектив ремесленников, занятых в Оружейной палате, представлял собой людей, находящихся на службе, получающих за нее вознаграждение и пользующихся особым статусом.

Положение мастеров Оружейной палаты и мастеров-ювелиров во многом было сходным. Мастеров брали на службу «к государеву делу» «по государеву именному приказу», и «тягла с них имать не велено». Они «верстались» годовым денежным и хлебным жалованьем по окладу, установленному царем, кроме того, им выдавалось железо для изготовления орудий для работы – «снастей». За удачно выполненную работу им жаловались сукна и шелковые ткани.

Оружейная палата была и местом хранения «расхожего оружия», которое выдавалось стрельцам, а с началом Смоленской войны – воинам из полков «нового строя»: солдатам, драгунам, рейтарам. Часть оружия закупалась за границей, но немалая его доля изготовлялась в стране.

Усилий мастеров Оружейной палаты было для этого недостаточно. Для выполнения соответствующих работ предпринималась мобилизация ремесленников для производства нужных работ в Москве. Так, В.И. Стрешнев, возглавивший Оружейную палату в 1631 г., собрал на Бархатном дворе 200 человек – кузнецов, ствольных заварщиков, станочников, самопальных мастеров. В середине XVII в. для руководства таким производством был создан Приказ ствольного дела.

Характеристика таких мобилизаций, которые осуществлялись и в последующие годы, содержится в сочинении Котошихина: «емлют к тому делу мастеров из Москвы и из городов и из монастырей кузнецов и всяких того дела промышленных людей погодно, по переменам, и дают им за работу поденной корм из царской казны». Таким образом, производилась временная мобилизация ремесленников из посадских общин и владений церкви. Очевидно, дворянских владений это не касалось. Условия работы для таких мастеров были, конечно, невыгодны, но они, очевидно, компенсировались (как это имело место с каменщиками второй половины XVI в.) предоставлением особого привилегированного статуса.

Но оружие требовалось в таких количествах, что подобными мобилизациями дело не ограничилось. На местах наметились группы населения, которым предписывали изготавливать оружие, не вызывая их в Москву. Примером могут служить тульские кузнецы. В первых десятилетиях XVII в. к ним из Москвы направлялись задания по производству самопалов, и размеры заданий постоянно увеличивались – 100 пищалей в 1614 г., 200 самопалов в 1617 г., 500 – в 1622 г.

Практика эта получила широкий размах с началом Смоленской войны. На территории страны был предпринят учет всех людей, у кого есть «домницы» для варки железа и кто может изготавливать «самопалы». От них потребовали выполнять «государево самопальное дело наспех», и за работу выдавали «поденный корм» – 8 денег (как мобилизованным каменщикам). Но были при этом и определенные преимущества – так, для тульских кузнецов лежащее на них тягло было заменено оброком. В данном случае служба, однако, становилась настолько важной, что необходимо было особо заинтересовать кузнецов в ее выполнении, и это было сделано. Жителям тульской Кузнецкой слободы было «велено быть в Туле в государевых казенных самопальных мастерах и ведать их в Стрелецком приказе, а оброчные деньги велено с них сложить». Так тульские кузнецы превратились в особую группу привилегированного служебного населения. Принятое решение оказалось эффективным – численность жителей Кузнецкой слободы увеличилась к концу XVII в. с 75 до 194 человек.

На этом примере достаточно ясно прослеживается, что, как и в первой половине XVII в., власть использовала для решения стоящих перед ней задач традиции служебной организации, охватывая своими действиями большие слои ремесленного населения по всей территории страны.

Даже из введенных в научный оборот немногих отрывочных свидетельств видно, что служебное население в ведении Оружейной палаты представляло собой сложную иерархическую структуру, включавшую в себя группы людей, заметно различавшиеся по своему статусу и игравшие разную роль. Такая структура может быть охарактеризована на примере служебных каменщиков, находившихся в ведении Приказа каменного дела (разносторонняя характеристика их положения дана в известном исследовании А.Н. Сперанского).

Большую часть людей этого круга составляли объединения каменщиков в различных городах, сохранявшие традиционный сословный статус. Уже в 1613 г. правительство Михаила Романова подтверждало право каменщиков и кирпичников Ростова, Твери, Ярославля – с них «во всякие подати ничего не имати» и быть свободными от служб. Все такого рода люди были на учете, и периодически производились их «сыски», «кому бы каменное и кирпичное дело было за обычай».

В такие сказки также вносились люди «с посадов и из-за монастырей». За них подавались поручные записи «к государевым делам быть готовым», а затем быть на работе «безотступно». В случае необходимости люди, занесенные в такие списки, отправлялись и в Москву, и в другие

города чтобы быть «у государевых верховых каменных дел». К месту работы каменщики направлялись на казенных подводах. За время полного рабочего дня выдавалось 8 денег «на харч, на платье и на обувь» (иногда плата могла повышаться до 10 денег); сдельная оплата была, как и ранее, у кирпичников.

Есть смысл рассмотреть и свидетельство Г. Котошихина о Каменном приказе, в ведении которого находились каменщики-строители. «А ведают в этом приказе всего Московского государства каменное дело и мастера». Для производства «царского строения» мастеров «собирают из всех городов и дают им ис царские казны на поденной корм денги, чем им сытим быти мочно». А камень для строительства привозят уездные крестьяне, которым эта повинность заменяет оброк. Описанная картина совсем не отличается от той, которая вырисовывается в свидетельствах источников о строительстве Смоленского кремля в конце XVI в.

Таким образом, сложившаяся к концу XVI в. структура служебного населения в 60-е гг. XVII в. продолжает функционировать по правилам, установленным в предшествующем столетии.

Характерно, что Г. Котошихин отмечает скудность содержания, которое каменщики получали за свою работу. Такие условия работы были для них невыгодны, но ущерб компенсировался предоставлением им особого привилегированного статуса, которым они пользовались, когда не несли службу. Одним из важных преимуществ служебных каменщиков было также право беспошлинной торговли. В разделе 53 XVIII главы Соборного уложения упоминается получение каменщиками грамот, «на колко рублев им торговати беспошлинно».

Обращение к источникам XVII в. показывает, что помимо описанного круга людей существовало особое привилегированное объединение московских каменщиков, подобное московским мастерам Оружейной палаты. Эти люди постоянно жили в Москве и несли там постоянную службу, связанную со строительством. Помимо поденного корма за рабочие дни, эти мастера получали также денежное и хлебное жалованье по определенному окладу. Это объединение образовывало верхушку данного слоя служебного населения, выполнявшую в центре страны наиболее сложные и высококвалифицированные работы. Наиболее привилегированную часть этой группы образовывали подмастерья каменных дел. Их оклады были гораздо выше окладов обычных мастеров, и они по заданиям Приказа каменных дел руководили работами по ремонту и строительству зданий в Москве и на местах.

Перед нами налицо и здесь сложная, иерархически организованная структура, охватывающая всю страну.

Целый ряд законодательных актов первой половины XVII в., ряд статей Соборного уложения 1649 г. и суждения Г. Котошихина позволяют судить о разных сторонах положения такой важной общности служебных людей, как стрелецкое войско. В первой половине XVII в. оно образовывало основу вооруженных сил государства и сохраняло оформившийся к на-

чалу XVII в. особый статус. Главной обязанностью стрельцов, как и в конце XVI в., была военная служба, имевшая наследственный характер. Хотя в случае необходимости, как сообщает Г. Котошихин, в состав стрельцов «прибирают вольных людей», но, как правило, «бывают в стрельцах вечно и по ним дети и внучата... стрелецкие же дети бывают вечно ж».

В XVII в., как и во второй половине XVI в., стрельцам за службу выдавалось жалованье (для его выплаты вскоре по окончании Смуты был установлен налог – стрелецкие деньги), «стрелецкие хлебные запасы» и соль, а также «платье ис царские казны» – стремянным стрельцам – элитной московской части – «ежегодь», городовым стрельцам – раз в 3-4 года. Как и ранее, они подчинялись юрисдикции только Стрелецкого приказа (кроме дел об убийстве и разбое). Одной из главных особенностей их статуса было, как и ранее, освобождение от тягла – «тягла не платить и тяглых служб не служить».

Эта главная, наиболее важная привилегия дополнялась рядом других. Так, еще Василий Шуйский освободил стрельцов и членов их семей от уплаты ряда судебных пошлин, и это было подтверждено правительством Михаила Романова. Еще одной привилегией было освобождение от уплаты печатных пошлин при выдаче грамот о годовом жалованье, а московские стрельцы освобождались и от уплаты пошлин при выдаче им грамот «по их челобитьем во всяких управных делах». Им также оказывалась помощь при выплате долгов. Власть защищала стрельцов от злоупотреблений со стороны администрации, в частности, запрещая принуждать их к работе на воеводских дворах.

Особо следует остановиться на том, как власть регулировала занятия стрельцов в свободное от службы время. Они имели право изготавливать различные изделия и продавать их в своих лавках и должны были «платить таможенные пошлины, а с лавок оброк», но и при этом было возможно получение определенных льгот. В Соборном уложении отмечается возможность для стрельцов получать «государевы указные грамоты по их челобитью на колко рублей им торговати беспошлинно».

Таким образом, в памятниках права первой половины XVII в. четко фиксируется совокупность норм, направленных на поддержку стрельцов и членов их семей. Их назначение понятно. С одной стороны, они должны были помочь стрельцам нести нужную для государства службу, а с другой, пробудить у них стремление сохранить такой благоприятный статус, а следовательно – исправно нести службу.

В таком характере отношений стрелецкого войска и власти нельзя не видеть и в первой половине XVII столетия проявления норм, свойственных традициям служебной организации. Именно характерными для этих традиций приемами управления государственная власть обеспечивала себе поддержку главной военно-полицейской силы в стране.

Рядом рассмотренных структур служебного населения в Русском государстве первой половины XVII в. их круг не ограничивался.

Лекция 6. Служебная организация в Русском государстве в первой половине XVII в. (продолжение)

Предшествующая лекция завершилась характеристикой статуса стрелецкого войска. При всем его особом положении и важности в русском обществе первой половины XVII в., в целом ряде статей Соборного уложения 1649 г. стрельцы выступают как часть более широкой общности служилых людей. В статье о сборе «полоняничных денег» – налога на выкуп захваченных татарами пленных – устанавливалась общая норма – 2 деньги со двора «с служилых людей, с стрельцов и с казаков, и с пушкарей и з затинщиков, и с воротников, и с казенных плотников и с кузнецов». Для их выкупа из плена также устанавливалась единая норма – 25 рублей, только московские стрельцы могли рассчитывать на выкуп в 40 рублей.

В приведенном свидетельстве 1 статьи IX главы Соборного уложения очерчена совокупность военных служилых людей, чьи группы, генетически связанные со служебной организацией, сформировались во время ее перестройки в XVI в. В Уложении фиксируются некоторые нормы права, общие для всех людей, которых включала эта организация. Так, власть защищала их от принудительных работ на воеводских дворах; при проезде все они имели право получить на ямском дворе подводу «летом с телегою, зимою с саньми». Все они освобождались от уплаты пошлин при получении указных грамот «на колко рублей им торговати беспошлинно и как им про себя питье варить» и грамот о годовом жалованье.

Вместе с тем, целый ряд прав, которыми пользовались стрельцы, на другие группы служебных людей не распространялись. Они не освобождались от уплаты судебных пошлин, им не оказывалась помощь при выплате долгов (их следовало «выдавати исцом головою до искупу»). Их службы, очевидно, рассматривались властью как менее ценные по сравнению со стрелецкой службой. Правда, власть устанавливала стоимость их труда и время отработки долгов, а с истца следует «взять порука з записью, что их не убить, ни изъувечить».

Важным общим признаком, объединявшим всю совокупность служилых людей, было освобождение от тягла, что, собственно, и давало возможность им успешно выполнять свою службу. Среди этих служебных людей важное место занимали разные группы, связанные с содержанием городских укреплений и артиллерии, но главная роль принадлежала коллективу работников, относящемуся к Пушечному двору, который и в первой половине XVII в. оставался в России главным центром производства для государства артиллерийских орудий и колоколов.

Пушечный двор, территория которого и объем работы на нем значительно расширились в XVII в., неоднократно определялся исследователями как первая мануфактура на русской почве. Действительно, некоторые черты объединяют Пушечный двор с западноевропейской раннекапиталистической мануфактурой XVI–XVII вв. Это и разветвленность производственного процесса, и наличие на вспомогательных неквалифицированных занятиях наемных работников – ярыг. Однако качественно отличаются от наемных работников мануфактуры мастера Пушечного двора

(литцы, зелейные, ямчужные) и их ученики. Положение их в разных отношениях было схоже с положением мастеров и учеников Оружейной палаты. Они получали годовое денежное и хлебное жалованье, соль и годовое сукно в соответствии с установленными для них окладами. При успешном выполнении отдельных важных работ следовали награды различными тканями. Мастера и ученики подчинялись судебно-административной власти Пушкарского приказа. При взятии на работу давались работниками двора коллективные поручительства, что этот человек «от государева дела не сбежит» и будет работать «по вся дни беспрестанно». К этому следует добавить, что Пушечный двор не имел связи с рынком.

Все это позволяет характеризовать мастеров и учеников Пушечного двора не как коллектив наемных работников, а как группу служебного населения, сходную по статусу со статусом мастеров и учеников, работавших в разных отраслях дворцового хозяйства – Серебряной палате, Оружейной палате. Характерен одинаковый статус мастеров Пушечного двора и Оружейной палаты при разном характере производственных процессов, в которых они участвовали.

Помимо групп служебного населения, занятых транспортными услугами, военной службой, строительством, военным производством, источники XVII в. позволяют выделить сходные с ними по статусу группы служебного населения, связанные с производством и тиражированием духовных ценностей. Одну из таких групп, сформировавшуюся уже во второй половине XVI в., представлял собой коллектив восстановленного после Смуты Печатного двора. Документы XVII в. позволяют достаточно определенно судить о статусе этой общности людей.

Опубликованные документальные источники подтверждают предположения об их статусе, высказанные ранее при разборе литературных текстов XVI – начала XVII вв. В этих документах «книжно печатного дела мастеровые люди» выступают как лица, которые несут службу «у государева книжного печатного дела», «работают государю у книг печатного дела». За службу им выплачивалось годовое жалованье – денежное и хлебное по окладам, установленным царским указом, а не как оплата проделанной работы. Стоит отметить, что по ходатайству работников в 1634 г. оклады были установлены «против стрелецкие дачи». Таким образом, сами работники типографии сравнивали свое положение с положением наиболее привилегированной части служебных людей – стрельцов. Одновременно работники Печатного двора освобождались от тягла. По людям, которых брали на службу, и здесь работники давали коллективные поручительства, что им «дела не оставить и, взяв государево денежное и хлебное жалованье, не збежать».

Все эти особенности положения работников Печатного двора не позволяют рассматривать Печатный двор (как и Пушечный) как одну из первых государственных мануфактур. К этому следует добавить, что целью производства не являлось и в XVII в. получение прибыли. В документальных источниках раннего XVII в. неоднократно встречаются предписания

о продаже книг «без прибыли, а по чем в деле стали», а в Сибирь книги посылались бесплатно. Лишь в 1632 г. при Типографии была открыта книжная лавка, и лишь в 1634 г. было принято решение продавать книги с наценкой, чтобы оплатить расходы на ремонт Печатного двора – продавать книги «по чем в деле стали с дворцовым и полатным строением».

В 20-е гг. XVII в. эта практика сочеталась с настойчивыми попытками власти заставить по установленной властью цене разные круги населения (и духовенство, и светских людей) приобретать эти книги. Так русские власти в первой половине XVII в. пытались решать проблему религиозного просвещения населения.

Работники Печатного двора были не единственной группой служебного населения, занятой культурной деятельностью. Своеобразное объединение служебного населения образовывали древнерусские иконописцы. От XVI в. и раннего XVII в. сохранились лишь имена ряда мастеров, работавших по правительственным заказам. О статусе разных групп иконописцев и характере их отношений с властью в полной мере позволяют судить лишь документы середины – второй половины XVII в.

Иконописцы этого времени находились в ведении Оружейной палаты, подчиняясь ее административно-судебной власти. Работа велась «по указу великого государя и по наряду Оружейной палаты». Источники и в этом случае рисуют сложную, иерархически организованную структуру. Так, уже в документе 1637 г. мастера-иконописцы делились на жалованных и кормовых. Жалованные мастера (их было немного) проживали в Москве и постоянно находились на службе. В их поручных записях фигурировало обязательство «всегда быти готову». За службу им поступало годовое денежное и хлебное жалованье определенного оклада; кроме того, именинное и праздничное жалованье и награды за успешное выполнение тех или иных работ. У таких мастеров были с санкции Оружейной палаты подмастерья.

Жалованные мастера были руководителями коллективных работ, которые организовывала Оружейная палата. У них была и другая важная функция, о которой речь пойдет ниже. От жалованных мастеров серьезно отличались кормовые иконописцы, проживавшие в Москве и других городах. Их призывали на службу время от времени, и на время работы они получали поденный корм (отсюда, очевидно, и их название). Это была служба «у государевых иконописных дел». Такая мобилизация имела место в 1642 г. при росписи Успенского собора в Кремле. Общим признаком, объединявшим обе группы мастеров, было освобождение от податей и служб (в некоторых случаях сохранялся небольшой оброк). Тем самым кормовые иконописцы оказывались заинтересованными в сохранении такого статуса, несмотря на невыгодные условия работы на службе.

Хотя подавляющая часть свидетельств о положении иконописцев содержится в документах второй половины XVII в., такой порядок, конечно, сложился раньше. Вместе с тем, обращает на себя внимание, что в 43 главе решений Стоглавого собора 1551 г. устанавливалась всесторонняя

власть епископов над иконописцами. Епископ разрешал или запрещал мастеру писать иконы, разрешал после знакомства с его работой взять такого-то человека учеником к мастеру, регулировал отношения между мастером и учеником. Очевидно, позже сложился иной порядок, когда иконописцы стали одной из строго подчиненных государственной власти групп служебного населения. Особым специфическим отличием этой группы была последовательная забота власти о качестве работы мобилизованных мастеров.

Мобилизация мастеров из разных городов неоднократно осуществлялась «без розбору», и затем уже в Москве жалованные мастера подвергали их своеобразному экзамену, после которого у имен в списках мобилизованных появлялись резолюции: «отпустить, не годитца», «отставить и впредь не имать». Очевидно, соответствующих лиц отправляли домой и, вероятно, они не получали желательного статуса. Оставшиеся мастера в зависимости от результатов работы и оценки их жалованными мастерами (главным среди них во второй половине XVII в. был Симон Ушаков) делились на первую, вторую и третью статьи. Мастера отдельных статей различались между собой по размерам выдавшегося им содержания.

Такая практика в других объединениях служебных не зафиксирована, но это различие не может отодвинуть на задний план принципиального сходства объединения иконописцев с другими объединениями служебных людей в целом ряде отношений.

В первой половине XVII в. продолжала активно действовать и такая общность, как привилегированное купечество. Как показано в исследованиях Н.Б. Голиковой, в первой половине XVII в. особые чины гостей и членов гостиной и суконной сотен продолжали сохраняться, сохранялся и их традиционный статус (Михаил Федорович, а затем Алексей Михайлович подтверждали, о чем уже говорилось, жалованные грамоты второй половины XVI в.). Как и ранее, в первой половине XVII в. сотни пополнялись за счет зачисления в них представителей верхушки провинциальных посадов и даже торговых крестьян русского Севера, которых принуждали к переезду в Москву, что в ряде случаев сталкивалось с сопротивлением. Некоторым людям удавалось задержаться на местах, но это не касалось большинства мобилизованных. Источники XVII в. позволяют судить о возникавших при этом коллизиях между властью и посадским населением. Сопротивление провинциальных посадов переводу их «лутчих людей» в Москву государственная власть в первой половине XVII в. успешно преодолевала. Исключением были бурные события конца 40-х гг. XVII в., после которых численность привилегированных купцов на некоторое время перестала расти.

В первой половине XVII в. сохранялся не только особый привилегированный статус, но и характер служб, которые несли гости и члены сотен. Речь шла, как и ранее, об организации работы денежных дворов, взимании пошлин при чеканке монеты и о сборе разных видов доходов как на таможнях, так и на питейных дворах. В этой сфере у привилегированного

купечества появились и новые обязанности. В 30-х гг. XVII в. гости и члены сотен были привлечены к постоянной работе в «соболиной казне» Сибирского приказа. Они должны были заниматься приемом, сортировкой и оценкой пушнины, поступавшей как дань из Сибири, ее реализацией и организацией изготовления меховых изделий по заказам. Этот пример более ярко, чем что-либо другое, показывает, что об упадке служб привилегированного купечества в первой половине XVII в. нет оснований говорить.

Как и ранее, деятельность привилегированных купцов как части финансового аппарата государства не ограничивалась сбором доходов, а неоднократно была направлена на удовлетворение различных нужд государственной власти – так, таможенные головы, например, не только взимали пошлины, но и производили закупки товаров для государственных нужд и осуществляли продажу казенных товаров.

Эти наблюдения исследователей над источниками первой половины XVII в. есть смысл сопоставить с характеристикой этой особой общности в сочинении Г. Котошихина 60-х гг. XVII в. Ее описание содержится в X главе – «О торговых людех». Гостей и членов гостиной и суконной сотен Г. Котошихин выделяет из среды остального посадского населения. Гости – в его характеристике – это богатые купцы, которые «торги своими торгуют в году всякой человек тысяч на 20 и на 40 и на 50 и на 100 рублей». Однако гостями делает их не размер капитала: «бывают они гостиным именем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовальниках у соболиные казны и в таможенных и на кружечных дворах». А члены гостиной и суконной сотен «бывают у зборов царские казны 3 гостми в товарищах, в целовальниках». Таким образом, по оценке Котошихина, гости, как и ряд других групп населения России, несут службу «у царских дел» и за это получают свой особый статус. Краткая, но содержательная характеристика Г. Котошихина ясно говорит о том, что к 60-м гг. XVII в. никаких серьезных перемен в статусе и службах привилегированного купечества не произошло.

За успешную службу гостям и членам сотен полагалось вознаграждение. Как отмечает Г. Котошихин, кто «казны соберет болши, и им за тое службу бывает похвала и бывает им жалованье по купку или по ковшу серебряному да по сукну да по камке, а товарищам их целовальником по ковшу ж серебряному да по сукну и по тафте, смотря по прибыли и по человеку». Это было вещественным выражением признания заслуг. Много записей о таких наградах содержится в опубликованных столбцах из фонда Оружейной палаты. Обращение к документам первой половины XVII в. показывает, что описанные Г. Котошихиным награды давались таможенным головам, которые кроме ковшей и тканей неоднократно получали и сорока соболей, целовальники же могли рассчитывать, как правило, только на ткани.

Как отмечает тот же Котошихин, если казны соберется меньше чем ранее из-за недобросовестного исполнения своих обязанностей головами и целовальниками, то «счотчи против иных городов прибылей берут на

них на самих, а сверх того бывает наказание кнутом». Сохранился ряд дел о недоборах первой половины XVII в. Следствие сопровождалось сыском свидетелей. Сохранился и ряд свидетельств о взыскании такого недобора, когда объяснения таможенных голов были признаны неудовлетворительными. Свидетельств о наказании кнутом неизвестно.

Однако все же имеются данные о весьма суровых наказаниях, которые падали на привилегированных купцов в случае их злоупотребления своими обязанностями. Такие сведения содержатся в рассказе Г. Котошихина о введении при Алексее Михайловиче медных денег. Наблюдавшие за работами денежных дворов гости и члены сотен оказались вовлеченными в злоупотребления, связанные с чеканкой медной монеты, инициаторами которых были родственники царя, его тесть Илья Данилович Милославский и думный дворянин Афанасий Иванович Матюшкин. «Казни им не учинили никакой», а «головам и целовальникам учинили казни, отсекали руки и ноги и ссылали в ссылку в дальние города».

Многочисленные свидетельства источников, таким образом, говорят о преемственности порядков второй половины XVI и первой половины XVII столетий. Целый ряд объединений служебного населения сохраняют и свои определившиеся в более ранний период функции, и свой особый социальный статус. Создаются и некоторые новые структуры с использованием традиций, характерных для служебной организации. Неоднократно цитировавшиеся высказывания и оценки Котошихина показывают, что целый ряд таких структур продолжал активно функционировать в 60-е гг. XVII в.

Как показывают источники XVII в., целый ряд таких структур был сложным по своему составу, включая общности людей в центре и на местах, заметно различавшиеся по своему социальному статусу. Выделяется роль столичных объединений, играющих важную роль в деятельности соответствующих общностей в целом. Источники первой половины XVII в. позволяют судить о таком важном для данной темы аспекте, как характер отношений привилегированных сообществ в городах с другими частями городского торгово-ремесленного населения. Напряженность отношений создавалась за счет того, что соответствующие сообщества, опираясь на свой привилегированный статус, стремились усилить свои позиции за счет тяглого городского населения. Наиболее привилегированной частью городского торгово-ремесленного населения были и в XVII в. гости и члены сотен.

Картина отношений привилегированного купечества, объединявшего верхи городского сословия, с основной массой горожан – посадскими общинами – была достаточно сложной. У гостей и членов сотен, как людей, занимавшихся торговой деятельностью в большом объеме, были в этой сфере определенные интересы, совпадавшие с интересами других торговых людей. Так обстояло дело, например, с ходатайствами об ограждении русского внутреннего рынка от иностранных купцов. Такие чело-

биться подавали совместно и привилегированное купечество, и обычные торговые люди в 30-х – 40-х гг. XVII в.

Однако продолжал сохраняться объективный конфликт интересов между гостями как представителями финансового аппарата государства и городскими посадскими общинами. Для XVII в. мы уже располагаем высказываниями, как осознавался и воспринимался такой конфликт в посадской среде. В так называемой Псковской третьей летописи в связи с событиями Смоленской войны отмечено, что в Псков приехали «гости московские посадских людей верстати и 5-я деньга имати на государя... и бысть тяжко велми псковичам». Речь шла о разверстке и сборе чрезвычайного налога на ведение войны. Осуждение их действий выражено, хотя и определенно, но в скрытой форме. Иная интонация звучит в записи о событиях 1636 г. В этом году приехал из Москвы гость лен «купити на государя по указной цене московской» и в этой связи было приказано «лном не торговать всяким людям», очевидно, пока гость не осуществит свои закупки по установленной цене. Этот эпизод сопровождается словами «и цена невольная, и купля нелюбовная, и во всем скорбь великая».

Имелись и другие причины для конфликтов между могущественными гостями, которые больше не принадлежали к посадским общинам, даже если не переезжали в Москву, и городскими посадами. Даже в крупном городе посадская община и ее земли становились объектом экспансии со стороны могущественных представителей привилегированного купечества, использовавших свои связи в местном и центральном государственном аппарате. Ярким примером могут служить жалобы новгородцев 1648 г. на гостей Семена и Ивана Стояновых, которые присваивали себе и дворы, и сенные покосы, и рыбные ловли отдельных новгородских горожан, более того, они захватили под Новгородом выпасы для скота – коллективную собственность всей посадской общины. Так было не только в Новгороде. В Устюге к началу 40-х гг. XVII в. значительную часть пашенных земель посада захватили «гостиные сотни богатые люди... а побить челом государю на тех сильных и богатых людей... не смеют». Неудивительно, что, когда в 1650 г. произошли восстания в Новгороде и Пскове, объектом действий восставших стали разгромленные дворы Стояновых в Новгороде. Восставшие выступали и против тесно связанного со Стояновыми гостя Федора Емельянова во Пскове, двор которого был также разграблен. Никакого влияния на ход событий во время восстаний гости оказать не могли. И это не было особенностью только Новгорода и Пскова. Во время восстания в Великом Устюге летом 1648 г. «худые и молотчие многие люди... гостиной сотни торговых людей всех разгоняли и животы и всякие запасы пограбили».

Такие свидетельства традиционно рассматриваются как свидетельство глубокого и острого социального расслоения в русском городском населении XVII в. Однако следует учитывать, что существовавшие, разумеется, в городской среде социальные противоречия дополнительно обострялись тем, что привилегированное купечество выступало как предста-

витель эксплуатировавшего горожан государственного аппарата. Характерно, что в жалобах новгородцев на Стояновых говорилось и об их действиях, связанных со сбором соляной пошлины, когда «соляную пошлину и наметные деньги пенные» Стояновы с целовальников – выборных местных жителей, занимавшихся сбором пошлины, полученные средства «имали с них напрасно с боем и с большим правежом».

У других групп служебного населения XVII в. отношения с посадскими общинами также складывались непросто. Напряженность ситуации возникала уже с образованием особых поселений служебных – с выделением людей из посадской общины, а занятой ими земли – из городской территории. Люди эти обладали такими правами и привилегиями, которых обычные горожане не имели. Особенно напряженным было положение в пограничных районах, где численность служебного населения в ряде случаев превышала размер посадской общины. Такие крупные поселения служебного населения – не только стрельцов, но и пушкарей, затинщиков, плотников, воротников, казенных кузнецов – были созданы в городах этих районов при подготовке к Смоленской войне.

В ряде случаев, несомненно, имело место и здесь достаточно примитивное насилие с использованием привилегированного статуса. Так обстояло дело в Суздале в 1630 г., когда посадские люди просили бережельную грамоту, чтобы каменщики «посадских людей не побивали и напрасно не продавали и насильством на пропой у них не имали» и «к каменному бы и кирпичному делу своим самовольством не приписывали».

Как показал в своем исследовании П.П. Смирнов, в целом ряде регионов на западе и юго-западе России в первой половине XVII в. в городском населении стали преобладать разные группы служилых людей по прибору, в руки которых перешла значительная часть посадских земель. Положение усугубляли попытки посадских тяглецов избавиться от тягла, войдя в состав одной из групп служебных. Неслучайно в поручных записях того времени человек, вступавший в состав посадской общины, давал обязательство «в государеву службу в казаки, в стрельцы, и в пушкари не стати», но помогало это плохо. Положение обострялось дополнительно тем, что такие люди стремились не только избавиться от тягла, но и продолжать заниматься торговой деятельностью, используя теперь свой привилегированный статус. Так посадская община не только теряла своих членов-тяглецов, но и получала в их лице опасных конкурентов в торговой деятельности.

Все это создавало проблемы не только для посадков, но и для власти, утрачивавшей важные источники доходов. Складывавшееся положение достаточно ярко отражают материалы, связанные со Старой Руссой. В 1636 г. посадская община жаловалась на стрельцов, которые «им, посадским людем, чинят во всяких торгах великое утеснение и обиду». Среди них посадские люди называли стрельцов – богатых людей, которые торгуют не только в Старой Руссе, но и «отъезжим торгом всякими товарами». Ясно, что люди, занятые отъезжим торгом, не могли успешно выполнять

лежавшую на них службу. После проведенного расследования 30 стрельцов, «лутчих торговых и промышленных людей», было возвращено в состав посадской общины. Численность служебных людей в Старой Руссе была сокращена. Очевидно, что власть выступала против сложившейся практики и при этом вернула состоятельных стрельцов на посад. Доходы от обложения их торговой деятельности оказались для государства важнее, чем их служба. Так с развитием городов и городской жизни, с ростом в государственном бюджете доходов от обложения торгово-ремесленного населения возникал вопрос, не противоречит ли привилегированный статус служебного населения финансовым интересам государства.

К 30-м гг. XVII в. актуальным начал становиться вопрос, надо ли удовлетворять существующие потребности благодаря организации привилегированных групп служебного населения. Так, как показано выше, власть действовала при организации массового производства оружия перед Смоленской войной. Но уже в эти годы была предпринята попытка другого решения.

К 30-м гг. XVII в. относится зарождение в России промышленного производства, что предполагало иное решение вопросов об организации и статусе работников. В 1632 г. голландский купец А. Виниус заключил соглашение о постройке в районе Тулы чугуноплавильного и железодельного завода. Это новое явление привлекло позднее особое внимание Г. Котошихина, который специально обратил внимание своих читателей на основание такого завода «железного дела», где «делают железо и пушки, ядра льют». Все это «льют про царя и те пушки и ядра посылаются по всем городом». Так решался вопрос о наделении вооруженных сил оружием. Раньше власть решала это, давая права группам мастеров (вроде тульских кузнецов), теперь речь шла о соглашении с организатором производства – предпринимателем. Предприятие должно было выполнять казенные заказы, но «железо, которое остаетца от мушкетного и всякого царского дела, продают всяких чинов людям». Работники на этом предприятии, в отличие от мастеров, работавших на Пушечном дворе, не были служебными людьми и не имели в связи с выполняемой ими работой каких-либо особых прав.

Начатки новых отношений в первой половине XVII в. были еще слабыми. Тогда же, когда был основан завод А. Виниуса, был оформлен принципиально иной статус такой служебной группы населения, как тульские кузнецы, также работавшей по выполнению государственных заказов, и в течение длительного времени эти структуры сосуществовали. Стоит отметить, что значительная часть добывавшегося железа отправлялась в Оружейную палату. Сама позиция новых предпринимателей была непрочной. Так, в 1647 г. завод у владельцев был отобран и передан в ведение Приказа ствольного дела, и прошло несколько лет, прежде чем им удалось вернуть предприятие.

С 30-х гг. XVII в. начались в связи с подготовкой Смоленской войны военные реформы, серьезно изменившие состав вооруженных сил стра-

ны. Еще в 1630 г. русская армия имела традиционный характер: наряду с дворянским ополчением в ее состав входили 28 тыс. стрельцов, 11 тыс. городских казаков, 4,5 тыс. людей пушкарского чина. В связи с подготовкой к войне наряду с наймом за границей иностранных солдат была начата попытка организации полков «чужеземного строя» из беспоместных детей боярских и «вольных всяких людей». В 1631–1632 гг. было сформировано 7 полков, 1 рейтарский и 6 пехотных, позднее в военных действиях принял участие еще ряд полков, набранных из числа даточных людей. Значительную часть этих полков составляла пехота, вооруженная огнестрельным оружием, но условия ее службы серьезно отличались от условий службы стрелецкого войска.

Хотя даточные люди мобилизовывались принудительно с определенного количества крестьянских дворов, их условия службы существенно не отличались от условий службы охочих людей. И тем, и другим полагались пища, зелье и свинец из казны. За службу полагалось содержание – 6 денег в день (14 руб. 31 алт. 4 ден. на год) и 4 руб. «на платье». Это возмещение было меньше того, что выплачивалось за работу мобилизованным служебным людям (кузнецам, каменщикам). Важно, что в данном случае отношения власти с мобилизованными на солдатскую службу ограничивались выдачей содержания и не сопровождалась предоставлением им в связи с их службой особого привилегированного статуса. В деле организации вооруженных сил это означало качественно новое явление. Власть на этот раз не ставила своей целью заинтересовать мобилизованных людей в исполнении службы, предоставляя им особый статус. По окончании службы они должны были вернуться в прежнее состояние.

Намечавшиеся перемены были пока достаточно слабыми. Даточных людей мобилизовали на 1 год и в июне 1634 г. распустили по домам. Обозначившиеся кризисные явления получили развитие в середине – второй половине XVII в.

Лекция 7. Служебная организация в Московском государстве середины – второй половины XVII в.

Обращение к уже неоднократно цитировавшемуся сочинению Г. Котошихина показывает, что общности служебного населения, активно функционировавшие в первой половине XVII в., продолжали свою деятельность и во второй половине столетия. Но в их отношениях с государственной властью стали возникать сложности, конфликтные ситуации.

Для государственной власти довольно рано, в первой половине XVII в., актуальным стал вопрос об уходе жителей посада в состав разных групп служебного населения.

Ситуация обострилась, когда в 1637 г. власти поступила челобитная московского посада с предложением вернуть вышедших из посадской общины людей «из пушкарей и из стрельцов ... из розных чинов, и в воротниках, и в кузнецах, и в сторожах по приказом». Важно отметить, что пожелания были удовлетворены. Последовал указ о сыске для возвращения в состав посадской общины всех людей, покинувших ее с 1623 г. Правила

сыска были окончательно разработаны в указе 1639 г., основные положения которого вошли затем в XIX главу Соборного уложения. Предписывалось «взять в тягло» тех людей, которые стали ямщиками, и тех, «которые ведомы в Пушкарском приказе», и даже стрельцов вместе с их детьми. Власть нашла соответствующим своим интересам сокращение численности целого ряда общностей служебного населения. Для нее становилась более важной не служба, а возможность обложения их доходов от торговой деятельности. Исключением стали «мастеровые люди, которые живут на Москве во Дворце, и в Оружничей полате, и в иных приказах». Вопрос о возвращении кого-либо из них в тягло зависел от решения царя («а без доклада их в сотни не отдавать»). Таким образом, перед нами круг специалистов высокой квалификации, по отношению к которым сохраняется традиционная ситуация. Их служба оказалась более важной, чем служба стрельцов и пушкарей. Одновременно были приняты меры, которые должны были воспрепятствовать людям, занятым в военно-служебных компонентах служебной организации, заниматься торговой деятельностью. Правда, стрельцы сохранили за собой традиционное право иметь лавки и торговать, при этом «платити таможенные пошлины и с лавок оброк», но, что касается служебных людей, находившихся в ведении Пушкарского приказа, то устанавливалось, что если они займутся торговой деятельностью, то «быти им в тягле, и всякие государевы подати платити, и службы служить с посадскими людьми в ряд».

Власть, таким образом, стремилась сохранить одновременно и свои доходы от обложения торговой деятельности, и традиционную структуру населения. Не говоря о том, что такая попытка в условиях развития городской жизни и товарно-денежных отношений была малорезультативной, нарушался один из главных принципов служебной организации: соответствующая группа людей теряла особый привилегированный статус, который делал ее заинтересованной в исполнении службы.

Несмотря на такого рода меры, продолжалось вовлечение разных общностей служебного населения в торговую деятельность, что вело к социальной дифференциации в его среде, и власти приходилось принимать это во внимание.

Исследователями внимательно рассмотрены изменения в жизни обитателей Кадашевской слободы, занимавшихся изготовлением полотен для царского двора. В условиях привилегированного статуса населения слободы здесь формируется зажиточная верхушка, которая занимается торговой деятельностью, нанимая работников для выполнения заданий двора. Уже в описании слободы 1630-1631 гг. фигурируют люди, которые «сами работают», и те, которые «в свое место наняли сиделых хамовников». О верхушке слобожан сохранились свидетельства середины XVII в., что они «промыслы промышляют большими», ведут торговлю с Ираном и берут на откуп таможи и кабаки в разных городах. В итоге таких людей привлекают к службе в рядах привилегированного купечества. Если в 1601 г. при наборе в гостиную сотню было взято 2 человека из числа жителей

слободы, то в 1644 г. было принято решение о таком переводе 24 человек, в 1649 г. – 33 человек. В данном случае власть стремилась перемещать людей в рамках традиционного целого. В итоге целый ряд жителей слободы стали гостями во второй половине XVII в.

Перемены, однако, этим не ограничились. Стало серьезно меняться отношение власти к основной массе жителей слободы – работницам, изготавливавшим изделия из полотна. Если в первой половине XVII в. работницы самостоятельно трудились в своих мастерских, то затем положение изменилось со строительством в Кадашеве в 1658–1661 гг. «хамовных палат» «для всякого хамовного дела». К 1684 г. относятся высказывания «сиделых мастериц»: «работаем на хамовном дворе беспрестанно», «денно и ночью». Мастерицы перестали получать годовое жалование, на смену которому пришел поденный корм – «и тем прокормитца нечем».

Из положения служебных людей с особым статусом мастерицы превращаются в наемных работниц, получающих скудное содержание за работу и не имеющих никаких особых прав. В условиях развития городов и городской жизни служба ткачих перестает быть необходимой, они не воспринимаются как особо ценные квалифицированные специалисты, и это позволяет обращаться с ними совсем не так, как раньше.

Развитие товарно-денежных отношений вело, однако, и к иным последствиям. Ко второй половине XVII в. относится ряд важных сообщений о тульских кузнецах, которые накануне Смоленской войны стали «государевыми казенными самопальными мастерами». Первоначально такой статус кузнецов привлекал местных жителей в Кузнецкую слободу, но в условиях активного развития городов и городской жизни, с ростом спроса на железные изделия и появлением благоприятных условий для их сбыта, что давало больше, чем работа по государственным заданиям, стала намечаться и обратная тенденция, уход кузнецов из слободы. Она обозначилась столь ясно, что в 1675 г. стал принимать меры один из ближайших советников царя Алексея Б.М. Хитрово. Он приказал кузнецов, «которые вышли из Кузнецкие слободы своею волею, не хотя государевых оружейных дел делать, вывести в Кузнецкую слободу на старые их жеребьи». Таким образом, в новых условиях кузнецы не желали нести службу, даже несмотря на особый статус, а власть пыталась исправить положение с помощью принудительных мер.

Меры эти помогали плохо. Как показал розыск 1695 г., жители слободы уклоняются от исполнения правительственных заказов, так как «делают батожное железо и уклад на продажу». Здесь, как и в Кадашеве, образовалась богатая верхушка. Эти люди «ружье делают наймом, а сами промышляют торговыми промыслами».

Рассмотрение сведений о мобилизации каменщиков в конце XVI в. для строительства Смоленского кремля позволяет предполагать, что, по-видимому, власть уже в то время столкнулась с их уклонениями от навязанной им службы. К концу XVII в. это стало приобретать большой размах, и тем самым объективно вся система организации служб вместе с

принципами, на которых она была основана, оказывалась под вопросом. В конце XVI в. власть для подавления сопротивления каменщиков прибегла к санкциям и запретам. Так же стала действовать власть и в конце XVII в. по отношению к тульским кузнецам. На места рассылались предписания, чтобы кузнецы «никакова оружия и замков на продажу и на подряд не делали, и не продавали, и в отвоз никуда не возили и не продавали». Такие запреты не могли, однако, быть действенными в условиях, когда кузнецы с их особым статусом были изъяты из юрисдикции местных властей. Для достижения своих целей власти следовало ликвидировать этот особый статус и установить иные условия труда для работников, и это означало полную ликвидацию наследия служебной организации.

Несколько иными путями шел во второй половине XVII в. распад общества служебных каменщиков в разных русских городах.

В исследовании А.Н. Сперанского убедительно показано, как и под воздействием каких факторов в 70-х–80-х гг. XVII в. распадается служебная организация каменщиков.

Здесь следует говорить о двух разных явлениях, действия которых вели, однако, к одному результату.

Во-первых, с развитием благосостояния в разных общественных слоях и ростом спроса на разнообразное строительство за пределами служебной организации каменщиков, в среде частновладельческого крестьянства духовных и светских землевладельцев формируется слой людей, готовых удовлетворить этот спрос, и в их среде формируется верхушка, способная организовать и осуществить соответствующие работы, располагающая людьми и «запасами». Первоначально эти люди выполняют заказы частных лиц, но затем выражают готовность удовлетворять соответствующие нужды власти, получая от нее подряд – определенную сумму денег на производство работ. Как показали соответствующие расчеты, примерно такие же средства были бы выплачены казенным каменщикам, но ни новым работникам, ни подрядчику не предоставлялось какого-либо привилегированного статуса, а подрядчик обеспечивал и участие нужного количества рабочих, и добросовестное исполнение работы, так как был заинтересован в новых заказах.

В итоге именно такой организации работы теперь начинает отдаваться предпочтение. При ремонте Успенского собора в Москве в 1682 г. предписывалось «каменщиков, и паяльщиков, и кузнецов, и всяких работников наймовать повольною ценою». В 80-е гг. XVII в. складывается своеобразная ситуация, когда казенные каменщики облагаются вместо службы денежным оброком, который используется для финансирования подрядчиков. В таких условиях власть утрачивает заинтересованность в сохранении особого статуса этой группы служебного населения и идет навстречу пожеланиям посадских людей о возвращении каменщиков и кирпичников в состав посадской общины. В качестве яркого примера можно привести грамоту 1684 г. в Коломну: «наши всякие великих государей каменные

дела делают подрядом, и им, кирпичником, в Приказе каменных дел быти не для чего».

Этому явлению соответствовал и внутренний распад группы служебного населения, когда ее представители пренебрегали службой и использовали свой привилегированный статус для занятий торговой деятельностью, приносящей гораздо больший доход: каменщики приобретали лавки, торговали различными товарами, участвовали в перекупном торге. Добиваясь их включения в состав посада, городские тяглые люди ссылались как раз на то, что они «торговыми промыслами промышляют, и лавки у них свои есть». Власть все меньше нуждалась в службах каменщиков, но была, конечно, заинтересована в обложении их доходов и охотно шла навстречу таким предложениям. При таком повороте дел произошло превращение ряда представителей верхушки казенных каменщиков (подмастерьев каменных дел) в подрядчиков, которые стали конкурировать с подрядчиками из иной среды. Строительство теперь осуществляли наемные работники, получавшие содержание от подрядчика и не имевшие никаких особых прав. Если и были какие-либо льготы и пожалования, они касались только подрядчика. В сложившихся условиях у власти не было нужды прилагать усилия к тому, чтобы заинтересовать эту общность людей в несении службы. Существовал обширный слой населения, заинтересованного в выполнении соответствующих работ в условиях углубления разделения труда в русском обществе XVII в.

Таким образом, сохранившиеся свидетельства рисуют картину распада целого ряда сообществ служебного населения, связанных с производством различных изделий, в условиях развития городской жизни и товарно-денежных отношений. Как представляется, здесь наблюдается повторение процессов, имевших место в странах Центральной Европы в XIII—XIV вв., а в Великом княжестве Литовском – в XV—XVI вв. Заслуживает осмысления вопрос, почему на русской почве это происходит так поздно, во второй половине XVII столетия.

Имеющиеся свидетельства позволяют проследить перемены и в положении такой группы служебного населения, как ямские охотники. Никакого упадка этой группы во второй половине XVII в. не происходило. Служба ямских охотников оставалась нужной и полезной. Однако определенные перемены их статуса также могут быть отмечены. Так, в 1679 г. должность особого лица, ведавшего ямщиками, ямского приказчика, была ликвидирована, и охотники были подчинены власти воеводы. Тем самым особая автономия этой группы служебных серьезно ограничивалась.

Одновременно началось обложение их имуществ. Это имело место уже при сборе пятой деньги в 1662 г. Так, в Москве с жителей ямских слобод, «которые торгуют всякими торги», следовало взять побор – с выти по 50 руб. Очевидно, что и часть ямщиков, используя привилегированный статус, активно занялась торговой деятельностью и преуспела на этом поприще. Понятна реакция власти, постаравшейся обложить образовавшееся имущество. Таким образом, и здесь развитие торгово-денежных отно-

шений привело к сложностям во взаимодействии власти с частью членов общности служебных.

Иначе, чем со структурами служебного населения такого рода, складывались отношения власти в середине – второй половине XVII в. с привилегированным купечеством. И нормы Соборного уложения 1649 г., и ряд других свидетельств показывают, что для государственной власти с развитием городов и товарно-денежных отношений в этот период становилось особенно актуальным обложение доходов торгово-ремесленного населения города. Большая роль принадлежала при этом, как и ранее, именно привилегированному купечеству. В Соборном уложении фиксировался его особый социальный статус (гости, в частности, приравнивались по своему положению к детям боярским), права и функции. В XVIII главе Соборного уложения (ст. 8–9) упоминается о выдаче представителям этого общественного слоя жалованных грамот с освобождением от постоев и от тягла «с черными людьми», о пожаловании каменных лавок и «гостинного имени» «за таможенные и кабацкия приборы», то есть за службу в определенных отраслях финансового аппарата государства, где привилегированное купечество выполняло обязанности и раньше. По подсчетам 1680 г., доходы от этих пошлин составляли половину государственных доходов.

В Соборном уложении особое внимание было уделено вопросу о переезде в Москву лиц, зачисленных в ряды привилегированного купечества. Лицам, принятым в состав гостиный и суконный сотен, предписывалось продавать дворы и промыслы местным горожанам и переезжать в Москву. В противном случае им предстояло «с посадскими людьми платить тягло». Власть явно и в середине XVII в. стремилась разорвать связи таких людей с местным обществом и сильнее подчинить их своему контролю. Это также говорит о том, что их служба продолжала оставаться для власти важной.

Разбравшиеся выше свидетельства Котошихина, относящиеся к 60-м гг. XVII в., говорят о сохранении привилегированным купечеством его традиционного статуса и традиционных функций. В 70-е гг. XVII в. шведский дипломат Иоганн Кильбургер в своем сочинении о внешней торговле России написал специальный раздел о гостях. Они выступают в его тексте как «царские коммерц-советники», то есть государственные служащие, которые «неограниченно управляют торговлей во всем государстве». Кильбургер отмечает, что, как представители власти, они обладают правом первой покупки товаров, и используют его в своих интересах.

Одновременно И. Кильбургер пишет о враждебном отношении городского населения к привилегированному купечеству: «простой купец ... говорит плохо о гостях, и можно опасаться, что если когда-нибудь произойдет бунт, то шеи всех гостей будут свернуты чернью».

Свидетельства документальных источников, собранные в исследовании Н.Б. Голиковой, показывают, что во второй половине XVII в. пред-

ставители привилегированного купечества продолжали занимать такие же должности в финансовом аппарате государства, какие они занимали и ранее. Более того, в условиях роста городов и объема торговой деятельности власть во второй половине XVII в. встала перед необходимостью увеличить размер финансового аппарата. Вопрос был решен с помощью ряда наборов в состав гостиный и суконный сотен из представителей посадов не только московских слобод (как, например, Кадашевской), но и многих других городов в разных регионах России. Первый большой набор был предпринят в 1676 г., новые наборы последовали в 1678 и 1680 гг. Очевидно, во второй половине XVII в. правящие круги не видели другого пути укрепления финансового аппарата государства. Важной особенностью этих наборов стало включение в состав гостиный сотни значительной группы служилых людей по прибору из многих городов Юга России – около 70 человек. Таким образом, занятия торговой деятельностью охватили и эту часть служебного населения России и вызвали ту же реакцию власти, что и в середине XVII в. Образовавшийся слой богатых торговцев власть стремилась использовать по другому назначению, не интересуясь уже их службами.

Вместе с тем во второй половине XVII в. сбор чрезвычайных налогов (как, например, десятой деньги) распространяется на гостей и членов сотен.

Вторая половина XVII в. стала временем серьезных перемен в характере вооруженных сил страны, что повлияло на судьбу и положение в обществе важных военных компонентов служебной организации.

Созданные во время Смоленской войны полки «нового строя» по ее окончании были распущены. В 40-х гг. XVII в. были предприняты попытки создания военных формирований нового типа, солдатских и драгунских полков, пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, как и стрелковое войско. И те, и другие состояли из мобилизованных крестьян, они сохраняли свое хозяйство и должны были нести службу, не получая жалованья. Тем самым власть расходовала минимум средств на их содержание. Каких-либо особых прав они не приобретали, только освобождались от уплаты податей во время пребывания на службе, а в мирное время, как отметил Г. Котошихин, «с них подати берут, что с иных крестьян».

Таким образом, образовывалась дешевая военная сила, обладавшая минимальными привилегиями. Это показывает, что власть была определено недовольна положением военных компонентов служебной организации и искала им замену. Вместе с тем принятое решение имело и свои недостатки: качество военной силы, привлекавшейся на службу от случая к случаю, не могло быть достаточно высоким.

В записках Г. Котошихина такие войска определяются как «полки салдатские старые» и «старые драгуны». Новые солдатские и драгунские полки стали формироваться в ходе длительной войны с Польшей.

В «новые» полки, как отметил Г. Котошихин, «прибирают солдат из вольных людей» и на государственных и частновладельческих землях со

100 крестьянских дворов по 1 человеку. В 1663 г. имелось 55 солдатских полков – 50–60 тыс. человек. Их, как отметил Г. Котошихин, «отдают начальным людям и бывает их учение». Солдатам на содержание выдавались кормовые деньги, а также оружие и боевые припасы. Им также, по свидетельству Г. Котошихина, раздавали продовольствие «поместно, по указу». Аналогичным образом формировались и несли службу драгунские полки, которые, впрочем, просуществовали недолго. В то же время солдатские полки постепенно стали главной частью армии. К 1681 г. в ней насчитывалось 59 тыс. солдат и 44 тыс. стрельцов.

Первоначально в мирное время таких людей распускали по домам, но постепенно военная служба становилась их постоянным занятием. По указу 1662 г. люди, мобилизованные таким образом, больше не рассматривались как крестьяне. Все это налагало отпечаток на судьбу военных компонентов служебной организации.

Военно-служебное население России имело сложную структуру, так как наряду со стрелецким войском в пограничных районах существовал значительный слой городских казаков, освобожденных от тягла, имеющих земельные наделы и наследственно несущих военную службу. В 1630 г. в составе русской армии насчитывалось 11 тыс. городских казаков, в 1651 г. – 21 тыс. человек. Но во второй половине XVII в. представители этого слоя русского общества влились в состав полков «нового строя». Уже в 60-е гг. XVII в. Г. Котошихин записал о «старых» казаках: «Ныне их немногое число».

Перемены привели и к тому, что осложнилось положение стрелецкого войска. Правда, особый статус стрелецкого войска был зафиксирован Соборным уложением, но с образованием многочисленных военных формирований нового типа государственная власть оказывалась не заинтересованной в существовании военной силы, которой за службу предоставлялся особый статус, и содержание которой требовало немалых средств, а ее военная квалификация вызывала сомнение. Кроме того, надо отметить, что занятия торговой деятельностью охватили, наряду с другими группами служебного населения, и стрелецкое войско, вызвав и здесь определенную дифференциацию в его среде. Внутри этой группы складывался слой состоятельных людей, для которых торговля становилась главным занятием. В стрелецких челобитных начала 80-х гг. XVII в. упоминаются так называемые «спусковые деньги», которые состоятельные люди выплачивали коллегам, заменявшим их во время служб.

В этой ситуации власть предпринимала попытки организовать обучение стрельцов «солдатскому строю», но эти попытки столкнулись с сопротивлением и не привели к каким-либо результатам.

Для политики власти по отношению к стрелецкому войску стало характерным стремление уменьшить расходы на его содержание. Постепенно сокращался размер денежного и хлебного жалованья, и оно стало выплачиваться нерегулярно. Также стала распространяться (первоначально в южных районах) замена жалования на предоставление земельных на-

делов в 8-10 четвертей. По указам 1681–1682 гг. это было установлено как общая норма по отношению к городovým стрельцам. Реформы начала 80-х гг. XVII в. изменили и общий статус этой основы стрелецкой общности. После деления страны на 9 разрядов – военно-административных округов – городové стрельцы подчинялись не Стрелецкому приказу, а властям, стоявшим во главе разрядов. Перемены сопровождались записью многих городových стрельцов в солдаты, что сигнализировало о сближении статуса этих групп. Так, в указе 1681 г. предлагалось казаков и городových стрельцов «писать солдатами», и «служить им солдатскую службу». Традиционное положение сохранили только московские стрельцы, теперь только они находились в ведении Стрелецкого приказа, получив, тем самым, статус особой военно-полицейской силы в столице страны. Однако общее ухудшение социального положения стрельцов сказалось и на этой наиболее привилегированной части стрелецкой общности.

Стрелецкие челобитные 1680-1681 гг. содержали развернутые жалобы на полковников, которые не только присваивали себе часть жалования подчиненных, но и заставляли их работать в собственных хозяйствах. Как представляется, такие действия полковников оказались возможны в ситуации, когда служба стрельцов переставала быть необходимой, и, следовательно, с их интересами можно было не считаться. Действия полковников привели, как известно, к серьезным волнениям в среде московских стрельцов, недовольных тем положением, в котором они оказались. Эти волнения оказались наиболее ярким выражением кризиса в отношениях власти и стрелецкого войска в условиях, когда последнее утрачивало особый привилегированный статус, связанный со службой, в которой государственная власть теперь не нуждалась настолько, чтобы предоставлять стрельцам разные права.

Подводя итоги, следует отметить, что кризисные явления в отношениях власти и служебного населения, наметившиеся уже в середине XVII в., получили сильное развитие в последующие десятилетия.

С развитием городов, городской жизни и товарно-денежных отношений, служебное население все сильнее вовлекалось в торговую деятельность, оказываясь не заинтересованным в выполнении служб, даже несмотря на наличие особого статуса. Образовавшуюся при этом зажиточную верхушку власть вписывала в ряды привилегированного купечества.

Вместе с тем, с ростом в составе общества широких слоев специалистов разных профессий, у власти появилась возможность привлекать таких людей на работу, не предоставляя им какого-либо особого привилегированного статуса. Одновременно власть лишала особого статуса группы служебных, как это имело место в конце XVII в. с каменщиками-строителями. Материальный интерес людей, бравших на себя работу за определенный подряд, оказывался лучшей гарантией ее успешного выполнения, чем принудительная мобилизация на службу и привилегированный статус.

Правда, в области военного дела и во второй половине XVII в. наблюдается мобилизация населения для формирования общностей людей, занятых определенными занятиями, но в политике власти при этом явно проявляется тенденция ограничиться их материальным обеспечением, не предоставляя им каких-либо особых прав.

Можно отметить и происходящее ухудшение привилегированного статуса таких традиционных общностей служебного населения, как ямщики или стрелецкое войско.

Лекция 8. Структуры служебной организации в эпоху петровских преобразований

Несмотря на развитие к концу XVII в. целого ряда кризисных явлений (о чем уже была речь), многие структуры и общности, связанные с традициями служебной организации, продолжали функционировать. Какова же была их судьба в эпоху петровских преобразований?

На данном этапе изучения вопросов, связанных с историческими судьбами служебного населения и традиций служебной организации, можно рассмотреть метаморфозы некоторых из этих структур в петровскую эпоху, исследованных в научной литературе, и тем самым попытаться наметить пути к ответу на этот вопрос.

Одна из таких структур – стрелецкое войско. В эпоху петровских реформ оно прекратило свое существование. Конец XVII в., как известно, отмечен резким конфликтом его привилегированной части, московских стрельцов, с государственной властью.

Во время волнений начала 80-х гг. XVII в. московские стрельцы добились подтверждения своего традиционного статуса. При этом они выступили как особая сословная общность со своими возникшими в ходе выступлений органами самоуправления, которые и руководили выступлениями, и вели переговоры с властью. Все это вызвало враждебную реакцию власти, запретившей стрельцам собираться в «круги». Очевидно, что так организованная военная сила вызывала беспокойство.

90-е гг. XVII в. принесли ухудшение их особого привилегированного статуса, когда полки московских стрельцов приняли участие в Азовских походах, а затем в других военных службах за пределами Москвы. Длительное время они не могли встретиться со своими семьями и заняться хозяйством. Одновременно на них стал распространяться ряд работ, выполнявшихся ранее тяглым населением. Так, по указу 1695 г. московские стрельцы должны были вместе с горожанами и крестьянами выслать людей для участия в работах по строительству судов в Воронеже. Самих стрельцов, участников взятия Азова, мобилизовали на работы по восстановлению городских укреплений. Постоянная военная служба и ведение таких работ оказывались в явном противоречии с особым статусом столичных стрельцов.

Реакцией на перемены стало восстание во время заграничного путешествия Петра. Направленные из Азова на новую военную службу московские стрелецкие полки отстранили своих полковников и предприняли

поход на Москву. Они рассчитывали, что вернувшаяся на трон Софья вернет им их традиционный особый статус.

За поражением восстания, казнями бунтовщиков и конфискацией их имущества в сентябре 1698 г. последовал царский указ: «впредь стрельцов стрельцами не писать, а велеть их писать солдатами ... потому что на Москве и во всех городах стрелецкий чин отставлен, а вместо стрельцов велено быть солдатом». Сразу это распоряжение выполнить в полной мере не удалось, и на местах полки городских стрельцов сохранялись в течение ряда лет, но цели государственной политики в указе были сформулированы вполне определенно: ликвидация особой сословной общности, чина стрельцов, и их замена как воинской силы солдатами (с превращением и стрельцов в солдат). Так, по выражению Петра, «почали набирать прямое регулярное войско».

Чем же регулярное войско отличалось от стрелецкого?

О том, как формировалась регулярная армия, говорят царские указы 1699 г. На службу зачислялись «охотники» из различных групп: казаков, стрельцов, вольных людей и даточные люди, набранные по определенной норме с определенного количества дворов. Добровольцам было обещано жалованье – 11 руб. в год, хлебные и кормовые запасы. Новизна регулярной армии состояла в том, что и добровольцы, и мобилизованные должны были постоянно нести военную службу (с 1705 г. – пожизненно). Если стрельцы и члены солдатских полков второй половины XVII в. могли иметь также свои занятия и хозяйства, семьи и дворы, то по отношению к войскам регулярной армии это не предполагалось. Правда, еще в 1697 г. при наборе охотников в солдатские полки было обещано, что им «устроены будут дворы», но в указах 1698 г. об этом уже не говорилось. У солдата регулярной армии обрывались какие-либо связи с населением, и он всецело подчинялся власти поставленной над ним администрации. Никаких органов самоуправления не полагалось. От власти такой солдат мог ожидать только определенных размеров материального обеспечения. Разумеется, он освобождался от тягла, что и понятно при отсутствии хозяйства и имущества. Очевидна принципиальная разница между солдатом регулярной армии и стрельцом как членом особой социальной общности со своим особым статусом. Людям, несшим теперь постоянную военную службу, никаких особых прав не полагалось.

К концу XVII в. стало серьезно меняться отношение власти к привилегированному купечеству и его традиционному статусу. Свидетельства на этот счет содержат сообщения о создании в 90-х гг. XVII в. первого русского флота. В декабре 1696 г. было принято решение о формировании представителями разных слоев общества «кумпанств» для финансирования и организации строительства кораблей. Одно из «кумпанств» для изготовления 14 кораблей (позднее к ним добавили еще 6) должно было привлечь городское население. Гости должны были собрать соответствующие средства и заняться организацией строительства. Для этого была создана коллегия из 6 гостей (Корабельная палата). Таким образом, при-

вилегированное купечество и в самом конце XVII в. должно было выполнять важные для государственной власти службы. Гости при этом полагали, что, выполняя такие службы, они сами будут избавлены от участия в строительстве кораблей, но царь соответствующее челобитье отклонил. Возлагая на привилегированное купечество важные службы, власть теперь перестает считаться с его особым статусом, не старается традиционным путем заинтересовать эту группу в исполнении служб. Продолжается начавшаяся в середине XVII в. практика обложения гостей и сотен чрезвычайными налогами.

Для судеб особых структур в составе городского торгово-ремесленного населения особое значение имела городская реформа 1699 г. 30 января 1699 г. датирован указ Петра, адресованный населению Москвы: «гостям и гостиные сотни ... и дворцовых, и конюшенных, и иных всех черных сотен и слобод всем посадским, и купецким, и промышленным людям». Таким образом, указ касался одновременно и тяглого посадского населения, и тех групп городского населения, которые ранее были связаны с дворцовым хозяйством и обладали особым статусом, и привилегированного купечества. Указ предусматривал предоставление всей этой общности людей самоуправления, во главе которого стояли бурмистры, избираемые всеми слоями этой группы, «по сколько человек похотят». Бурмистры наделялись административно-судебной властью, и на них возлагалась ответственность за сбор налогов и пошлин с городского населения «с прибором». Уже в 1681 г. московскому купечеству поручался надзор за городскими сборами. Теперь эта линия получила продолжение со слиянием всего городского населения в единую общность. Если бурмистры «доходов по окладам не выберут или каких сборов чего не доберут, и то взять на всех людех, на всех, которые их, бурмистров, выберут, вдвое». За предоставление самоуправления эта общность городского населения должна была уплачивать окладные (прямые) налоги в двойном размере.

Фискальный смысл реформы очевиден, но для темы спецкурса важно, какими способами Петр и его советники рассчитывали добиться своей цели.

Отдельные части создаваемой общности – торгово-ремесленного населения Москвы – сохраняли свою особость, избирая членов из своей среды в состав коллегии бурмистров. (Позднее Петр разъяснял, что следует выбирать «из гостей, и из гостиной сотни, и изо всех сотен и слобод по человеку».) Но создание единого судебно-административного целого означало для привилегированного купечества и для групп служебного населения ликвидацию особых привилегий, выделявших их из среды остальных посадских жителей. Государственная власть теперь либо отказывается от служб отдельных групп этого населения, либо службы сохраняются, но без сохранения особого статуса.

Все городские жители объединяются в единую общность налогоплательщиков, имущество и деятельность которых государственная власть облагает налогами по полной программе – только исправная уплата по-

дате́й и сборов требуется теперь от всех частей торгово-ремесленного населения города. И именно это объединяет его в целостную общность. Ответственность за исправный сбор налогов и пошлин ложится на всю эту общность в целом без существенных различий между ее отдельными частями.

Разумеется, привилегированное купечество заняло верхний слой такой общности и распоряжалось в значительной мере органами самоуправления, но это не было связано с его особым положением и особыми службами, а после финансовых реформ петровской администрации имущество этого круга людей не обладало налоговыми привилегиями.

Конечно, богатое купечество играло важную роль в петровской политике. Богатые купцы и предприниматели неоднократно получали важные задания от власти и существенные привилегии для их исполнения, но это были люди разного положения, и их принадлежность к определенному чину не играла при этом никакой роли. В 1721 г. была проведена реформа деления городского населения на три гильдии, из которых о людях первой гильдии указывалось, что они от «другого подлого гражданства привилегиями и преимуществами суть отменны». Однако принадлежность к первой гильдии определялась только большим размером капитала ее членов: в нее входили «банкиры» и «знатные» купцы, которые «имеют большие торги». Формально прежние чины гостей и членов сотен и лица, к ним принадлежащие, продолжали как-то функционировать, но в 1728 г. был принят указ Сената, что «гостям и гостиной сотне во всех городех быть в подушном окладе и в службах с прочими посадскими наряду и верстаться между собой по богатству вообще, а не особо». Так привилегированное купечество полностью утрачивало свои особенности, сливаясь воедино со всей массой посадского населения. Правда, верхний слой этой общности получал дополнительные права, но единственным критерием при этом служило богатство. Существованию особой сословной группы, наделенной особыми функциями, был даже формально положен конец.

Следует затронуть вопрос, что же происходило со службами государству, которые в XVI–XVII вв. лежали на привилегированном купечестве. Поиски ответа на этот вопрос дают определенный материал о взаимоотношениях купечества и государственной власти в первой четверти XVIII в. Хотя положение гостей и членов гостиной сотни после городской реформы 1699 г. серьезно изменилось, вплоть до 20-х гг. XVIII в. таможенная служба, например, оставалась для них обязательной повинностью. Более того, сбор соответствующих доходов от кабацких и таможенных платежей возлагался на всей территории государства на Бурмистерскую палату. Таким образом, гости и члены гостиной сотни несли, как и ранее, лежавшие на них службы, не обладая при этом каким-либо особым статусом.

Такое положение просуществовало, однако, недолго. Уже в 1708 г. при учреждении губерний губернаторам было приказано «о денежных сборах присматриваться», и сборщики пошлин тем самым оказывались у них в подчинении.

Следующий важный шаг был сделан царским указом 1722 г., когда сборы «пошлинные, кабацкие, соляные» передавались отставным офицерам, унтер-офицерам, солдатам по назначениям Военной коллегии, им должны были подчиняться целовальники из среды посадских людей, «из раскольников и бородачей».

В XVI–XVII вв. для привилегированного купечества существовала особая сфера деятельности, функционирование которой давало основания для предоставления этой общности определенных прав. И эта автономия была определенно укреплена Новоторговым уставом 1667 г., где указывалось, что на Архангельской ярмарке всем должен ведать таможенный голова, гость, а «воеводам в таможенных торговых во всяких делах ни в чем не ведать». В XVIII в. положение, как видим, принципиально изменилось. Купечество благодаря действиям власти эту важную функцию утратило, и у государства больше не было оснований предоставлять данной общности людей особый привилегированный статус.

Значительную часть служебного населения образовывали ремесленники разных профессий, выполнявшие разные службы и за это получавшие особый статус. Распад этих общностей во многом был связан с тем, что людей таких профессий становилось много, они изготовляли изделия и нуждались в их сбыте, и власть могла добиться удовлетворения своих нужд на приемлемых для нее условиях, не предоставляя таким людям какого-либо особого статуса. Такова была судьба особого сообщества записных каменщиков (о чем уже была речь).

Имела значение и социальная дифференциация в этой среде, связанная с разделением на наемных работников и предпринимателей, выступивших теперь в качестве партнеров власти. О происходивших переменах позволяет судить грамота 1720 г. о передаче иноземцу Томасу мануфактуры по производству полотна. Такие предприятия приходят на смену мелким производителям, служебным ткачам, изготовлявшим полотно на нужды царского хозяйства. Томас должен был организовать для управления мануфактурой компанию с участием русских купцов, члены которой освобождались от разных тягот, в частности, от постоев, от юрисдикции местных властей, подчиняясь только Берг- и Коммерц-коллегии. Подобные привилегии получали в XVII в. ткачи, производители полотна. В XVIII в. такие привилегии получают стоящие во главе фабрики предприниматели, и это никак не влияет на положение наемных работников. Перед образовывавшейся мануфактурой ставились задачи, которые в XVII в. перед ткацким ремеслом не стояли: в грамоте 1720 г. речь шла о производстве определенных сортов полотна на экспорт.

Одной из важных задач при создании служебной организации была необходимость мобилизации людей нужных профессий для срочного решения стоявших перед властью задач. Успеху такой мобилизации должно было содействовать предоставление ее участникам особого правового статуса: чтобы его сохранить, производители являлись на службу.

В петровскую эпоху, когда перед властью возникали многие важные новые задачи, мобилизация ресурсов для их срочного решения становилась особенно настоятельной. Представляет интерес, к каким мерам теперь прибегала власть, чтобы достичь своей цели. Так, накануне Северной войны была проведена мобилизация каменщиков и кирпичников, охватившая разные слои общества. Призывали «ис посацких и архиерейских и монастырских всяких чинов людей, которые умеют каменное и кирпичное дело делать». Вместе с тем, как констатирует исследовавший эти материалы А.Н. Сперанский, мобилизация не сопровождалась предоставлением всем этим людям каких-то особых прав. Власть, очевидно, полагала, что может достичь цели, не делая им уступок.

Данные наблюдения следует сопоставить с действиями власти по созданию особой общности так называемых приписных крестьян, приписанных для работы на строящихся металлургических заводах, что должно было способствовать решению важной государственной задачи — снабжению армии вооружением.

Здесь налицо некоторые признаки служебной организации, такие как принудительная мобилизация для несения службы и наследственная прикреплённость к этой службе. Можно отметить также освобождение таких людей от главного государственного налога — подушной подати. Вместе с тем очевидно, что люди, работавшие на заводах, не получали какого-либо особого привилегированного статуса, который мог бы их заинтересовать в выполнении службы. Очевидно, что и в этом случае власть полагала, что нужная цель будет достигнута без уступок такого рода.

Сопоставляя между собой сведения о характере структур населения, создававшихся в петровскую эпоху, таких как солдаты регулярной армии или приписные крестьяне, следует отметить более высокую степень их подчинения власти.

Хорошо известно, что в петровскую эпоху существовала нужда в квалифицированных специалистах, которых стремились привлечь из-за границы, предоставив им самые благоприятные условия. Это явление, однако, не носило массового характера и не вело к образованию новых социальных общностей. Не исключено, что могли получать особые права отдельные группы населения, службы которых признавались особо необходимыми, но очерченные выше перемены определенно показывали, как теперь в XVIII в. власть добивалась выполнения всяких нужных ей служб.

Вместе с тем и по отношению к петровской эпохе можно отметить в определенных ситуациях использование традиций служебной организации.

Ярким примером может служить организация поселения плотников, занятых строительством судов на Охте около Петербурга в начале 20-х гг. XVIII в. Поселение заполнялось за счет принудительной мобилизации людей соответствующей специальности из разных регионов и городов. При этом проверялась способность мобилизованных к выполнению «судовой работы». Этот набор сопровождался прикреплением к службе. Как

видно из одной из сохранившихся инструкций, нельзя было отлучаться без разрешения начальства, а поселение на время можно было покидать «с надежными поручиками в том, что воротятся». Отведенные жителям дворян, как казенное имущество, можно было продавать только другим жителям слободы, занятым той же службой.

Это достаточно строгое, принудительное прикрепление к службе сочеталось с предоставлением переселенным на Охту плотникам особого привилегированного статуса.

Уже при поселении им давались «дома со всем готовым, но и земля под огороды распахана» (ее распахивали мобилизованные крестьяне), они получали также при приезде муку и деньги. Таким образом, с самого начала для плотников создавались благоприятные условия, которые позволили бы им успешно нести службу. Плотники подчинялись особому государственному учреждению – конторе Партикулярной верфи. Одновременно плотники освобождались от всех налогов и повинностей, их единственной обязанностью являлась работа на Адмиралтейство, когда она потребуется. В свободное от такой работы время «кормиться им плотничною своею работою». За работу в течение соответствующего времени устанавливалось жалование определенного размера.

Нетрудно видеть, что по всем основным показателям статус плотников на Охте ничем не отличался от статуса целого ряда групп служебного населения в Русском государстве XVII в.

Можно предположительно отметить и причины избрания властью такой линии поведения. Для планов создания русского флота требовались не просто плотники, а плотники, обладающие навыками строительства судов. Их труд был необходим, но таких мастеров было немного. Наборы таких мастеров на землях Русского Севера сталкивались с трудностями. В одном из петровских указов предписывалось «набрать плотников, сколько может найти со всего государства». Следовало мастеров мобилизовать, но одновременно предпринять усилия для того, чтобы заинтересовать их в выполнении такой службы. Этой цели служило предоставление мастерам особого привилегированного статуса. В самом общем виде можно ответить, что в этом особом случае проявилось действие тех общих факторов, которые в эпоху раннего Средневековья привели к самому возникновению служебной организации.

В лекциях спецкурса перед вами обрисована картина появления и путей эволюции важного исторического явления на большом хронологическом протяжении – явления «большой длительности».

Возникает вопрос о путях его дальнейшего исследования и изучения судеб служебного населения. Здесь, конечно, обращение к источникам XVII – начала XVIII вв. может в будущем существенно обогатить наши знания о статусе разных общностей служебного населения в Московском государстве XVII в. и их исторической судьбе. И это позволит серьезно пополнить и уточнить наши представления о характере этого важного исторического явления.

Вместе с тем, как представляется, необходимы для понимания причин столь долгого сохранения такой традиции на русской почве сравнительно-исторические исследования.

Одной из таких сфер является исследование сведений о служебном населении в Великом княжестве Литовском, где социальная организация населения первоначально серьезно не отличалась от русской. Материал источников второй половины XV – первой половины XVI в. содержит достаточно обильную информацию о положении отдельных общностей служебного населения в этом государстве. Материал этот был введен в научный оборот и систематизирован еще в конце XIX в. в труде М.К. Любавского «Областное деление и местное управление в Литовско-Русском государстве». Осмысление этого материала под данным углом зрения, как представляется, могло бы дать более полное представление о служебной организации в Восточной Европе в ту историческую эпоху, которая гораздо более слабо отразилась в русских источниках XV–XVI вв.

Еще более важно, что рассмотрение материалов источников о судьбах служебного населения в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI–XVII вв. в сопоставлении с русскими источниками позволило бы выяснить, каковы были особенности данного исторического явления на русской почве. Возможно, удалось бы выяснить, имела ли место в Великом княжестве Литовском та перестройка служебной организации, которая прослеживается по русским источникам второй половины XVI в.

Еще более важным представляется сопоставление русских свидетельств со свидетельствами о государственной практике европейских монархий позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Как показало исследование русских источников, целый ряд общностей служебного населения создавались для решения различных стоявших перед государственной властью задач. Представляется важным поискать ответ на вопрос, как, какими средствами решали европейские монархии аналогичные задачи. Тогда, вероятно, можно было бы получить ответ на вопрос, почему русская власть прибегла именно к таким, а не иным способам действий.

В лекциях была предпринята попытка показать, что Пушечный или Печатный двор не были раннекапиталистическими мануфактурами, но, как представляется, имело бы смысл попытаться выяснить, какие отношения существовали на государственных мануфактурах, создававшихся в ряде европейских стран для производства вооружения, и детально сопоставить порядки на них с порядками на Пушечном дворе.

Такие исследования могли бы дать объяснение причин целого ряда важных особенностей исторического развития России в эпоху Средневековья и раннего Нового времени.

Список сокращений

БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
НИОР БАН	Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки РАН
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1
ПСЗ-II	Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РАН	Российская академия наук
РГБ	Российская государственная библиотека
РНБ	Российская национальная библиотека
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
ТОДРЛ	Институт русской литературы. Труды отдела древнерусской литературы

Содержание

<i>Белоусов Л.С.</i> Наталия Вадимовна Козлова – Заслуженный профессор Московского университета	6

Исследования

<i>Бабич М.В.</i> Петр I и Екатерина I в отечественной исторической картине	13
<i>Гущина Д.В.</i> «Озорники» и «интересохищники»: мотивации купцов на службе в выборном городском управлении в России XVIII в.	27
<i>Захаров В.Н.</i> Динамика товарооборота внешней торговли России середины и второй половины XVIII в.	38
<i>Кирпичников И.А.</i> Новая книга о престолонаследии в России раннего Нового времени. Рец. на: Bushkovich P. Succession to the Throne in Early Modern Russia: The Transfer of Power 1450–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2021	53
<i>Кулакова И.П.</i> Путешествия россиян по России XVIII века: «собира-ние» империи, нации, себя	62
<i>Лаушкин А.В.</i> «Людемъ всем отчаявшимся своего житъя»: эсхатоло-гические страхи на Руси в последние предмонгольские десятилетия... ..	80
<i>Масленникова И.А.</i> Церковь Рождества Богородицы Большого Крем-левского дворца: древнейший храм Москвы в контексте отношения к историческому наследию	95
<i>Матасова Т.А.</i> Иоанн Экзарх, Петр Великий и М.В. Ломоносов: таинственная встреча на берегу Белого моря.....	104
<i>Николаева М.В.</i> Резного дела мастера по кости Оружейной палаты «польского выезда» 1660 года.....	114
<i>Петрухинцев Н.Н.</i> Финансы Великого посольства: общая структура, цели и масштабы финансирования	132
<i>Тарасов А.Е.</i> Церковное строительство и городские предания Нового времени	140
<i>Ткаченко В.В.</i> Герои Смутного времени в русской исторической па-мяти XVIII – начала XIX вв.	157
<i>Ульянова Г.Н.</i> Торговля мясом в Москве в первой половине XIX века: доставка, продажа, цены	168
<i>Черкасова М.С.</i> К предыстории завещаний торговых людей: духов-ная Феодосия Суморина 1567/68 г.....	187
<i>Шамин С.М.</i> Интеллектуалы-предприниматели первой трети XVIII столетия о смертной казни в России: «Книга устав христианского жи-тия» С.И. Дугина и «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова ..	196

<i>Шемякина О.Д.</i> Миграция и бегство крестьян в контексте мобильного поворота в антропологии и «связанной» истории. К постановке проблемы	206
<i>Юркин И.Н.</i> «Лил де крест чюгунной Семен Иванов и зжог медной крест» (Старообрядческий след в технологическом эксперименте на демидовском заводе)	215

Публикации источников

<i>Голубинский А.А., Черненко Д.А.</i> Описание Москвы конца XVIII века землемера Ф. Охтинского	233
<i>Козлов С.А.</i> 1799 год: великая миссия А.В. Суворова в Европе в переписке отца и сына Болотовых	266

Лекционные курсы и материалы к ним

<i>Хитров Д.А.</i> Писцовые книги XVII века. Материалы для лекционного курса «Источниковедение проблем истории России до начала XIX века»	283
<i>Флоря Б.Н.</i> Служебная организация и ее традиции в историческом развитии России	297
Список сокращений	367

Научное издание

Города и люди старой России

К юбилею профессора Н.В. Козловой

Сборник научных статей

Труды исторического факультета МГУ: Выпуск 325

Серия II. Исторические исследования: 163

Оформление – И.П. Кулакова

Составитель – Д.А. Хитров

Редактор – Д.В. Гущина

Макет – Л.П. Горюшкина

В оформлении обложки использована гравюра Ж. Делабара
«Вид Яузского моста и дома Шапкина в Москве» (1797 г.)